Ю.А. Лабынцев
Л.Л. Щавинская

Народная литература белорусско-русско-украинского пограничья

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

Ю.А. Лабынцев
Л.Л. Щавинская

Народная литература белорусско-русско-украинского пограничья

Москва 2009

Ответственный редактор:
доктор филологических наук Н.М. Куренная

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор И.И. Калиганов
кандидат исторических наук О.В. Кириченко

Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Народная литература белорусско-русско-украинского пограничья. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – 320 с.

Публикуемое исследование авторы рассматривают как своеобразное введение в огромный непознанный мир современных народных литератур восточных славян. При написании книги мы ограничили изучаемый регион Восточным Полесьем – уникальным пограничьем трех народов и государств: Белоруссии, России и Украины. Это пограничье – пространство активного тысячелетнего взаимодействия восточнославянских народов, во многом единое по своим основным характеристикам, в том числе и в сфере местных народных литератур, составляющих здесь единое целое.

В оформлении обложки использован рисунок орнамента рушника, вытканного народным мастером с белорусско-русско-украинского пограничья.

ISBN 978–5–7576–0228–8

Содержание

Список иллюстраций

Основные районы экспедиций авторов
на белорусско-русско-украинском пограничье

Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (Проект № 5.20)

Эта книга задумывалась авторами как некое введение в огромный и пока неизученный мир современных народных литератур восточных славян. Литератур, имеющих свою традицию, своего многомиллионного читателя, особые механизмы формирования и системы распространения, большой авторский и трансляционный потенциал, но, увы, даже в общих своих очертаниях филологической науке почти неизвестных…

Первое знакомство с произведениями такой литературы произошло у нас совершенно неосознанно в раннем детстве полстолетия назад (в Москве и Подмосковье). Многочисленные поездки и экспедиции в разные страны в дальнейшем необычайно обогатили имевшиеся до того наблюдения и способствовали уже целенаправленному поиску собственно в восточнославянской среде и, отчасти, у окружающих восточных славян народов, прежде всего польского и литовского. Оказалось также, что народные литературы весьма успешно развиваются сейчас и в целом ряде государств вдали от Европы, например, в Бразилии, унаследовавшей многие черты европейской модели этого давнего социального института.

После многих лет наблюдений и поисков мы можем сказать, что этот литературный мир всегда оказывался под воздействием социальных изменений и вместе с тем сохранял свою традиционную основу, вбирая лучшее из произведений прежних времен, начиная с самых древних. За истекшие годы неузнаваемо преобразились многие его составляющие, главным образом коммуникативно-трансляционные. Всему этому мы были прямыми свидетелями как и очевидцами трансформации всех без исключения общественных групп, связанных с бытованием народных ли-

тератур. Сами они, прирастая количественно, обогатились множеством новых произведений, точная детальная классификация которых, как, впрочем, и всего их массива, весьма затруднительна да, пожалуй, и невозможна. При написании книги мы ограничили исследуемый регион Восточным Полесьем – уникальным пограничьем трех народов и государств: Белоруссии, России и Украины, уроженцем которого является один из нас. Это пограничье – пространство активного многовекового взаимодействия восточнославянских народных культур и литератур – белорусской, русской, украинской, во многом единое по своим основным параметрам и характеристикам. Весь материал, приводимый в книге, был собран авторами в последние годы именно здесь: в Гомельской области Белоруссии, Брянской области России и Черниговской области Украины – на землях, ставших центральной частью территорий ареала Чернобыльской техногенной катастрофы.

Невидимая видимая литература

«Чего там на Руси не поется
у людишек простых да бездольных
на просторах пустых да раздольных»

С.С. Аверинцев («Стих о стихах духовных,
или прение о Руси»)

О «рукописной литературе простого народа» в России исследователи в полный голос заговорили в середине XIX столетия [1]. Тогда же вопрос о ней вошел в «Программу для собирания образцов народного языка и словесности» И.И. Срезневского, призывавшего собирать «образцы местной словесности письменной» [2]. Во второй половине XIX в. в ученом сообществе России сам термин «народная литература» получил все права гражданства. Правда, почти одновременно народную литературу самого народа стали как бы «объединять» в единое целое с литературой «для простого народа», которая специально создавалась представителями более образованных слоев населения. Необходимо заметить, что подобное наблюдалось не только в России, но и в других странах, в том числе еще ранее в западноевропейских.

В значительной степени вплоть до первой трети XX в. Россия, а затем и СССР в развитии и исследовании народной литературы шли классическим путем остальных стран Европы. К исходу XIX столетия у нас сформировалось в основном такое понимание народной литературы, изученной в целом весьма поверхностно: «Народная литература распадается на: 1) произведения, издавна обращающиеся в низших слоях населения и в значительнейшей своей части представляющие собою переживание, т. е. принадлежащие к таким видам литературного творчества, которые по сво-

ему содержанию (письмовники, оракулы, сонники) или по своей форме (рыцарский роман, превратившийся в сказку) устарели для более интеллигентных кругов (Н. [ародная – *Ю.А.Л., Л.Л. Щ.*] литература в тесном смысле, лубочная литература, Volksbücher, libres populaires); 2) на произведения, специально составленные или изданные для народного чтения с целями просветительными (популярно-народная литература)» [3].

Совершенно очевидно, что в этом определении отображена лишь малая часть собственно народной литературы, которая в связи с широким распространением грамотности стала интенсивно развиваться. Важно понимать, что в народном сознании тогда сугубо развлекательное чтение никакой особой ценности не представляло, о чем сохранилось большое число самых разных свидетельств и что послужило отправной точкой в выработке критериев при создании в России целой писательско-издательской индустрии «полезной для народа книги», во главе которой встало множество виднейших русских деятелей от князя В.Ф. Одоевского и графа Л.Н. Толстого до Н.А. Рубакина. Большое число из этих, по терминологии Д.И. Писарева, «воспитателей народа» [4], правда, явно не достигло желаемой цели. Как становится сейчас все более очевидным, народ, обладавший в своей массе, почти исключительно тогда крестьянской, многовековой самодостаточной культурой, роль воспитанника не принял, хотя и использовал в дальнейшем кое-что из предложенного ему «воспитателями».

В начале XX в. группа видных российских ученых издала обобщающий труд «Народная словесность» [5], в которой была сделана попытка рассмотреть и некоторую, весьма малую, часть собственно народной письменной литературы. Это интегральное исследование стало определенным итогом литературоведческого знания всей восточнославянской народной литературы, изученной к тому времени весьма фрагментарно. В нем не нашлось места даже всему тому, что уже вошло в научный обиход тогдашних религиоведов и этнологов, активно собиравших памятники народной письменной словесности, прежде всего религиозного свойства. Насколько были ценны, необычны и неизвестны эти рукописные материалы свидетельствует В.Д. Бонч-Бруевич, показавший их

В.И. Ленину. «Вот удивительное дело, - сказал В.И. Ленин после знакомства с этими рукописями, - наши ученые ... возятся над каждой философской брошюркой, никчемной статейкой, написанной каким-нибудь горе-интеллигентом, вдруг почувствовавшим философский зуд, а вот здесь подлинно народное творчество, и его игнорируют, его никто не знает, им никто не интересуется и о нем ничего не пишут... Неужели не найдется охотника среди марксистов-философов все это рассмотреть и обо всем этом написать связное исследование? Это обязательно нужно сделать. Ведь это многовековое творчество масс отображает их миросозерцание в различные эпохи» [6].

Увы, этот завет так и не удалось исполнить. В 1925 г. в своем итоговом обзоре, посвященном разработке проблемы, известный филолог Ю.М. Соколов, который, как считал М.К. Азадовский, действовал именно «с позиций марксистского метода» [7], смог дать лишь самую общую характеристику русской народной литературы [8]. Ю.М. Соколов писал: «Народная литература – термин, употребляющийся в двух смыслах: 1) как литература народа и 2) как литература для народа. Понимаемая в первом смысле, народная литература заключает в себе и то, что создано самим народом, и то, что, не будучи народным созданием, вошло в народное употребление. Понимаемая во втором смысле, народная литература охватывает и то, что вошло в народный обиход, и то, что было для народа предназначено, но, по тем или другим причинам, в народе не привилось» [9]. Примечательны в этом обзоре заключительные констатации Ю.М. Соколова: «Революция 1905 года значительно обогатила народную литературу брошюрами и периодическими изданиями политического характера. Но в промежутке между двумя революциями она запружена была бульварными произведениями. Большую популярность получили авантюрные рассказы типа "Шерлок Холмс", "Нат Пинкертон", "Ник Картер", частью переводные, а большею частью создаваемые вновь по выработавшемуся литературному трафарету. Революция 1917 года опять наводнила народную литературу политической брошюрой; из "беллетристики" популярность приобрели обличительные рассказы из придворной жизни недавнего времени, в осо-

бенности романтические истории Григория Распутина. С укреплением советской власти, в громадных размерах была брошена в народ агитационная литература. С волною чисто-политических произведений проникли в народную среду и книги публицистической беллетристики. В колоссальном количестве экземпляров разошлись сатирико-юмористические сочинения (басни, сказки, поэмы) коммунистического поэта Демьяна Бедного. Большую роль сыграл также политический плакат, нередко соединявший картину и литературный текст. В настоящее время Госиздат озабочен организацией широкой деятельности по созданию новых образцов народной литературы. При быстром, стихийном распространении элементарной грамотности, но вместе с тем – ростом полуграмотных читателей, нужда в народной литературе будет все более обостряться. Многие писатели принуждены будут требованиями самой жизни обратить свои силы на создание литературы, отвечающей новым запросам проснувшихся деревенских и городских масс» [10].

По прошествии нескольких лет в самый разгар коллективизации, Ю.М. Соколов назовет русскую лубочную литературу «макулатурой» [11] и станет писать о понятии «народная литература» как о термине, что «употреблялся в прежние времена», «в конце XVIII в. и в XIX в. в буржуазной науке и в буржуазном обиходе» [12]. По его мнению, народная литература «в старом смысле слова в наше время невозможна в СССР» [13]. Стоит ли говорить, что столь радикальное изменение взглядов ученого, знакомого с действительным положением дел, было неслучайным. Политические реалии диктовали неизбежность выбора, который и сделал Ю.М. Соколов, ставший одним из лидеров советской филологической науки.

С этого момента из арсенала советского литературоведения именование «народная литература» исчезает навсегда, что в действительности не отменяет ее саму, оказавшуюся в своей важнейшей части («литературы народа») под усиленной политической опекой. В то же время и вторая ее часть («литература для народа») оказывается в центре самого пристального внимания советского политического руководства и официальной науки. Определенные,

весьма значительные суммарно, извлечения из этих двух частей в качестве единого слагаемого постепенно уходят в подполье, формируя программу народного самиздата.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в филологической науке начинают доминировать методы «ученых-марксистов», возникает дискуссия о русской «крестьянской литературе» разных эпох, о «передовом крестьянстве», о «деревенско-буржуазной литературе», о «середняцкой литературе» и, наконец, о «кулацкой литературе» в лице С.А. Есенина, Н.А. Клюева и С.А. Клычкова и других, с которыми, как известно, повели борьбу вплоть до их физического уничтожения [14]. Эпопея с «крестьянской литературой», подкрепленная созданием особого Союза крестьянских писателей, преобразованного во Всероссийское общество крестьянских писателей (ВОКП) [15], закончилась плачевно, что еще ждет по возможности беспристрастных исследователей, способных более или менее объективно разобраться в обстановке тех лет. Тогда устами ведущих авторов и руководства «Литературной энциклопедии» было провозглашено «одной из боевых задач современной критики... разоблачение» кулацкой литературы «и сигнализирование кулацких черт у шатких по своей идеологии крестьянских писателей» [16]. Писателей таких было великое множество, да и сама «крестьянская литература», выделявшаяся в особую издательскую категорию, превышала, например, в продукции Госиздата к 1930 г. число «литературно-художественных изданий» в два с половиной раза, суммарно составляя более 62 миллионов экземпляров книг [17].

К публичному научному разговору о собственно крестьянской литературе в СССР стали возвращаться лишь три-четыре десятилетия спустя. Касался он первоначально преимущественно старообрядчества, «памятников старообрядческой литературы», едва ли не самым известным собирателем которых стал В.И. Малышев [18], а позднее академик Н.Н. Покровский с его мощной археографической школой, открывших, по словам Д.С. Лихачева, «целую сибирскую крестьянскую литературу» [19]. Наше достаточно масштабное знакомство со старообрядческой печатной книжностью заставило поднять вопрос о ее несомненной

ценности, необходимости собирания и изучения, включая издания XX в. [20]. Впрочем, специально старообрядческая литература XX столетия стала изучаться литературоведами лишь в самое последнее время. В этой связи хочется привести слова Н.Н. Покровского, дающие представление о важности и трудности начатого дела: «Многие сочинения староверов XX в. суть явления художественной литературы в неменьшей мере, чем знаменитые толкования Аввакума на Евангелие. Они вполне достойны изучения специалистами-филологами, которые с должным пиететом относятся к устному народному творчеству (даже в современных записях), но подчас не нисходят до письменного народного творчества. Быть может, живое общение с крестьянскими богословами, быть может, хорошее знание многовековой глубины этой традиции способствуют тому, что новосибирские археографы не заражены этой болезнью и стараются изучать догматические тексты староверов и как литературный факт со своими поэтикой, творческими приемами, системой художественных образов, языком» [21].

Обострившийся в СССР в послевоенные годы в профессиональной литературе и критике разговор о писателях-«деревенщиках» практически не коснулся их несомненных глубинных связей с собственно народной литературой, фактически загнанной тогда в подполье. В дальнейшем подобная полемика возникает не раз и уже в наши дни приводит к оживленным обсуждениям, в том числе и с постановкой вопроса о «народной литературе», понимаемой, правда, только в уже известном нам смысле «литература для народа». В данном случае весьма показательна Интернет-конференция, проведенная «Литературной газетой» в 2003 г., в которой участвовали известные писатели, критики и ученые разных возрастов. Говорили о «литературе модной, массовой, народной». Все эти понятия подверглись анализу, было высказано множество суждений, причем в центре внимания оказалось определение «народная литература», получившее весьма разностороннее толкование, но реально не связанное с «литературой народа» [22]. Важно отметить, что тогда было высказано немало острых выстраданных суждений о нынешнем положении ве-

щей в культуре и литературе. Вот одной из них, принадлежащее писателю Игорю Малышеву: «Народное – золотой песок культуры, намытый народом за время своего существования. Народную культуру невозможно создать искусственно. Именно она и становится тем, что объединяет совершенно разных людей в единое сообщество. Дает максимальное представление о душе народа, его устремлениях и желаниях. Большинство проявлений народной культуры России имеет сельские корни, так как до двадцатого века Россия была страной преимущественно крестьянской. Да и вообще народная культура крайне плохо уживается с городским бытом. Плоды городов дешевы и легковесны, а народности всегда присуща тяга к глубинам жизни. В нашем мире шанс выжить имеют только те национальные культуры, которые остаются за бортом ”золотого миллиарда” (куда входят Европа, Сев. Америка, Австралия) и глобализации. Только там, где люди не будут находиться под прессом масскультуры, где религия не будет сдавать свои позиции, у ”народного” есть пространство для жизни и развития» [23].

Среди ученых-гуманитариев постепенно, в основном с начала 1990-х гг., развивается интерес к одной из обширных областей народной словесности – духовному стиху, автоматически предопределяющий постановку вопроса о богатстве русской религиозной народной поэзии, сохранившейся до сего дня и жестокие споры о «бесписьменной» или «неписьменной» и «письменной» культурах. Последние особенно остро затронули нашу фольклористику, дающую весьма разнородные предложения, свидетельствующие о видимом кризисе самой этой дисциплины в целом [24], углубляющимся из-за взрывных изменений мирового культурного пространства, прежде всего в коммуникативной сфере. Определяющий классический признак фольклора – устность получает все чаще особое смысловое наполнение, скорее внедряющее его в сферу «письменной» культуры и киберкультуры. Вместе с тем, и у нас и за рубежом появляется множество определений этой новой реальности, когда одни и те же произведения становятся объектом внимания ученых разных специальностей, относящих их или к литературе или к фольклору. Пограничный при-

мер тому, так называемый «девичий рукописный рассказ» - «ранее неизвестный вид словесности», одновременно относимый к «письменному жанру современного городского фольклора» и «наивной литературе» [25].

Подобный «хаос понятий», порой тотальное смешение, казалось бы, устоявшихся дефиниций и взглядов – неизбежные реалии наших дней, которые едва ли удастся устранить, тем более исходя лишь из интересов конкретных научных дисциплин, диспонируя при этом достаточно ограниченным количеством текстов, особенно, если вести речь о современной народной культуре. Наши западные коллеги давно справедливо подметили странную беспомощность советской и мировой науки обстоятельно разобраться в духовном мире, вере и мыслях русского дореволюционного крестьянства, во многом остающуюся до сих пор [26]. Еще более это относится к крестьянству советскому и современному, когда, по словам ведущих российских этнологов, сотрудников Института этнологии и антропологии РАН, «было написано много ложного о народной жизни» [27]. Одна из причин тому недостаточная научная источниковая база, в которой, если речь вести о современной народной литературе, отсутствуют хотя бы единичные примеры, отображающие даже основные ее пласты. Справедливость данного утверждения нетрудно проверить, полистав, к примеру, зачитанные подшивки «Вестника ЗОЖ» - быстро завоевавшего популярность трехмиллионного периодического издания, ставшего с 1992 г. и своеобразной народной издательской программой, привлекшей неисчислимое множество русскоязычных авторов разных возрастов из России, стран Европы, Азии и Америки, пишущих стихи и прозу, живущих в сельской местности и городах. Ряд произведений, напечатанных в «ЗОЖ», едва ли многим уступают признанным профессиональным образцам. При этом их авторов, не рассчитывающих на финансовое вознаграждение, интересует прежде всего понимание и сопереживание другими людьми. Вот одна из таких публикаций - стихотворение жительницы костромской глубинки Л.А. Машировой «Милая моя родина!»:

«Родина! Тихая, милая!
Кисти рябин, соловьи…
Помню всегда, не забыла я
Дивные чары твои.
Как же светлы и торжественны
Свечи осенних берез!
Как драгоценны, божественны
Бусы серебряных рос.
Видятся ивушки ломкие,
Речки стремительный бег,
С легкой струистой поземкою
Белый игольчатый снег.
Родина! Скромная, милая!
Дороги чары твои.
Ты – словно песня красивая
О негасимой любви» [28].

Перекличка с замечательной поэзией Сергея Есенина и Николая Рубцова здесь очевидна, как очевидно и то, что их творчество и стихи Л.А. Машировой части единой русской литературной традиции.

1. См.: Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 2. С. 49-55.
2. *[Срезневский И.И.]* Программа для собирания образцов народного языка и словесности [СПб., 1852].
   «Программа» тогда же была перепечатана многими периодическими изданиями России, преимущественно губернскими.
3. *А. Я.* Народная литература // Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 20. С. 572.
4. См., напр.: *Писарев Д.И.* Соч. в 4-х тт. М., 1955. Т. 1. С. 56-57.
5. См.: История русской литературы. Т. 1. Народная словесность. М., 1908.

6. *Бонч-Бруевич В.Д* В.И. Ленин об устном народном творчестве // Сов. этнография. 1954. № 4. С. 119-120.
7. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М., 1958. [Т. 1]. С. 24.
8. См.: *Соколов Ю.* Народная литература // Словарь литературных терминов. М. - Л., 1925. Т. 1. Стб. 474 - 485.
9. Там же. Стб. 474.
10. Там же. Стб. 484-485.
11. См.: *Соколов Ю.* Лубочная литература (русская) // Литературная энциклопедия. М., 1932. Т. 6. Стб. 605.
12. *Соколов Ю.* Народная литература // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 7. Стб. 592-593.
13. Там же. Стб. 606.
14. Подробнее см., напр.: *Ревякин А.* Крестьянская литература. М., 1931; *Бескин О.* Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. М., 1931.
15. См., напр.: Пути развития крестьянской литературы. М. - Л., 1930.
16. *Бескин О.* Кулацкая литература // Литературная энциклопедия. М., 1931. Т. 5. Стб. 715.
17. Подробнее см., напр.: *Шомракова И.А.* К пятидесятилетию Госиздата // Книга: Исслед. и материалы. М., 1969. Сб. 19. С. 5 - 19; Издательское дело в СССР (1923-1931): Сб. документов и материалов. М., 1978; *Юдин А.В.* Учебно-педагогическое книгоиздание в 20-е - 30-е годы XX столетия. М., 1999. Приложения. Таблица 4.
18. См., напр., одно из его первых фундаментальных исследований на эту тему: *Малышев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI – XX вв. Сыктывкар, 1960.
19. *Лихачев Д.С.* Археологическое открытие Сибири // Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 7.
20. См., напр.: *Лабынцев Ю.А.* Памятники древнерусской письменности в изданиях старообрядческих типографий XVIII - XX вв. // Книга: Исслед. и материалы. М., 1979. Сб. 39. С. 173-178.
21. *Покровский Н.Н.* Крестьянские богословы России (XVII - XX вв.) // Вестник РГНФ. 2005. № 4. С. 14.
22. См. материал о конференции, подготовленной П. Басинским: Лит. газета. 2003. № 40.
23. Там же.
24. См., напр., материалы Всероссийской научной конференции «Современная российская фольклористика: классическое наследие и XXI в.» и первого Всероссийского конгресса фольклористов: Первый Всерос-

сийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. М., 2005-2006. Т. 1 - 2.

25. См., напр.: Рукописный девичий рассказ. М., 2002.
26. См.,, напр.: *Pipes R.* The Russian Revolution: 1899 - 1919. London, 1990. P. 109.
27. Православие в народной жизни: Программа сбора полевого этнографического материала. М., 2000. С. 3.
28. Вестник ЗОЖ. 2006. № 19. С. 38.

Территория

«Ох, Русской земли человеки,
невегласы вы, недоуки:
крещеньем-то вас крестили,
а ученьем не просветили;
в вас и самая вера бессловесна,
бессловесна да беспонятна!
Ох, Русской земли человеки,
не попы вас учили, а калики…»

*С.С. Аверинцев («Стих о стихах духовных,
или прение о Руси»)*

Белорусско-русско-украинское пограничье, сходящееся в водоразделе рек Днепра и Двины, правильнее, наверное, было бы называть межграничьем, особенно, если учитывать при этом современные социо-политические реалии. Пограничье это охватывает крайний юго-восток Белоруссии, центральную часть крайнего запада коренной России и крайний северо-восток Украины. В течение своей тысячелетней истории эти восточнославянские земли входили в разные государственные и административные образования, что определило многие особенности в жизни местного населения. «Человек пограничья», а тем более «человек межграничья» живет на территориях, где наличествует особая этнокультурная и этно-языковая ситуация и порой очень трудно уверенно говорить о национальной идентификации. Сошлемся на пример, связанный с бывшим президентом Украины Л.Д. Кучмой, уроженцем этих мест, которого трудно заподозрить в незнании или необъективности. Дадим ему пространное слово: «Мои родные места можно назвать краем, где сходятся славяне, у стыка границ Украины, Рос-

сии и Белоруссии. Еще в детстве, не вполне осознанно, но во мне засел вопрос: что, собственно, разделяют эти границы? Ни с какими природными рубежами они не совпадали. Никакой разницы между селом Костобоброво (ударение на третий слог) на украинской стороне и селом Азаровка на русской стороне не было. Вообще-то разница была. Азаровка очень симпатично разместилась на берегу речушки Ревна, но эта Ревна тут же прекрасно втекала "к нам", и на ней столь же симпатично располагались "наши" Леоновка и Архиповка. И знаменитые Брянские леса начинались у нас, тянулись в сторону Десны и уходили к северо-востоку, не считаясь ни с какими границами.

В юные года мне порой казалось, что эти границы – пустая условность, игры взрослых людей. В зрелом возрасте я узнал много такого, чего не мог знать на заре жизни, и под впечатлением этих новых знаний порой начинал думать, что Украина и Россия – это, по сути, совершенно чуждые миры, два культурно-исторических материка, которые, сколько их не сближай, остаются иррациональными друг другу, как диагональ квадрата иррациональна его стороне.

Сейчас я далек от обеих крайностей.

Нашу местность, север Черниговской области, относят к Полесью. Даже для образованных людей типично незнание того факта, что Полесье – это не только Украина и Белоруссия. Во-первых, Полесье имеет свое продолжение на запад, в Польшу. Во-вторых, оно не заканчивается Черниговщиной, а уходит в Россию. Там оно называется Брянско-Жиздринским Полесьем. А поскольку наш Новгород-Северский район – это стык всего на свете, то почему бы Брянским лесам не начинаться в Украине? Мне даже кажется, что поговорка "дешевле грибов" родилась в наших краях – так их много было, этих грибов. Набрать большую корзину белых ничего не стоило. Если встанешь затемно, придешь на опушку едва начинает светать – места же все известные, свои – и пробежишься по ней первым, то через час корзина полная, можно нести домой или сдать на заготовительный пункт, получить какую-то копейку...

В сентябре 1952 года из села Чайкино, где я закончил семилетку, я стал ходить за девять километров в Костобоброво, где бы-

ла десятилетка... На краю Костобоброва был овраг, а за оврагом – уже Россия и стояла крошечная деревенька Липица, скорее хутор, несколько домов. И до Белоруссии, а точнее, до того места, где сходятся границы Белоруссии, Украины и России и стоит Курган Дружбы, от нас было тоже не слишком далеко, километров девяносто.

У нас говорили на смешанном украинско-белорусско-русском языке. Причем, на некотором расстоянии от нас к югу и к юго-западу, в направлении Чернигова и Конотопа, начинался уже несомненный украинский язык. Восточное Полесье всегда было историческим стыком. Здесь чересполосно жили и живут украинцы, белорусы, русские староверы и просто русские» [1].

И еще одна обширная цитата, вобравшая важнейшие исторические и бытовые характеристики пограничья, сделанные экс-президентом Украины: «Я уже говорил, что за оврагом на краю Костобоброва начиналась Россия. На карте видно, как она здесь большим выступом, почти прямоугольным, довольно сильно вдается на запад. Этот выступ – Стародубщина, она вплоть до 1919 года входила в Черниговскую губернию. Во времена Богдана Хмельницкого здесь была территория Стародубского казацкого полка, то есть законная часть "Малороссии" (а Новгород-Северский был всего лишь сотенным городом Стародубского полка!). Более того, начиная со второй половины XVII века город Стародуб стал едва ли не самым большим рынком для украинских товаров. На две большие ежегодные ярмарки товары привозились также из Москвы, Риги, Петербурга и Астрахани. Стародубское купечество славилось своим богатством. Как же получилось, что такой город сегодня не в Украине? С конца 1650-х в Стародубские леса стали бежать из России старообрядцы и селиться здесь на рубеже Речи Посполитой. В 1708-1709 годах старообрядцы, до того преследуемые русским правительством, по собственному почину сражались со шведами (попросту говоря, партизанили), взяли много пленных и привели их к Петру I в Стародуб. За это им пожаловали все земли, на которых они успели расселиться. С того времени приток староверов в эти края усилился. Постепенно один из двух составлявших Стародубщину уездов, Новозыбковский, стал

практически великорусским, а во втором, Стародубском, жил всякий народ. Причем, когда в 20-е годы стали разбираться с этнической картиной, выяснилось, что на границе с Украиной жили сплошь русские (все те же старообрядцы), а украинцы жили как бы “позади” них. По-видимому, разумно выкроить границы в этом восточнославянском Вавилоне оказалось невозможно. Или кто-то не захотел.

Поскольку наше местность прямо примыкает к Стародубщине, думаю, я вправе иметь свое мнение о том, кто ее населяет. Это, в основном, потомки северян и радимичей, которые в одних исторических обстоятельствах могли отнести себя к украинцам, в других – к белорусам, в третьих – к русским. То, что по переписи 1897 года 94 процента населения Новозыбковского уезда назвали себя великороссами, говорит лишь о том, что большинству жителей уезда передалось самосознание более активных (как все староверы) великорусских переселенцев.

Я говорю об этом достаточно уверенно, потому что хорошо помню, как в моем отрочестве и в моей юности у меня, как и у моих сверстников, не было понятия о том, кто мы: украинцы, белорусы или русские.

Стародубские казаки Хмельницкого и их потомки были не менее активными людьми. Но в 1897 году в Стародубском уезде “казаков, владеющих землею наследственно на праве частной собственности”, было чуть больше 20 процентов. К тому же самосознанием они отличались сословным, казацким, а не национальным. Тот своеобразный язык, который здесь господствовал – неважно, смесь это или самостоятельное наречие, - свидетельствовал достаточно ясно: здешнее население пребывало в уникальной равной приближенности ко всем трем восточнославянским народам.

Относительно языка приведу один пример, чтобы было понятнее. Некая Стародубская поэтесса переводила басни Крылова на местный язык. Если кто помнит басню “Василек”, в ней василек взывает к солнцу, а жук смеется над ним: дескать, у солнца только и хлопот, что смотреть, вянет он (василек) или цветет. Это место сельская поэтесса передала таким двустишьем:

Як жа! Клопать соньцу на яго глядзець:

Ци он жив астанецца, ци яму капець!

Было много своих слов – ни украинских, ни русских, ни белорусских. Например, черемуху называли не "черемха", не "черемшина", а "калакалуша".

До революции носителей этого наречия причисляли все же к белорусам. Однако наши этнографы на основании множества признаков быта, обычаев и материальной культуры уверенно относят их к украинцам.

В нашем Чайкине и сейчас говорят на языке, который я ненаучно (и для себя) зову русско-украинско-белорусским. Помоему, он чуть-чуть другой, чем на Стародубщине. В любом случае, это нормальный язык общения, никто не считает его каким-то ущербным» [2].

А вот новейшие выводы совместного коллектива белорусских и российских этнологов, работавших над исследованием «Белорусско-русское пограничье: региональная культура и проблемы этнической идентификации»: «Отчетливо выраженную специфику имеют языковые процессы: более сильная ориентация в сравнении в другими регионами Белорусси на русский язык, наличие переходных говоров, совмещающих как черты белорусского, так и русского языков ("смешанный язык"). Диалектный ("смешанный") язык сохраняется преимущественно среди сельского населения. В связи с интенсивными процессами урбанизации и интернационализации происходит разрушение территориальной однородности говоров и их диалектных границ. Переходные говоры постепенно уступают место литературным формам русского и белорусского языков. У большинства населения уровни знания двух языков почти равные, знание белорусского языка возрастает. Однако позиции русского языка в жизни людей продолжают оставаться более высокими, чем белорусского. На фоне более активного использования русского языка в различных сферах жизни у населения проявляется тенденция к возрастанию и усилению белорусской идентичности. Для большинства опрошенных жителей этническая идентичность совпадает с выбором родного языка, что подтверждает этнопсихологическую основу понятия "родной язык".

Что касается российского пограничья, то здесь в результате активного функционирования русского языка и культуры отмечается выраженная русская идентичность.

В материальной и духовной культуре населения белорусско-русского пограничья наблюдается большое сходство, своеобразный бикультуризм как специфическая черта контактной зоны. Это особенно отчетливо проявляется в питании населения, которое включает как белорусские, так и русские блюда, носит региональный характер. Белорусов и русских пограничья сближает православие, имеющее тысячелетнюю историю и оказавшее заметное влияние на формирование их самосознания. Однако в условиях атеистических взглядов и влияния других религий конфессиональная структура населения пограничья стала более сложной (православные, католики, протестанты и другие), в сознании значительной части населения произошло размыкание связей религия – национальность» [3].

На белорусско-русско-украинском пограничье самая насыщенная конфессиональная картина на белорусской стороне. Как и на всем пограничье здесь абсолютно доминируют православные, растет число общин протестантского толка, стабильны, но немногочисленны, старообрядцы, единичны еврейские общины и в тоже время достаточно активны римско-католики, появились единичные греко-католики и представители так называемых «новых религий».

Крупнейшими культурными центрами белорусско-русско-украинского пограничья являются города Чернигов и Гомель, расположенные в непосредственной близости от его срединной части. Причем ныне древний Чернигов, некогда столица крупного княжества, включавшего огромные территории, в том числе и теперешней Брянщины, по своему потенциалу уступает Гомелю. При этом за истекшее двадцатилетие число черниговцев практически не изменилось (около 300 тысяч человек), как, впрочем, и гомельчан (около 500 тысяч человек). Во многом подобная демографическая стабилизация объясняется близостью к эпицентру Чернобыльской катастрофы, наличием громадных зараженных территорий, которые, например, в Гомельской области составляют 70 % ее площа-

ди, где проживает 76 % населения Гомельщины, насчитывающего более полутора миллионов человек. Схожая картина и в Брянской области, особенно в ее западной части. Здесь, также как и на Гомельщине, а отчасти и Черниговщине, из-за радиационного загрязнения были отселены многие населенные пункты, нередко имеющие многовековую историю. Численность жителей в Брянской области сейчас примерно такая же как и в Гомельской, в Черниговской ныне проживает около 1 миллиона 200 тысяч человек. Из всех трех областей белорусско-русско-украинского пограничья самая урбанизированная Гомельская – более 70 процентов населения городские жители, в Брянской этот процент несколько ниже, а в Черниговской области насчитывают около 60 процентов. Основу городского населения на белорусско-русско-украинском пограничье составляют выходцы из сельской местности, преимущественно здешние уроженцы, но также немало и приезжих из различных частей бывшего СССР, особенно в Гомеле.

Все три области пограничья весьма тесно сотрудничают в сферах экономики и культуры, а также на бытовом, межличностном уровне, лучшим подтверждением чего служит интенсивное транспортное движение, активные грузовые и пассажирские потоки внутри пограничья. В 2003 г. областями пограничья в рамках «Европейской конвенции по трансграничному сотрудничеству» была создана особая зона приграничного сотрудничества «Еврорегион “Днепр”» [4], в которой, кстати, предусматривалось и открытие совместного научно-исследовательского института, занимающегося проблемами истории и культуры восточнославянских народов. Регулярно то на российской, то на украинской, то на белорусской стороне устраиваются многочисленные и нередко весьма масштабные социально-культурные мероприятия, в том числе и научные. Особый характер у фольклорных праздников, а также у традиционного международного молодежного фестиваля «Славянское единство», устраиваемого летом на стыке границ Белоруссии, России и Украины у монумента «Дружбы». К фестивалю начинают присоединяться представители других областей Белоруссии, России и Украины, а также столиц наших стран, в том числе и Москвы.

Помимо Чернигова и Гомеля в историко-культурном отношении для белорусско-русско-украинского пограничья весьма важны такие малые его города российской стороны как Клинцы, Новозыбков и Стародуб. То же самое, но уже в большей степени в ретроспективном значении, можно сказать и о целом ряде крупных православных религиозных центров пограничья, преимущественно монастырских, в том числе старообрядческих, таких как Лаврентьевский, Макаров, Покровский, Красноборский и другие монастыри. Не стоит забывать и то, что Черниговщина – родина древнерусского монашества, продолжает сохранять свое особое место в истории восточнославянского православия. Православные составляют абсолютное большинство ее населения, это самый высокий показатель в Украине. Одновременно, именно здесь, как, впрочем, и в иных частях белорусско-русско-украинского пограничья, с особой тщательностью сельские и городские люди переписывают слова своего земляка св. Лаврентия Черниговского, скончавшегося в 1950 г.: «Как нельзя разделить Пресвятую Троицу..., так нельзя разделить Россию, Украину и Белоруссию. Это вместе Святая Русь». Впрочем, этот тезис не близок представителям Киевского патриархата, число сторонников которого на Черниговщине минимально. А вот социологи подтверждают правоту св. Лаврентия. Достаточно точно это можно сказать относительно белорусско-русско-украинского пограничья, где с 1997 г. социологической лабораторией Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого ведется комплекс исследований, касающихся менталитета восточных славян в историческом и социокультурном аспектах. Ученые утверждают, что, несмотря на межгосударственные разногласия последних лет, можно говорить о существовании внутреннего «восточнославянского единства». Причем, если вести речь о любого вида будущей интеграции в региональные или глобальные организации, то лучше это делать совместно, учитывая исторически сложившуюся социокультурную ситуацию [5].

Для нашей темы важно знать, что помимо восточных славян в течение нескольких последних столетий обок с ними жило многочисленное еврейское население, причем в городах и местечках оно

превалировало. Следы этой некогда богатейшей местной еврейской культуры сохранились повсюду, но потомков ее носителей сейчас живет здесь немного, почти все они находятся в крупнейших городах, растворяются в общей городской среде, в случае Гомеля и Чернигова почти исключительно русскоязычной. Группу западных славян, живущих на белорусско-русско-украинском пограничье представляют поляки, которых здесь раньше именовали «бендзуками». Число их также незначительно, но они есть не только в городах, но и в сельской местности. При ориентации только на вероисповедный критерий к ним часто причисляют белорусов-католиков, которых на Гомельщине совсем немного.

В течение всей своей истории население белорусско-русско-украинского пограничья испытывало значительную культурную интерференцию. Вместе с тем, за истекшее столетие произошел сильнейший урбанистический скачок, доля сельских жителей упала в несколько раз [6]. Особенно заметно это на примере Белоруссии. И все же даже здесь по сей день «деревенский образ жизни и его модификации являются доминирующими в социокультурном пространстве», «главным исходным типом для большинства населения страны» [7].

1. *Кучма Л.* Украина – не Россия.: Возвращение в историю. М., 2004. С. 7-9.
2. Там же. С. 9-11.
3. *Григорьева Р.А., Касперович Г.И.* Население белорусско-русского пограничья: демография, язык, этническая идентификация. Минск, 2004. С. 74-75.
См. также: Белорусско-русское пограничье: Этнологическое исследование. М., 2005.
4. Подробнее см.: Еврорегион «Днепр»: создание и развитие, проблемы и перспективы. Материалы международной учредительной научно-практической конференции. 29 апреля 2003 г. Гомель, 2003.

5. См., напр.: *Кириенко В.В.* Менталитет современных белорусов. Гомель, 2004.
6. Подробнее см.: *Эбэрхардт П.* Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897-1989. Мінск, 1997; Численность и основные социально-демографические характеристики Республики Беларусь по данным переписи 1999 года. Минск, 1999; Миграция населения: Республика Беларусь. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Минск, 2002.
7. *Озем Г.З.* Сельский менталитет как доминанта социокультурного пространства Беларуси // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: Материалы III международной научной конференции. Гомель, 2003. С. 206.

Литературные истоки и традиции

«Ох, Русской земли человеки,
не дались вам святые уроки:
вишь, звон Цареградской вы слыхали,
а где есть он, не познали,
сиречь ухом словес прияли,
умом же их силы не пытали»

С.С. Аверинцев («Стих о стихах духовных, или прение о Руси»)

Восточное Полесье - родина самого известного славянского писателя древности свт. Кирилла Туровского, произведения которого по сей день живут в народе. Мы много писали об этом, в том числе и о распространении сочинений святителя на белорусско-русско-украинском пограничье [1], где его молитвенная поэзия распространена особенно широко. Богатейшая история рецепции сочинений свт. Кирилла в мире дает возможность наглядно представить судьбы литературных текстов за столь длительный период, проследить и подтвердить непрерывность развития литературного процесса, взаимосвязи различных близкородственных литератур, прежде всего восточнославянских и южнославянских, а также понять в чем секрет в буквальном смысле вечного читательского интереса к его писаниям, сохраняющимся на протяжении восьми столетий, в первую очередь в народной среде.

К числу литераторов белорусско-русско-украинского пограничья принадлежит целая плеяда известнейших писателей древности, связанных с северной Черниговщиной. Там творили Лазарь Баранович, Иоаникий Галятовский, Иоанн Максимович, свт. Димитрий Ростовский и многие другие. Сохранилось немало

местных книжных памятников более раннего времени, представляющих богатейшие книжно-литературные традиции здешнего края. К ним относится, например, многочисленные синодики, различные сборники сложного состава.

XVIII столетие, время колоссальных изменений в политическом бытии нынешнего белорусско-русско-украинского пограничья, оказалось весьма плодотворным литературным периодом в жизни этого края, когда на здешних пространствах возникло множество поселений русских староверов, оказавших большое влияние на местное население, ставших со временем неотъемлемой его частью. В 1772 г. происходит событие, знаменательное в истории всей Восточной Европы – осуществляется так называемый первый раздел Речи Посполитой, образованной в 1569 г. слиянием Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского с Королевством Польским. Юго-восточная граница Великого княжества Литовского, она же восточная граница Речи Посполитой, отныне становится порубежьем межграничья, довольно точно совпадая с нынешней разграничительной линией Брянской, Гомельской и Черниговской областей. Польский язык и литература постепенно начитают угасать на этих территориях, уходят во второй половине XIX в. почти полностью в сферу домашнего употребления. При этом в XVIII в. польское письмо, язык, литература и книжность – весьма заметное явление на белорусско-русско-украинском пограничье, частично даже доминирующее. Обосновавшиеся тут русские старообрядцы постепенно перенимают в свою собственность здешнюю древнюю кириллографическую книжность, рукописную и печатную, создают свои литературные центры, среди которых хочется отметить такие крупные как, например, в нынешнем городке Ветка, полностью теперь утратившем свой староверческий облик, и в уничтоженном уже к середине XIX в. Лаврентьевском монастыре, что к западу от Гомеля [2]. В последующем из этих старообрядческих литературных центров белорусско-русско-украинского пограничья огромное число книг расходится по всему свету, причем уже в XIX в. становясь объектом особого интереса со стороны разного рода собирателей, начиная от частных любителей до представителей государственных учреждений, предшест-

венниками которых еще ранее были специальные полицейские органы, охотившиеся за староверческой книжностью с целью ее изъятия. Из этой староверческой книжности белорусско-русско-украинского пограничья, насчитывающей многие сотни сохранившихся томов, во второй половине XX в. были созданы отдельные коллекции крупнейших библиотек, в том числе МГУ, а также более чем полутысячное собрание рукописей и старопечатных изданий Ветковского музея народного творчества [3]. «Все это – от древнего рукописного Евангелия до яркой лубочной книги нач. XX в. жило когда-то в самой книжной культуре Ветки. Культура эта была глубоко народна и искренне духовна» [4]. Слова эти в полной мере относятся и к староверской книжности из других частей белорусско-русско-украинского пограничья, с той лишь значительной поправкой, что, например, на Брянщине она, пожалуй, как нигде успешно продолжает свою жизнь, а местные поселения во многом сохраняют свой старообрядческий облик.

Одновременно с книжностью прежних столетий в столетие XIX-е переходят и литературные традиции века XVIII–го, который стал своеобразным культурным Рубиконом в судьбах восточного славянства, временем существенного культурного разделения, обособления, формирования собственно народной литературы и книжности, заметно оппозиционной новым течениям, методично охватывавшим высшие, а затем и средние социальные круги. На белорусско-русско-украинском пограничье все усложнялось тем, что в разных его частях события эти совершались с различной скоростью и довольно долго ощущалось влияние польской культуры, когда даже на Черниговщине, уже давно входившей в состав Российской империи, польское все еще занимало довольно прочные позиции, особенно в кругу местной шляхты и части духовенства, получившего образование в киевских и черниговских духовных школах [5]. Как известно, статистика издательской продукции в Российской империи первой половины XIX в. выделяет в общем литературном пространстве страны гигантский пласт книжности, который многие исследователи до сих пор называют «низовой». Эта до сих пор мало изученная литература создавалась разночинными писателями и обслуживала такого же массового читателя из

самых разных социальных групп. Количественно она долгое время по всем параметрам превалировала над русской классической литературой. «Неким единым целым, – пишет А.И. Рейтблат, – подобная литература выглядела лишь при взгляде "сверху" – с позиции образованных и "просвещенных" читателей. Представители же этой словесности и их читатели довольно четко дифференцировали ее различные по уровню культуры слои» [6]. По своим литературно-читательским характеристикам часть этой «низовой» книжности в чем-то напоминает отдельные типы нашей современной массовой литературы, например, получивший с тех пор необычайное развитие в мире детективный жанр. Вместе с тем, тогда же наблюдается своеобразная борьба представителей и поклонников литературы классической с «низовой», закончившаяся к середине XIX в. фактическим запрещением со стороны цензуры печатать произведения «низовых» авторов. По словам А.И. Рейтблата, «обычно ничего прямо противоречащего цензурным установлениям у низовых авторов не было, но цензоров, людей довольно высокого образовательного и культурного уровня (большинство их были профессорами университетов), раздражали невежественные и, по их мнению, вредно влияющие на читателей низовые книги. В этих книгах им не нравилось все: язык, сюжеты, среда действия и персонажи. Язык часто был грамматически и синтаксически неправилен и, кроме того, содержал многие слова и обороты бытовой речи, которые расценивались цензорами как нелитературные, недостойные печати и квалифицировались ими как грубые и неприличные. Точно также относились они к сюжетам и персонажам из жизни простонародья, причем взятым не в идеализированном, облагороженном, а в весьма близком к обыденной жизни виде. Сталкивались две эстетические системы, даже шире – две культуры. С одной стороны, достаточно жесткая, как правило классицистская, – у цензоров, с другой – полуфольклорная, близкая к народным анекдотам, рассказам, легендам – у низовых литераторов. Наибольшее неприятие вызывал у цензоров тот факт, что народные книги не просто издавались, но очень широко продавались и читались. Тем самым народ как бы манифестировал независимость своих вкусов и представлений, что, конечно, не поощря-

лось в довольно жестко иерархизированном (в том числе и идеологически) обществе того времени. Университетские профессора, которые в российских условиях были не столько учеными, сколько преподавателями и воспитателями, осознавали себя наставниками народа и были не удовлетворены тем, что кто-то конкурирует с ними и формирует вкусы народного читателя в ином, не устраивающем их духе.

Обладая цензорской властью, предоставленной им с другой целью, они использовали ее против народной литературы. Низовые писатели были беззащитны перед ними» [7].

Одновременно, по мере распространения грамотности и широкого развития школьного образования в России появляется самый массовый за всю ее историю читатель – крестьянский. Ряд обстоятельств способствовал тому, что в обобщенном виде мы знаем читательские предпочтения крестьян той и более ранней поры. Преимущественно они лежат в области религиозной литературы. Вот как сами крестьяне рассказывали о своих читательских интересах применительно к первой половине XIX в.: «Матушка моя, хорошо знавшая грамоту, постоянно читала дома вслух или жития святых или евангелие. Особенно сильно впечатление производило на меня чтение Страстей Господних… Каждую субботу перед иконами зажигались восковые свечи и матушка читала вслух псалтырь, кафизмы и молитвы. Отец, мои старшие братья и невестки благоговейно молились» [8]. Позднее интерес к религиозной литературе у крестьян не ослабевал [9], более того, все чаще они сами начинают создавать произведения на религиозные темы. Со временем в крестьянской среде формируется довольно многочисленная прослойка наиболее грамотных и склонных к собственному творчеству, которые уже в начале XX в. значительно преображают общее литературное пространство России [10], пока еще практически не изучавшееся наукой как единое целое. Крестьяне, создавая свои собственные произведения, формируя свою народную литературу, включают в нее наиболее выдающиеся религиозные произведения прошлых эпох, а также сочинения ряда своих современников из числа лиц высшего круга. К ним относится, например, выдающийся деятель на ниве народного просвещения

С.И. Миропольский (1842 – 1907), автор множества произведений, вошедших в народный обиход и по сей день являющихся достоянием восточнославянских народных культур. Примечательно, что крестьяне не только могли очень точно и ясно определить свои читательские предпочтения, но и обосновать их с аксеологической точки зрения. Именно так они подходили и к проблеме народного образования, активно ставшей обсуждаться ими уже во второй половине XIX в. Религиозное, православное, по их мнению, должно было доминировать в нем [11].

Разгоравшиеся в российском обществе еще в XIX столетии споры о «духовной и светской литературах», в которых принимали участие и многие весьма наблюдательные православные богословы, в том числе очень близко стоявшие к народу и знавшие его устремления [12], привели к началу XX в. к пониманию ряда основополагающих проблем, одной из которых стала «народ и интеллигенция», их восприятие жизни, ее ценностей, судеб государства [13]. Тогда же происходит настоящий всплеск внимания самых широких кругов интеллигенции, прежде всего художественной и научно-гуманитарной, к «народному религиозному сознанию», резко прерванный известными событиями на исходе 1910-х гг. [14]. При этом особый интерес вызывает именно художественная литература, вдохновителем которой во многом видятся книги Священного Писания [15], а сама эта литература в отдельных своих частях может даже служить «как пособие при преподавании Закона Божия в средней школе» [16]. Виднейшие ученые-филологи прямо пишут, что сама «народная словесность глубоко религиозна», «она коренится не в потребностях эстетического наслаждения, а в потребностях веры» [17], что, конечно же, позднее подверглось резкой критике в кругу большинства представителей советской науки [18], но со всею очевидностью подтверждалось самим фактами реальной жизни, один из которых весьма характерен именно для белорусско-русско-украинского пограничья, столь любимые некогда в народе кобзари, лирники, поющие духовные стихи старцы, одним словом, целая народная индустрия христианского словесного творчества, успешно развиваемая по сей день.

В последнее время у нас начинают появляться работы, в которых ставится вопрос о языке русской «народной письменности» XVIII - XIX вв., когда «крестьяне легко читали Библию и испытывали затруднения при чтении текстов, написанных на русском литературном языке» [19]. Подобное положение во многом существовало и позднее, по крайней мере еще в первые десятилетия века XX –го, когда церковнославянский язык и письмо продолжали сохранять свое значение в жизни некоторой части православного восточнославянского населения СССР, а для более позднего времени и Польши. Как ни парадоксально, но все эти вопросы остаются малоизученными, о многом приходится говорить лишь вскользь и, таким образом, так называемая «картина мира» восточнославянского крестьянства остается не только не полной, но, по существу, и неизвестной, а часто, что еще хуже, ложно представленной. В таких условиях говорить о научных исследованиях, например, языка собственно крестьянской литературы XIX - XX вв. особенно не приходится, несмотря на огромное количество существующих письменных источников, большая часть которых по-прежнему сберегается в личных частных собраниях как деревенских, так и городских жителей.

Пытаясь постичь природу главного в людском мире, осознавая, что «род земледельческой жизни не есть один из различных родов жизни, а есть жизнь, как книга – библия, сама жизнь, единственная жизнь человеческая, при кот[орой] только возможно проявление всех высших человеческих свойств», Л.Н. Толстой на закате своей жизни внутренне восклицал: «Надо коснуться земли» [20]. Крестьяне соприкасались с землей постоянно. Они сроднились с ней. Это была их жизнь, их судьба. Не отсюда ли то, о чем писали наиболее близкие к народу вдумчивые наблюдатели, вместе в крестьянством пережившие его катастрофу, трагический XX в. Герой Первой мировой войны протоиерей Константин Зноско: «ты произносишь за Литургией чересчур умные проповеди, их поймут верные Богу церковные люди деревни; интеллигенция их не поймет» [21]. Епископ Митрофан: «Интеллигент – существо умничающее, а чернозем, крестьянин – человек сердца и мудрости» [22]. Узник сталинских концлагерей протоиерей Евстафий

Баслык: «Жители деревни в своем большинстве, если так можно выразиться, ближе к Богу, чище морально, чем горожане. Сам уклад деревенской жизни, постоянный труд на лоне природы, постоянное общение с природой, зависимость от сил природы оказывают большое влияние на мировоззрение жителей деревни, на их религиозные убеждения» [23]. Между словами Л.Н. Толстого и протоиерея Е.К. Баслыка, родившегося в начале XX в. – огромная временная дистанция, самая кровавая в истории Восточной Европы эпоха, наполненная и многими миллионами крестьянских жертв, и тем удивительнее совпадение во взглядах графа-писателя и сына белорусского крестьянина, будущего сельского священника.

Межвоенный период, как и везде в СССР, оказался особенно губительным для крестьянства белорусско-русско-украинского пограничья. Религиозный и околорелигиозный пласт народной литературы по существу объявляется вне закона, своего рода проявлением «действия контрреволюционных сил». За хранение, а тем более сочинение и распространение подобных произведений люди подвергаются арестам, ссылкам и даже физическому уничтожению. До сих пор большое число памятников народной литературы и книжности тех лет хранится в архивах соответствующих ведомств и еще ждет своего исследователя. С началом Великой Отечественной войны и немецкой оккупации в церковной жизни белорусско-русско-украинского пограничья и всех оккупированных территорий происходят большие изменения. Германские власти разрешают проводить богослужения, открывать церкви, создавать религиозные структуры. На белорусско-русско-украинское пограничье начинает проникать богатейшая православная печатная книжность и литература, создававшаяся и издававшаяся белорусами, русскими и украинцами в пределах межвоенной Польши [24]. Многое из этого начинает тиражироваться с помощью переписки или с применением некоторых простейших копировальных средств, преимущественно пишущих машинок.

В основном эти же технологии тиражирования здешнее население будет использовать и в послевоенный период, в том числе и распространяя завоевавшие авторитет произведения, пришедшие когда-то с просторов межвоенной Польши. Одновременно необы-

чайно расширяется круг здешних народных писателей, живущих в сельской местности и городах. Местная народная литература постепенно как бы выходит из подполья, вбирая в себя не только большое число произведений здешних авторов, но и особо полюбившиеся сочинения, созданные в разное время и вдали от белорусско-русско-украинского пограничья. Круг источников для подобного заимствования, привнесения в свою региональную народную литературу стал необычайно широк – от различного рода периодических изданий до киберпространства, включая Интернет. Вот небольшой свежий пример тому – ставшее необычайно популярным в рукописной народной литературе белорусско-русско-украинского пограничья стихотворение «Молитва» москвички О.Г. Коровиной, опубликованное в 2007 г. в уже упоминавшемся нами «Вестнике ЗОЖ»:

«Великий Боже! Дай мне силы
Самой закончить путь земной,
Не быть обузой до могилы,
Чтобы не мучились со мной.
И не лишай до расставанья
Рассудка, здравого ума,
Чтоб я за все свои деянья
Была ответственна сама.
Не дай мне Бог лишиться зренья,
Сердцу застыть и зачерстветь,
Не дай в отчаянье забвенья
Надежде прежде умереть» [25].

Белорусско-русско-украинское пограничье – родина многих выдающихся литераторов, еще в раннем детстве соприкоснувшихся с местной народной литературой, которая оказала на них огромное влияние, сформировала их. А они, в свою очередь, многое дали ей, включившей в себя большое число их произведений. Прежде всего это такие признанные авторитеты старообрядчества как Ф.Е. Мельников и митрополит Иннокентий (И.Г. Усов), недавно погибший писатель и актер Н.А. Мельников - автор написанной

с огромной любовью и болью поэмы «Русский крест», названной читателями «пронзительной», массово распространяемой ныне в основном путем электронно-сетевого самиздата.

1. См., напр.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Писания святителя Кирилла Туровского в народной среде Восточного Полесья: от времени открытий румянцевского кружка до современности // Н.П. Румянцев и его эпоха в контексте славянской культуры: Материалы международной научно-практической конференции. Гомель, 2004. С. 25–28; *Они же.* Захавальнікі пісанняў Кірылы Тураўскага // Голас Радзімы. 2004. № 34–37. С. 12; *Они же.* Многовековая судьба евхографического цикла Кирилла Туровского (от пергаменнах кодексов до электронных воплощений в сети Интернет) // Текст в лингвистической теории и методике преподавания филологических дисциплин. Мозырь, 2005. Ч. 1. С. 139–140; *Они же.* Многовековое наследие святителя Кирилла Туровского: жизнь в веках // Десять веков христианства на Руси: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной тысячелетию Туровской епархии. Гомель, 2006. С. 25–30; *Они же.* Литературное наследие святителя Кирилла Туровского в народной среде пограничья Беларуси, России и Украины (XIX - XXI вв.) // Народная литература восточных славян: Тезисы докладов и сообщений на Круглом столе 21. IX. 2007. Москва. М., 2007. С. 17–19; *Они же.* Восточнославянская народная книжность XXI в.: И рукопись, и электронный текст //Държавата на духа. София, 2007. С. 247–262 и др.
2. Подробнее см, напр.: *Лабынцев Ю.А.* Книжное наследие Н.П. Румянцева М., 2004; *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Старообрядческий Лаврентьевский монастырь и его библиотека // Старообрядчество: История. Культура. Современность. М., 2007. Т. 2. С. 143–147.
3. См.: *Леонтьева С.И.* Книжная культура Ветки // Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці: Археалогія. Гісторыя. Культура кнігі. Этнаграфія. Фальклор. Музеязнаўства. Гомель, 2004. С. 30.
4. *Леонтьева С.И.* Книга в культуре Ветки // Веткаўскі музей народнай творчасці. Навукова-метадычны зборнік. Мінск, 2001. С. 21.

5. Часть черниговского православного духовенства вплоть до начала XIX в. довольно активно использовала польский язык в своей письменной практике. Записи на польском языке делались даже на кириллографичных рукописях и печатных книгах. Ряд любопытных примеров тому можно видеть в современных московских собраниях. Так на рукописной Кормчей XVI в. из фондов Российского государственного архива древних актов есть польскоязычная запись 1770 г. о бытовании этой книги в священническом кругу северной Черниговщины (см.: Ф. 181. № 1594).

   Еще в большей степени польский язык и литература были тогда распространены среди шляхты и духовенства, в значительном числе униатского, Гомельщины. Впрочем, проблема эта совершено не изучена, и мы, не преувеличивая ее значения, говорим о ней, основываясь исключительно на наших личных многолетних наблюдениях, в том числе и анализе довольно объемного документального материала, собранного во время работы в архивах ряда стран и в процессе экспедиционных поисков, длящихся уже треть века.
6. *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохт. М., 2001. С. 158.
7. Там же. С. 183.
8. *Бобков Ф.Д.* Из записок бывшего крепостного человека // Исторический вестник. 1907. № 5. С. 448–449.
9. Подробнее см.: *Рубакин Н.А.* К характеристике читателя и писателя из народа // Северный вестник. 1891. № 4. С. 110–145; № 5. С. 55–73.
10. См., напр.: *Рубакин Н.А.* Новые времена – новые веяния // Русская мысль. 1905. № 7. С. 111–127.
11. Подробнее см., напр.: *Бобров А.А.* Крестьянин и книга: Из личных наблюдений за 27 лет труда на пользу грамотного крестьянства. 1877–1905 г. Владимир, 1908.
12. См., напр.: *Терновский Ф.А.* От отношении между духовною и светскою литературою // Труды Киевской духовной академии. 1862. Т. 3. С. 121 – 142; *П.* Причины появления в России светской литературы в противоположность духовной и взаимное отношение их между собою // Руководство для сельских пастырей. 1876. Т. 2. С. 305–311.
13. См., напр.: *Козацкий П.А.* Отношение нашего народа и интеллигенции к Святым земли Русской – как носителям народных идеалов правды и святости // Миссионерское обозрение. 1903. Т. 2. С. 1155–1170; *Соколов Н.М.* Русские святые и русская интеллигенция: Опыт сравнительной характеристики. СПб, 1904.

14. См., напр.: *Дурылин С.Н.* Град Софии: Царьград и Святая София в русском народном религиозном сознании. М., 1915; *Самарин Д.Ф.* Богородица в русском народном православии // Русская мысль. 1918. Кн. 3 – 6. С. 1–38.
15. См., напр.: *Богословский Н.* Псалтырь как священно-художественное произведение // Странник. 1904. Т. 2. Ч. 2. С. 580–595; *Любимов Н.Ф.* Русская народная литература в ее постепенном развитии под влиянием христианства. М., 1904.
16. См., напр.: *Стойков Н.* Художественная литература как пособие при преподавании Закона Божия в средней школе // Христианская мысль. 1917. Февраль. С. 130–136.
17. См.: *Аничков Е.* Что такое народная словесность? // История русской литературы. Т. 1. Народная словесность. М., 1908. С. 14.
18. См., напр.: *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 316–322 и др.
19. *Кравецкий А.Г.* Альтернативные системы в истории русской письменности XVIII - XIX вв. // Славянское языкознание: Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). М., 2003. С. 152.

См. также: *Плетнева А.А.* О языке народной письменности XVIII - XIX вв. // Там же. С. 224–232; Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковно-славянского языка в России: Конец XIX – XX в. М., 2001.

20. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 55. С. 212, 217.
21. *Митрофан, еп.* Хроника одной жизни: Воспоминания. Проповеди. М., 2006. С. 106.
22. Там же. С. 107.
23. *Баслык Е., свящ.* Записки священника Евстафия. Минск, 2005. С. 75.
24. Подробнее см. о ней, напр.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Всему православному миру: Православная литература межвоенной Польши. М., 1995; *Они же.* Православная литература межвоенной Польши. М., 1998; *Они же.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999; *Они же.* Православная литература Польши (1918 – 1939 гг.) Минск, 2001 и др.
25. См. публикацию этого стихотворения, осуществленную А.И. Аладышевой в разделе «Творческий клуб» «Вестника ЗОЖ» (2007. № 6. С. 38).

На краю неведомого пространства

«А когда нас другие учат
словом разумным и строгим,
дай нам Бог внимать беззавистно»

*С.С. Аверинцев («Стих о стихах духовных,
или прение о Руси»)*

Читатели народной литературы белорусско-русско-украинского пограничья составляют весьма дифференцированное сообщество, в котором можно выделить ряд групп, ориентируясь, прежде всего, на их конфессиональные и социо-познавательные предпочтения. При этом внутри каждой из групп существует собственная читательская иерархия, определяемая множеством факторов, в том числе степенью активности чтения и самими его способами и формами. Не стоит также забывать, что во многих случаях читатель народной литературы это и ее активный транслятор, распространитель и даже автор и соавтор. Одним словом, перед нами очень сложный и своеобразный литературный мир, живущий по своим достаточно быстро меняющимся законам, познать которые еще предстоит.

Тем не менее, уже сейчас, учитывая содержание произведений и доминанты читательских предпочтений, мы можем выделить три основных крупных блока сочинений народной литературы белорусско-русско-украинского пограничья: религиозные, светские историко-краеведческие и политические. В свою очередь религиозные произведения, составляющие главный массив народной литературы, имеют в основном конкретную конфессиональную ориентацию. Впрочем, это почти не касается современной народной религиозной литературы православных пограничья, новообрядцев

и старообрядцев, что является характерной особенностью данного региона и объясняется необычайной переплетенностью судеб его жителей, исконных и столетия назад пришедших сюда русских староверов. Вместе с тем, среди читателей народной религиозной литературы православных немало представителей протестантских групп и католиков, свободно владеющих русским языком, давно ставшим для них по сути родным, а также в той или иной степени украинским и белорусским. В целом можно сказать, что произведения народной литературы различной христианской конфессиональной ориентации имеют очень широкое хождение среди всех групп местного населения. Однако всегда превалируют сочинения собственно православной ориентации, как идущие из веков, так и созданные в наши дни. Все это как нельзя лучше демонстрирует преемственность и традиционность многовекового процесса развития литературной культуры белорусско-русско-украинского пограничья, осложненного многими вызовами различных эпох, прежде всего XX столетия.

Специфической особенностью современной народной литературы является то, что сам читатель стал главным, а иногда и единственным ее распространителем. В отличие от совсем недавнего времени, когда в его арсенале были в основном личные письменные принадлежности, а в лучшем случае и пишущая машинка, ныне перечень форм и средств трансляции тех или иных произведений необычайно расширился. Массовая переписка в отдельных случаях все чаще уступает место ксерокопированию, взрывной характер носит распространение электронных технологий. Буквально на наших глазах формируется народная киберлитература, в том числе развиваемая и в сегменте белорусско-русско-украинского пограничья. Явление это совершенно необычное, своеобразное и динамичное, несомненно достойное самого пристального внимания ученых-гуманитариев. Народная киберлитература – естественное продолжение традиционной народной литературы, произведения которой все чаще начинают распространяться самими ее читателями с помощью электронных носителей, как отчуждаемых, так и неотчуждаемых. В самое короткое время создаются целые своеобразные социально-

информационные каналы, в том числе и выраженного регионального свойства, но одновременно имеющие, без преувеличения, глобальный охват, особенно, если вести речь об электронно-сетевой трансляции. Активный обмен читателей электронными текстами народной литературы, записанными на различного рода дисках, картах памяти и т. д. значительно расширяет скорость и широту распространения местных современных произведений, что объясняет неизмерима взросшую динамику бытования разноязычных произведений, глубину проникновения, например, украиноязычных сочинений на территорию Белоруссии и России. Нужно сказать, что невольное вовлечение представителей молодого поколения, владеющего электронными технологиями в своеобразное тиражирование произведений народной литературы более старшими людьми, явно способствует их самостоятельному интересу к ней, а в отдельных случаях привлекает их к своего рода соавторству.

Подобное положение во многом начинает изменять наполненность тех или иных читательских групп. К настоящему моменту можно сказать, что в них присутствуют представители практически всех читательских возрастов, правда, количественное варьирование всегда будет заметным при рассмотрении бытования и чтения каждого конкретного произведения. По большей части произведения религиозного характера шире распространены среди читателей старшего и пожилого возраста, светские историко-краеведческие – и среди более молодых читателей, а политические – в кругу живущих в городах представителей в основном среднего поколения.

Появившиеся уже в последние годы произведения народной литературы белорусско-русско-украинского пограничья написаны как сельскими жителями разного возраста, так и горожанами. У них разное образование, в основном среднее, полное и неполное среднее специальное и высшее, светское и духовное. Они пишут стихотворения и прозаические сочинения религиозное направленности, рассчитанные как на дальнейшее распространение, так и исключительно для себя, создают различного рода краеведческие записки, которые охотно делают всеобщим достоянием, наконец,

выступают в роли своеобразных составителей и даже интерпретаторов уже существующих текстов, в том числе и историко-политического характера. Языки этих произведений различны. На настоящий момент они пишутся в основном на русском литературном и украинском литературном языках, а также своеобразном местном языковом конгломерате, включающем и немало белорусских слов. Впрочем, среди них со временем становится все больше и больше сочинений на белорусском литературном языке, чему в огромной степени способствуют именно электронные носители. Отдельные сочинения современной народной литературы белорусско-русско-украинского пограничья созданы на местных диалектных формах белорусского языка, издавна испытывавших сильнейшее влияние украинского и великорусского языков, а отчасти и польского. Более ста лет назад гомельская помещица – этнограф З.Ф. Радченко писала: «в Гомельском уезде образовался свой говор, несколько отличающийся от Белорусского языка всего С.- Западного края, этот же говор слышен и в северных уездах Черниговской губернии» [1], «в нем можно проследить влияние как великорусское, так и малорусское» [2]. В тоже время, чаще тогда, но нередко и теперь местные языковые особенности диктуют некую лингвистическую адаптацию того или иного иноязычного произведения, того, что в случае с Гомельским уездом столетие назад Ф.М. Истомин назвал «переиначиванием на белорусский, специальный гомельский лад» [3].

Наследие прошлого особенно масштабно присутствует в народной литературе православных белорусско-русско-украинского пограничья, составляющих абсолютное большинство местного населения. В меньшем объеме мы видим его в народной литературе немногочисленных местных католиков, а также единичных представителей греко-католиков, которые уже не имеют связи с прежней здешней, некогда достаточно мощной, униатской традицией, особенно, если речь идет о Гомельщине. Кстати, для местных греко-католиков новые информационные технологии становятся значимыми как ни для каких иных конфессиональных групп, в том числе при распространении произведений прежних эпох.

В обширной народной литературе православных белорусско-русско-украинского пограничья наличествуют целые пласты произведений различных времен: наследие Средневековья, наследие XVIII в., наследие XIX в., народная печатная книжность XIX – XX вв., православное литературное наследие межвоенной Польши, наконец, поэтические и прозаические сочинения наших дней. Уместно также при этом выделить здесь отдельный корпус старообрядческих текстов, которые все более и более становятся киберпространственными, прежде всего, если говорить о наследии прошлого.

Как ни странно, с точки зрения коммуникационных и трансляционных новаций, на белорусско-русско-украинском пограничье самыми консервативными являются католики и отчасти представители протестантских групп, правда, в пользовании последних в основном только современные сочинения или сильно адаптированные, почти исключительно русскоязычные тексты былых не столь давних времен, в том числе и переводные. Иными словами, весьма активные и достаточно многочисленные местные протестантские группы, имеющие хорошо налаженные связи со своими одноверцами не только в восточнославянских странах, но и на Западе, распространяют свою литературу в форме обычных печатных изданий, выходящих огромными тиражами в разных странах и на разных континентах. Переписывается ими сейчас не многое: полюбившиеся стихи (песни), фрагменты очень популярных некогда здесь сборников типа «книг мудрости», авторами которых были весьма почитаемые в их среде проповедники, такие, например, как И.З. Барчук.

Необходимо признать, что к историческим перипетиям, прежде всего XX – го столетия, губительно сказавшимся на ходе развития народной литературы белорусско-русско-украинского пограничья, наиболее устойчивыми оказались православные, католики и представители протестантских групп. К последним, правда, в довоенный период советская власть относилась достаточно благосклонно, пытаясь внести как можно больше раскола в среду верующих. Об этом много писал, например, уроженец белорусско-русско-украинского пограничья, известный христианский полемист, старообрядец Ф.Е. Мельников [4]. Многочисленные ранее последовате-

ли иудаизма различных его направлений – носители богатейшей когда-то местной вербальной идиш - культуры, ныне практические полностью утратили непосредственную связь с ней, а сама она ими забыта [5]. Вместе с тем, ее элементы, в том числе чисто языковые, до сих пор присутствуют даже в живой культуре здешних славян, например, в современном так называемом «чернобыльском фольклоре», изучать который удел ученых –фольклористов…

К настоящему моменту славяне составляют более 90 % населения белорусско-русско-украинского пограничья. При этом, «по данным белорусских исследователей 90 % населения русско-белорусского пограничья крещены в православие, причем 72 % белорусов и 69 % русских крещены во младенчестве, то есть до исполнения года» [6], а «55 % белорусов и 43 % русских сами считают себя верующими» [7]. «Колеблются в определении степени веры 27 % белорусов и 36 % русских. Безразлично относятся к религии 11 % белорусов и 7 % русских. Считают себя неверующими 3 % белорусов и 5 % русских. Однако нельзя сказать, что они полностью отошли от православных традиций. как показали данные опросов, среди неверующих или безразлично относящихся к религии многие соблюдают религиозные праздники, проявляют к религии лояльность и интерес» [8]. Так, например, «признают Пасху 85 % белорусов и 100 % русских» [9]. Аналогичная картина характерна и для Черниговщины, где общины Украинской православной церкви составляют более 63 % всех религиозных объединений области, Украинской православной церкви Киевского патриархата немногим более 10 %, баптистов – около 10 %, пятидесятников – около 4 %, адвентистов седьмого дня – немногим более 3 %.

Как видим, сильно преображающаяся, начиная с 1990-х гг., картина религиозно-духовной жизни населения белорусско-русско-украинского пограничья, ее необычайно возросшие квантитативные характеристики позволяют не сомневаться в дальнейшей жизнеспособности прежде всего народной литературы православных [10]. Все это объясняет и современный успех народной литературы православных, завидную широту распространения ее произведений, когда отдельные из них, в том числе созданные местными авторами, нередко тиражируются народным самиздатом даже в большем чис-

ле экземпляров, нежели сочинения иных профессиональный авторов в провинциальных и столичных типографиях.

1. *Радченко З.* Гомельские народные песни (белорусские и малорусские). СПб, 1888. С. IX.
2. Там же. С. IV.
3. *Истомин Ф.* Предисловие редактора // Радченко З. Гомельские народные песни. С. 1.
4. См., напр.: *Мельников Ф.Е.* Сектантство и Церковь пред судом Священного Писания. Кишинев, 1934.
5. Какое-то представление о народной литературной идиш–культуре в целом дают, увы, немногочисленные работы. См., напр.: *Ben-Amos D.* Jewish Folk Literature // Oral Tradition. 1999. № 14/1. P. 140–274, а также русский перевод – *Бен-Амос Д.* Еврейская народная культура. М., 2004
6. Цит. по: *Листова Т.А.* Современная ситуация // Белорусско-русское пограничье: Этнологическое исследование. М., 2005. С. 166.
7. Там же. С. 155.
8. Там же. С. 155.
9. Там же. С. 166.
10. Не можем не упомянуть тут об одной весьма заметной и значимой, особенно в самые трудные для верующих в СССР времена, категории населения, являвшейся в наиболее драматические и даже трагические моменты единственной надежной опорой в передаче и распространении традиционных духовных ценностей, в том числе произведений народной религиозной литературы, так называемых «бабушек». Они составляли после первой трети XX в. своеобразную социально-культурную и религиозную корпорацию, оказавшую колоссальное влияние на поддержание в народе исконных духовных начал, традиционной культуры, веры в лучшее. Как и везде, были они и на белорусско-русско-украинском пограничье, а многие из них еще живы, продолжают свою прежнюю миссию, хотя уже не в таких масштабах как прежде. Их деятельность и роль в истории народов СССР еще предстоит изучить.

    Здесь же мы процитируем слова авторитетного православного иерарха, епископа Саратовского и Вольского Лонгина, духовно вскормленного одной из таких бабушек: «Люди моего поколения, которые пришли в Церковь в 70-е годы, еще помнят битком набитые храмы и огромные толпы женщин в белых платочках, которые, кстати, не все тогда были бабушками. Если сегодня посмотреть на старые фото-

графии, то можно увидеть, что в белых платочках в храм приходили и женщины среднего возраста, и даже молодые девушки.

А бабушками были те, кто отчасти еще сохранил ощущение той России, которую мы потеряли и которую мы сегодня безуспешно ищем. Они прожили не просто тяжелую - страшную жизнь. Надо знать историю нашей страны в XX веке, чтобы представить себе жизненный путь такой «среднестатистической бабушки», которая родилась еще при царе, как, например, моя бабушка, пережила Первую мировую войну, на которой погиб ее родной брат, революцию и голод, во время которого умерли отец и мать… Представить себе весь этот страшный для нашего народа довоенный период, когда людям приходилось буквально выживать в нечеловеческих условиях.

Моя бабушка – ее звали Елена Сергеевна – была обычной крестьянкой из-под Рязани и одна воспитывала четырех детей. Ее муж ушел на войну, с которой не вернулся, а старший сын пришел смертельно больным туберкулезом и спустя два года после победы умер. И всю оставшуюся жизнь она воспитывала сначала детей, а потом – огромное количество внуков, никого не оставляя своим вниманием. И при этом, почти не умея читать и писать (она закончила два класса церковно-приходской школы), молилась каждый день, утром и вечером – у нее были общие тетради, в которых печатными буквами были переписаны утренние и вечерние молитвы и несколько акафистов. Я думаю, что она ни разу не читала Евангелие, потому что его тогда просто невозможно было достать, и могла только слышать его в церкви на богослужении.

Мое собственное воцерковление связано, в основном, с моей бабушкой. Именно она привела меня в первый раз в церковь и водила меня туда так же, как и всех своих внуков. Причем независимо от того, хотели этого ее дети или не хотели. Например, папа моих двоюродных братьев и сестер был членом партии, и страшно боялся того, что кто-то узнает об этом. Но бабушка совершенно спокойно к этому относилась. И порой даже просила его переписывать акафисты или молитвы в свои тетрадки, чему он скрепя сердце подчинялся…

Моя бабушка и ее близкие, знакомые, родственницы и подруги были удивительными людьми, которых я до сегодняшнего дня вспоминаю не иначе, как с огромной благодарностью. Это были люди, верившие необыкновенно просто и трезво. И весь ужас того, что было пережито ими, не лишил их чувства благодарности Богу, способности к радости, к веселью. Они не были мрачными и хмурыми людьми. Напротив – необыкновенно открытыми, свободными, могли и песни спеть, и пообщаться, не боялись ехать через полстраны для того, чтобы повидаться с родственни-

ками, со своими детьми и внуками. Эти абсолютно забытые сегодня особенности характера делали их очень яркими и цельными людьми.

Мне довелось видеть еще несколько церковных старушек из другой, если можно так сказать, социальной сферы. Это московские интеллигентные бабушки, которые также всю свою жизнь ходили в церковь. Две из них – сестры Нина Александровна и Елена Александровна – ходили на подворье Троице-Сергиевой Лавры с самого первого дня его открытия. Они жили рядом с подворьем, бывали в нем еще до его закрытия и даже видели Патриарха, тогда еще митрополита Тихона. Всю свою жизнь эти две сестры прожили вместе и работали на достаточно крупных должностях (одна из них была, по-моему, заведующей поликлиникой, другая - врачом этой же поликлиники). Одна умерла, когда ей было 98, а другая – в 95. И я, когда они еще могли ходить и приходили на службу в храм, всегда радовался, видя их - таких чинных, опрятных и вежливых.

Они были необыкновенно тактичными и мудрыми. Для нас, людей, выросших в советское время, эта интеллигентность была совершенно удивительной. Необычными казались их манера говорить друг с другом, их манера общаться, язык, на котором они разговаривали… Когда я стал бывать у них дома, причащал их или просто навещал, то меня все в них поражало, до мельчайшей черточки быта. Я сравнивал их с моей бабушкой, и при том, что это были абсолютно разные люди: с одной стороны, бабушки с огромным кругозором, которые очень много знали и прочитали за всю свою жизнь столько, сколько я, наверное, никогда не прочитаю, сколько бы я не прожил, и с другой стороны – моя бабушка, обычная крестьянка, которая писала печатными буквами – они были абсолютно одинаковыми. На каком-то внутреннем, глубоком уровне у них был абсолютно идентичный опыт и какое-то врожденное, христианское благородство, которое сегодня редко можно встретить.

Когда эти бабушки уже не смогли ходить в храм, то я поручал нескольким молодым людям из нашего прихода ходить к ним, помогать им по хозяйству. И делал я это не только для того, чтобы помочь им, но и для того, чтобы дать возможность молодым ребятам и девушкам увидеть настоящих людей. Думаю, что для тех, кто их помнит, общение с ними осталось не просто воспоминанием на всю жизнь, но и многое дало для их будущей жизни» (см.: Лонгин, *еп.* Нам не надо оправдываться за наших бабушек // Православие и современность № 6, 2008; сетевой вариант см. на сайте:

http://www.eparhia-saratov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5090&Itemid=4).

Живой голос Средневековья

Исследования судеб текстов тех или иных авторов в истории мировой культуры относят чаще всего к проблематике литературоведческой, реже культурологической. На самом деле мы почти всегда имеем дело с интегральным коммуникационным феноменом, проследить развитие которого традиционными методами более или менее обстоятельно в общем-то не удается. Еще сложнее это сделать в отношении тех, чьи произведения прожили весьма долгую жизнь и уже веками являются слагаемыми мирового культурного пространства. Именно такими стали писания великого туровлянина свт. Кирилла. Увы, их история нам по прежнему остается известной лишь очень фрагментарно. Одна из самых больших загадок в данной связи – распространение текстов святителя, их рецепция в широкой народной среде. Имеющиеся в нашем распоряжении наблюдения позволяют начертить своеобразный абрисный вариант подобной общей картины.

Разнообразным литературным произведениям, написанным великим туровлянином на берегу извилистой Припяти восемь столетий назад, была суждена долгая и славная жизнь. Ни об одном другом восточнославянском и, пожалуй, вообще славянском мастере слова столь почтенной древности мы не можем сказать, что его сочинения не только продолжают бытовать в читательской среде, но получают все большее распространение и в оригиналах и в переводах. Едва ли можно оспорить то, что главное и самое известное в творческом наследии поэта-епископа – его евхографический, молитвословный, молитвенный цикл, постоянно волновавший и волнующий сердца и души огромного числа людей на просторах всех континентов, но особенно там, где живут восточные, южные и даже западные славяне. Наиболее любима поэзия

свт. Кирилла Туровского всегда была в православном мире – у белорусов, украинцев, русских, болгар, сербов.

Кажется почти невероятным, но этот евхографический цикл дошел до нас в малоизмененном виде и, согласно завету автора, к сожалению, пока не известному исследователям его творчества, поистине стал достоянием «вся христианы и благоверныи черноризьци и преподобныи ереи и всякого възраста христианьска рода».

С точки зрения текстолога молитвенный цикл Кирилла Туровского представляет первостепенный интерес. В исследовательском поле оказывается практически весь корпус проблем, связанных с точками приложения этой дисциплины. Более того, благодаря кропотливому изучению судьбы цикла «молитв на всю седмицу», удается проследить многие особенности литературного процесса у ряда народов от эпохи Средневековья и вплоть до наших дней. Одним словом, уникальность данного текста для множества филологических штудий, а также решения огромного числа сложных культурно-антропологических задач, включая коммуникационные, трансляционные, аксиологические и т. д., вполне очевидна и поистине феноменальна.

Трудности в работе с ним возникают из-за малой изученности самого литературного памятника, широты его распространения, разнородности трансляционных воплощений, плохого состояния информационной базы наличных славянских текстов и многого другого, что мешает, а иногда и полностью затрудняет научный поиск. Тем не менее, за несколько десятилетий собирания необходимых материалов нам удалось в основных чертах проследить внутреннюю и внешнюю жизнь этого текста и на основе модуляционного анализа составить своего рода ее абрис.

Конечно же, в этой схеме есть пробелы, вероятно никогда не восполнимые, но в целом вектор экзистенции данного текста прослеживается весьма отчетливо и достаточно подробно, вплоть до киберпространственной эпохи, оказавшейся необычайно динамичной и, естественно, ни на что непохожей до сих пор в его столь давней судьбе.

Новые информационные технологии, электронные публикации текста несколько повлияли даже на само его восприятие и

трактовку, что мы наблюдаем и в ходе обучения студентов-славистов, в том числе русистов. Важно отметить, что эти занятия проходят в условиях широкого выбора способа фиксации, воспроизведения этого цикла. Впрочем, все студенты без исключения оказываются способными в той или иной мере не только прочитать данный текст в нетранслитерированном оригинале, иногда даже по рукописи XIII в., но и адекватно воспринять и проанализировать его.

В известном своем труде «Текстология» Д.С. Лихачев писал: «Главная цель текстолога должна заключаться в установлении истории текста произведения. Какие же этапы в развитии текста будут нуждаться в своем восстановлении и издании – это должно показать все текстологическое и историко-литературное изучение произведения. Может быть, ими будут наряду с «авторским», наряду с древнейшим и более поздние этапы» [1].

В нашем случае задача значительно усложняется тем, что мы исследуем судьбу целого цикла, собрания текстов, каждый из которых, составляя определенное единство, являлся завершенным произведением, вполне достойным и пригодным при определенных условиях для автономизации, что и подтверждается в историческом ракурсе многочисленными его отчуждениями. В то же время весь цикл и каждая молитва, его составляющая, на протяжении восьми веков подвергались многочисленным редакционным правкам разного рода, включая всевозможные дополнения, сокращения, лексическую и грамматическую модернизацию, введение различных пояснений, надписаний и т. д. Естественно, все это, в силу динамики коммуникационных процессов, в конце концов сформировало множество более или менее разнородных текстовых групп, которые, коррелируя с топографией их бытования и транслирования, можно, конечно же, с той или иной степенью вероятности, объединить в особые ряды. Еще более формализуя задачу, на уровне своего рода укрупненных информационных потоков, мы может в общем виде представить многовековую судьбу евхографического цикла Кирилла Туровского.

Написанное им практически сразу же получило известность, было по достоинству оценено современниками, стало распро-

страняться в списках. На следующем этапе, уже после возвышения Пинска, примерно в XIV в., именно этот город, его литературная среда много делают для распространения молитвенных сочинений туровского святителя. Нельзя исключать, что особую роль во всем этом играла местная туровская элита, духовная и светская, напоминавшая таким образом о былом значении и величии древнего Турова и Туровской епархии, центр которой примерно через два века после кончины епископа Кирилла Туровского, видимо, переместился в Пинск. При этом в рукописной традиции отмечается именование свт. Кирилла «епископом Туровским и Пинским». Уже тогда келейный и домашний молитвослов великого туровлянина начинает распространяться и на территориях, значительно удаленных от восточнославянского культурного пространства. Важно подчеркнуть, что он все более становится достоянием и сугубо светской среды. При этом необходимо помнить, что подобные молитвословы, часословы для частного употребления получают распространение в самой Византии гораздо позднее, в XIII - XIV вв., то есть почти через два века после созданного Кириллом Туровским.

Уже в XVI в. у сербов и болгар наблюдается настоящий всплеск интереса к молитвенным сочинениям Кирилла Туровского. Общее число рукописных списков его сочинений, сделанных ими тогда и в более позднее время, исчисляется многими десятками. Их общее количество, по видимому, значительно превосходит сумму сохранившихся списков восточнославянского происхождения.

В конце XVI в. развитую рукописную традицию дополняет печатная, сформировавшаяся преимущественно усилиями белорусских православных братчиков, издававших этот цикл на протяжении почти полувека, что значительно повлияло на судьбу цикла в целом. Он получает широчайшее распространение во всем славянском мире и одновременно его автор почитается прежде всего как абсолютный православный авторитет, защитник «истинной веры», а это в условиях сильнейшей экспансии католицизма и превалирования униатской церкви на восточнославянских землях Речи Посполитой вело к медленному забвению имени и сочинений Кирилла Туровского. Вместе с тем, включение белорусскими

братчиками накануне принятия Брестской унии произведений свт. Кирилла в печатный сборник сочинений отцов Церкви, несомненно способствовало дальнейшей успешной рецепции его евхографического цикла от сибирских пределов Московского государства до земель балканских православных народов. Особо любимыми они становятся в русской старообрядческой среде, где переписываются вплоть до XX в.

Примерно с конца XVIII в., накануне «Румянцевской эпохи», на Восточном Полесье сложились три основные вероисповедные группы, в кругу которых обращались различные произведения свт. Кирилла. Самой многочисленной была униатская, унаследовавшая основы православной обрядности, подвергшейся латинизации. В силу особенностей функционирования униатской церкви, объективного и субъективного характера инертности многих процессов культурной трансляции в то время писания свт. Кирилла Туровского сберегались в ней в большинстве на уровне консервации, что отмечается в многочисленных визитационных документах, проанализированных нами. Среди православных были распространены преимущественно молитвословия свт. Кирилла и в меньшей степени отдельные гомилетические сочинения в составе различных сборников. Совершенно особое положение имело место в старообрядческой среде, и у поповцев и у беспоповцев. Можно сказать, что именно они, старообрядцы, оказались самыми верными почитателями и активными распространителями писаний свт. Кирилла Туровского. При этом их деятельность во многом предопределила и дальнейший успех собственно научного изучения словесных творений святителя, открытие миру величайшего славянского писателя древности. Старообрядцы тщательно собирали старопечатную и рукописную книжность, содержавшую произведения святителя, переписывали те или иные из них, наконец, издавали их большими тиражами. Живое бытование этой книжности мы наблюдаем у старообрядцев Восточного Полесья (на Брянщине, Гомельщине и Черниговщине) и до сих пор. В ряде музеев и библиотек Белоруссии, России, Украины и других стран сохраняются рукописи и старопечатные книги с сочинениями свт. Кириллы Туровского, обращавшиеся или же переписанные

старообрядцами Восточного Полесья. Стоит добавить, что в недалеких отсюда Клинцах они еще перепечатывались и в первой трети XIX в. Не подлежит сомнению, что именно эта старообрядческая восточнополесская традиция почитания свт. Кирилла, собирания и распространения его произведений оказала непосредственное влияние на увлечение участников Румянцевского кружка или, как все чаще начинают говорить и писать, «Румянцевской академии» изучением наследия великого туровлянина. Апогей их интереса к его писаниям и жизни приходится на 1810-е – 1820-е гг. Именно тогда молодой К.Ф. Калайдович на основе собранных членами румянцевского научного сообщества при непосредственном участии и даже руководстве Н.П. Румянцева материалов готовит к изданию знаменитые вскоре «Памятники российской словесности XII в.» (М., 1821), где «сочинения Кирилла Туровского» заняли центральное место. Среди документов, хранящихся в различных собраниях ряда стран, есть и немало касающихся изучения соратниками Н.П. Румянцева историко-культурного контекста жизни и деятельности свт. Кирилла, истории Турова и Туровщины, где, как прозорливо считал сам граф, «верно тлеют забытыми такие бумаги» [2]. Н.П. Румянцев не ошибался – именно там, на Туровщине, тогда, как показывают наши наблюдения, все еще сберегалось множество старинных свидетельств, включая документальные, в том числе рукописи сочинений свт. Кирилла, а позднее была открыта одна из древнейших книг всего славянства – пергаменное Туровское евангелие XI в. Нужно сказать, что местное туровское священство, а также прихожане туровских храмов поистине свято хранили память о своем небесном молитвеннике и покровителе. На протяжении многих поколений они верили и верят до сих пор в его всегдашнее присутствие на просторах родного края и влиянии на его историю, верят в будущее обретение святых мощей Кирилла Туровского, покоящихся в полесской земле.

В 1880 г. по инициативе Минского и Туровского епископа Евгения новогрудским уроженцем профессором И.И. Малышевским, которого почему-то современные исследователи творчества свт. Кирилла даже не упоминают, было издано первое, более или менее полное, собрание сочинений великого туровлянина, без со-

мнения во многом непревзойденное и по сей день – «Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского» (Киев, 1880). В этой объемной книге И.И. Малышевский в частности писал: «...молитвы должны быть отнесены к лучшим произведениям в том же роде, какие только существуют в православной церкви; – и, без сомнения, не столько своими проповедями и статьями об иночестве, сколько ... молитвами, находившимися – так сказать – в ежедневном употреблении у народа, святитель мог иметь на этот народ самое обширное и благотворное влияние» [3]. Наши наблюдения, и относительно XVIII и XIX и XX столетий, вплоть до нынешнего дня, полностью подтверждают эти слова И.И. Малышевского, бывшего ученика Жировичского духовного училища и Минской духовной семинарии. Именно молитвы свт. Кирилла, составляющие «лучшую часть творений» его, оказались «лучшими из существующих в церковном употреблении молитвенных творений» вообще [4]. Их цикл на все дни седмицы, ставший своего рода каноном, широко распространялся в рукописном и печатном виде. Бытовал он и все еще бытует и на Восточном Полесье, которое предоставило «ученой дружине» Н.П. Румянцева множество необходимых источников для изучения творчества свт. Кирилла.

К середине XIX в. и в родных местах Кирилла фиксируется распространение его молитвенных сочинений, точнее его восстановление, причем вплоть до сегодняшнего дня масштабы этого распространения увеличиваются все с большей быстротой, а девизом его в значительной мере могут считаться слова старобелорусских братчиков: «Веру же православную несумлено храняще и догматы божественныя и предания Святых богоносных отец наших неизменно съблюдающе и тако Господа умолим» [5].

XIX столетие становится временем видоизменения отношения к евхографическому циклу Кирилла Туровского. Отныне не только молитвенное чувство духовных и светских людей, или, как писали в древности, «братии и честных господий», то есть монахов и мирян, приковывается к нему, его начинают исследовать ученые, а позднее изучать студенты. Многие факторы, в том числе не в последнюю очередь эволюция форм передачи, воспроизведения

влияют на эволюцию восприятия этого цикла. Появление новых видов информационных носителей, а несколько ранее и способов традиционного тиражирования текстов, привели в конечном итоге и к существенному изменению характера его восприятия. Этому же в немалой степени способствуют переводы молитв цикла на современные восточнославянские языки, русский – начиная с XIX в. и белорусский – в последние годы.

В настоящий момент можно говорить о своеобразном конгломерате условий бытования молитвенного цикла Кирилла Туровского, значительно видоизменяющих его восприятие. Прежде всего это небывалая разнородность носителей – от рукописных копий, все еще имеющих широкое хождение, в том числе и на Полесье, в чем мы продолжаем убеждаться во время наших экспедиционных исследований, до всевозможных электронных файлов, распространяемых в том числе и с помощью сетевых технологий. При этом переводы евхографического цикла Кирилла Туровского на современные литературные языки почти не заметны, абсолютный приоритет отдается оригиналу древнего текста, который живет среди нас вот уже девятое столетие.

Вот одно из таких молитвословий (Молитва в субботу по вечерни) свт. Кирилла, недавно воспроизведенное в рукописном сборнике, созданном на Гомельщине:

> «Сподоби мя, Господи, сия заря и само солнце видити. и без греха сохраненым ми быти заступлением Твоим, Владыко. И даждь похвалити непобедимую силу Тваю. Яко вельми красну тварь помыслил еси быти, на службу нас ради грешных, да аз сподоблен свету сего. Молютися, Господи, даждь ми, милостиве, немерцающий бесконечный нетленный свет лица Твоего некогда видети. Ныне ж, помощию Твоею понуждаем, о милости Твоея радуяся вопию глаголя: Слава Ти, святая, единосущная и неразделимая и животворящая честная Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

В том же рукописном сборнике воспроизведено и древнее проложное житие святителя с рядом упрощений и изменений, сделанных переписчиками:

«Житие Святителя Кирилла Туровского.

Сей бе блаженный Кирилл рожден и воспитан града та Турова в русской стране и тако нарицаема, богату родителю сын. Но обаче не любяше богатства, ни славы тленной мира сего, но паче всегда прилежаши божественных писаний, добре извыче святых книг поучению. По времени же отшед в монастырь и быст мних, и паче Богови работаше, постом и бдением удручая тело свое, и сотвори себе честно жилище Святому Духу, и многим на пользу бысть, уча их, поучая мних в покорение и в послушание бытие игумену, того имети яко от Бога, и при всем его послушати: чернец убо иже не имеет послушания ко игумену, якоже обещася, таковый не может быть спасен. По сем блаженный, на болшая подвиг желая, в столп вшед затворися, и ту пребысть неколико время с постом и молитвою паче себе тружася, и много божественная писания изложи. Славен бысть по всей земли той: умолением князя и люди града того, от митрополита поставлен бысть епископом граду Турову, еже есть близ Киева. Бысть добре подвизаяся во церкви Божии, Феодорца же, еретика епископа, за укоризну тако нарицаемого, сего блаженный Кирилл ересь обличи и проклят его. Андрею Боголюбскому князю много послания написал от евангельских и пророческих писаний, аже суть что мы на праздники господские и на многа душеполезные словеса, аже к Богу молитвы и похвалы многим и на множавшая написав, церкви предаст: канун великий и покаянии сотвори к Господу по главам азбуки. Сеж и доныне творят верные русские люди. И тако доброчтене и благодатне поживе в добре порученное ему стадо пас, преставися в вечный живот и бесконечный. Придите днесь, братие, да похвалим своего святителя, глаголюще ему: радуйся, святителю честный, учителю наш! Другий Златоустей нам в Руси паче всем воссия, Радуйся, иже светла пресветлыми учением своим конца русския просветив. Радуйся, яко солнце, омрачные и темные богоразумением просвещая. Молю ти ся, малая си словеса приносяще, моли о нас Вседержителя, Ему же ныне предстоиши дерзновением, от належащих беде и томления поганского избавити и от безбожных Агарян, присно мучащих ны, да получим

милость молитвами твоими, грехов отдание, присносущих благ наслаждение во ином веце».

Огромной популярностью на белорусско-русско-украинском пограничье пользуются различные сочинения свт. Димитрия Ростовского, давно вошедшие в корпус произведений народной литературы. Несомненно их распространение шло сразу же по нескольким каналам, в том числе в более ранние времена часть их была включена в репертуар калик и лирников [6]. Позднее в значительном числе они стали расходится в виде всевозможных печатных брошюрок и листков, а также рукописаний. До сих пор на пограничье в рукописных сборниках встречаются даже псальмы свт. Димитрия, о современном народном бытовании которых исследователям было неизвестно [7]. Поражает большое количество различных прозаических сочинений святителя – слов, поучений и агиографических произведений, наличествующих в домашних библиотеках сельских и городских жителей пограничья. Наряду с печатными изданиями произведений свт. Димитрия, выпущенными в свет в последние два десятилетия, есть среди них и более старые, например, народные книжечки XIX и первой половины XX вв., а также достаточно многочисленные рукописные и иные копии. Оригиналами для последних в основном служили все те же народные издания XIX – первой половины XX вв., а в отдельных случаях, видимо, более ранние рукописи, позднее печатные собрания сочинений свт. Димитрия. Примечательно, что до сих пор, правда, редко, встречаются прозаические тексты свт. Димитрия в оригинале, то есть не адаптированные, точнее, почти не адаптированные и не переведенные как большинство из бытующих сейчас в народной среде. Вот один из них – «Летит время во дни и нощи, яко крылами», сохранившийся в рукописном сборнике-тетрадке, переписанном в конце XX в. на Черниговщине:

«Ох, три вещи содержат мя печали века сего, первая, яко имам умрети, вторая, яко не вем когда, третья, не вем, где тамо обрящуся.

Вем восхождение мое на нисхождение, житие на сокращение, младости на состарение: живу убо, яко имам умрети, по смерти не вем где обрящуся, процветаю в юности, иссыхаю в старости, согниваю по смерти. Аще же смертен, почто тако жи-

ву, аки бы никогда не имел умерети. В прах и червие, во смрад и зловоние обратитися имам, почто убо на лучшая не обращаюся. Прилежно имам истязан быти, и ответ жестокий слышати, по что удов моих всех в слезы не не обращаю, и всем телом не трепещу. Пойду убо ко гробу моему со многою печалию и болезнию сердца моего, и узрю тамо мое естество изменено, тело мое окаянное от истления смердящее червми снедено, кости в прах обращены. Вопрошу же гроба моего и поищу прилежно, где есть благолепие лица моего, где светлость очей моих, где сладкоречия витийство, где деяния православные, где преcладкая и превеселая со други мои беседа, где всякое суетное мира сего наслаждение и украшение? Слышу же от гроба моего: зде, в сем гробе вся доброта твоя – прах и пепел, червь и зловоние. Зри, зри, рече, доброту твою, зри, внемли прилежно и целуй мя твой гроб с объятием любезно, яко имаши во мне до дня судного обитати, и праведного суда ожидати; егда же восстану на суд пред нелицемерного Судию и Бога моего, что бедный тому реку, и к кому притеку, и что в оправдание себе возглаголю? Ох, ох, горе, горе, увы, там бо аще праведный едва спасается, аз же многогрешный и всесквернейший, аки пес смердящий, како явлюся и спасуся, не имый одеяния брачна? Се вникнув прочту, и слезами лице орошу, и всеусердно попрошу Премилостивейшего Бога Создателя моего: подаждь мне премногогрешному и всесквернейшему. аки псу смердящему, отпущение грехов моих и по кончине неизреченною благостию Твоею вечную жизнь получити, весело воскреснути с телом и душою совокупленну, и десного стояния причтену быти Тебе, во веки веков непрестанно хвалити, за молитвы несумленные моея надежды Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых Твоих. Аминь.

О, человече внимай, а смертный час не забывай!».

Трудно указать конкретный источник – оригинал, с которого был сделан этот список. Скорее всего им могло быть одно из народных изданий XIX – XX вв. Именно они позднее, уже в советское время, служили основными источниками для массовой переписки произведений святителя [8]. Издавна «Жития святых»

свт. Димитрия вызывали всенародный интерес. Ныне они постоянно переиздаются, правда, не в оригинале, а в переводе и сильно адаптированном виде. В народной среде достаточно рано сложилась потребность рукописного тиражирования отдельных из этих житий. Причем, переписывались они из весьма разных источников, начиная от первоизданий «Житий святых» до всевозможных их поздний адаптаций и даже своеобразных извлечений, принадлежащих другим авторам [9].

Отдельные жития, составленные свт. Димитрием, переписываются и до сих пор. Так, например, мы можем указать на ряд современных списков «Жития св. Онуфрия Великого», известного нам как в переводе на современный русский язык [10], так и украинский [11]. Не исключено, что при составлении некоторых из этих списков были использованы киберпространственные тексты, так как «Жития святых» свт. Димитрия в различных вариациях уже достаточно давно распространяются как с помощью отчуждаемых, так и неотчуждаемых электронных носителей. Все больше мы их видим и на различных сайтах в глобальной сети.

1. *Лихачев Д.С.* Текстология: На материале русской литературы XI – XVII вв. Л., 1983. С. 148.
2. Цит. по: *Щавинская Л.Л., Лабынцев Ю.А.* Туров два столетии яназад глазами исследователей наследия святителя Кирилла и князей Острожских (*в печати*).
3. Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского. Киев, 1880. С. LXXXVI.
4. Там же. С. LXXIII.
5. Цит. по: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Молитвословное наследие Кирилла Туровского: Жизнь в веках // Десять веков христианства на Руси. Гомель, 2006. С.27–28.
6. В северной части белорусско-русско-украинского пограничья произведения свт. Димитрия Ростовского, массово бытовавшие в народе, были зафиксированы уже в середине XIX в. (См.: Lietuvos mokslų akademijos biblioteka. F 22 – 111. L. 19).

7. См., напр., новейшую работу: *Сироїд О.* Псальми Дмитра Туптала в усній традиції // Дмитро Туптало у світі українського бароко. Львів, 2007. С. 153–166.
8. Мы можем указать на ряд народных изданий сочинений свт. Димитрия Ростовского XIX – первой половины XX вв., экземпляры которых бытовали и бытуют на белорусско-русско-украинском пограничье. Некоторые из них послужили оригиналами для массовой переписки. Таковы, например, издания Синодальной типографии в Варшаве межвоенного периода. Сравните несколько адаптированный текст на рукописных листках второй половины XX в. с Гомельщины и издание «Цветы» (Варшава: Синодальная типография, 1933).
Рукописный текст:

«Знают весну по цветам, как лето по колосьям; лето жатвою красно; осень плодами богата; зима, как девица цветами, украшается снегами; а весну знают по цветам! И Господь наш велит нам смотреть на эти цветы: "Смотрите, – говорит, – крин сельных, како растут".

Слово "крин" означает лилию – царицу цветов; а когда говорится в Евангелии: "Смотрите крин сельных" – это значит то же, что – смотрите на полевые цветы. Велит нам Господь наш смотреть на полевые цветы для того, чтобы мы получали от них некую духовную пользу, ибо как пчела, летая по цветам, собирает с них мед, так и мы, взирая не телесными только, но и духовными очами на цветы, соберем духовную сладость, научимся некоему познанию.

Во-первых, Господь наш, поучая нас нестяжанию или, лучше сказать, тому, чтобы мы не заботились слишком о приобретении имений, о пище, одежде, украшениях, богатствах, велит нам смотреть на полевые цветы, как они растут: "Не труждаются, не прядут", а Бог их тако одевает. Не подумай, что Бог сими словами запрещает трудиться и иметь житейские попечения, – нет. Он и Адаму повелел иметь пропитание от труда рук своих и добывать себе хлеб в поте лица своего. Он запрещает только излишнее попечение, которое бывает соединено с грехом и опасностью. Господь говорит о тех, которые не надеются на Промысл Божий, ненасытно ищут обогащения, забывают Бога и обижают своего ближнего грабежом, воровством, разбоем и всякими неправдами: вот таким-то Бог и велит смотреть на птиц, Богом питаемых, на цветы, Богом одеваемые, и полагаться более на Его Святой Промысл, чем на свои попечения. Так и Св. Златоуст рассуждает: "Бог не запрещает нам трудиться, ибо и Св. Апостол говорит: праздный да не яст. Бог повелевает только не полагаться во всем на свои заботы, не забывать Его Самого. Мы должны трудиться по мере сил наших, а о

спасении душ наших стараться со всем тщанием, со всею чистотою". Так говорит Св. Златоуст.

Смотреть на цветы полевые Господь велит еще и для того, чтобы мы познавали суету и скоротечность сей нашей жизни. Помните, что говорит Давид: "Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет". И еще: "Утро яко трава мимо идет, утро процветет и прейдет: на вечер отпадет, ожестеет и иссохнет". Вся жизнь наша – как будто один день: как день имеет утро и вечер, так и в жизни нашей утро – это рождение наше, а вечер – кончина смертная. В этом-то дне, то есть в жизни, мы как будто трава, по слову Св. Апостола Петра: "Зане всяка плоть яко трава". И что в траве цветок, то в плоти нашей дыхание наше, и как цветок травы утром расцветает, к вечеру отцветает, увядает, отпадает, так и жизнь наша: человек рождается и уже приближается к смерти, едва расцветает, как уже и отцветает; с минуты своего рождения, как от утра дневного, он идет к вечеру – смерти; едва восходит, как уже начинает склоняться к своему западу.

И в такой-то краткой жизни нашей – что другое можно видеть, как только траву и цветы, скоро увядающие. Посмотришь ли на красующуюся молодость. Это – цветок, которому нечего ждать, кроме того, что ему скоро придется поблекнуть. Взглянешь ли на цветущие красотою лица. И это – цветок, в тот же день увядающий и в прежнее состояние безобразия обращающийся. Видишь ли человека, телом бодрого, сильного, здорового. Опять – цветок, который из-за какого-нибудь маловажного случая тотчас потеряет и силы, и бодрость, и здоровье. Смотришь ли на богатство и роскошь. И все это – цветок, который может исчезнуть за одну ночь, по слову Господа: "Безумие, в сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут"? Видишь ли великую славу человеческую. И она – цветок, по слову Апостола: "Всяка слава человеча яко цвет травный: изсше трава, и цвет ея отпаде"; умрет человек, и слава его погибла. Когда он умирает, то все оставляет и нисходит с ним слава его. И как из цветов редкий приносит плод, пригодный для пищи человеку, – большею частью они услаждают только зрение человека, и то немного, – так и с цветка бедной души нашей редко собираются духовные плоды добродетелей: большею частью человек насладится временной сладостию греха, но и та обращается для него в вечную горечь, ибо то, что услаждает, временно, а то, что причиняет горечь, вечно. Да и какого плода можно ожидать от красоты юности, от цветущих лиц, кроме гноя, червей и смрада во гробе. Что за плод от богатства и роскоши, кроме хлопот, печали и слез, как говорит Св. Апостол Иаков: "Приидите

ныне, богатии, плачитеся и рыдайте, богатство ваше изгни, и ризы ваша молие поядоша". Какой плод будет от почестей, славы и роскошной жизни, кроме онаго рыдания, записанного в книге Соломоновой, рыдания, которым рыдают грешники по смерти: "Что полъза нам гордыня? И богатство с величием что воздаде нам? Преидоша вся она, яко сень и яко весть претекающая: яко корабль преходяй волнующуюся воду, или птицы, перелетающия по аеру". Вот пустоцвет кратковременной, жалкой жизни нашей.

Да! Не прочна красота цветов – не долга жизнь наша! Иисус, сын Сирахов, берет столетнюю жизнь человека и сравнивает эти сто лет с одной каплей воды: "Число дней человеку, пишет он, много лет сто: яко капля морския воды, тако мало лет в день века". Слышите, что он говорит? Сто лет жизни человеческой столь же ничтожно в сравнении с вечностью, как одна капля воды в сравнении с целым морем. По нашему мнению, сто лет – долгая жизнь, и мы удивляемся, когда слышим, что кто-нибудь дожил до ста лет, а по мнению сына Сирахова, и в самом деле это так, – столетняя жизнь есть только одна капля воды! Да если бы кто и тысячу лет прожил и то было бы ничтожно, и то – капля воды! Потому, что за временной жизнью настает вечная, бесконечная жизнь; в этой жизни все минувшие века, сотни и тысячи лет будут казаться одной каплей, мимолетным сновидением, которое человек по пробуждении тотчас же и забывает. Взвесь одну каплю в сравнении с целым морем: много ли в капле весу будет? Сравни сто или тысячу лет с бесконечной вечностью – долог ли век покажется. Разве одним днем, по слову Псалмопевца, "тысяча лет пред очима Твоима, Господи, яко день вчерашний, иже мимо иде". Вот как кратковременна жизнь наша, которой мы наслаждаемся, как красивым цветком, а того и не думаем, что этот цветок скоро завянет.

Но я опять обращаюсь к словам Господа: "Смотрите крин сельных, како растут". Как же растут сельные крины – цветы? Они растут и раскрываются к небу. Не к земле трава обращает свой цветок, а развертывает его к небу, раскрывает, распростирает внутренности свои, будто хочет показать их лицу небесному, или лучше сказать, самому Создателю Богу. А Господь наш велит нам смотреть на сие и учиться у цветов тому, чтобы наши помыслы сердечные, наши желания, наши привязанности обращать не к земным пристрастиям, но к Единому Богу, чтобы любить не тварь, а Творца, желать не земного, но небесного, искать не дольных, но горних. Вот почему Он и говорит: „смотрите крин сельных", как бы говоря: пусть самые цветы полевые будут

служить вам примером. О, люди, пусть они будут для вас наставниками и учителями Богомыслия, Боголюбия и Богослужения.

Если человек, по слову Псалмопевца, яко трава, то помыслы в сердце будут яко цвет или листочки цветов. Вот их-то человек и должен раскрывать Богу, Создателю своему, о Нем едином всегда помышлять, Его единого в своих помыслах содержать. У кого сердце и ум расположены к сему, у того и цветы сии не останутся без плода, но принесут плод воистину божественный. Кто всегда помышляет о Боге, тот любит Бога, кто всегда мыслит о земном, тот любит землю. Кто что любит, тому и сам подобен».

9. См., напр.: *Добрянскій А.* Житье знаменитших в роце угодников Божих. Перемишль, 1865.
10. Хотим привести данный текст по рукописному списку XXI в., сделанному на Гомельщине или Могилевщине:

«Житие преподобного отца нашего Онуфрия Великого

Преподобный Пафнутий, подвизавшийся в одном из пустынножительных монастырей египетских, оставил нам повествование о том, как он обрел в пустыне преподобного Онуфрия Великого, а также и других пустынников. Свое повествование он начинает так:

Однажды, когда я пребывал в безмолвии в монастыре своем, пришло ко мне желание пойти во внутреннюю пустыню, чтобы видеть, есть ли там инок, более меня работающий Господу? Встав, я взял с собой немного хлеба и воды и отправился в путь; я вышел из монастыря своего, никому ничего не сказав, и направился в самую внутреннюю пустыню. Я шел четыре дня, не вкушая ни хлеба, ни воды и дошел до некоторой пещеры, закрытой со всех сторон и имевшей только одно небольшое оконце. Я простоял у окна в продолжение часа, надеясь, что, по обычаю иноческому, ко мне кто-либо выйдет из пещеры и выскажет мне приветствие о Христе; но так как мне никто ничего не говорил и не открывал дверей, то я сам открыл двери, вошел и высказал благословение. В пещере я увидел некоего старца, сидевшего и как бы спящего. Я снова высказал ему благословение и прикоснулся к его плечу, намереваясь его разбудить, но тело его было как прах земной; осязав его руками, я убедился, что он умер уже много лет тому назад. Увидав одежду, висевшую на стене, я прикоснулся к ней; и была она как прах в руке моей. Тогда я снял с себя свою мантию и покрыл ею тело умершего, затем, выкопав руками своими яму в песчаной земле, похоронил тело подвижника с обычным псалмопени-

ем, молитвой и слезами. Потом, вкусив немного хлеба и испив воды; я подкрепил свои силы и переночевал при могиле того старца.

На следующий день утром, сотворив молитву, я отправился в дальнейший путь к внутренним пустыням; идя в течение нескольких дней, я натолкнулся на другую пещеру; услыхав около нее человеческие крики, я подумал, что в той пещере, вероятно, жил кто-нибудь; я постучал в дверь; но, не получив ответа, вошел внутрь пещеры; не найдя здесь никого, я вышел наружу, помышляя про себя, что здесь, вероятно, живет один из рабов Божиих, ушедший в это время в пустыню. Я решил ждать на этом месте того раба Божия, так как желал видеть его и приветствовать о Господе; и пробыл в ожидании весь день, все время воспевая псалмы Давидовы. То место показалось мне очень красивым: здесь росла финиковая пальма с плодами, протекал небольшой источник воды; я весьма дивился красоте места того и желал сам жить на месте этом, если бы это было для меня возможно.

Когда день начал уже склоняться к вечеру, я увидел стадо буйволов, шедших по направлению ко мне; увидал также и раба Божия, шедшего среди животных (то был Тимофей пустынник). Когда стадо приблизилось ко мне, то я увидел мужа без одежды, прикрывавшего наготу тела своего лишь одними волосами. Подойдя к тому месту, на котором я стоял, и посмотрев на меня, человек тот принял меня за духа и привидение, и стал на молитву, ибо многие нечистые духи искушали его привидениями на месте том, как он сам рассказал мне потом об этом.

Я же сказал ему: „Чего ты устрашился, раб Иисуса Христа, Бога нашего? Посмотри на меня и на следы от ног моих, и знай, что я такой же человек, как и ты; удостоверься осязанием, что я – плоть и кровь“.

Посмотрев на меня и убедившись, что я действительно человек, он утешился и, возблагодарив Бога, сказал: „Аминь“. Потом подошел ко мне, облобызал меня, ввел в свою пещеру и предложил мне для вкушения финиковые овощи; подал и чистой воды из источника, и сам вкусил ради меня; потом спросил меня, сказав: „Каким образом ты пришел сюда, брат?“ Я же, раскрывая перед ним свои мысли и намерения, отвечал: „Желая видеть рабов Христовых, подвизающихся в сей пустыни, я вышел из монастыря моего и пришел сюда; и Бог не лишил меня исполнения намерения моего, ибо сподобил меня видеть твою святость“. Потом я спросил его: „Как ты, отче, пришел сюда? Сколько лет подвизаешься в этой пустыне, чем питаешься и почему ты ходишь нагим и ничем не одеваешься?“

Тогда он поведал мне о себе следующее: „Сначала я жил в одной из фиваидских киновий, проводя жизнь иноческую и усердно служа Богу. Я занимался тканьем. Но во мне явился такой помысл: выйди из киновий и живи один, трудись, подвизаясь, дабы воспринять от Бога большую мзду, ибо ты можешь от плода рук своих не только сам питаться, но и нищих питать и давать покой странствующим братиям. Вняв с любовью своему помыслу, я ушел из братства, построил себе келию близ города и упражнялся в своем рукоделании; для меня было всего достаточно, ибо трудами рук своих я собирал все необходимое для себя; ко мне приходили многие, требовавшие изделий рук моих и приносили все необходимое; я давал приют странникам, избыточествующее же раздавал нищим и нуждающимся. Но моему житью позавидовал враг спасения нашего, дьявол, всегда со всеми воюющий; желая погубить все труды мои, он внушил некоей женщине прийти ко мне ради моего рукоделия и просить меня приготовить полотно; приготовив, я отдал его ей. Потом она попросила меня приготовить ей еще полотна; и случилась между нами беседа, явилось дерзновение; зачав грех, мы родили беззаконие; и пребывал я с ней в течение шести месяцев, греша все время. Но, наконец, я помыслил про себя, что ныне или завтра меня постигнет смерть и я буду мучиться вечно. И сказал я себе: "Увы мне, душа моя! Лучше тебе бежать отсюда, дабы спастись от греха и вместе с тем от муки вечной".

Поэтому, оставив все, я тайно убежал оттуда и пришел в эту пустыню, дойдя до места сего, я нашел эту пещеру, источник и финиковую пальму, имевшую двенадцать ветвей; каждый месяц одна из ветвей рождает такое количество плодов, которого вполне хватает для пропитания моего в продолжение тридцати дней. Когда же оканчивается месяц и вместе с тем плоды на одной ветви, тогда созревает другая ветвь. Так, благодатью Божиею я питаюсь, и ничего другого не имею в своей пещере. И одежды мои от долгого времени, придя в ветхость, уничтожились, по истечении многих лет (ибо я уже тридцать лет подвизаюсь в пустыне этой) выросли на мне волосы, как ты видишь; они заменяют для меня одежду, прикрывая наготу мою".

Выслушав все это от подвижника, я спросил его: „Отче! В начале твоих подвигов на этом месте, испытывал ли ты какие препятствия или нет?"

Он отвечал мне: „Я претерпел бесчисленные нападения бесов. Много раз они вступали в борьбу со мной, но не могли одолеть меня, ибо мне помогала благодать Божия; я противился им знамением крестным и молитвой. Кроме вражьих нападений, моим подвигам препятствовала еще болезнь телесная; ибо я весьма страдал желудком,

так что падал на землю от сильной боли; я не мог творить своих обычных молитв, но, лежа в пещере своей и валяясь по земле, с большими усилиями совершал пение, и совершенно не имел сил выйти из пещеры. Я молился Богу милосердному, чтобы Он дал мне прощение грехов моих ради болезни моей. Однажды, когда я сидел на земле и тяжко страдал желудком, я увидал честного мужа, стоявшего предо мной и сказавшего мне: "Чем ты страдаешь? "

Я же едва мог ответить ему: "Я страдаю, господин, желудком".

Он сказал мне: "Покажи мне, где болит".

Я показал ему. Тогда он простер руку свою и положил свою ладонь на больное место; я тотчас выздоровел. Он же сказал мне: "Вот ты теперь здоров, не греши же, чтобы тебе не было хуже, но работай Господу и Богу твоему от ныне и до века".

С того времени я не болею, по милости Бога, славя и хваля милосердие Его”.

В такой беседе я провел с тем преподобным отцом почти всю ночь: утром же я встал на обычную молитву.

Когда наступил день, я начал усердно просить того преподобного отца позволить мне жить или близ него или где-либо отдельно поблизости от него. Он же сказал мне: „Ты, брат, не вынесешь здесь демонских напастей“. По этой причине он и не позволял мне остаться при нем. Я просил его также сказать мне свое имя. И сказал он: „Имя мое – Тимофей. Поминай меня, брат возлюбленный, и моли обо мне Христа Бога, да явит Он мне до конца милосердие Свое, которого сподобляет меня“.

Я припал к ногам его, прося его помолиться обо мне. Он же сказал мне: "Владыка наш Иисус Христос, да благословит тебя, да сохранит тебя от всякого искушения вражеского и да наставит тебя на путь правый, дабы ты беспрепятственно достиг святости"”.

Благословив меня, преподобный Тимофей отпустил меня с миром. Я взял из рук его себе в путь финиковые овощи, почерпнул воды из источника в свой сосуд, потом, поклонившись святому старцу, ушел от него, прославляя и благодаря Бога за то, что Он сподобил меня видеть таковового угодника Своего, слышать слова его и воспринять от него благословение.

На возвратном пути оттуда спустя несколько дней я пришел в пустынный монастырь и остановился в нем, дабы отдохнуть и пробыть некоторое время. Со скорбью я помышлял в себе какова жизнь моя? Каковы подвиги мои? Моя жизнь не могла быть названа даже тенью сравнительно с житием и подвигами этого великого угодника

Божия, которого я сейчас видел. Я пробыл немало дней в таковых размышлениях, желая подражать в богоугождении тому праведному мужу. По милосердию Божию, подвигнувшему меня позаботиться о душе своей, я не обленился снова идти во внутреннюю пустыню непроходимым путем – той дорогой, где жил варварский народ, называемый мазиками. Я весьма хотел узнать, есть ли еще другой такой пустынник, служивший Господу? Я весьма хотел найти его, дабы получить от него пользу для души своей.

Отправляясь в предпринимаемый мной пустынный путь, я взял с собой немного хлеба и воды, которых хватило на непродолжительное время. Когда же хлеб и вода были мной уничтожены, то я восскорбел, ибо не имел пищи, однако я крепился и шел еще четыре дня и четыре ночи без пищи и пития, так что весьма изнемог телом; я упал на землю и стал ожидать смерти. Тогда я увидел святоподобного, прекрасного и пресветлого мужа, подошедшего ко мне; возложив свою руку на уста мои, он стал невидим. Тотчас я ощутил в себе крепость сил, так что мне не хотелось ни есть, ни пить.

Встав, я снова пошел во внутреннюю пустыню и прошел еще четыре дня и четыре ночи без пищи и пития; но вскоре опять стал изнемогать от голода и жажды. Воздев руки к небу, я помолился Господу, и снова увидел того же мужа, который подошел ко мне, коснулся рукой своей уст моих и стал невидим. От сего я получил новую силу и отправился в путь.

На семнадцатый день своего путешествия я подошел к некоей высокой горе; утрудившись от пути, я сел у подножия горы, дабы отдохнуть немного. В это время я увидел мужа, приближавшегося ко мне, очень страшного на вид; он весь был покрыт волосами как зверь, при этом волосы его были белы как снег, ибо он был седым от старости. Волосы его головы и бороды были очень длинны, доходили даже до земли и покрывали все тело его как некая одежда, бедра же его были опоясаны листьями пустынных растений. Когда я увидал сего мужа, приближавшегося ко мне, то пришел в страх и побежал на скалу, находившуюся на верху горы. Он же, дойдя до подножия горы, сел в тень, намереваясь отдохнуть, ибо весьма утрудился от зноя, а также и от старости. Посмотрев на гору, он увидел меня и, обратившись ко мне, сказал: „Подойди ко мне, человек Божий! Я такой же человек, как и ты; я живу в пустыне сей, подвизаясь Бога ради“.

Я услыхав это, поспешил к нему и пал к ногам его. Он же сказал мне: „Поднимись, сын мой! Ведь и ты – раб Божий и друг святых Его; имя же твое – Пафнутий“.

Я встал. Тогда он приказал мне сесть, и я сел с радостью близ него. Я начал его усердно просить, – сказать мне свое имя и описать мне свою жизнь, – как он подвизается в пустыне и как много времени живет здесь. Уступая моим неотступным просьбам, он начал свое повествование о себе так: „Имя мое – Онуфрий; я живу в этой пустыне шестьдесят лет, скитаясь по горам; я не видал ни одного человека, ныне вижу лишь тебя одного. Раньше я жил в одном честном монастыре, называвшемся Эрити и находившемся близ города Гермополя, что в Фиваидской области. В монастыре том проживает сто братий; все они живут в полном единодушии друг с другом, проводя общую согласную жизнь в любви о Господе нашем Иисусе Христе. У них общая пища и одежда; они проводят безмолвную постническую жизнь в мире, славя милость Господню. Во дни своего детства я как новоначальный, был наставляем там святыми отцами усердной вере и любви к Господу, а также поучался и уставам иноческого жития. Я слышал, как они беседовали о святом пророке Божием Илии, именно, что он, укрепляемый Богом жил, постясь, в пустыне, слышал также и о святом Предтече Господни Иоанне, которому не быть подобен никогда ни один человек, относительно его жизни в пустыне, до дня явления своего Израилю. Слышав все это, я спросил святых отцов: "Что же: значит, те, кто подвизается в пустыне, больше вас в очах Божиих?"

Они же отвечали мне: "Да, чадо, они больше нас; ибо мы видим ежедневно друг друга, совершаем соборно церковное пение с радостью; если захотим есть, то имеем уже готовый хлеб, точно также, если захотим пить, имеем готовую воду; если случится кому-либо из нас заболеть, то таковой получает утешение от братии, ибо мы живем сообща, друг другу помогаем и служим ради любви Божией; живущие же в пустыне лишены всего этого. Если с кем-либо из пустынножителей случится какая-либо неприятность, кто его утешит в болезни, кто ему поможет и послужит если на него нападает сила сатанинская, где он найдет человека, который ободрит его ум и преподаст ему наставление, так как он один? Если не будет у него пищи, где он достанет ее без труда; точно также, если и возжаждет, то не найдет воды поблизости. Там, чадо, несравненно больший труд, нежели у нас, живущих сообща; предпринимающие пустынную жизнь начинают служить Богу с большим усердием, налагают на себя более строгий пост, подвергают себя голоду, жажде, зною полуденному; великодушно претерпевают холод ночной, крепко сопротивляются козням, наносимым невидимым врагом, всячески стараются победить его, с усердием стараются пройти тесный и прискорбный путь, ведущий во Царствие не-

бесное. По этой причине Бог посылает к ним святых ангелов, которые приносят им пищу, изводят воду из камня и укрепляют их настолько, что относительно них сбываются слова пророка Исаии, говорящего: "а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся". Если же кто из них и не сподобляется лицезрения ангельского, то во всяком случае не лишается невидимого присутствия ангелов Божиих, которые охраняют такого пустынника во всех путях его, защищают от наветов вражьих, способствуют такому в добрых делах его и приносят Богу молитвы пустынника. Если с кем-либо из пустынников случается какая-либо нечаянная напасть вражья, то он воздевает руки свои к Богу, и тотчас ниспосылается ему помощь свыше и отгоняются все напасти ради чистоты его сердечной. Разве ты не слыхал, чадо, сказанного в Писании, что Бог не оставляет без внимания ищущих Его, ибо не навсегда забыт будет нищий, и надежда бедных не до конца погибнет. И еще: Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он избавил их от бедствий их: ибо Господь воздает каждому соответственно тому труду, который кто принимает на себя. Блажен человек, творящий волю Господню на земле и усердно Ему работающий: таковому служат ангелы, хотя бы невидимо: они возвеселяют сердце его радостью духовной и укрепляют того человека всякий час, пока он находится во плоти".

Все это я, – смиренный Онуфрий, – слышал в своем монастыре от святых отцов, и от слов сих усладилось сердце мое, ибо слова сии для меня были приятнее меда, и показалось мне, что я был как в другом некоем мире; ибо во мне явилось непреодолимое желание идти в пустыню. Встав ночью и взяв немного хлеба, так что его едва хватило бы на четыре дня, я вышел из монастыря, возложив все надежды свои на Бога; я пошел дорогой, ведущей к горе, намереваясь идти отсюда в пустыню. Лишь только я начал входить в пустыню, как увидал перед собой ярко сиявший луч света. Весьма испугавшись, я остановился и начал уже помышлять о возвращении в монастырь. Между тем луч света приближался ко мне, и я слышал из него голос, говоривший: "Не бойся! Я – ангел, ходящий с тобой от дня рождения твоего, ибо я приставлен к тебе Богом, дабы хранить тебя; мне было повеление от Господа – вести тебя в сию пустыню. Будь совершен и смирен сердцем перед Господом, с радостью служи Ему, я же не отступлю от тебя до тех пор, пока Создатель не повелит мне взять душу твою".

Сказав это из светлого луча, ангел пошел впереди меня, я же последовал за ним с радостью. Пройдя около шести или семи миллиарий, я увидал довольно просторную пещеру; в это время луч света ан-

гельского исчез из глаз моих. Подойдя к пещере, я пожелал узнать, нет ли там какого человека. Приблизившись к дверям, я, по обычаю иноческому, воззвал: "Благослови!"

И увидел я старца, видом честного и благообразного; на лице и во взгляде его сияла благодать Божия и духовная радость. Увидав сего старца, я пал к ногам его и поклонился ему. Он же, подняв меня рукой своей, поцеловал и сказал: "Ты ли это, брат Онуфрий, споспешник мой о Господе? Войди, чадо, в мое жилище. Бог да будет помощником твоим; пребывай в звании своем, совершая добрые дела в страхе Божием".

Войдя в пещеру, я сел и пробыл с ним немало дней; я старался научиться от него его добродетелям, в чем я и успел, ибо он научил меня уставу жития пустыннического. Когда же старец, увидел, что дух мой уже был просвещен настолько, что я понимал, каковы должны быть дела, угодные Господу Иисусу Христу; увидав также, что я укрепился к бесстрашной борьбе с тайными врагами и страшилищами, которые имеет пустыня, старец сказал мне: "Поднимись, чадо; я поведу тебя в другую пещеру, находящуюся во внутренней пустыне, живи в ней один и подвизайся о Господе; ибо для сего Господь и послал тебя сюда, – чтобы ты был насельником пустыни внутренней".

Сказав так, он взял меня и повел в самую внутреннюю пустыню: шли же мы четыре дня и четыре ночи. Наконец, на пятый день нашли небольшую пещеру. Тот святой муж тогда сказал мне: "Вот то самое место, которое уготовано Богом для твоих подвигов". И пробыл старец со мной тридцать дней, поучая меня доброделанию; по прошествии же тридцати дней, поручив меня Богу, пошел обратно к месту своих подвигов. С тех пор он приходил ко мне один раз в год; он навещал меня ежегодно, до преставления своего Господу; в последний год он преставился ко Господу, быв у меня по обычаю своему; я же плакал весьма много и похоронил тело его близ моего жилища".

Потом я, смиренный Пафнутий, спросил его: „Отче честный! Многие ли труды предпринял ты в начале твоего прибытия в пустыню?"

Блаженный старец отвечал мне: „Поверь, возлюбленный брат мой, что я предпринял столь тяжелые труды, что уже много раз отчаивался в жизни своей, считая себя близким к смерти: ибо я изнемогал от голода и жажды; с самого начала прибытия в пустыню я не имел ничего из пищи и питья, случайно разве только я находил пустынное зелье, которое и было мне пищей; жажду же мою прохлаждала только роса небесная; жар солнечный жег меня днем, ночью же я мерз от холода: тело мое покрывалось каплями дождевыми от росы небес-

ной; чего другого я не претерпел, каких трудов и подвигов не предпринял в этой непроходимой пустыне? Пересказать о всех трудах и подвигах невозможно, да и неудобно оповещать то, что человек должен творить наедине ради любви Божией. Благий же Бог, видя, что я всего себя посвятил постническим подвигам, обрекши себя на голод и жажду, приказал ангелу своему заботиться обо мне и приносить мне ежедневно немного хлеба и воды для укрепления тела моего. Так был питаем я ангелом в продолжение тридцати лет. По истечении же тридцати лет, Бог дал мне более обильное питание, ибо близ пещеры моей я нашел финиковую пальму, имевшую двенадцать ветвей; каждая ветвь отдельно от других приносила плоды свои, – одна в один месяц, другая в другой, до тех пор, пока не оканчивались все двенадцать месяцев. Когда оканчивается один месяц, оканчиваются и плоды на одной ветви; когда наступает другой месяц, начинают вырастать плоды на другой ветви. Кроме того, по повелению Божию, потек близ меня и источник живой воды. И вот уже другие тридцать лет я подвизаюсь с таким богатством, иногда получая хлеб от ангела, иногда же вкушая финиковые плоды с кореньями пустынными, которые, по устроению Божию, кажутся мне более сладкими, нежели мед; воду же я пью из сего источника, благодаря Бога; а более всего я питаюсь и напояюсь в сладость словами Божиими, как и написано: "не хлебом одним будет жить человек, но всякий словом, исходящим из уст Божиих". Брат Пафнутий! Если со всем усердием будешь исполнять волю Божию, то ты получишь от Бога все необходимое; ибо во святом Евангелии сказано: "Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложиться вам“.

Когда Онуфрий говорил все это, я весьма дивился чудному житью его. Потом снова спросил его: „Отче, каким образом ты причащаешься пречистых Христовых Тайн в субботу и в день воскресный?“

Он отвечал мне: „Ко мне приходит ангел Господень, который и приносит с собой пречистые Тайны Христовы и причащает меня. И не ко мне только одному приходит ангел с причастием божественным, но и к прочим подвижникам пустынным, живущим ради Бога в пустыне и не видящим лица человеческого; причащая, он наполняет сердца их неизреченным весельем. Если же кто-либо из сих пустынников пожелает видеть человека, то ангел берет его и поднимает к небесам, дабы он видел святых и возвеселился, и просвещается душа такого пустынника, как свет, и радуется духом, сподобившись ви-

деть блага небесные; и забывает тогда пустынник о всех трудах своих, предпринятых в пустыне. Когда же подвижник возвращается на свое место, то начинает еще усерднее служить Господу, надеясь получить на небесах то, что он сподобился видеть".

Обо всем этом беседовал со мной Онуфрий у подножия той горы, где мы встретились. Я же преисполнился великой радости от такой беседы с преподобным и также забыл все труды путешествия своего, сопряженные с голодом и жаждой. Укрепившись духом и телом, я сказал: „Блажен человек, сподобившийся видеть тебя, святой отче, и слышать прекрасные и сладчайшие слова твои!" Он же сказал мне: „Встанем же, брат, и пойдем к жилищу моему". И поднявшись, мы пошли.

Я не переставал дивиться благодати преподобного старца; пройдя два или три миллиария, мы подошли к честной пещере святого. Вблизи пещеры той росла довольно большая финиковая пальма и протекал небольшой источник живой воды. Остановившись около пещеры, преподобный помолился. Окончив молитву сказал: „Аминь". Потом сел, предложил также и мне сесть рядом с собой. И беседовали мы, поведан друг другу о милостях Божиих.

Когда день начал склоняться к вечеру и солнце обращалось уже на запад, я увидел чистый хлеб, лежавший между нами, и приготовленную воду. И сказал мне тот блаженный муж: „Брат, вкуси хлеба, лежащего перед тобой, и испей воды, дабы укрепиться; ибо я вижу, что ты изнемог от голода и жажды и от трудов путешествия".

Я отвечал ему: „Жив Господь мой! Я не буду есть и пить один, но только вместе с тобой".

Старец же не соглашался вкусить; я долго упрашивал его и едва мог упросить исполнить мою просьбу; простерши руки, мы взяли хлеб, преломили его и вкусили; мы насытились, остался даже излишек хлеба; потом мы испили воды и возблагодарили Бога; и пробыли всю ту ночь в молитве к Богу.

Когда наступил день, я заметил, что лицо преподобного после утреннего пения молитвенного изменилось, и весьма убоялся сего. Он же, уразумев это, сказал мне: „Не бойся, брат Пафнутий, ибо Бог, милосердый ко всем, послал тебя ко мне, дабы ты предал погребению тело мое; в сегодняшний день я окончу временную жизнь мою и отойду к жизни бесконечной в покое вечном ко Христу моему".

Был же тогда двенадцатый день месяца июня; и завещал преподобный Онуфрий мне, сказав: „Возлюбленный брат! Когда возвратишься в Египет, напомни обо мне всем братиям и всем христианам".

Я же сказал ему: „Отче! После твоего исхода я желал бы пребывать здесь на твоем месте“.

Но преподобный сказал мне: „Чадо! Ты послан Богом в пустыню эту не для того, чтобы в ней подвизаться, но для того, чтобы видеть рабов Божиих, возвратиться обратно и поведать о добродетельной жизни пустынников братиям, ради душевной пользы их и во славу Христа Бога нашего. Иди же, чадо, в Египет, в свой монастырь, а также и к другим монастырям и поведай обо всем, что ты видел и слышал в пустыне; поведай также и о том, что ты еще увидишь и услышишь; сам же подвизайся в добрых делах, служа Господу“.

Когда преподобный сказал, что, то я пал к ногам его со словами: „Благослови меня, честнейший отче, и помолись обо мне, дабы я снискал милость перед Богом: помолись обо мне, чтобы Спаситель мой сподобил меня видеть тебя в будущем веке, подобно тому как сподобил видеть тебя в сей жизни“.

Преподобный же Онуфрий, подняв меня от земли, сказал мне: „Чадо Пафнутий! Да не будет пренебрежено прошение твое Богом, но да исполнит его Бог; да благословит тебя Бог и да утвердит в любви Своей и просветит умные очи твои к боговидению; да избавит тебя от всякого несчастия и сетей сопротивника и да продолжит начатое тобой доброе дело; да сохранят тебя ангелы Его на всех путях твоих, да соблюдут они тебя от врагов невидимых, так что сии последние не возмогут оклеветать тебя перед Богом в час грозного испытания“.

После этого преподобный отец преподал мне последнее целование о Господе; потом начал молиться ко Господу со слезами и воздыханием сердечным. Преклонив колена и помолившись довольно продолжительное время, он лег на землю и изрек свое последнее слово: „В руки Твои, Боже мой, предаю дух мой!“ В то время как он говорил это, его осиял с неба дивный свет, и при сиянии сего света преподобный, веселясь лицом, испустил дух свой. И тотчас был слышен в воздухе голос ангелов, певших и благословлявших Бога; ибо ангелы святые, взяв душу преподобного, возносили ее с радостью ко Господу.

Я же начал плакать и рыдать над честным телом его, сокрушаясь о том, что я так неожиданно лишился того, кого так недавно обрел. Потом сняв с себя одежду, я отодрал от нее нижнюю подшивку и прикрыл ею тело святого, в верхнее же сам оделся снова, дабы возвратиться к братии не нагим. Я нашел большой камень, в котором, по устроению Божию, было сделано углубление наподобие гроба; в этот камень я и положил святое тело великого угодника Божия с прилич-

ным сему случаю псалмопением. Затем, собрав много мелких камней, прикрыл ими тело святого.

После всего я начал молиться к Богу, прося Его дозволить мне обитать на том месте; я хотел уже войти в пещеру, но тотчас перед моими глазами пещера разрушилась, финиковая пальма, питавшая святого, исторглась из корня своего и источник живой воды высох; видев все это, я понял, что Богу не благоугодно было, дабы я жил здесь.

Намереваясь уйти оттуда, я съел хлеб, оставшийся от вчерашнего дня, испил также и воду, находившуюся в сосуде; потом, подняв к небу руки свои и возведши очи на небо, начал опять молиться. Тогда я увидел того самого мужа, которого прежде видел, путешествуя по пустыне; это был тот самый муж, который укрепив меня, шествовал впереди меня.

Уходя с места того, я весьма восскорбел душой, сожалея, что не сподобился видеть в живых преподобного Онуфрия более продолжительное время. Но потом я возрадовался душой, поразмыслив, что я сподобился насладиться его святой беседой и получить благословение из уст его; и так я шел, славя Бога.

Пройдя четыре дня, я подошел к некоей келии, стоявшей высоко на горе, имевшей пещеру; войдя в нее, я никого не нашел; посидев немного, я начал думать про себя: „Живет ли кто в сей келии, к которой привел меня Бог?“ В то время как я думал так, вошел святой муж, убеленный сединами; вид его был чуден и светозарен; он был облечен в одежду, сплетенную из вербовых ветвей. Увидав меня, он сказал: „Ты ли это, брат Пафнутий, предавший погребению тело преподобного Онуфрия?“

Я же, поняв, что ему было откровение от Бога о мне, пал к ногам его. Он, утешая меня, сказал: „Встань, брат! Бог сподобил тебя быть другом святых Его; ибо я знаю, по промышлению Божию, что ты должен был прийти ко мне. Я открой тебе, брат возлюбленный, и о себе, что я шестьдесят лет пробыл в пустыне этой и никогда за это время не видал человека, который бы пришел ко мне, кроме братии, обитающей здесь со мной“.

В то время как мы беседовали друг с другом, вошли три других, подобные святому, старца. И тотчас они сказали мне: „Благослови, брат! Ты – брат Пафнутий, наш сотрудник о Господе. Ты предал погребению тело святого Онуфрия. Радуйся, брат, что сподобился видеть великую благодать Божию. Господь возвестил нам о тебе, что ты сегодня придешь к нам. Господь повелел тебе пробыть вместе с нами один день. Вот мы уже шестьдесят лет пребываем в пустыне сей, жи-

вем каждый отдельно; в субботу же к воскресному дню собираемся сюда. Мы не видали человека, вот только ныне видим тебя единого".

После того как мы побеседовали о преподобном отце Онуфрии и о прочих святых, спустя два часа те старцы сказали мне: „Возьми, брат, немного хлеба и подкрепи себя, ибо ты пришел издалека; подобает нам возрадоваться с тобой".

Встав, мы принесли Богу единодушную молитву и увидали перед собой пять чистых хлебов, очень вкусных, мягких, теплых, как бы только что испеченных. Потом те старцы принесли кое-что из плодов земных. Съев вместе, мы начали вкушать хлебы. И сказали мне старцы: „Вот мы, как сказали тебе, пребываем в пустыне этой шестьдесят лет, и всегда по повелению Божию приносились нам только четыре хлеба; ныне же, по случаю твоего прибытия к нам послался и пятый хлеб. Неизвестно нам, откуда приносятся сии хлебы, но каждый из нас, входя в пещеру свою, ежедневно находит в ней один хлеб. Когда же мы собираемся сюда накануне воскресного дня, то находим здесь четыре хлеба, каждому по одному". По вкушении трапезы той, мы встали и возблагодарили Господа.

Между тем день склонялся к вечеру; скоро должна была наступить ночь; став с вечера субботнего на молитву, мы пробыли всю ночь без сна, молясь до утра дня воскресного. Когда наступило утро, я начал усердно просить отцов тех, дозволить мне пробыть вместе с ними до смерти моей. Но они сказали мне: „Нет воли Божией на то, чтобы ты пребывал в сей пустыне вместе с нами; тебе необходимо идти в Египет, дабы ты возвестил христолюбивым братиям обо всем, что ты видел на память о нас и на пользу слушающим".

Когда они это сказали, я усердно начал просить их открыть мне имена свои. Но они не восхотели поведать их мне. Я долгое время с большим усердием упрашивать их, но нисколько не успел в своей просьбе: они сказали мне только: „Бог, знающий все, знает и имена наши. Поминай нас, да сподобимся видеть друг друга в горних селениях Божиих. Всячески старайся, возлюбленный, избегать искушений и соблазнов мирских, да не будешь побежден ими; ибо они вовлекли в погибель многих". Выслушав эти слова от тех преподобных отцов, я пал к ногам их и, получив благословение от них, отправился с миром Божиим в путь мой. Те отцы предсказали мне о некоторых событиях, которые действительно и случились.

Выйдя оттуда, я шел по направлению внутренней пустыни один день; дойдя до некоей пещеры, при которой был источник живой воды, я сел для отдыха там и любовался красотой того места; ибо место

то было весьма красиво; кругом источника того росли многие садовые деревья, обремененные плодами. Немного отдохнув, я встал и походил посреди деревьев тех, удивляясь большому количеству плодов тех и помышляя про себя, – кто же насадил здесь все это. Были же здесь различные плоды деревьев, как-то: финики, цитроны, яблоки большие и красные, смоквы, бросквины и виноградные лозы, увешанные большими гроздями, росло здесь много и других плодовых деревьев; плоды их были вкуснее меда; от них разливалось великое благоухание, источник же, протекавший там, орошал все те насаждения. Видя все это, я подумал, что это и есть рай Божий.

В то время как я дивился великой красоте места того, я увидал четырех благовидных юношей, шедших издалека по пустыне ко мне: юноши те были опоясаны овечьими кожами. Подойдя ко мне, они сказали: „Радуйся, брат Пафнутий!" Я, пав лицом на землю, поклонился им. Они же, подняв меня, сели рядом со мной и начали беседовать. Лица сих юношей сияли благодатию Божиею; мне казалось, что это были не люди, а ангелы, сошедшие с неба. Юноши весьма обрадовались моему приходу и, взяв древесные плоды, предложили мне вкусить их; и возрадовалось сердце мое по причине их любви. Я пробыл у них семь дней, питаясь плодами с тех деревьев. Между прочим, я спросил их: „Как вы попали сюда? Откуда вы?"

Они же отвечали мне: „Брат! Так как Сам Бог послал тебя к нам, то мы поведаем тебе жизнь нашу. Мы происходим из города Оксиринха; наши родители были начальниками того города; желая обучить нас книгам, они отдали нас в одно училище, где мы в скором времени научились простой грамоте. Когда же мы начали преуспевать и в более совершенном обучении, тогда у нас всех явились одни общие и согласные убеждения, ибо Господь споспешествовал нам: мы решили изучить высшую духовную премудрость. С этого времени, собираясь ежедневно вместе, мы побуждали друг друга на усердие к службе Божией; имея благое намерение в сердцах своих, мы восхотели отыскать где-нибудь безмолвное уединенное место и пробыть на нем несколько дней в молитве, дабы узнать Божие намерение относительно нас. Каждый из нас взял немного хлеба и воды, именно столько, сколько должно было хватить на семь дней; потом мы вышли из города. Идя несколько дней, мы достигли пустыни; войдя в пустыню, мы пришли в ужас, ибо увидали перед собой некоего светлого мужа, сиявшего славой небесной; взяв нас за руки, он повел нас, как ты видишь, на это место; потом передал нас мужу, уже состарившемуся годами, служившему Господу. И вот мы пребываем здесь уже шестой год. С тем

старцем мы подвизались один год, при этом он учил и наставлял нас, – как надо служить Господу. По прошествии же года, отец наш преставился ко Господу, и с того времени мы живем здесь одни. Вот, брат возлюбленный, мы поведали тебе, – кто мы такие и откуда пришли. В продолжение всех тех шести лет, мы не вкушали ни хлеба, ни какой другой пищи, кроме плодов этих садовых деревьев; каждый из нас отдельно от прочих пребывает в безмолвии. Когда наступает суббота, то мы все собираемся на это место, видим друг друга и утешаемся о Господе. Пробыв вместе два дня, субботу и воскресенье, снова каждый расходимся на свое место".

Слыша все это от них, я, смиренный, спросил их: „Где же причащаетесь вы в субботу и воскресенье Божественных Тайн пречистого Тела и Крови Христа, Спасителя нашего?" Они отвечали мне: „Для того мы и собираемся здесь каждую субботу и воскресенье, ибо ангел святой, посылаемый Богом, приходит к нам и преподает нам святое причащение".

Я же, весьма возрадовавшись, услышав сие, восхотел дождаться у них субботы, дабы видеть святого ангела и получить из его рук божественное причащение. И пробыл там до субботы. Пробыли и они ради меня в одном месте, не расходясь каждый в келии свои. И проводили мы те дни в славословии Божием и в молитвах, вкушая в пищу плоды садовые и испивая воду из источника. Когда наступила суббота, рабы Христовы сказали мне: „Приготовься, возлюбленный брат, ибо ныне придет ангел Божий и принесет нам божественное причащение. Тот, кто сподобится восприять из рук его святое причащение, получает прощение всем грехам своим и становится страшным для демонов, так что искушение сатанинское не может приблизиться к нему". В то время как они говорили мне это, я обонял дивный аромат, как бы от сильного каждения фимиама и весьма изумился, ибо никогда не обонял такого дивного аромата. Я спросил юношей: „Откуда исходит столь неизреченное благоухание?" Они отвечали мне: „Приближается ангел Господень с пречистыми Тайнами Христовыми".

Тотчас встав на молитву, мы начали петь и славословить Христа Царя, Бога нашего. Внезапно нас осиял свет с неба; мы увидели ангела Божия, сходившего с высоты, блиставшего как молния. Я пал ниц на землю от страха. Юноши же те подняли меня и сказали, чтобы я не боялся. Тогда я увидел предстоящего нам ангела Божия, в образе прекрасного юноши; красоту его трудно было описать; он держал в руке своей святой чашу с божественными Дарами. Те рабы Божии подходили к нему по одному и причащались. После них подошел и я, греш-

ный и недостойный, с великим трепетом и ужасом, вместе же с тем и с несказанной радостью, и сподобился причаститься пречистых Тайн Христовых из рук ангела. Во время причащения я слышал слова ангела: „Да будет вам пищей нетленной, веселием нескончаемым и жизнью вечной Тело и Кровь Господа Иисуса Христа, Бога нашего“. Мы отвечали на это: „Аминь“.

После святого причащения мы получили благословение от того преславного ангела. Потом он перед нашими глазами взлетел к небесам, мы же, пав на землю, поклонились Богу, благодаря Его за великую милость к нам. Наше сердце было преисполнено великой радости, так что мне казалось, что я нахожусь не на земле, а на небе; от той великой радости я был как бы в восторженном состоянии. Потом те святые рабы Божии принесли овощи и предложили их мне, и, сев, мы вкусили их.

Между тем суббота окончилась и наступила ночь; мы провели ее без сна в псалмопении и славословии Бога. В воскресенье мы сподобились той же благодати Божией, что и в субботу; ибо к нам пришел тем же порядком и в том же виде ангел Божий и, причастив нас, исполнил сердца наши великой радостью. Я же, возымев дерзновение, начал просить ангела Божия дозволить мне обитать до окончания жизни моей там вместе со святыми рабами Божиими. Но он сказал мне: „Богу не благоугодно, чтобы ты жил здесь; Он повелевает тебе немедленно идти в Египет и возвестить всем братиям о том, что ты видел и слышал в пустыне, дабы и прочая братия потщились проводить доброе житие и угодить Христу Богу. В особенности расскажи всем подробнее о святом житии и блаженной кончине преподобного Онуфрия, которого ты похоронил в камне. Передай братиям и все то, что слышал из уст его. Блажен ты, что сподобился видеть столь дивные великие дела Божия, являемые на святых Божиих. Уповай на Господа, что Он и тебя сопричтет в будущем веке к тем святым, которых ты видел и с которыми ты беседовал. Иди же ныне в путь твой, и мир Божий да будет с тобой“. Сказав это, ангел возлетел на небо.

Я же преисполнился столь великого страха и вместе радости от слов, ангела, что не мог стоять на ногах и упал на землю, как беспамятный. Святые же рабы Божии подняли меня и утешали: потом, предложив овощи, вкусили вместе со мной и возблагодарили Бога.

Наконец, воздав приветствие святым, я отправился в путь свой. Юноши же те честные дали мне в путь овощей и проводили на пять миллиарий. Я усердно просил их сказать мне имена свои. Они сказали: первый назывался Иоанн, второй Андрей, третий

Ираклямвон, четвертый Феофил; и приказали мне сказать свои имена братиям для поминовения их. Я просил же поминать и меня в молитвах своих. Потом еще раз воздав взаимное целование друг другу о Господе, мы разошлись; они возвратились на свое место, я же пошел по направлению к Египту.

Отправляясь в пустыню, я был печален, но вместе с тем и радостен; скорбел я потому, что лишился лицезрения и сладкой беседы со столь великими угодниками Божиими, которых не был бы достоин и весь мир; радовался же, что сподобился благословения их и созерцания ангела, а также и причащения из рук ангельских.

Я шел в продолжение трех дней; потом подошел к скиту; встретил здесь двух братьев, подвизающихся в отшельничестве. Я пробыл у них десять дней и поведал им обо всем, что я видел и слышал в пустыне. Они слушали меня с великим умилением и радостью; лотом сказали: „Воистину, отче Пафнутий, ты сподобился великой милости Божией, ибо ты видел столь великих рабов Божиих“. Те два брата проводили жизнь весьма добродетельную и любили Бога от всего сердца своего; они записали все, что слышали из уст моих. Воздав им приветствие, я пошел в свой монастырь. Запись же о моем повествовании они отправили ко всем святым отцам и братиям, жившим в ските; все, читая и слушая получали большую пользу душевную и прославляли Бога, являющего Свои великие милости на рабах Своих. Потом положили запись о сказанном мной в церкви, дабы все, желавшие, могли читать ее, ибо она была весьма назидательна и научала богомыслию. Я же, меньший раб Пафнутий, будучи удостоен таковой благодати Божией, и устно и письменно возвещаю всем то, что было повелено мне возвестить во славу Божию, на память святых Божиих и на пользу ищущим спасения души своей. Да будет же благодать и мир Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами, молитвами угодивших Ему святых преподобных отцов наших, ныне и в бесконечные веки. Аминь».

11. Приводим данный текст по рукописному списку последних лет, сделанному на Черниговщине:

«Житіє преподобного отця нашого Онуфрія Великого

Преподобний Пафнутій, котрий подвизався в одному з пустинних єгипетських монастирів, залишив нам розповідь про те, як він зустрів у пустині преподобного Онуфрія Великого, а також інших пустинників.

Своє оповідання він починає так:

Одного разу, коли перебував я в мовчанні у свойому монастирі, прийшло до мене бажання піти у внутрішню пустиню, щоб подивитись, чи є там інок, котрий більше від мене працює для Господа. Я встав, взяв із собою небагато хліба і води та подався в дорогу, нікому нічого не сказав, і попрямував до самої внутрішньої пустині.

У сімнадцятий день своєї мандрівки я підійшов до високої гори, змучений дорогою я сів під горою, щоб відпочити. В цю хвилину я побачив мужа, котрий наближався до мене, був він страшний з вигляду: весь покритий волоссям, як звір, при тому його волосся було біле, мов сніг, оскільки стало воно сивим від старості. Волосся його голови та бороди було дуже довгим, доходило аж до землі і покривало все тіло його неначе якась одежа; а стегна його були оперезані листтям пустинних рослин. Коли я побачив цього мужа, який наближався до мене, то перелякався і побіг на скелю, що знаходилась на вершечку гори. Він же, дійшовши до підніжжя гори, сів у тіні, з наміром відпочити, оскільки вельми змучився від зусилля, а також від старості. Подивившись на гору, він побачив мене і, звертаючись до мене, сказав: "Підійди до мене, чоловіче Божий! Я така ж людина, як і ти, я живу в цій пустині і подвизаюсь Бога ради".

Я послухав його, поспішив до нього і впав до його ніг. Він же сказав мені: "Встань, сину мій! Це ж ти – раб Божий і друг святих Його, ім 'я же твоє – Пафнутій". Я встав. Тоді він наказав мені сісти, і я сів з радістю біля нього. Я почав його сердечно просити, щоб сказав мені своє ім' я і розповів мені своє життя – як він подвизався в пустині і як довго живе тут.

Поступившись моїм невідступним проханням, він почав свою розповідь про себе так: "Ім'я моє – Онуфрій, я живу в цій пустині шістдесять років, мандруючи по горах. Я не бачив жодної людини, нині бачу лиш тебе одного. Раніше я жив у одному чесному монастирі, який називався Еріті і знаходився недалеко міста Гермополя, що в Фіваїдському краї. У монастирі цьому проживає сто братів, усі вони живуть в повній однодушності один з одним, і проводать спільне згідне життя в любові о Господі нашім Ісусі Христі. В них спільна їжа та одяг, вони проводять постниче життя в мовчанні і мирі, прославляючи милість Господню. У дні мого дитинства мене, як нового, наставляли там святі отці щирій вірі і любові до Господа, а також навчався я уставу іночеського життя. Я чув як вони бесідували про святого пророка Божого Іллю, про те, що він, укріплений Господом, жив у пості на пустині; чув я також про святого Предтечу Гос-

поднього Івана, котрому не зрівнялася жодна людина, коли йдеться про його життя на пустині, до часу його об'явлення Ізраїлеві. Чуючи це все, запитав я святих отців: "Що ж: значить, ті, хто подвизається в пустині, більші від вас у Божих очах? "

Вони ж відповіли мені: "Так, чадо, вони більші від нас, бо ми бачимо щоденно один одного, правимо соборно церковні співи з радістю, якщо захочемо їсти, маємо вже готовий хліб, точно так, коли захочемо пити – маємо готову воду; якщо трапиться комусь із-посеред нас захворіти, знайде він потішення від братії, бо живемо ми спільно, один одному допомагаємо і служимо ради Божої любові. Ті, що живуть у пустині, позбавлені всього цього. Там набагато більший труд, ніж у нас, котрі живемо спільно. Ті, що приймають пустинне життя, починають служити Богові з більшою ревністю, приймають на себе більш строгий піст, піддають себе голоду, спразі, спеці південній, з ревністю стараються пройти тісну і важку дорогу до Царства Небесного".

Все це я, смиренний Онуфрій, почув у своєму монастирі від святих отців. В мені з'явилось непереможне бажання іти в пустиню. Встав я ніччю і взяв небагато хліба, і вийшов я з монастиря, поклавши всі надії на Господа. Я пішов дорогою, що вела на гору, з наміром іти звідтам у пустиню. Коли тільки почав я входити в пустиню, побачив я перед собою ясне сяйво світла. Зовсім перелякавшись, я почав уже думати про повернення до монастиря. Тоді сяйво світла наблизилось до мене, і я почув з нього голос, котрий говорив: "Не бійся! Я – ангел, котрий ходить з тобою від дня народження твойого, бо я призначений Богом до тебе, щоб захищати тебе. Я дістав веління від Господа – вести тебе в цю пустиню. Будь досконалий і смиренний серцем перед Господом, з радістю служи йому, а я не відступлю від тебе до того часу, поки Сотворитель не велить мені взяти душу твою".

Сказавши це з ясного сяйва, ангел пішов передо мною, а я пішов за ним із радістю. Пройшовши біля шести чи семи милліарій, я побачив досить простору печеру. В цей час сяйво ангельського світла щезло з моїх очей. Підійшовши до печери, я хотів дізнатися, чи немає там якоїсь людини. Наблизившись до печери, по іночеському звичаю закликав я: "Благослови! "

І побачив я старця, на лиці його і у погляді сяяла благодать Божа і духовна радість. Я впав до ніг його і поклонився йому. Він, піднявши мене, поцілував і сказав: "Чи це ти, брате Онуфрію? Увійди до мого житла".

Увійшовши до печери, я сів і провів з ним немало днів, він навчив мене уставу життя пустинничеського. Коли старець побачив, що дух мій був уже просвіщенний, сказав мені: "Встань, чадо, поведу тебе в іншу печеру, живи в ній сам один і подвизайся о Господі".

Він узяв мене і повів у саму внутрішню пустиню: йшли ми чотири дні і чотири ночі. Накінець, на п' ятий день знайшли мені невелику печеру. І пробув старець зі мною тридцять днів, і пішов назад до місця своїх подвигів. З цього часу він приходив до мене один раз у рік".

Пізніше я, смиренний Пафнутій, запитав: "Отче чесний! Багато трудів здійснив ти на початку свого прибуття в пустиню?"

Блаженний старець відповів мені: "Повір, возлюблений брате мій, що я здійснив такі важкі труди, що вже багато разів сумнівався у житті свойому, рахуючи себе близьким смерті: знемагав я від голоду і спраги, не мав нічого з харчів та пиття, випадково лише знаходив я пустинне зілля, котре було для мене харчуванням. Спрагу мою заспокоювала лише роса небесна. Соняшний жар спалював мене вдень, ніччю я мерз від холоду. Благий Бог, приказав ангелу свойому піклуватися про мене і приносити мені щоденно небагато хліба і води для зміцнення тіла мойого. Після тридцяти років Бог дав мені багате харчування, оскільки біля моєї печери знайшов я пальму, котра мала дванадцять гілок, кожна з віток окремо від інших приносила плоди - одна в один місяць, наступна в другий. Крім того, по велінню Божому, потекло біля мене джерело води живої".

Потім знову запитав я його: "Отче, в який спосіб ти причащаєшся пречистих Христових Таїн у суботу і в недільний день?"

Він відповів мені: "До мене приходить ангел Господній, котрий і приносить із собою пречисті Таїни Христові і причащає мене".

Про все це бесідував зі мною Онуфрій біля підніжжя тієї гори, де ми зустрілись. Він же сказав мені: "Встаньмо, брате, і підемо до житла мойого".

І, вставши, ми пішли. Зупинившись біля печери, преподобний помолився. Потім сів. Всю цю ніч пробули ми на молитві до Бога. Коли наступив день, я помітив, що лице преподобного після раннього молитовного співу змінилося, я дуже перелякався цього. Він же, зрозумівши це, сказав мені: "Не бійся, брате Пафнутію, оскільки Бог, милосердний до всіх, послав тебе до мене, щоб ти похоронив тіло моє, в сьогоднішній день я закінчу моє дочасне життя і відійду до життя без кінця в спокої вічному до Христа мого".

Був тоді дванадцятий день місяця червня, і наказав преподобний Онуфрій мені: “Возлюблений брате! Коли повернешся до Єгипту, нагадай про мене всій братії і всім християнам”.

Після цього преподобний отець здійснив мені останнє цілування о Господі, потім почав молитися до Господа зі сльозами і сердечним зітханням. Зігнувши коліна і помолившись досить довгий час, він ліг на землі і сказав своє останнє слово: “В руки Твої, Боже мій, передаю дух мій!” У той час, коли він говорив це, його осіяло з неба дивне світло, а при сіянні цього світла преподобний віддав свого духа. І в цей час чути було у повітрі голос ангелів, котрі співали і благословили Бога, ангели святі, взявши душу преподобного, підносили її з радістю до Господа.

Я почав плакати. Потім, знявши з себе одяг, відірвав від нього нижню підшивку і покрив нею тіло святого. Знайшов я великий камінь, у котрому, по волі Божій, було заглиблення на зразок гробу. У цей камінь я і поклав святе тіло великого угодника Божого зі звичним такій нагоді співом псалмів. Після того, зібравши багато дрібних каменів, покрив ними тіло святого.

Я, менший раб Пафнутій, будучи удостоєний також благодаті Божої, усно і письмово сповіщаю всім те, що було мені наказано сповістити у славу Божу, в пам'ять святих Божих і в користь шукаючим спасіння душі своєї. Нехай буде благодать і мир Господа нашого Ісуса Христа зі всіма вами, молитвами угодивших Йому святих і преподобних отців наших, нині в безкінечні віки. Амінь».

От века Просвещения

XVIII столетие представлено в современной народной литературе белорусско-русско-украинского пограничья довольно значительным пластом памятников как прозаических так и стихотворных. Большинство из них анонимны и совершенно не изучены. Это касается и старообрядческих сочинений, к которым уже достаточно давно заметен повышенный интерес исследователей. В какой-то степени исключение, в смысле анонимности, составляют, например, различные списки с некоторых изданий давней Киево-Могилянской академии, начавшей печатать книги в собственной типографии во второй половине XVIII в. Наряду со многими гомилетическими сочинениями о. Иоанна Леванды, известнейшего проповедника, печатавшимися здесь, необычайно популярностью долгие годы пользовались исторические сочинения митрополита Самуила Миславского. Так многократно при его жизни и после смерти переиздавалось «Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры» с рядом дополнений по истории Киева и Киевской Руси. Именно эта книга и оказалась последней по времени выхода в свет (1817 г.) в репертуаре изданий старой Киево-Могилянской академии. И именно она, в течение всего XIX в. сохраняя свое значение, явилась в дальнейшем востребованной и в народной среде, распространяясь во фрагментах в виде выписок как из основной части, так и из дополнений к ней.

В числе наших экспедиционных находок, сделанных во время полевых исследований на белорусско-российско-украинском пограничье, оказался ряд выписок из изданий Киевской академии, прежде всего из описаний Киево-Печерской лавры и монастырей Киевщины. Выписки эти сделаны в разное время и скорее всего не с печатного оригинала, а с подобных же рукописных списков, рас-

пространяемых в составе различных по объему рукописных сборников, существующих в основном в виде больших и малых тетрадей. Несомненно когда-то именно сами печатные издания Киевской академии послужили основой для первых переписчиков, ставших родоначальниками своего рода целой традиции переписки именно этих текстов, существующей до сих пор. Вот один из современных примеров бытования данной традиции – фрагмент выписки из книги митрополита Самуила Миславского «Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры», касающейся знаменитой Китаевской пустыни, весьма чтимого в восточнославянской народной среде православного монастыря на южной окраине нынешнего Киева:

«Сия пустынь состоит в Киевском наместничестве и уезде, расстоянием от Лавры на юге в 10 верстах, окружена со всех сторон рощами, а с южной и северной стороны горами, от реки Днепра на две версты с половиною.

Основал оную Киевский губернатор князь Димитрий Михайлович Голицын, и построил в ней, по благословению Святейшего Правительствующего Синода, деревянную церковь, во имя преподобнаго Сергия Радонежскаго чудотворца в 1716 году. По обетшании оной, на том же месте сооружена каменная, во имя живоначальныя Троицы, с двумя приделами, на правой стороне во имя преподобнаго Сергия Радонежскаго чудотворца, а на левой Святителя Христова Димитрия Ростовскаго чудотворца, и украшена приличным благолепием, неусыпною ревностию и тщанием покойнаго иеромонаха Тимофея, блюстителя дальних пещер, мужа святостью жития отменнаго, освящена в 1767 году мая 27 дня.

В оной пустыне имеется деревянная трапеза, и при ней деревянная церковь, во имя трех Святителей Российских чудотворцев Петра, Алексия и Ионы, построена Киево-Печерским архимандритом Лукою, освящена Синодальным членом, преосвященным Иларионом епископом Сарским и Подонским, в то время в Киев приезжавшим.

Есть еще одна церковь деревянная, теплая, во именование 12 Апостолов, построена оным же архимандритом Лукою по благословению Святейшаго Правительствующаго Синода.

Сия пустынь, со времени своего основания, всегда принадлежала к Киево-Печерской Лавре; а откуда такое название получила, достовернаго сведения не отыскано. Повествуется, что близ оной пустыни, на горе был дом великаго князя Киевскаго Андрея Боголюбскаго, кой в грамоте 720 года, именуется Китаем. На оной горе и ныне земляной вал виден, и открываются там в земле остатки каменных зданий. Заключают, что по сей причине оное место Китаевским, а после и заведенная там пустынь Китаевскою названа. В силу Именного высочайшаго указа 1786 году, сия пустынь из бывших приписных к Лавре монастырей, оставлена при Лавре».

Вместе с тем, отдельные темы и сюжеты литературных памятников XVIII в. на протяжении уже нескольких столетий находятся в центре внимания многочисленных читателей, формирующих те или иные направления распространения произведений народной литературы, конкретные предпочтения различных тем и целых групп как прозаических так и стихотворных сочинений. Все это в полной мере относится и к уже упоминавшемуся выше образу св. Онуфрия Великого. Наши многолетние наблюдения над древними и новыми славянскими и некоторыми неславянскими литературами позволяют утверждать, что св. Онуфрий – герой множества произведений разных народов, создававшихся на протяжении столетий и бытующих до сих пор.

Белорусско-русско-украинское пограничье в определенном смысле оказалось местом пересечения нескольких традиций почитания этого святого, что отразилось самым непосредственным образом и на местной литературе, ему посвященной. Одной из отправных точек ее формирования, правда, не самой ранней по времени, но весьма важной по значимости последствий, стала базилианская книжная традиция конца XVII в., подготовленная в основном трудами протоархимандрита базилианского ордена Иосифа Петкевича [1]. Культ св. Онуфрия, необычайно распространенный на украинских и белорусских землях, уже в Средневековье проник

на территорию современной России и сейчас повсеместен. В одной Москве существует несколько храмов и приделов в честь святого, строятся новые, например, в Южном Бутово. На Соловках, в Соловецком монастыре на братском кладбище незадолго до начала знаменитого в истории старообрядчества «Соловецкого восстания» была построена и освящена в июне 1667 г. деревянная церковь во имя Онуфрия Великого. Возможно, именно это обстоятельство в какой-то мере повлияло на распространение культа святого у старообрядцев. Примечательно, что у старообрядцев пограничья распространено его русскоязычное житие, мало чем отличающееся от аналогичного текста, известного у местных новообрядцев [2]. То же можно сказать и об «Акафисте прп. Онуфрию Великому», известному в различных распечатках и, реже, рукописных копиях [3]. На Черниговщине и юго-западной Брянщине нами зафиксирован в современных рукописных копиях более древний текст «Акафиста св. Онуфрию пустынножителю» и молитва к нему, появление которых можно отнести к XVIII в.

«Молитва к преподобному отцу Онуфрию пустынножителю египетскофиваидскому царевичу персидскому.

О преизящный и превеликий пустынножителю преподобный отче Онуфрие! Похваляю твоя неизреченныя чудотворения и житие пресветло. Еже еси препроводив от юности твоея даже ко старости никто же во извести возможе терпении и подвигов твоих пречестне. Удивися преподобный Пафнутий твоему жестокому еже в пустыни житию, вкупе же и зело возрадовася. Обретше тя единаго толиких подвигов и совершенства. Суща образ. Сего ради и дерзостно испита о трудех твоих святых, но еже колико имел еси временнаго жития тем же и написа: яко шестьдесят лет и три в трудолюбии пребывая, в наготе претерпевая мраз и зной, в глубокой пустыни с зверми и птицы. Обитая всегда в молитве непрестанно творя пожил еси. Сего ради, ныне радость тебе приношу; от недостойных устен моих преподобне отче, преподобному Пафнутию радостевенная: сподобися бо при кончине со лви послужити тебе, погребсти тело твое, и с тобою на небеси жити. Павлу фивенискому присный друже:

Марку фраческому, и Макарию пустынножителю собеседниче: врожденных, вторый Мелхиседек: Илии Фесвитенину. Ревнителю Иоанну Крестителю наследниче: друже Христу сонаследниче истинный, Египту умная красото: Фиеом великое светило, Ливии красная доброто: финиксе краснопроцветающий, лебедю благогласный: голубе благо душевный: орла высокопарный, летающий в поднебесная на небесех гражданство обретый, идеже и водворися у престола владычнего славнаго с двадесят четырми старцы, жилище беретвий с ними же и пребываеши. И ныне молю тя пречудный граждане небесный: святых ликов Ангельских собеседниче: услыши мя грешнаго и недостойнаго рабо твоего в час сей и прийми от верных устен моих сие малое моление мое акафистово: Великий заступниче, скорый помощниче, притекающим к тебе усердно. Заглади рукописание дел моих скверных, и нечистых, яже держать демонския полки. Покрый мя своею боготканною одеждою. Причти мя ко ублогованному пресветлому месту молитвами твоими, и сподоби мя вышняго Иерусалима: ибо С: попреблагословенной владычице нашей Богородице и присно деве Марии табе между теплейшими помощниками, молебниками и заступниками моими почитаю, просвещаеши повсюду. Призывающих имя твое святое, яко анфракс в темной и опасной пещере светящийся и даеши руку помощи припадающим к тебе в храме твоем и повсюду. Тем же я аз недостойный ныне тебе молюся и призываю имя твое святое. Умоли милостиваго Бога, да милость явил ко мне и отпустите вся прегрешения моя, вольная и навольная, сотворенная все злая дела моя, и да избавит мя твоим предстательством от вечной муки. Научи мя Преподобне творити добрая дела, настави мя на путь ко спасению истинному и сподоби мя купне радости вечныя, насладитеся со всеми святыми ныне и присно и во веки веков. Аминь».

1. Иосифом Петкевичем, в частности, был составлен церковнославянский текст «Жития св. Онуфрия Великого», напечатанный в Супрасльском монастыре в 1696 г. Сохранился всего лишь один экземпляр этого издания, представляющий собой к тому же своего рода книгу-архив, скорее всего Лавровского Святоонуфриевского монастыря, а отчасти и Капитульной библиотеки в Перемышле, из которой он попал в главное книжное собрание Польши (Biblioteka Narodowa. Cyr. 106). Уникальный экземпляр супрасльского издания жития содержит также фрагменты кириллографичных монастырских документов XVI-XVII вв. и аналогичных польскоязычных материалов XVIII в., а главное – часть пергаменной кирилловской рукописи XIII-XIV вв., всестороннее изучение которой представляет первостепенный интерес для украиноведения и славистики в целом. Примечательно, что находка в Капитульной библиотеке Перемышля подобного фрагмента кирилловской рукописи XIII – XIV вв., сделанная около столетия назад, стала тогда же предметом специального исследования. (См.: *Гординський Я.* Слова св. Ефрема Сирина в перемиських пергамінових листках нач. XIV в. // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1918. Т. 126-127. С. 171-209). Не исключено, что это дошедший до нас редкостный ранний образец книгописания на родине Ивана Франко – Бойковщине. Как следует из анализа различных записей и помет на этой книге-архиве из Лаврского Святоонуфриевского монастыря («Житие Преподобнаго о[т]ца нашего Онуфрія Великаго Пустинножителя есть z каталогу книг с[вя]той общежительной... обители Лавровскай дарованое от Превелебнаго о[т]ца Доментіяна Хоцкіевича ординарійнаго kazнодею Діецезіей Премиской которое Житие С: Онуфрія да о[т] тоей обители с[вя]той неколи ни през никого о[т]валенное да не будет под Анафемою С[вя]тых о[т]ць Седми Соборовъ» – запись конца XVII – начала XVIII вв. по листам книги-архива), прежде чем попасть в библиотеку греко-католического собора в Перемышле она скорее всего сменила нескольких владельцев, среди которых в XVIII в. был и некто Мацей Масиевич («Сия книга Rekомая Житие maciey masiewicz» – запись XVIII в. в конце книги-архива). Следует упомянуть, что перед началом Второй мировой войны ей интересовался перемышльский греко-католический епископ Григорий Лакота, записка которого, написанная 14 января 1935 г. в Перемышле, хранится в книге-архиве. Книга благополучно сохранялась в библиотеке греко-католического капитула в Перемышле вплоть до 1946 г. и была обнаружена нами уже в составе собрания специальных коллекций Библиотеки Народовой в Варшаве в 1970-е гг. Это бы-

ло открытие одного из самых «оригинальных памятников белорусской агиографической литературы» (*Лабынцев Ю.А.* Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI века. М., 1979. С. 44), которому, как теперь оказалось в связи с нашими экспедиционными находками последнего времени ряда его рукописных фрагментов, предстояла долгая, почти трехвековая жизнь, бытование в широкой читательской среде от Карпат почти до берегов Балтийского моря. Впрочем и автор (составитель) данной версии жития св. Онуфрия и сам его текст были в свое время хорошо известны и на Киевщине и на Черниговщине (Необходимо указать, что культ св. Онуфрия на Киевщине XVII в. являлся более чем заметным. Так, например, в киевском Евхологионе (Требник Петра Могилы) 1646 г. его изображение помещено рядом с изображением преподобного Антония Печерского, которому св. Онуфрий как бы покровительствует (Евхологион. Киев, 1646. С. 891). Едва ли это можно объяснить тем лишь обстоятельством, что автор гравюры, монах Илья, был постриженником Святоонуфриевского монастыря во Львове. Польскоязычный вариант этого жития находился и в библиотеке знаменитого агиографа, «последнего общеславянского писателя» свт. Димитрия Ростовского, который использовал его в своей работе (*Лабынцев Ю.А.* Последний общеславянский писатель Димитрий Савич Туптало и главная книга его жизни. Киев, 1989. С. 15). Примечателен факт книжных контактов святителя с монахами Лавровского Святоонуфриевского монастыря. Ему принадлежал рукописный нотный Ирмологион, составленный иеродиаконом этого монастыря Иосифом Крейницким в 1677 г. (Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Собрание А.А. Титова. № 1902. См. подробное описание этой рукописи: *Ясиновський Ю.* Українські та білоруські нотолінійні Ірмолої 16-18 століть: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів, 1996. С. 211-212).

Современник свт. Димитрия, который активно привлекал католические и, как мы видим, греко-католические источники при написании своих «Житий святых», базилианин Иосиф Петкевич (1630-е гг. – 1708), составитель супрасльского жития св. Онуфрия, учился в одном из лучших папских алумнатов (семинарии) в Бранево (ныне в Польше), имевшем широкую пятилетнюю программу изучения гуманитарных, философских и теологических дисциплин. В 1663 г. он был избран ректором резиденции базилиан в Риме, где провел около шести лет. С 1666 г. и до отъезда на родину исполнял должность прокуратора ордена. В дальнейшем жил в Жировицком и Бытенском монасты-

рях, где был игуменом. В известном споре ордена с униатскими митрополитами стоял на стороне интересов ордена. В 1686 г. Иосифа Петкевича избрали протоархимандритом (главой) базилианского ордена сроком на четыре года. Он автор ряда морально-этических, дидактических, агиографических и других сочинений, в большинстве не напечатанных. Писал на польском, латинском, церковнославянском языках и на «простой мове». Особо проявил себя как незаурядный текстолог и палеограф, едва ли не впервые в восточнославянской практике использовавший различные списки одного и того же сочинения и его печатные издания на нескольких языках при подготовке древних текстов к изданию. Наиболее наглядным примером эдиционно-текстологической работы Иосифа Петкевича служит подготовка отдельного издания «Жития Преподобнаго... Онуфрия царевича перскаго», неоднократно печатавшегося в XVII-XVIII вв. на польском, церковнославянском и немецком языках (Подробнее см.: *Estreicher K.* Bibliografia polska. Kraków, 1910. T. XXIII. S. 353-354; T. XXIV. S. 20-21, 268). Первое издание «Жития» увидело свет в Вильно в 1686 г. на польском языке (Zywot przedziwny swiętego oyca naszego Onufryusza Wielkiego krolewica perskiego pustelnika napisany po grecku od S. Pafnucyusza mnicha a teraz z rożnych Exemplarzow Łaćinskich, z iednego dawnego Słowienskiego, z Greckiego Języka przetłumaczonych, á naybardźiey z Włoskiego iako nayobsteznieyszego, w iedno zebrany. Y Polskim językiem z Przydatkiem godnych wiadomośći po każdym niemal Rozdźiale Notacji do druku podany przez Nay W. x. Iozefa Pietkiewicza Protoarchimandritę Zakonu S. Bazylego W: Hegumena Monastyra Nowicyackiego Bytenskiego. Z dozwoleniem należytey Zwierzchnośći. W Wilnie w Drukarni Soc: Iesu. R. P. 1686). Иосиф Петкевич посвятил его представителю старинной некогда православной фамилии – Яну Казимиру Воловичу. Как следует из авторской подписи, «Житие» писалось в Бытенском монастыре («Dat z Monastyra Bytenskiego Roku... 1686»). Вот как сам Иосиф Петкевич называет себя на л. 3 польскоязычного издания жития 1686 г.: «Sługa uniżony y Bogomodlca, x. Iozef Pietkiewicz Zakonu S. Bazylego W. Protoarchimandrita Hegumen Monastyra Nowicyackiego Bytenskiego». Свт. Димитрий Ростовский имел в своей библиотеке именно это издание, экземпляр которого он буквально испещрил различными пометами, свидетельствующими не только об интересе к содержанию книги как таковой, но и ее источникам и принципам работы составителя. Особенно интересовал святителя текст итальянского жития, в котором сообщалось множество неизвестных ему подробностей.

Иосиф Петкевич в предисловии к польскоязычному изданию подробно рассказал о своем отношении к образу св. Онуфрия, о принципах своего писательского труда и его условиях, а также дал различного рода комментарии к тексту, что сделало его сочинение в буквальном смысле строго научным, примеров которому в восточнославянской практике древней поры мы, видимо, больше не найдем (См. собственное признание Иосифа Петкевича на л.5об-6 польскоязычного издания жития 1686 г.: «Ja co do mego Polskiego wykładu lubom tego był przedsięwzięcia włoski tylko iako w sobie iest przetłumaczyc Exemplarz wszakże przeyrzawszy się w innych też Exeplarzach Łacińskich iako to Anonyma in vitis Patrum Metaphrasta v Surynsza, y Authora Florarij Sanctorum, choć in Fragmento v Rosweyda, także w Metaphraście z Greckiego na Słowinski ięzyk przetłumaczonym y w niektorych Fragmentach in vitis Patrum położonych a widząc że z nich większe światło wziąć może text włoski zniosłem go z pomienionymi Exemplarzami y Fragmentami y z nich nowy poniękad Text złozyłem. Oraz rożnice miedzy textami w texcie naszym z nich że pogadzaiąc. Przydałem też za każdy niemal Rozdziałe pewne Notacije obiaśniaiące trudnieysze słowa y mieysca Textu a drugie Przykładami z inąd wziętei potwierdząiące. Cze iesli dobrze dokazał bacznemu mądrego czytelnika podaie, do uwagi rozsądkowi. Do ktorey to pracey moiey powodem mi była moia iakaż kolwiek dewocya ku temu. S. Oycow y przykład wielkich a zacnych od świątobliwości y Nauki Pisazow a dopieroż y samego żywota tego Pisarza Pafnucyusza S.)».

Церковнославянский текст жития Иосиф Петкевич издал в Супрасльском монастыре десятилетием позднее, в 1696 г. Оно было озаглавлено «ЖИТІЕ Прпднагѡ Ѻца нашегѡ Великагѡ ОНУФРІЯ царевича перскагѡ Пустынножителя, Списанное первѣе С: Пафнутіемъ Инокомъ, нынѣ же ѿ многи изводѡв Греческагѡ, Рымскагѡ и Италійскагѡ собранное Смиреннымъ Ѻцемъ Іѡсифомъ Петкевичемъ. Чину с: ВАСИЛІЯ Великагѡ Совѣтникомъ и Игуменомъ Жировицкимъ». Издание содержало две гравюры на дереве, представляющие св. Онуфрия, выполненные в традиционной древнерусской манере, а также стихи в его честь, написанные скорее всего самим Иосифом Петкевичем, которому так полюбился образ преподобного, над чьим житием он работал долгие годы в Белоруссии, в Пруссии и в Италии:

«Аще Онуфрій агглъ житіемъ и млада,
серафи любовію, нѣсть ему ограда
земная до; тѣ и зри в горнюю доброту

тоѧ̀ ра́ди Ца҃скагѡ скѵ̑птра прїим тщетꙋ».

Как свидетельствуют наши наблюдения, житие св. Онуфрия, написанное Иосифом Петкевичем, стало достоянием сразу же нескольких народов, прежде всего белорусского, украинского и русского. Его церковнославянский вариант, практически лишенный каких-либо особых униатских черт (следует однако помнить, что данное утверждение достаточно условно, ибо необходимо принимать во внимание разность традиций этого жития, их конкретное историческое бытование в той или иной среде и отношение ее представителей ко всем перечисленным обстоятельствам в определенный момент), был, возможно, известен и в старообрядческой среде, о чем свидетельствуют некоторые заметки в виденных нами в частных собраниях старообрядческих рукописях. Безусловно житийные произведения Иосифа Петкевича, посвященные св. Онуфрию, не только значительно обогатили многоязыкую литературную традицию его культа, но и стали источником для написания новых сочинений о преподобном. Наши последние экспедиционные находки рукописных фрагментов жития, являющихся списками с церковнославянского его варианта пера Иосифа Петкевича, заставляют предпринять определенную реконструкцию и ввести в широкий научный оборот полный текст этого единственного в своем роде древнебелорусского житийного памятника, который мы воспроизводим по уникальному экземпляру из собрания Библиотеки Народовой в Варшаве с сохранением основных особенностей оригинала.

«ЖИТІЕ ЦА҃РЕВИ́ЧА ПЕ́РСКАГО

Славнагѡ Пꙋстынножителѧ Ст҃: ВЕЛИКАГО ОНꙋФРІЯ

еже Досто́йный па́мѧти ст҃на, Пꙋстынножителных изыска́тель; Прпбный Оц҃ Пафнꙋтїй сказа сице:

Аз Пафнꙋтїй, сый Мона́х во едином ѿ монастырей помыслих ѡ жи́тїи мо́ем. Прїидеже ми велико жела́нїе изыти во пꙋсты́ню, видѣти стых Ѿц, тамѡ Бгꙋ работа́ющих ко поꙋче́нїю и оутвержде́нїю моемꙋ. Нѣ́кѡ зав̾тра во еди́н ѿ днїй, изыдо́х во пꙋсты́ню, взем ма́лѡ с собо́ю хлѣ́ба и воды; да бы́х не ѡслабѣл напꙋти.

Ше́дшꙋже ми нѣ́кїѧ дни, ѻбрѣто́х пеще́рꙋ затворенꙋ, и надѣѧ́сѧ ꙗкѡ внꙋтрь бѣ чл҃вкъ, то̀ ко́х вдвѣ́ри гл҃ѧ: Гд҃и І҃с Х҃е Сн҃е Бж҃ій пом҃лꙋй на́съ, Бл҃гослови̇ О҃че; и твора̑ се̇ нема́л ча́съ. Е҆гдаже ни̇ е̇ди́нагѡ ѿвѣ́та ни̇гла́са слыша́х, ѿверзо̑ двѣ́ри, и̇ вше́ въ пеще́рꙋ, ѡ̇брето̑ чл҃вка ꙗ̇ки на мл҃твѣ̀ колѣнопреклонша́сѧ. Е̇мꙋже е̇гда̀ прикоснꙋ́хсѧ, хотѧ́й возбꙋди́ти, а̇бїе паде̇ на́ землю, и̇ въ пра́хъ разсыпа́сѧ: та́може видѣ́хъ ри́зꙋ ѿ ли́ствїѧ фини́кова истка́нꙋ. Ꙗже ѿ прикоснове́нїѧ мо́егѡ

ра҆сыпа́сѧ. И҆ разꙋмѣ́ ꙗ҆́кѡ мно́го бѣ́ша лѣ́та, ѿне́лиже то́й мꙋ́жъ С҃тый преста́висѧ ко Б҃гꙋ: а҆́зже сне́м зсебѐ а҆нала́въ, собра́хъ и҆ ѡ҆бви́въ ко́сти С҃тыѧ, и҆ прокопа́въ пѣсо́къ, погребо́хъ ѧ҆̀, во мл҃твахъ и҆ пѣ́нїахъ но́щь тꙋ́ю прово́дѧ. Воꙋ́трїеже ѿтꙋ́дꙋ и҆до́хъ глꙋбо́чае во пꙋсты́ню и҆ и҆ды́й коли́кѡ дні́й, ѡ҆брѣто́хъ ко ве́черꙋ дрꙋ́гꙋю Пеще́рꙋ затворе́ннꙋ. и҆ прїстꙋпи́въ ко две́ремъ бл҃венїѧ просѧ̀ ꙗ҆́кѡ и҆ пре́де, но неслыша́въ ѿвѣ́та, ни́и҆до́хъ внꙋ́трь и҆ никого́же ѡ҆брѣ́тъ, непщева́хъ ꙗ҆́кѡ живы́й во пещїе́рѣ, и҆зы́йде по свое́й е҆мꙋ̀ потре́бѣ, ко но́щиже возврати́тисѧ и҆мꙋ́тъ во свою̀ Пеще́рꙋ, и҆ ча́ѧхъ мл҃твꙋ дѣ́ѧ, и҆ Ѱалты́рь чтѧ̀.

И҆ сѐ ста́до бꙋ́йволѡвъ че́рныхъ оу҆зрѣ́хъ, и҆ посре́дѣ и҆́хъ чл҃вѣка на́га, вла́сы весьма̀ покровє́на, и҆́же ви́дѣвъ мѧ̀ оу҆жасе́сѧ, мнѧ́ше бо̀ мѧ̀ дꙋ́хъ бы́ти; сегѡ̀ ра́ди нача̀ мл҃твꙋ твори́ти: а҆́зже сїѧ ви́дѧ, возопи́хъ ко немꙋ̀ гл҃ѧ; Ра́бе І҆с҃ Хр҃та Б҃га ни́чегѡ небо́йсѧ, а҆́з е҆́см чл҃вѣкъ, ꙗ҆́коже и҆ ты̀; И҆ позна́въ мѧ̀ чл҃вѣка сꙋ́ща, припадѐ ко мнѣ̀, и҆ преклони́ше колѣ́на. дрꙋ́гъ дрꙋ́гꙋ че́сть творѧ́хова по ѡ҆бы́чаю Мни́шескомꙋ, Посе́м ѡ҆́нъ речѐ а҆ми́нь; и҆ воведѐ мѧ̀ во пещїе́рꙋ свою̀ гл҃ѧ: ка́кѡ сѣ́мѡ, и҆ чесо̀ ра́ди прїи́де Пафнꙋ́тїй бра́те мо́й.

А҆́зъ же слы́шавъ ꙗ҆́кѡ по и҆́мени мое́мъ наречѐмъ, оу҆жасо́хсѧ; И҆ в забве́нїе сама́гѡ себѐ прїидо́хъ; Но по ма́лѣ вре́мени прише́дъ всебѐ, сказа́хъ чесо̀ ра́ди ѿ монасты́рѧ и҆зыидо́хъ, ꙗ҆́кѡ и҆щꙋ̀ Ра́бъ Бж҃їихъ, да бы́хъ восприѧ́тъ бы́лъ, во мздꙋ̀ трꙋ́дѡвъ, и҆ бл҃гихъ дѣ́лъ и҆́хъ.

Посе́мъ а҆́зъ е҆гѡ̀ вопроси́хъ, ка́кѡ сѣ́мѡ прїи́де, и҆ коли́ко вре́мѧ здѣ̀ пребыва́етъ; Ѡ҆́нъже мѝ ѿвѣща̀ гл҃ѧ: а҆́зъ бра́те пе́рвѣе пребыва́хъ во е҆ди́ном ѿ Монасты́рѣ во Ѳїва́идѣ, слꙋжа̀ Б҃гꙋ оу҆се́рднѡ, и҆ со про́чїими І҆́нѡки ко́шници, и҆ кра́бїцы дѣла́хъ, бл҃годарѧ̀ Б҃га. Во е҆ди́ноже вре́мѧ помысли́хъ, ꙗ҆́кѡ а҆́ще бы́мъ ѡ҆со́бъ самое҆ди́нъ ѡ҆би́талъ, бо́льшꙋю бы́хъ мздꙋ̀ ѡ҆брѣ́лъ пре́дъ Б҃гомъ, и҆ ѿше́дъ ѿ бра́тїй созда́хъ себѣ̀ ке́ллїю, во не́йже са́мъ е҆ди́нъ пребыва́ѧ, дѣла́хъ ко́шници и҆ кра́бїцы, и҆ ѿ тогѡ̀ рꙋкодѣ́лїѧ, и҆мѣ́хъ дово́лнѡ бра́шна, а҆́еже мѝ и҆зѡби́лова, дая́хъ Ни́щимъ, и҆ ми́ногощимъ стра́нникѡмъ; Ѡ҆ба́че вра́гъ дꙋ́шъ на́шыхъ зави́дѧ мѝ таковагѡ жи́тїѧ и҆ мзды̀ оу҆ Б҃га, пре́лестїю свое́ю началозло́бною, небреже́нїемъ же мои́мъ, вринꙋ̀ мѧ̀ во вели́кꙋю па́гꙋбꙋ, во не́йже нѣ́кое вре́мѧ лежа́щꙋ мѝ, воспомѧнꙋ́хъ поги́бель мою̀; смр҃ть, сꙋ́дъ Бж҃їй, и҆ мꙋ́ки вѣ́чныѧ во а҆́дѣ. И҆ рѣ́хъ во ср҃цы мое́мъ: Го́ре мнѣ̀ ѡ҆ дꙋ́ше моѧ̀; но что̀ пла́чꙋ; оу҆не́ми е҆́ст воста́ти, и҆ бѣжа́ти в пꙋсты́ню ѿ грѣха̀: и҆ а҆́бїе ѡ҆ста́вль всѐ ꙗ҆́же и҆мѣ́хъ, Прїидо́хъ в сїю пꙋсты́ню и҆ тꙋ̀ ѡ҆брѣто́хъ пеще́рꙋ, и҆сто́чникъ, и҆ фи́никъ, и҆з негѡ́же пло́дъ, во пи́щꙋ мѝ е҆́ст. Ри́зыже моѧ̀ ѡ҆бве́тшавше содра́шасѧ и҆ и҆спадо́ша, и҆ та́кѡ е҆ди́ными то́кмѡ вла́сы главы̀ моеѧ, покрыва́ю оу҆́ды моѧ̀, лѣ́тъ Тридесѧ́тъ здѣ̀ жива̀. Вопроси́хъже е҆гѡ̀ а҆́ще оу҆бѡ и҆знача́ла и҆мѣ́ѧше кꙋ́ю жесто́кость, и҆лѝ кaкова̀ѧ нападе́нїѧ, и҆ смꙋще́нїѧ дїа́вольскаѧ. Ѿвѣща́ми: та́кѡ и҆спе́рва та́кїѧ, и҆ неоу҆до́бь носи́мыѧ претерпѣ́хъ мꙋ́ки внꙋ́трь, ꙗ҆́кѡ возыва́ѧ ко Б҃гꙋ, позе́мли валѧ́тисѧ на ꙋди́мъ быва́хъ. Та́коже и҆ ѿ дїа́вѡлъ понесо́хъ та́каѧ наси́лїѧ, и҆скꙋше́нїѧ и҆ боре́нїѧ; и҆́мъже мл҃твами вѡ҆ржє́нъ преѡдолѣва́хъ и҆ крѣплѧ́сѧ. Вре́менѣже ве́льми не́мощен сы́й, на землѝ валѧ́ѧсѧ бо́ленъ лежа́хъ, Ничто́же и҆но ча́ѧ то́кмо смр҃ти; И҆ сѐ пре́стамѝ пресвѣ́тлый мꙋ́жъ, и҆́же взе́мъ мѧ̀ за рꙋ́кꙋ, ѿзе́млѧ воздви́же гл҃ѧ: Что̀ е҆́стъ, и҆ка́ѧти бо́ѣзнь бра́те; а҆́зже рѣ́хъ ꙗ҆́кѡ оу҆тро́бою ѕѣ́лѡ стра́ждꙋ; е҆гда́же вопросѝ: и҆дѣ́же мѝ боли́тъ; показа́хъ е҆мꙋ̀. С҃тыйже мꙋ́жъ рꙋ́кꙋ вло́жи на́мѧ, посе́мъ пе́рсты совокꙋпле́ными, ꙗ҆́ки бри́твою ѿверзѐ мѝ бо́къ, и҆ и҆звлечѐ оу҆тро́бꙋ со велїе́ю ѕѣ́лѡ боле́знїю мое́ю, и҆ показа́ми ꙗ҆́кѡ всѧ̀ бѣ̀ и҆зране́нна ꙗ҆́звъ и҆стрꙋ́п по́лна, и҆ всѧ̀ согни́ла.

И҆ ѡ҆брѣза́въ рꙋко́ю стрꙋпы и҆со́гни́тїѧ, па́ки во своѐ мѣ́сто вложѝ ѹ҆тро́бꙋ, и҆ ѧ҆звꙋ ни́тею сошѝ, и҆ сотворѝ кр҇тъ гл҇а: сѐ здра́въ є҆сѝ ктомꙋ не согрѣша́й, да не го́рїе тѝ бꙋ́детъ. Бл҇гри Бг҇а и҆ работа́й є҆мꙋ̀, страстемъже твои́ мꙋ́жески сопротивлѧ́йсѧ, сїѧ ре́къ ѿи́де. И҆ ѿ того̀ днѐ бѣ́хъ ѿ всѧ́коѧ бо́лезни, и҆ стра́сти свобо́денъ. Се́же мнѣ̀ Пафнꙋ́тїю повѣда́ѧ, показа̀ зна́менїе ѧ҆звы тако́де и҆ на главꙋ̀ є҆ѧ́же бѣ̀ ѧ҆зва во бо́кꙋ сошве́на. И҆ рѣ́хъ что̀ тѝ є҆ст и҆мѧ̀; ѿвѣща̀: И҆мѧ̀ мнѣ̀ є҆ст Тимоѳе́й; поманѝ мѧ̀ бра́те и҆ моли́сѧ ѡ҆ мнѣ̀, ꙗ҆́кѡ да̀ Гд҇ь Бг҇ъ и҆спо́лнитъ во мнѣ̀ всѐ хотѣ́нїе своѐ. Посе́м а҆зъ Пафнꙋ́тїй, припада́ѧ ко нога́мъ є҆гѡ̀, моли́хъ ꙗ҆́кѡ да̀ помоли́тсѧ ѡ҆ мнѣ̀, и҆ пода́сть ми бл҇гве́нїе, є҆́же полꙋчи́хъ и҆ ѿи́дохъ съ весе́лїем, да́лече въ пꙋсты́ню. Въ пꙋ́ти же помышлѧ́ѧ ѡ҆ жи́тїи мое́м, и҆ жи́тїи сегѡ̀ прп҇дника, ꙗ҆́кѡ ꙗ҆зъ ничесо́же сотвори́хъ бл҇гоподо́бно, и҆ ни є҆ди́ноже ѡ҆долѣ́нїе въ подвига́хъ мои́хъ проти́во стра́стѣ сотвори́, и҆ въ си́хъ помышле́нїѧ: нѣ́кїѧ днѝ пребы́въ, глꙋбоча́е и҆до́хъ во пꙋсты́ню пꙋ́тѣ, ни ѿ кого̀ проше́дшимъ. По четы́рехъ дне́хъ, є҆гда̀ мнѣ̀ ѡ҆скꙋдѣ̀ хлѣ́бъ и҆ вода̀; нача́хъ скорбѣ́ти, ꙗ҆́ко ѡ҆слабѣ́хъ ѕѣлѡ, и҆ падо́хъ на́землю сме́рти ѡ҆жида́ѧ. И҆ сѐ внеза́пꙋ ѹ҆зрѣ̀ предо мно́ю мꙋ́жа прекра́сна, и҆ пресвѣ́тла, є҆гѡ́же ѕѣлѡ ѹ҆боѧ́хсѧ; ѡ҆ба́че ѡ҆́нъ къ мнѣ̀ любе́знѡ приклони́сѧ по є҆ди́нꙋ рꙋ́къ, и҆ но́гъ, и҆ ѹ҆стна́мъ мои́хъ каса́лсѧ, и҆знемога́ющꙋ мѧ̀ вѡ́сприѧ́тѝ, та́кѡ, ꙗ҆́кѡ а҆́бїе тѣ́мъ видѣ́нїемъ ѹ҆крѣплѐнъ, и҆ весе́лїѧ и҆спо́лненъ во ста̀ си́ленъ, па́ки днѝ четы́ри пꙋ́ть шество́вахъ. Є҆гда́же и҆ посе́м ѡ҆слабѣ́хъ, па́ки Бг҇ъ посла̀ того́де мꙋ́жа; и҆́же мѧ̀, ꙗ҆́кѡ пе́рвїе ѹ҆крѣпѝ.

Въ дн҇ь же се́дмънадеса́тый ѿ и҆схо́да моего̀ и҆з монасты́ра̀, є҆гда̀ ѹ҆трꙋди́сѧ почива́хъ, ѹ҆зрѣ́хъ и҆здале́че мꙋ́жа ѕѣлѡ стра́шна, на́га, вла́сы ꙗ҆́кѡ снѣ́гъ бѣ́лы покры́та, и҆ поѧ́двїѧ вѣ́твїѧ листве́ны препоѧ́сана, и҆ ѹ҆боѧ́всѧ нача̀ бѣжа́ти на го́рꙋ высо́кꙋ, и҆ та́мѡ въ ча́стнѣ дре́вес сокры́сѧ.

Ѡ҆́нже ѹ҆трꙋди́сѧ, бѣ̀ бо ста́ръ ве́лми, ва́ръже по́лꙋдне настоѧ́ше сегѡ̀ ра́ди возле́же на́землю въ сѣ́ни горы̀ и҆ пома́лѣ вре́мени, возве́дъ гла́вꙋ и҆ ѹ҆зрѣ́въ мѧ̀, возгласѝ: ра́бе Бо́жїй не бо́йсѧ сни́ди ко мнѣ̀, поне́же и҆ а҆́зъ є҆́см чл҇вкъ любвѐ ра́ди, бж҇ой, и҆ сп҇се́нїѧ дш҇и моеѧ̀ здѐ Бг҇ꙋ рабо́таю.

И҆ сїѧ слыша́въ ѹ҆тѣше́нъ, и҆ и҆стрезве́нъ, скорѡ снидо́хъ, и҆ припа́дъ ко нога́мъ є҆гѡ просихъ проще́нїѧ, ѡ҆́нже возбранѧ́ѧсѧ моего̀ поклоне́нїѧ, гл҇а: воста́ни сн҇е, поне́же ра́бъ Бж҇їй є҆сѝ и҆ дрꙋ́гъ ст҇ы́хъ; И҆мѧ́же тебѣ̀ є҆стъ Пафнꙋ́тїй; и҆ воста̀ ꙗ҆́кѡже мнѣ̀ повелѣ̀, и҆ сѣ́да̀ прп҇дни́мъ гл҇ахъ: сѐ и҆спо́лни то́й жела́нїе моѐ, и҆́же мнѣ̀ въ сей пꙋсты́ни предъ жда́ше, и҆ храни́ше мѧ́, ѹ҆жѐ бо̀ и҆знемого́шаѧ ѹ҆́ды моѧ̀, и҆спо́лнаютсѧ дх҇вныѧ ра́дости; ѡ҆ба́че дш҇а жа́дꙋщи досе́лѣ, нака́коже и҆мѣ̀ прохла́дїѧ дꙋхо́внагѡ, сегѡ̀ ра́ди ѻ҆ч҇е ст҇ы́й молю̀ тѧ̀, и҆ тѣ́м є҆гѡ́же любвѐ ра́ди, въ сей пꙋсты́ни живе́ши заклина́ю, ꙗ҆́кѡ да и҆сповѣ́си мнѣ̀: Кто̀ ты̀ є҆сѝ; коѐ є҆сть и҆мѧ̀ твоѐ; коли́кѡ лѣ́тъ въ сей пꙋсты́ни живе́ши, и҆ коѐ твоѐ є҆стъ жи́тїе; Видѧ́же ст҇ы́й жела́нїе моѐ, ꙗ҆́кѡ восхотѣ̀ ѹ҆вѣ́дати жи́тїе є҆гѡ̀, речѐ ко мнѣ̀.

Бра́те возлю́бле́не, поне́же жела́еши ѹ҆вѣ́дати жи́тїе моѐ, и҆ повѣ́ди ꙗ҆́же во трꙋдѣ̀, и҆ мнѡ́гѡ терпѣні́ здѐ и҆спра́вихъ, послꙋ́шаи и҆ внемлѝ, ꙗ҆́кѡ всѧ̀ тѝ и҆спе́рва и҆́стиннѡ и҆сповѣ́мъ.

И҆мѧ̀ мнѣ̀ є҆ст Ѻ҆нꙋ́фрїй, лѣ́та и҆счита́ю всегѡ̀ живота̀ моего̀ седмдеся́т и҆спо́лнена; въ сей же пꙋсты́ни трꙋжда́юсѧ лѣ́тъ шестьдеся́тъ, мѣ́сто хлѣ́ба ѡ҆́вощїемъ и҆зе́лїемъ пита́лсѧ, никого́же ѿ чл҇вкъ здѐ досе́лѣ видѣ́хъ, развѣ̀ тебѐ дне́сь, и҆́же посла́нъ є҆сѝ ѿ Бг҇а погребстѝ тѣ́ло моѐ. Сегѡ̀ ра́ди а҆́ще мѧ̀ терпели́вѡ послꙋ́шати восхо́щеши, и҆сповѣ́ти поря́дꙋ всѐ мое жи́тїе, ꙗ҆́кѡ да вса́къ слꙋша́ѧй, и҆лѝ чта́й, по́льзꙋ и҆мѣ́еть, и҆ прїи́метъ ѡ҆́браз ѿ менѐ покаѧ́нїѧ.

Ѻ҆те́цъ мо́й бѣ̀ цр҇ь Пе́рсидскїй, но̀ поне́же бѣ̀ безча́денъ, ѕѣлѡ жела́ше и҆мѣ́ти сн҇а, и҆ сѐ по мнѡ́зѣ лѣ́техъ зача́ть мѧ̀ мт҇ерь моѧ̀, но̀ дїа́волъ зави́да̀, и҆ возбрани́ти хотѧ̀ семꙋ̀, во о҆́бразѣ

стра̑нѡпрїимецa нѣкоегѡ прїиде ко ѡ҃цꙋ моемꙋ, гл҃а, вѣждь Цр҃ꙋ, ꙗкѡ Цр҃ца плодъ иже всебѣ носитъ, неѿтебѐ нѡ ѿ єдинагѡ раба имать твоихъ. Аще извѣстенъ быти хощеши, сотворѝ ꙗже тѝ рекꙋ: єгда родитсѧ ѻтрочà, повелѝ є҆ воѻгнь воврещѝ, а҆ще несъгорить, знаменїе имѣти бꙋдеши ꙗкѡ твоѐ ѻтрочà єсть. Оу҆вѣрѝ семꙋ во простотѣ ср҃ца ѿц҃ъ мой, и таꙗше сїе всебѣ, сомногою жалостїю; єгдаже родихъсѧ, повелѣ Цр҃ъ великъ ѻгнь вѻгнѣтити, ивонь воврещѝ мѧ̀. Но Бг҃ъ всесильный сотворѝ, ꙗкѡ абїе вознесохъ немощныи рꙋце мои, ко нбсемъ, и невреждéнъ пребыхъ ѿѻгнà палащаго. Видѣвше сїе Родитель мой, оу҆сꙋмнѣсѧ, иповелѣ мѧ̀ ѿпламене исторгнꙋти; Исè А҆гг҃л Гдань ꙗвисѧ ѻбличаѧ ѡ҃цà, ꙗкѡ дїавола ипрелести єгѡ̀ послꙋшà, и речè:

Воспрїимѝ ѻтрочà, инесѣдъ наколесницꙋ градѝ снимъ, идеже тѝ Бг҃ъ повелитъ. На Крещенїи же наречеши Имѧ̀ ємꙋ ѺНꙊФРІИ, и неимат Сосца прїѧти дондеже Бг҃ъ извѣститъ.

Оу҆страшисѧ Цр҃ъ видѣнїемъ, инаказанїемъ сим, сотворѝ такѡ ꙗкоже повелѣ ємꙋ А҆гг҃лъ Гдань, взѧ̀ мѧ̀ абїе из Града изыиде вгоры єгѵпетскїѧ, иꙗвисѧ лани бѣла юже Бг҃ъ послà, дабꙋдет мѝ вмѣстѡ доилици, Сегѡ̀ ради стà прѐ нами показꙋѧ ꙗкѡ хощетъ доенїе дати дѣтищꙋ; Идаѧше снами питаѧ мѧ̀ млекомъ своим, Ипознà Ѻ҃цъ мой силꙋ и прозрѣнїе Бж҃їе ѡ̀ мнѣ, и ѡ̀всемъ блгдрѧ Бг҃а, прибыхомъ воград Єрмаполъ, идѣже близъ града бѣ Монастырь реченный Гереты. Внемже бѣ Инокѡв, Числѡ стò;Ихъже Архимандритъ ѿкрыѝ пришествїе наше, сегѡ̀ ради совсѣми Иноки изыиде во срѣтенїе Ѻ҃цꙋ моемꙋ, иже всѧ̀ подробнꙋ сказà ꙗже ѡ мнѣ прединаѧ; Иꙗкѡ єст волѧ Бж҃їѧ, дамѧ̀ втомъ Монастырѣ ѻставитъ ѻнѝ же рекоша: Какѡ сè мощно быти имать, Понеже жены внашъ Монастырь невходѧт, ѻтрочаже какѡ воспитано бꙋдетъ: ѿвѣщà Ѻ҃цъ мой, ꙗкѡ сè чꙋдеснѣ доселѣ пребысть, такѡ и даже до конца лани сїѧ бꙋдет питающи є҆. Сеже слышавъ Архимандритъ прїѧть мѧ̀, Ѻ҃цъ же соблгдренїемъ поклонсѧ, иблгвенїе воспрїи, ѿиде восвоѧ̀ сѝ. Ланиже пребываѧ во пꙋстыни приходаше повсѧ̀ дни и питаша мѧ̀, даже дотрїехъ лѣтъ; И посихъ єгда престà приходити питати мѧ̀, Азъ ходѧй кокеларꙋ прїимаѧ снѣдное. Єгдаже оу҆спѣхъ во лѣтъ седмъ, ꙗкоже ѡбыкло быть мнѣ, прихождахъ ко Келарꙋ испрошаѧ дамѝ дасть хлѣба часть, юже прїем ѿхождаше ко Цркви, идѣже бѣ Икона Прчтїѧ Бц҃а ѿкамене исѣчена. Конейже приходѧ̀, сїѧ словесà ко Іс҃ꙋ глах: такѡ єсѝ иты̀ малъ ꙗкоже азъ. Но мнѣ келарь всегда просѧщемъ подаваетъ хлѣба, и а Тебѣже никтоже приноситъ. Прїимѝ оу҆бо ѿменѐ иꙗжд сомною. ѻтрочаже. Бжественое простертыма рꙋками хлѣбъ ѿменѐ прїемши, ꙗдаше ꙗкоже мнѣ. Оу҆вѣдавже таковò чꙋдѡ келарь, исповѣ Архимандритꙋ, тойже повелѣ, дарéчетъ мѝ келарь, єгда кнемꙋ прїидꙋ просити хлѣба: Идѝ во Црк ко ѻтрочати, єгѡже всегда питаеши, дати ѻно дастъ своегѡ хлѣба. Азъже пришедъ ко Иконѣ, рекох ѻтрочати: Повелѣ Келарь, дамѝ ты̀ дасѝ своегѡ хлѣба, и абїе Сн҃а Бж҃їѧ ѻбразъ подастъ мѝ весьми бѣлый, ипрекрасный хлѣб, тол великъ, ꙗкѡ єдва возмогохъ понестѝ. Архимандрита же со всѣми иноки видѣв таковое чꙋдо: ꙗкѡ принесох идахъ сей хлѣбъ, начà блгдрити Бг҃а, иже дивенъ єстъ вовсѣхъ дѣлехъ своихъ, и азъ всилѣ Бж҃їи, кꙋпнѡ снними всѣхъ хвалѧ̀ Бг҃а. Иабїе всѝ хотѧхꙋ, дабых былъ оу҆нихъ Архимандрит, аще бы̀ недѣтищъ возрастъ илѣта моѧ̀ быша запѧтїем. Разꙋмѣшабо ꙗкѡ нѣсмъ чл҃вкъ нѡ А҆гг҃лъ.

Здѐ долгꙋю повѣстъ творѧше ѡ҆житїи ѻных блгословенных Инокѡв, ихъже бысть єдиномыслїе, єдино ср҃це єдин дхъ, єдина волѧ блгоꙋгоднѡ творити прѐ Бг҃ом; всѝ молчанїе хранѧхꙋ ѕѣлѡ, оу҆стъ никтоже смѣѧше ѿверсти, токмо чтѡ̀ быст напотребꙋ, и вопрошающым

на ѿвѣ҃, нѡ и се со кротостїю, и вокра҃цѣ. Сїи ѿц҃и ибратїѧ наꙋчиша мѧ писмени, и вѣри ꙗже во Хр҃та. такоде Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ ꙋго҃днѣ слꙋжити, и иночески жити. Е҃гдаже множицею слышахъ ихъ беседꙋющы҃, иꙋдивлѧющыѧсѧ, ѿ пречꙋдном житїи во пꙋстыни Ілїи Прр҃ка, и Ст҃гѡ Іѡана Кр҃тлѧ; рѣхъ коим: Прп҃нїи мои честнїи ѿц҃и, почтѡ такѡ ꙋдивлѧетесѧ сихъ Ст҃ыхъ житїю во пꙋстыни. Ꙋ҆бо ли вопꙋстыни живꙋщїи бо҆шїи сꙋть пр҃е Бг҃ом паче васъ иже во Монастырѣ живете; ѿвѣщаша ми: воистин҃ꙋ чадо такѡ ест; Понеже мы во собранїи живꙋщїи навсѧкъ дн҃ъ дрꙋгъ дрꙋга видимъ, иꙋтѣшаемсѧ; вовремѧ ꙗденїѧ, готово на тапезъ ѡбрѣтаем бра҆шно, аще поболитъ ктѡ ѿнасъ или на дши, или на телеси, абїе братїѧ солюбовїю слꙋженїемъ болномꙋ ꙋгождаютъ. Мы во келїахъ ѡбитаемъ, да небꙋдем водни жегѡмы зноем, стꙋденїюже в нощи, ниже претерпѣваем дождѧ, вѣтра, ивсѧкꙋ бꙋрꙋ исопротивленїе. Пꙋстынницыже ничтѡ таково имѣютъ, коꙋпокоенїю си, но вболезне҃, скорбѣхъ истраховавїахъ помощи ѿ Бг҃а самагѡ желают и ищꙋ. Таковыхъ бесѣдъ иповѣстей множицею послꙋшающꙋ ми Ѡнꙋфрїю, восрдц҃и моемъ начахъ помышлѧти сїѧ словеса бесѣдъ прп҃ныхъ Ѡц҃ъ, ꙗже дши моей сла҃чайша творѧхꙋсѧ паче меда исота, и ѿ поꙋченїѧ тогѡ разгорѣсѧ вомнѣ ѡгнъ, и измѣнисѧ весь, аки быхъ во иномъ мїрѣ. Сегѡ ради во единꙋ нощъ ранѡ востахъ, и вземъ малѡ брашна натри дни, изыйдохъ из Монастыра врꙋчаѧсѧ промыслꙋ Бж҃їю, итогѡ единаго во предводителѧ себѣ избираѧ, донелиже поставитъ мѧ намѣстѣ еже мене ради ꙋготова.

Е҃гдаже ꙋдалихъсѧ бѣгаѧ ѿмонастыра, прїидо҃ в Горы и в темнꙋю пꙋстыню, идѣже восхотѣхъ прибывати. Но абїе ꙋзрѣхъ предомною пресвѣтлый столпъ ѡгне҃ный, и ꙋжасохсѧ помышлѧѧ, ꙗкѡ ми возвратитисѧ подобает во монастырь, изъ негѡже изыйдохъ, исе ѿ просїанїѧ ѡнагѡ свѣта, исходѧи прекра҃ный предивный мꙋжъ приистꙋпи комнѣ гл҃ѧ: Радꙋйсѧ и веселисѧ Ѡнꙋфрїе, миръ Бж҃їи дабꙋде҃ стобою, небойсѧ, азъ есмъ Аг҃гл Бж҃їи тебѣ ѿ рождества твоегѡ хранителъ, ипроводителъ ко нбс҃и ѿ Бг҃а данный, дабы҃ стобою был всегда, даже до смр҃ти. Сеже и дне҃ хощет Бг҃ъ, дабыхъ тѧ привелъ на мѣсто еже ти самъ ꙋготова. Сегѡ ради бꙋди совершенъ, ходѧ во смиренїи пр҃е Бг҃ом, поживи бе҃порока, донелѣже дшꙋ твою поставлю пр҃елицемъ Пр҃стла Бж҃їѧ.

Сїѧ гл҃аше пꙋтьшествꙋѧ со мною поприщ шесть, донелѣже прїидохова ко вертепꙋ ѕѣлѡ красиꙋ, до негѡже приближихъсѧ, по ѡбычаю мнишескомꙋ просѧ блг҃венїѧ. Исе изыйде мꙋ Ст҃ый ѡбразомъ блг҃опрїеменъ; Е҃гѡже азъ Ѡнꙋфрїи видѣвъ, падохъ ꙋногꙋ егѡ, ѡнъже мѧ во҃двигъ ѿземлѧ, и цѣловавъ лобзанїемъ мира, гл҃ѧ Ты еси бра҃ мой Ѡнꙋфрї, иже имаши ми быти ѡбѣщникъ, и подражатель, житїѧ пꙋстынножите҆нагѡ. Ивзѧ҆т мѧ зарꙋкꙋ гл҃ѧ: внїиди чадо, да дастъ ти Бг҃ъ ꙗкѡ да дѣла ҆твоѧ бꙋдꙋт прїѧ҆тна пр҃е лицемъ Гд҃ни. Ившедъ снимъ во вертепъ, и пребыхъ многи дни препочиваѧ, и поꙋчаѧсѧ ѿнегѡ пꙋсты҃нагѡ житїѧ, иже ми подаваше разли҃ныѧ, и сп҃сите҆ныѧ совѣты, какѡ нм҃ѣ козни дїаво҆скїѧ побѣдати.

Е҃гдаже сїѧ дни испо҆лнишасѧ сожитїѧ ниѿегѡ, видѧ Прп҃ный вомнѣ дх҃а просвѣще҃на, рече комнѣ: Чадо, востани гради помнѣ, датѧ приведꙋ во глꙋбочайшꙋю пꙋстыню, ипокажꙋ ти мѣсто, идѣже хощ҃е Бг҃ъ ѡбитати тѧ самагѡ единагѡ; ивоста҃ идохъ по нем дни четыри, инощый такоде. Вопѧтыйже дн҃ъ прїидохомъ ко ве҃ртепꙋ идеже бѣ хижина, и приней древо финиково, и исто҃никъ. и ѡбращсѧ комнѣ гл҃а: Се чадо мѣ҃сто естъ, еже ти ꙋготова Бг҃ъ, идѣже всѧдни жити имаши, и

быст̾сомнóю насéм мѣ́стѣ днѝ тридесѧ҃, поꙋчáѧ мѧ̀, кáкѡ ѻ҆пасно подобáше мѝ жи́ти. Е҆гдаже хотѧ́ше ѿменѐ ѿитѝ, вопросихъ, ѡ҆ и҆́мени е҆гѡ; И҆речѐ И҆мѧ҃ моѐ е҆́сть Е҆рмей; и҆сїѧ рéкъ помл҃исѧ врꙋчаѧ мѧ̀ Бг҃ꙋ, себéже моим молт҃вамъ, и҆ тáкѡ ѿи́де во свою̀ Кéлїю. Посéмъ навсѧ́кѡ лѣ́то, е҆динóю прихожда́ше ко мнѣ̀; И҆ по нѣ́кои лѣ́тѣ, е҆гда прїи́де посѣщáѧ мѧ̀, всамóм мѣ́досо нѣм̀ нам цѣловáнїи, падѐ нá землю и҆ Бг҃ꙋ дх҃ъ предадѐ.

Видѧ́же а҆́зъ сїѧ ѿпечáли падо на́землю, и҆ плака̀ ѕѣлѡ ѿца̀ моегó, ѻ҆мывáѧ слезáми чс҃тное тѣ́ло е҆гѡ̀, е҆же и҆погребóхъ съпѣ́нїемъ и҆мл҃твами по ѻ҆бы́чаю Хр҃тїа́нскомꙋ.

Сегѡ̀ послꙋшáѧ а҆́зъ недостóйный Пафнꙋтїй, рѣ́хъ Ѻ҆нꙋфрїю: Нн҃ѣ поразꙋмѣвáю Ѻ҆́че мóй ст҃ый, каковы̀ трꙋды понéслъ е҆сѝ всéй пꙋсты́ни; ѿвѣщáми Ѻ҆нꙋфрїй; воистинꙋ брáте мнóгѡ претерпѣ́хъ, и҆скꙋшéнїй, скорби, нéмощи, печáли, и҆стенáнїѧ ꙗ҆́кѡ многажды чаѧ́хъ ѹ҆жѐ ѹ҆мрѣ́ти. И҆что̀ рекꙋ ѡ҆ алчбѣ̀, жáждѣ, знóй, и҆стꙋдени ꙗ҆́же претерпѣ; но̀ Бг҃ъ крѣ́покъ ѹ҆тѣшевáѧ мѧ̀ веселїем дх҃овны, ꙗ҆кѡже видѧ̀ трꙋды моѧ̀ ѻ҆́нъ сáмъ подадѐ мѝ и҆ терпѣ́нїе. Е҆гдаже ѻ҆деѧ́нїе сменѐ спадѐ, покрымѧ̀ си́ми влáсы ꙗ҆́же зри́ши; Но̀ и҆ навсѧ́къ дн҃ъ приноша́ше мѝ А҆́гг҃лъ е҆ди́нъ хлѣ́бъ, дабы̀ тѣ́ло моѐ, всилахъ въхвалéнїй Бж҃їи неи҆знемоглѡ̀. И҆тáкѡ питáше мѧ̀ бл҃гїй Бг҃ъ чрéз тридесѧть лѣ́тъ. По си́хъже пáки лѣ́тъ тридесѧть ꙗ҆́же и҆спо́лнихъ, питáюсѧ ѿсихъ финикъ, и҆ ѿ зéлїѧ пꙋстынагѡ. Си́хъже словéсъ послꙋшáѧ рѣ́х кнемꙋ ѻ҆́че бл҃гїй: во днѝ Ст҃ыѧ, и Нд҃ли и҆ли Сꙋббѡ́ты, а҆́ще комкáнїе ѿкогѡ̀ прие́млеши; ѿвѣщà: А҆гг҃лъ Гд҃нь прихóдит комнѣ̀, и҆ ѿ е҆гѡ̀ рꙋкꙋ прїе́млю и҆ животорѧ́щїѧ дáри, тѣ́ла и҆ Крóви Сп҃си́телѧ нш҃егѡ І҆с҃ Хр҃та. Сегѡ́же ѹ҆тѣшéнїѧ дх҃внагѡ ѻ҆бѣщникáми сꙋть всѝ ст҃ыи вопꙋсты́ни живꙋщїи, и҆ в тóй дн҃ъ воньже Пречт҃ыѧ дáри прїе́млем, бл҃гтїю Ст҃гѡ дх҃а и҆спо́лнени, ниже а҆́лчбꙋ, нижаждꙋ ниже и҆нꙋю, скóрбь, и҆лѝ и҆скꙋшéнїе терпимъ, Пáчеже и҆ пре́жних забываемъ. А҆щеже нѣ́коемꙋ ѿнáсъ желáнїе нáде возвеселитисѧ дх҃овнѣ, а҆бїе ѿнесéнъ бывáетъ ѿ А҆гг҃лъ на ѻ҆́блацѣ, дáже дорáѧ, и҆ви́дитъ слáвꙋ ст҃ыхъ. И҆ посéмъ ꙗ҆́кѡ ѿ сна̀ воспрѧнꙋвъ, мн҃итсѧ сéмꙋ, а҆́ки бы́ти е҆мꙋ̀ во и҆номъ мїрѣ̀, забывáюще всѧ̀ ꙗ҆́же претерпѣ̀ прéжде.

Сїѧ всѧ̀ повѣдà мнѣ̀ Прп҃дны Ѻ҆́ц҃ъ Ѻ҆нꙋфрїй сѣдѧ̀ на мѣ́стѣ и҆дéже е҆гò ѻ҆брѣтóхъ. Е҆гѡ̀же словеса̀ тáкѡ мѧ̀ возвесели́ша, ꙗ҆́кѡ а҆бїе всѣ́хъ мои́х трꙋдѡвъ забыхъ.

Востáвше же ѿ тогѡ̀ мѣ́ста и҆дóхом а҆́ки трѝ пóприща; и҆придóхом намѣ́сто ѕѣлѡ крáсно и҆дéже бы́ша фини́ки, и҆ начà Ѻ҆нꙋфрїй пѣ́ти ѱалмы̀, и҆ моли́тисѧ, поскончáнїи же речѐ А҆минь. Посéмъ сѣдóхом бесѣ́дꙋюще ѡ҆ вéщех бж҃ественныхъ. Е҆гдаже сл҃нце ко зáпадꙋ наклонѧ́шесѧ; ѹ҆зрѣ́хъ посрéдѣ кéлїи лежáщъ хлѣ́бъ, и҆ сосꙋ̀ воды̀, тогда гл҃а ко мнѣ̀: востáни брáте Пафнꙋтїй ꙗ҆ждь и҆ ѹ҆крѣпи́сѧ: А҆́зъже рѣ́хъ, живѐ Бг҃ъ въ дш҃и моéй ꙗ҆́кѡ неимамъ ꙗ҆сти, а҆́ще в любвѣ̀ и҆сти́нной кꙋпнѡ неѧ́мы. Взéмъже хлѣ́бъ преломѝ, и҆ ꙗ҆дóхом дáже до сы́тости, и҆ е҆щѐ и҆збы́ша ѻ҆стáнки. Нóщьже ѻ҆нꙋю пребы́вше во бдѣ́нїи, ѱалмѣхъ, и҆ мл҃твахъ, воѹ҆́трїе по мл҃твѣ, ѹ҆зрѣ́хъ лицѐ Прп҃днагѡ и҆змѣнено, и҆ѹ҆боѧ́хъсѧ и҆ рекóхъ: что̀ ти е҆сть ѻ҆́ч҃е. и҆ ѿвѣщà мѝ: небóйсѧ брáте Пафнꙋтїй. Понѐ Бг҃ тѧ̀ послà, дабы̀ е҆сѝ погребл тѣ́ло моѐ. Нн҃ѣ скончáю слꙋжбꙋ мою̀, Бг҃ же и҆спо́лни желáнїе твоѐ, и҆ ѻ҆бѣщáнїе своѐ мнѣ̀ сотворенно.

Е҆гдаже возвратишисѧ вослѧ̀, бꙋди поведáѧ брáтїи твоéй, и҆ всѣ̀ Хр҃тїанѡм; ꙗ҆́кѡ ѹ҆слы́шанъ е҆смь во мл҃твах мои́хъ. Понéже всѧ́къ и҆́же прѐ лицéмъ Гд҃а нш҃егѡ І҆с҃ Хр҃та пáмѧть мою̀ накои́мъ лѝ бꙋди мѣ́стѣ, и҆ кои́мъ лѝ бꙋди ѻ҆́бразом почтéтъ, и҆лѝ лїтꙋргїи совершéнием, и҆ли тоéжде

наймомъ. или коимъ инымъ приносом, или одѣвая, или питая воимя Г҃не, брата своегѡ нищагѡ, или инꙋю м҃тыню даеѕт требꙋющемꙋ. Такожде пиша, или чтай и повѣдаяй житїе мое, или немогїй ничтоже сихъ сотворити; влїватѧ елей влампадꙋ, или сотворитъ кꙋренїе Кадила залюбов коимѣ, вочесть же Г҃да нищегѡ во вонию бл҃гоꙋханїѧ, возведе егѡ Б҃гъ на первый степен лѣтъ моихъ, и обѣщникѡ сѡворитъ живота вѣчнагѡ.

Сїѧ просихъ иꙋслыша мѧ Б҃гъ; глах паки, Ѻ҃че ст҃ый, ащели пꙋстынножитель неимый Кадила, ниже дати что нищемꙋ, какѡ возможе стѧжати бл҃гвенїе твое, Ѿвѣща; аще ктѡ ѿсихъ ничтоже сѡворити возможетъ, ниже дати чашꙋ воды стꙋденой вопамѧть мою, той да станетъ и вознесетъ рꙋце ко Б҃гꙋ, во Имѧ Т҃рцы прест҃ыѧ совнимание гл҃а трикрати м҃твꙋ Г҃ню Ѻ҃че нашъ: даже до Аминь. Азъ ѡ нем помолюсѧ, ꙗкѡ да первагѡ часа лѣтъ моих мздꙋ прїимет, и со всѣми ст҃ми причастник быти сподобисѧ живота вѣчнагѡ.

И Паки рѣхъ, Ѻ҃че ст҃ый, поисходѣ твоемъ ѿтѣла, хотѣ быхъ здѣ намѣстѣ твоем обитати; Ѿвѣща ми, немощно ест се дѣло, Понеже Б҃гъ посла тѧ здѣ дапогребеши тѣло мое, ивозмеши ꙋтѣшенїе ѿ Пр҃ныѧ здѣ обитающих ѻ҃цъ, вонию же бл҃гоꙋханїѧ житїѧ ихъ, принесеши братїи твоей; сказꙋѧ мїрꙋ ꙗже еси видѣлъ и слышалъ.

Посем припадохъ кꙋногама гл҃ѧ: Ѻ҃че возлюблене, разꙋмѣю сїѧ; ꙗкѡ аще: что просиши ꙋ Б҃га, дастъ ти всѧ; видѧ трꙋды идобродѣтели твоѧ. Бл҃гвиже ми да Ѻбрѧщꙋ м҃лрдїе пред Б҃гомъ, и да ꙋподобисѧ тебѣ во добродѣтели, М҃лтвами твоими сподоблюсѧ видѣти лице Бж҃їе вовѣки. Ѻнъже ѿвѣща; нескꙋдно Пафнꙋтїй, понеже м҃тва твоѧ бл҃гтїю Бж҃їею крѣпка бꙋдетъ пребывающа. Ниже ѡскорбитъ тѧ, но бл҃гвитъ, и ꙋтвердитъ милость свою в тебѣ, и просвѣтитъ ѻчи твои, и свободитъ ѿ всѧкагѡ попол҃зновенїѧ, и сѣти вражїѧ, и исполнитъ втебѣ дѣло еже себѣ предложила еси. Бꙋдꙋтъ на тѧ ѻчи егѡ; А҃гглы ст҃ыи сохранѧтъ тѧ ѿстрѣлъ, и всѣхъ сѣтей дїаволскихъ; и ничтоже втебѣ ѡбрѧщꙋтъ, оклеветꙋюще тѧ, во страшный днь сꙋдный. Ꙋтвержайсѧ во вѣрѣ, и крѣпкѡ стой, возводѧ ѻчи и ꙋмъ ко Г҃дꙋ Б҃гꙋ твоемꙋ.

Сїѧ гл҃аше сѣдѧ; абїе Скоростїю востави, и преклони колѣнѣ, возведъ ѻчи, Ꙋмъ ирꙋцѣ ко Б҃гꙋ, плакасѧ и воздыхаѧ гл҃аше; Превышнїй Бж҃е, егѡже крѣпость неизслѣдована; егѡже м҃лть неисчетаемаѧ, тебе хвалю, тебе бл҃гвлю, тебѣ припадаю, и молю тѧ, егѡже возлюбихъ, и послѣдовахъ ѿдне вонь же родихсѧ. Ꙋслыши Г҃ди м҃тꙋ мою и вопль мой, къ тебѣ возываю, иже призрѣ на смиренїе мое, и непредалъ еси мене врꙋкꙋ, врагꙋ дїаволꙋ, ищꙋщемꙋ дш҃а моѧ, и исторгнꙋлъ еси ѿ сѣти егѡ нозѣ мои, и постави еси намѣстѣ пространѣ. Молю тѧ Г҃ди ꙗкѡ да простреши десницꙋ твою, и избавиши дш҃ꙋ мою, егда исходити бꙋдетъ ѿ тѣла сегѡ, данеср҃ѧщꙋтъ исмꙋтꙋ ю любый аггелы: М҃лтивъ бꙋди ми Г҃ди; и да не ꙋзрит дш҃а моѧ темнаго возора лꙋкавыхъ бѣсовъ; но да прїимꙋ ю ст҃ыи мирный твои А҃ггы, и водворѧтъ во ꙋпокоенїи вѣчномъ; ꙗкѡ бл҃гвенъ еси во вѣки, Аминь. Паки молю щедроты твоѧ пребл҃гїй Г҃ди, завсѧ Хр҃тїаны; да м҃лтивъ всѣм бꙋдеши. Найпачеже, аще ктѡ во памѧть мою ѿ трꙋда своегѡ подаетъ нѣчто искреннемꙋ своемꙋ требꙋющꙋ; ипризоветъ тѧ, да ꙋслышиши прошенїѧ егѡ, и ѡчистиши всѧ грѣхи егѡ, Ащеже ктѡ во нꙋжде бꙋдетъ, или во плѣненїи и заточенїи, или вмори, или врꙋкахъ мꙋчителя сꙋдїи; или вꙋка-

ковой иной бѣдѣ искорби, иѿвовѣтъ къ тебѣ гл҃а: Вседержителю Г҃и, добродѣтелей ради Ѻнꙋфрїа твоегѡ помилꙋй мѧ грѣшнагѡ: Молю тѧ ꙗкѡ да всѣ послꙋшаеши сихъ, ꙗкѡже мѝ ѻбѣща̀.

По семі со веселїе гл҃а: врꙋцѣ твои Г҃дн предаю дх҃ъ мой. падѐ воспат наземлю ꙗзъже на лицѐ егѡ̀ еже бѣ ꙗко огнь распаленно ивоздвигъ рꙋцѣ горѣ, ѻчи такѡде въН҃бо и молѧшесѧ втаи, сегѡ̀ ради разꙋмѣти сихъ невозмогохъ. Исѐ внезаапꙋ найде бл҃гѡꙋханїе, ꙗки Райскаѧ вона, и исполни всѐ мѣсто ѡно, воздꙋхъже возъмꙋщашесѧ, и такѡ стра҃ны испꙋщаше громы, и мо҃нїа ꙗкѡ мѝ бысть пѧ҃ти наз҃елю, и ꙗки мертвꙋ лежати, ибѡ ѹды моѧ̀ ѿ страха ꙗки бездꙋшни быша; Исѐ ѿверзошасѧ н҃бса, и ꙗвисѧ множество А҃гглъ Н҃бныхъ, и ѹслыша҃ пѣнїа ра҃спѣвающїѧ повоздꙋхꙋ, сла҃дка ѹшесем моимъ. Таже исо свѣщами вожежеными, и Кади҃лници, ѻкрꙋжахꙋ А҃гг҃ли тѣло ст҃ое.

По симъ ꙗвисѧ свѣтъ ѕѣлѡ ѻсїавающїъ, Изнегѡже слышахъ гласъ: изыйдѝ дш҃е мирнаѧ ипрїидѝ ко мнѣ любимаѧ моѧ̀, дата̀ водворꙋ во вѣчный покой, со Патрїархи, и всѣми С҃тми понеже всемъ твоѐ положи бл҃гѡволенїе и ѹтѣшенїе. На сей гласъ дш҃а ст҃а ѿтелеси изыйде; юже азъ въподобїи бѣлыѧ голꙋбицы видѣхъ, врꙋкꙋ самагѡ Г҃да нашегѡ І҃с Х҃рта ко Н҃бсемъ, соѻкрꙋжающими пѡ҃лки А҃ггльскими и пѣнїем несенꙋ. Тѣми, чꙋдесы видѣнными, и слыша҃ными, велми ѹстрашихсѧ, и востаѣвъ целꙋѧ С҃тыѧ нозѣ егѡ̀, изнихже исхождаше вона бл҃гѡꙋханїа. Тѣложе егѡ̀ просвѣтисѧ ꙗкѡ Кристалъ и драгїй бисеръ. И плакахъ сѧ ѕѣлѡ воздыхаѧ ѡсеѣмъ; ꙗкѡ кратѣкое ѹтѣшенїе моѐ бысть сиѝ, егѡже толико времѧ, и сотоликї трꙋдомъ искахъ и ѻбрѣтохъ. Прибысть болезни и сегѡ̀ ради, понеже неимѣхъ, нѝ мотики, ниже лопаты или инагѡ ѻрꙋдїа прилична, имже возмоглъ быхъ, ископати гробъ ст҃мꙋ тѣлꙋ, исѐ два Львѝ ѹзрѣхъ комнѣ бѣжаща, и ѹбоѧхсѧ ѕѣлѡ, нѡ̀ сїи притекше положишасѧ при ногꙋ С҃тгѡ, и лизаша а҃ слезы точаще. Сеже азъ видѧ̀ рѣхъ всебѣ: ꙗкѡ и ѕвѣрїе послꙋшаютъ Б҃га своегѡ, иже посла̀ ихъ ко погребенїю мощей Ѻнꙋфрїа своегѡ; Ивземъ палицꙋ мою начертахъ мѣсто Гробꙋ. Львыже абїе начаша нокти своими ископывати, и ѻбрѣтесѧ Гробъ вокамени изсѣченъ, азже извлекшїхъ свой Левитон; ѻстанокъ ѻдѣнїа моегѡ еже раздѣливъ, часть напокровенїе Мощей ст҃ы, часть же во покровенїе наготы̀ моеѧ, И ѻблобызаѧ пречестныѧ мощи, и слезами ѧ ѻмакаѧ, съ пѣнїемъ, и Ѱалмы честнѡ погребохъ, и помощїю Львѡвъ перстїю и Каменїемъ покрыхъ. Сїѧ исполнивше Львѝ ко земли приклониша главы, скорбни ѿидоша. Азъже испо҃лненъ болезни искорби воста҃ хотѧ̀ внитѝ въ пещерꙋ, м҃лити Г҃да Б҃а, дабыхъ вней достоинъ былъ ѻбитати; исѐ, пре ѻчима моима падѐ и раздрꙋшисѧ, токмѡ хлѣбъ, ичаша воды̀ пребыша неприваленни; ꙗже ѻсташа ѿвечера нашеѧ вчерашнїѧ. Нѡ̀ и финї искорене падѐ наземлю, исимъ паденїемъ источникъ землею покрысѧ и исчезѐ. И ꙗвѣ разꙋмѣхъ ꙗкѡ небѣ волѧ Б҃жїѧ, дабыхъ ѻбиталъ натомъ мѣстѣ, Сегѡ̀ ради вземъ хлѣбъ, иводꙋ покрѣпихсѧ, и паки плакати и воздыхати нача҃.

Исѐ А҃гглъ Г҃днъ предста̀ мѝ гл҃а: неплачи нѡ̀ паче радостнѡ крѣписѧ, ꙗкѡ ѹдостои҃сѧ есѝ видѣти толико д҃ивнаѧ; возвратисѧ во Египетъ, и повѣдай ꙗже видѣ и слыша̀, и ꙗкѡже ти рече Пр҃бный Ѻнꙋфрїй, на по҃льзꙋ братїи. Сїѧ рекъ А҃гглъ невидимъ бысть; Азъ же начахъ пꙋть ко Египтꙋ, единнѡ̀ томѡ во скорбѣ моей ѹтѣшенїе и м҃злѧ, ꙗкѡ сподобихсѧ прїѧти бл҃гвенїе Ѻнꙋфрїа С҃тагѡ. Идꙋщꙋже мѝ днѝ четыри, ѻбрѣтохъ ѻбиталище пꙋстынножителѧ на высоцѣ Камени изсѣчено, внемъже неѡбрѣтїй никого седо҃ помышлѧхъ всебѣ; ꙗкѡ здѐ ѻбитаетъ нѣктѡ,

понеже мѧ̑ Бг҃ъ приведѐ сѣ́мѡ, и҆сѐ мыслѧ́ видѣ́хъ мꙋ́жа ста́ра, є҆гѡ́же вла́сы бѣ́лы, бы́ша ꙗ҆́кѡ снѣ́гъ, ѡ҆дѣ́ѧнна ри́зою ѿли́ствїѧ фини́кѡва и҆сплете́нною, то́йже мѧ̑ цѣлова̀ сни́ми словесы̀; Ми́ръ Гдⷭ҇нь дабꙋ́детъ стобо́ю, ты̀ є҆сѝ Пафнꙋ́тїй сѫрабо́тникъ на́шъ, и҆́же погребѐ мо́щи Ст҃ѡ ѿца на́шегѡ Ѻ҆нꙋ́фрїѧ. Сѐ а҆́зъ слы́шавъ падо́хъ на̀но́гꙋ є҆гѡ̀; ѻ҆́нъже оу҆тѣ́шиѧ мѧ̀ речѐ: воста́ни бра́те. Бг҃ъ тѧ̑ сподо́би досто́йнымъ бы́ти дрꙋго́мъ ст҃ыхъ ра́бъ свои́хъ, всю̀ но́щь вѡ̀вѣсти на́мъ Бг҃ъ ѡ҆тебѣ̀, ꙗ҆́кѡ днⷭ҇е и҆мѣ́лъ є҆сѝ прїи́ти къна́мъ. И҆сѐ оу҆жѐ лѣ́тъ шестьдесѧ́тъ ѿне́лѣже здѐ пребыва́ю, и҆ невидѣ́хъ никого́же ѿчл҃вкъ развѣ̀ бра́тїю, и҆́же здѐ недале́че живꙋ́тъ, и҆̀нѣже тебѐ: и҆ а҆́бїе оу҆зрѣ́хъ Трїе́хъ Ста́рецъ, втацѣ́мжде ѡ҆дѣ́ѧнїи, в ꙗ҆́ковѣмъ, бѣ́сть пе́рвый. То́гда по ѡ҆бы́чаю сотво́рше цѣлова́нїе и҆ проще́нїе, гл҃ахꙋ комнѣ̀: Ты̀ є҆сѝ Пафнꙋ́тїи погребы́й тѣ́ло Ѻ҆нꙋ́фрїѧ. Весели́сѧ бра́те ꙗ҆́ко досто́инъ бѣ̀ ве́лїю позна́ти си́лꙋ; Гдⷭ҇ьже на́мъ и҆зѧ́ви прише́ствїе твоѐ и҆повелѣ̀, да̀ сна́ми дн҃ь є҆ди́нъ пребꙋ́деши; и҆бы́ша бесѣ́ди на́ша ѡ҆ прⷣ҇бнѡмъ Ѻ҆нꙋ́фрїи ꙗ҆́кѡ два̀ ча́сы. Посе́мъ реко́ша ко мнѣ̀, воста́ни на́шъ вѡ̀злюбле́нне, и҆ оу҆крѣ́писѧ; ꙗ҆́кѡ ѕѣ́лѡ оу҆трꙋди́сѧ є҆сѝ и҆здале́че пꙋтьше́ствꙋѧ. И҆воста́вше всѝ кꙋ́пнѡ мл҃и́хомсѧ Бг҃ꙋ, и҆сѐ оу҆зрѣ́хомъ прⷣ҇ сꙋбо́ю положе̑ныѧ хлѣ́бы пѧ́ть, ѕѣ́лѡ кра́сны бѣ́лы ѧ҆́ки днⷭ҇ь и҆спече́нъны, ѻ҆ни́же принесо́ша нѣ́чтѡ снѣ́дно, и҆ ꙗ҆до́хѡмъ кꙋ́пнѡ, сомолча́нїемъ; по бл҃годаре́нїиже рекѡ́ша ко мнѣ̀, сѐ лѣ́тъ шестдеся́тъ ꙗ҆́кѡ живе́мъ въ пꙋсты́ни се́й, и҆ всегда̀ четы́ри хлѣ́бы посыла́ше на́мъ Бг҃ъ, и҆̀нѣже тебѐ ра́ди пѧ́ть. Посе́мъ всю̀ но́щь бы́хѡмъ во мл҃твахъ и҆ ѱа́лмѣхъ; во оу҆́трѣже ра́нѡ мл҃и́хъсѧ Ста́рцемъ ст҃ы́мъ, ꙗ҆́кѡ да бы́хъ сни́ми пребы́лъ до смр҃ти. Но̀ ѿвѣща́ша ꙗ҆́кѡ нѣ́стъ во́лѧ Бж҃їѧ, даздѐ ѡ҆бита́еши, но воста́ни и҆ и҆дѝ во є҆гѵ́петъ, и҆повѣда́й бра́тїи ꙗ҆̀же видѣ̀ и҆ слы́ша̀ ѡ҆ Ст҃ѣмъ Ѻ҆нꙋ́фрїи.

Моли́хъ па́ки ꙗ҆́кѡ, да и҆сповѣда́ютъ и҆мена̀ своѧ̀, но̀ нехотѣ́ша гл҃юще: то́й вѣ́стъ ѿчѐ, и҆́же вѣ́стъ всѣ́хъ и҆мена̀, ѡ҆ба́че помина́й на́съ во мл҃твахъ свои́хъ, Ты́же возлюбле́нне Сн҃е храни́сѧ и҆скꙋше́нїѧ мі́ра сегѡ̀; а҆́зже па́дъ къ нога́мъ и҆́хъ проси́хъ бл҃гвенїѧ, є҆́же прі́емъ ѿидо́хъ впꙋ́ть, и҆ѿто́лѣ и҆ды́ пꙋ́ть днѐ, ѡ҆брѣто́хъ па́ки ке́лїю ѿнеѧ́же и҆схожда́ше и҆сто́чникъ воды̀ живы, ѡ҆кре́стже ѡ҆бита́лища мно́жество̀ бѣ̀ древе́съ фини́ковыхъ и҆де́же почи́хъ; По се́мъ воста́въ хожда́хъ мѣ́дꙋ садо́вїи и҆мꙋ́щимꙋ разли́чна ѡ҆́вощїѧ, бы́ша бо̀ та́мѡ Китри́ны, ꙗ҆́блка Грана́ти, Ю҆́бы, Клапы́ши, и҆ли мигда́лы, Виногра́дъ, гро́здїѧ Корі́ндїа́нскаѧ, ми́рты, ро́жа, смо́квы є҆гѵ́пескїѧ, и҆ мно́га дра́гаго ѻ҆вощїѧ древеса̀, ѕѣ́лѡ кра́сна ко видѣ́нїю, и҆ до́бра во снѣ́дь.

Сиѧ́же всѧ̀ и҆сто́чникъ стрꙋ́ѧми свои́ми ѡ҆бхо́даше, сїѧ̀ а҆́зъ зрѧ̀ помышлѧ́хъ, ꙗ҆́кѡ сѐ бѣ̀ Ра́й Бж҃їй, и҆ оу҆дивлѧ́ющꙋмисѧ оу҆зрѣ́хъ и҆здале́че четы́рехъ ю҆́ныхъ кра́сныхъ лице́мъ ко мнѣ̀ грѧдꙋ́щыхъ: весе́лыхъ пꙋстынножи́телей ко́жами ѻ҆́вчими препоѧ́саныхъ, и҆ гл҃ющыхъ ко мнѣ̀; да да́стъ тѝ Бг҃ъ здра́вїе бра́те Пафнꙋ́тїи; а҆́зъже а҆́бїе падо́хъ на́землю прⷣ҇ними; но̀ сі́и вѡ̀двигѡ́ша мѧ̀ ѿземлѧ̀, и҆сѣ́дше бесѣдова́хѡмъ, а҆́зъже взирѧ̀ на и҆́хъ лицѐ, разꙋмѣ́хъ ꙗ҆́кѡ а҆́гг҃ли бы́ша Бж҃їи съ нб҃се посла́ни. По се́мъ собра́ша ѻ҆́вощїе, да́ша мѝ да сни́ми ꙗ҆́мъ, и҆ пребы́хъ сни́ми седми́цꙋ.

Вопроси́хъ посе́мъ, ѿкꙋ́дꙋ здѐ прїидо́ша; и҆ ѿвѣща́шамѝ: ѿче поне́же тѧ̑ Бг҃ъ здѣ̀ посла̀, и҆сповѣ́мы тѝ ве́съ живо́тъ на́шъ: Мы̀ всѝ четы́ри ѿ мѣ́ста є҆гѵ́петскагѡ ѻ҆зири́нхꙋ, Сынѡ́ве держа́вствꙋющихъ во гра́дѣ на́шемъ, и҆́же на́съ посла́ша ко наоу҆че́нїю писме́нъ, и҆де́же мы̀ по наоу҆че́нїи писме́нъ, совѣща́хѡмъ себѣ̀ лꙋ́чше мꙋ́дрости Бж҃їей и҆ска́ти, и҆кꙋ́пнѡ и҆зволи́хѡмъ и҆тѝ во пꙋсты́ню, и҆де́же грѧдꙋ́ще, ѡ҆брѣто́хѡмъ а҆́гг҃ла, и҆́же на́съ взе́мъ за рꙋ́кꙋ насе̑ мѣ́сто приведѐ, и҆ ста́рцꙋ здѐ пребыва́ющꙋ, ко наоу҆че́нїю прода́стъ, и҆́же лѣ́то є҆ди́но сна́ми пребы́въ преста́висѧ ко Гдⷭ҇ꙋ; и҆сѐ мы̀ до

преставле́нїи ѻ҆ца̀ на́шегѡ, насе́мъ мѣ́стѣ пребыва́емъ лѣ́тъ ше́сть, хлѣ́ба не вкꙋша́юще, но̀ си́мъ ѻ҆вощїемъ пита́емсѧ. Во всѧ́кꙋюже седмицꙋ є҆ди́ноци кꙋпнѡ здѣ̀ собира́емсѧ въсꙋббѡ́тꙋ ра́ди Недѣ́ли, и҆ па́ки ко́ждо насвоѐ мѣ́стѡ ѿхо́дитъ, и҆ ѻ҆со́бъ ѻ҆бита́юще въта́йнѣ рабо́таемъ, нехотѧ̀ да вѣ́стъ дрꙋ́гъ ѡ дрꙋ́зѣ что̀ до́брѡ тво́рить. И҆спыта́хъ же па́ки, ка́кѡ и҆ ко́гда причѧ́стїе воспрїе́млете; ѿвѣща́ша, ꙗ҆́кѡ на всѧ́кꙋ Недѣ́лю приходѧ̀ съ небесе А҆́гг҃лъ, прино́ситъ на́мъ тѣ́ло Хв҃о, Воѹ҆трїеже є҆́же бы́сть Нл҃ѧ ра́нѡ гл҃аша мнѣ̀: приѹ҆гото́висѧ, поне́же А҆́гг҃лъ прїи́детъ со пресвѧты́ми Та́йнами, и҆́хже кто̀ ѿрꙋ́кꙋ А҆́гг҃льскꙋ причасти́тсѧ, всѣ̀ грѣхѝ ѿпꙋстѧ́тсѧ є҆мꙋ̀, и҆ нїка́коже впадѣ́тъ во и҆скꙋше́нїе, и҆ є҆гда̀ приспѣ̀ вре́мѧ ѻ҆бы́чно, внеза́пꙋ ве́лїе бл҃гоꙋха́нїе и҆спо́лни мѣ́стѡ ѻ҆́но, сегѡ̀ ра́ди припадо́хомъ наколѣ́на, нача́хомъ ѱа́лмы пѣ́ти, и҆ хвали́ти Бг҃а, и҆ сѐ А҆́гг҃лъ ꙗ҆ви́сѧ съ небесѐ да́ѧ на́мъ ст҃ое Причаще́нїе гл҃ѧ: Тѣ́лѡ и҆ Кро́вь Гд҃а І҆и҃с Хр҃та, да бꙋ́детъ ва́мъ въ наслѣ́дїе живота̀ вѣ́чнагѡ и҆ во весе́лїе непрестаю́щее. Мы́же ѿвѣща́хомъ є҆диногла́снѡ, а҆ми́нь.

По се́мъ А҆́гг҃лъ ѡ҆бра́щьсѧ ко мнѣ̀ гл҃ѧ: бра́те Пафнꙋ́тїе возврати́сѧ во Є҆гѵ́петъ, и҆ повѣ́дай бра́тїи, и҆ всей Цр҃кви Бж҃їей: что̀ ви́дѣ во ст҃ыхъ Бж҃їихъ, и҆́же ѻ҆брѣта́ютсѧ во пꙋсты́ни, и҆ что̀ ѿни́хъ слы́ша, ꙗ҆́кѡ да̀ всѣ̀ послѣ́дꙋютъ пꙋте́мъ и҆́хъ, непремо́лчи, и҆ да̀ не смꙋща́етсѧ срд҃це твоѐ.

Поне́же Бг҃ъ неизво́ли ѻ҆бита́ти тебѣ̀ здѣ̀, но̀ да повѣда́еши всѣ́мъ вѣ́рнымъ, ꙗ҆́коже ти̂ запо́вѣда ст҃ый Ѻ҆нꙋфрїй. Ми́ръ ти̂; и҆ сїѧ гл҃ѧ бл҃гви на́съ: и҆ ѿи́де на не́бо. А҆́зже ѹ҆дивле́нъ и҆ ѹ҆жа́сенъ падо́хъ на зе́млю, и҆ сѐ ви́дѧще ст҃ый гл҃аше ко мнѣ̀: воста́ни не бо́йсѧ. Є҆ди́нже ѿ ни́хъ ѹ҆гото́ва ѻ҆вощїе ꙗ҆́же кꙋ́пнѡ ꙗ҆до́хомъ, и҆ всю седми́цꙋ пребыва́хомъ во весе́лїи ѻ҆́бще ѹ҆тѣша́еми.

По се́мже ра́нѡ и҆зыидо́хъ во пꙋ́ть, Ст҃їи же ѻ҆́ны пѧ́ть по́прищъ препровожда́хꙋ мѧ̀. ѿтꙋ́дꙋ и҆хъ возврати́тисѧ моли́хъ, да́бы своѧ̀ мнѣ̀ и҆сповѣ́дали и҆мена̀, ѿвѣща́ша мнѣ̀: ꙗ҆́кѡ пе́рвомꙋ и҆́мѧ є҆́сть І҆ѡа́ннъ, вто́ромꙋ А҆ндре́й, тре́темꙋ Гераклѧ́во, четверто́мꙋ Ѳеѻ́філъ и҆ цѣлова́ша мѧ̀ гл҃юще: и҆дѝ вмирѣ̀ и҆ помина́й на́съ, и҆ бра́тїи свое́й и҆сповѣ́ждь и҆мена̀ на́ша, во па́мѧть на́шꙋ. Такожде и҆ а҆́зъ моли́хъ ѧ҆ ꙗ҆́кѡ да мѧ̀ и҆мѣ́ютъ въ па́мѧти свое́й.

По разлꙋче́нїи се́мъ ѕѣ́лѡ дрѧ́хлый и҆до́хъ, ꙗ҆́кѡ ѹ҆́же зрѣ́ти и҆хъ немогохъ, ѻ҆ба́че ѹ҆тѣше́нїе неизглаго́ланное и҆мѣ́ѧ, ꙗ҆́кѡ сподо́бихсѧ бл҃гвенїѧ ст҃ыхъ Пꙋстынножи́телей, и А҆́гг҃ла Бж҃їѧ. И҆ды́йже чре́зъ ѻ҆́нꙋю пꙋсты́ню прїидо́хъ во Є҆гѵ́петъ, и҆дѣ́же мнѡ́ги ѻ҆брѣто́хъ ѿбра́тїи Бг҃а боѧ́щихсѧ, и҆зра́днѣеже двою̀, ѹ҆ ни́хже и҆ пребы́хъ днѝ де́сѧть, Повѣ́дахъ и҆мъ всѧ̀, є҆ли́ка ви́дѣхъ и҆ слы́шахъ. и҆ ꙗ҆́же мнѣ̀ є҆ди́номꙋ приключи́шасѧ, ꙗ҆́же ѻ҆́ни слы́шаще бл҃годаря́хꙋ Бг҃а, и҆ со весе́лїемъ радова́нїемъ гл҃аахꙋ мнѣ̀: Во и҆́стиннꙋ бра́те Пафнꙋ́тїе, ве́лїю ѻ҆брѣ́лъ є҆си̂ бл҃го́ть, и҆ бл҃же́нъ є҆си̂, ꙗ҆́кѡ сподо́бисѧ ви́дѣти вели́кихъ, и҆ соверше́нныхъ ра́бъ Бж҃їихъ. [illegible] ѻ҆́ни бра́тїѧ ѕѣ́лѡ добролюбе́зны и҆ милосе́рдны, всѧ́же добродѣ́тели и҆хъ бы́ша и҆зѧ́щны пре́д Бг҃омъ; Мѣ́стоже ѻ҆́но нарица́шесѧ СКИТЪ. И҆ та́кѡ є҆́же ѿ менѐ слы́шаша, всѐ ѻ҆па́снѡ написа́вше: вско́рѣ и҆дѧ́хꙋ, и҆ ѻ҆бы́доша ве́сь Ски́тъ, и҆мѣ́юще со собо́ю Кни́гꙋ напи́саннꙋ сказа́нїѧ моегѡ̀, ю҆́же ст҃ымъ ѻ҆́нымъ ѻ҆́тцемъ прочитыва́хꙋ. Послѣ́днже во Цр҃кви ю҆ положи́ша, вопа́мѧть толи́кѡ ди́вныхъ дѣ́лъ бж҃їихъ: и҆ на по́льзꙋ мно́гꙋю и҆ ѹ҆тѣше́нїе дꙋхо́вное, всѣ́мъ и҆́же послꙋ́шающе вѣ́рꙋю, поне́же є҆ди́нымъ бл҃гоговѣ́ннымъ чте́нїемъ бл҃гвѧть Бг҃а, и҆ ст҃ыхъ є҆гѡ̀; и҆́бо сїѧ повѣ́сти, сокрове́нны всебѣ̀

ймѣють, бг҃мыслне, и҆хъже сла́достей дх҃вныхъ сподоби́хъся бы́ти досто́инъ. И҆зволе́нїемъ Бг҃а всеси́льнагѡ, є҆мꙋ́же сла́ва и҆ держа́ва во вѣ́ки вѣкѡ́въ, ами́нь».

2. Воспроизводим его текст по ксерокопии, сделанной с компьютерной распечатки:

«Житие преподобного Онуфрия Великого и других отшельников IV века, написано их современником, монахом одного из Фиваидских монастырей преподобным Пафнутием.

Однажды ему пришла мысль пойти в глубь пустыни, чтобы самому увидеть подвизавшихся там отцов и услышать от них, как они спасаются. Он вышел из обители и углубился в пустыню. Через четверо суток инок дошел до пещеры и нашел в ней тело давно умершего старца. Похоронив отшельника, преподобный Пафнутий пошел дальше. Через следующие четверо суток он встретил еще пещеру и по следам на песке узнал, что в ней кто-то обитает. На закате солнца он увидел стадо буйволов и ходящего среди них человека. Он был наг, но покрыт, словно одеждой, длинными волосами. Это был преподобный Тимофей пустынник. Увидев человека, преподобный Тимофей подумал, что это привидение, и начал молиться. Святой Пафнутий уверил пустынника, что он живой человек-христианин. Преподобный Тимофей оказал ему гостеприимство и рассказал, что в пустыне он подвизается уже 30 лет и впервые за это время видит человека. В молодости преподобный Тимофей жил в общежительном монастыре, но его смутил помысл спасаться одному. Преподобный Тимофей ушел из монастыря и жил вблизи города, питаясь от трудов своих рук: он был ткач. Однажды к нему с заказом пришла женщина и он впал с ней в грех. Опомнившись, согрешивший инок ушел далеко в пустыню, где с терпением переносил скорби и болезни как заслуженное наказание от Бога. Когда он уже готовился умереть от голода, то чудесным образом получил исцеление. С тех пор преподобный Тимофей мирно жил в полном уединении, питался плодами финиковой пальмы, утоляя жажду водой из источника. Преподобный Пафнутий просил старца позволить ему остаться в пустыне. Но тот ответил, что ему не вынести бесовских искушений, которым подвергаются пустынножители, благословил его и снабдил на дорогу финиками и водой.

Отдохнув в пустынном монастыре, преподобный Пафнутий предпринял второе путешествие в глубь пустыни. Он шел 17 дней. Запас хлеба и воды кончился, и преподобный Пафнутий дважды падал

от изнеможения. Его подкреплял Ангел. На 17-й день преподобный Пафнутий дошел до горы и сел отдохнуть. Здесь он увидел приближавшегося к нему человека, с головы до ног покрытого белыми волосами и препоясанного по бедрам листвой. Вид старца устрашил святого Пафнутия, он вскочил и побежал на гору. Старец сел у подножия горы. Когда, подняв голову, он увидел преподобного Пафнутия, то позвал его к себе. Это и был великий пустынник преподобный Онуфрий. По просьбе, святого Пафнутия он рассказал о себе.

Преподобный Онуфрий жил в полном одиночестве в дикой пустыне 60 лет. В молодости он воспитывался в Фиваидском монастыре Эрити. Узнав от старцев о великой тяжести и высоте жизни пустынников, которым Господь посылает через Ангелов Свою помощь, преподобный Онуфрий возгорелся духом подражать их подвигам. Ночью он тайно вышел из обители и увидел пред собой светлый луч. Святой Онуфрий испугался и решил вернуться, но голос Ангела-хранителя подвиг его на дальнейший путь. В глубине пустыни преподобный Онуфрий нашел пустынника и остался учиться у него пустынному житию и борьбе с диавольскими искушениями. Когда старец убедился, что святой Онуфрий укрепился в этой страшной борьбе, он довел его до указанного для подвигов места и оставил одного. Ежегодно старец приходил к нему и через несколько лет, придя к преподобному Онуфрию, скончался.

По просьбе преподобного Пафнутия, преподобный Онуфрий рассказал о своих подвигах и трудах и о том, как Господь утешил его: около пещеры, где он жил, выросла финиковая пальма и открылся источник чистой воды. Двенадцать ветвей пальмы поочередно приносили плоды, и преподобный не терпел голода и жажды. Тень пальмы укрывала его от полуденного зноя. Ангел приносил святому хлеб и каждые субботу и воскресенье причащал его, как и других пустынников. Святых Тайн. Преподобные беседовали до вечера. Вечером между старцами появился белый хлеб, и они вкусили его с водой. Ночь старцы провели в молитве. После утреннего пения преподобный Пафнутий увидел, что лицо преподобного Онуфрия изменилось, и испугался за него. Святой Онуфрий сказал: “Бог, Милосердный ко всем, послал тебя ко мне, чтобы ты предал погребению мое тело. В сегодняшний день я окончу мою временную жизнь и отойду к жизни бесконечной, в покое вечном ко Христу моему”. Преподобный Онуфрий завещал святому Пафнутию, чтобы он рассказал о нем всем братьям-подвижникам и всем христианам ради их спасения.

Преподобный Пафнутий просил благословения остаться в пустыне, но святой Онуфрий сказал, что на это нет воли Божией, и велел вернуться в обитель и поведать всем о жизни Фиваидских пустынников. Благословив преподобного Пафнутия и простившись с ним, святой Онуфрий долго со слезами молился, затем возлег на землю, произнес свои последние слова: "В руки Твои, Боже мой, предаю дух мой", и скончался. Преподобный Пафнутий с плачем отодрал от своей одежды подкладку и завернул в нее тело великого пустынника, которое положил в углубление большого камня, наподобие гроба, и засыпал множеством мелких камней. Затем он стал молиться, чтобы Господь разрешил ему до конца жизни остаться на месте подвигов преподобного Онуфрия. Внезапно пещера обвалилась, пальма засохла, а источник иссяк. Поняв, что ему нет благословения остаться, преподобный Пафнутий отправился в обратный путь.

Через 4 дня преподобный Пафнутий дошел до пещеры, где его встретил пустынник, пребывавший в пустыне более 60 лет. Кроме двух других старцев, с которыми он подвизался вместе, этот пустынник никого не видел. Всю неделю подвижники проводили в одиночестве в пустыне, а в субботу и воскресенье сходились вместе для псалмопения. Питались они хлебом, который приносил Ангел. Так как была суббота, пустынники собрались вместе. Вкусив полученный от Ангела хлеб, они всю ночь провели в молитве. Уходя, преподобный Пафнутий спросил имена старцев, но они сказали: "Бог, знающий все, знает и имена наши. Поминай нас, да сподобимся видеть друг друга в Горних селениях Божиих".

Продолжая путь, преподобный Пафнутий встретил оазис, который поразил его красотой и обилием плодоносных деревьев. Из пустыни к нему вышли четверо обитавших здесь юношей. Юноши рассказали преподобному Пафнутию, что в детстве они жили в городе Оксинрихе и вместе обучались грамоте. Они горели желанием посвятить свою жизнь Богу. Сговорившись уйти в пустыню, юноши вышли из города и после нескольких дней пути достигли пустыни. Их встретил сияющий светом муж и привел к старцу-пустыннику. "Вот уже шесть лет, сказали юноши, мы живем на этом месте. Старец наш прожил здесь один год и преставился. Мы живем сейчас одни, питаемся плодами деревьев, а вода у нас из источника". Юноши назвали свои имена. Это были святые Иоанн, Андрей, Ираклямвон и Феофил. Всю неделю юные пустынники подвизались отдельно друг от друга, а в субботу и воскресенье сходились в оазис и возносили общую молитву. В эти дни являлся Ангел и причащал их Святых Тайн. Ради препо-

добного Пафнутия они не ушли в пустыню, а всю неделю молились все вместе. В следующую субботу и воскресенье святой Пафнутий вместе с юношами сподобился причаститься из рук Ангела Святых Тайн и услышать сказанные Ангелом слова: "Да будет вам Пищей Нетленной, Веселием Нескончаемым и Жизнью Вечной Тело и Кровь Господа Исуса Христа, Бога нашего".

Преподобный Пафнутий дерзнул испросить у Ангела позволения до конца дней остаться в пустыне. Ангел ответил, что Бог указал ему иной путь возвратиться в Египет и поведать всем христианам о жизни пустынников. Простясь с юношами, преподобный Пафнутий через три дня пути вышел к краю пустыни. Здесь находился небольшой скит. Братия встретили его с любовью. Преподобный Пафнутий рассказал все, что узнал о святых отцах, встреченных им в глубине пустыни. Братия подробно записали рассказ преподобного Пафнутия и распространили его по другим скитам и монастырям. Преподобный Пафнутий благодарил Бога, сподобившего его узнать о высокой жизни отшельников Фиваидской пустыни, и возвратился в свою обитель».

3. Текст этого акафиста почти всегда одинаков. Мы можем со всей определенностью назвать его автора. Им был знаменитый брестский протоиерей Константин Зноско, издавший этот акафист в 1929 г. в Варшаве в Синодальной типографии (подробнее об о. Константине см, напр.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши. М., 1999. С. 144-196; *Они же.* Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000; *Они же.* Православная литература Польши (1918-1939 гг.) Минск, 2001 и другие). Источниками современных компьютерных распечаток и иных всевозможных копий, в том числе и рукописных, служат печатные издания разного времени, более ранние рукописания и ряд сайтов в Интернет, где этот акафист помещен. Воспроизводим его по рукописной копии начала XXI в. с самой северной части белорусско-русско-украинского пограничья, близкой к древнему Онуфриевскому монастырю, что на Могилевщине:

«Акафист преподобному Онуфрию, Великому пустынножителю, царевичу Перскому

Кондак 1

Избранный и дивный отче Онуфрие, сияющий трисияннаго живота зарею, ты мя, омраченнаго греховными страстьми, просвети, от

смертоносныя раны исхити и твоими молитвами от всех бед избави, да зову тебе: Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Икос 1

Ангельстии чини твоим, отче, удивишася подвигом, имиже в пустыни непрестанно упражнялся еси; три бо и шестьдесят лет постился еси, Божественныя же Христовы Тайны от рук ангельских приимати сподобился еси, и ныне убо почитая тя единосельника и собеседника Ангелов, сицевая вопию тебе, святе Онуфрие: Радуйся, Ангелов предивное чудо; Радуйся, душетленных страстей разрушителю. Радуйся, непроходимыя пустыни просветителю; Радуйся, воздержания наказателю и учителю. Радуйся, пустынножителей удобрение; Радуйся, монахов богодухновенное светило. Радуйся, угодниче Христов преизящный; Радуйся, безмолвия рачителю теплейший. Радуйся, бесовския силы крепкое попрание; Радуйся, спасения истинный наставниче. Радуйся, подателю радости верным; Радуйся, скорый помощниче к тебе притекающим. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 2

Видяще странный и чудный жития твоего образ преподобный Пафнутий вельми удивися; тем же и аз, размышляя твоя паче меры трудолюбныя пустынныя подвиги, пою Богу, на сия те бе укрепившему: Аллилуиа.

Икос 2

Разуму датися мне божественному, помолися преподобне Онуфрие, ты бо, божественным сияющи светом и с Ангелы водворяющися пособствуеши память твою совершающим и радостно похвальная тебе сице приносящим: Радуйся, странно добродетельми просиявый; Радуйся, солнечнаго света светлейший. Радуйся, Ангелом в пустыню проводимый; Радуйся, горлице пустыннолюбная. Радуйся, рожо багрянноцветущая; Радуйся, храме всечестный и Богу освященный. Радуйся, Божиих дарований исполнение; Радуйся, пречудное в человецех удивление. Радуйся, бесов страшное и грозное устрашение; Радуйся, предрагий адаманте. Радуйся, Троичнаго света зрителю; Радуйся, теплый в молитвах предстателю. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 3

Сила Вышняго от ложесн матерних осени тя, преподобне Онуфрие, и показа селение и жилище Святаго Духа, Егоже и аз недостойный усердно прияти желающе, пою песнь Богу: Аллилуиа.

Икос 3

Имуще тя велика, отче, заступника и скораго в напастех помощника, различными одержимии напастьми тя на помощь призываем, и весело в твоей светлой памяти торжествующе, сия тебе вопием: Радуйся, скорый послушателю молящихся тебе с верою; Радуйся, праведнаго Судии известное умоление. Радуйся, честное Пресвятаго Духа селение; Радуйся, непорочный Пресвятыя Троицы служителю. Радуйся, предрагий Христа Бога бисере; Радуйся, неизреченная великому Пафнутию радосте. Радуйся, тогожде Пафнутия наставниче и учителю; Радуйся, скорбящих скорое утешение. Радуйся, унывающих вsежелательный посетителю; Радуйся, слепых врачу и хромых целителю. Радуйся, болящих здравие и недугующих врачевание; Радуйся, верных спасенное прибежище. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 4

Бурю страстей многомятежнаго мира возненавидевши, отче, всех его устранился еси красот, вселився же в пустыню, преподобне, Крестителю в житии последовал еси и пророка Илию подражал еси, ныне же вечнующую в небесных дворех славу получивши, с небесными Богу предстоиши жители и поеши купно с ними: Аллилуиа.

Икос 4

Светоносное солнце и златозарное светило имуще тя вернии, святе Онуфрие, умильно тя молим, просвети, вразуми, научи вопити тебе сице: Радуйся, пустыни светлое озарение; Радуйся, златозарный мира светильниче. Радуйся, Фивеов пречудная красото; Радуйся, Ливии прекрасная доброто. Радуйся, Египта пресветлое украшение; Радуйся, Месопотамии превеликий наставниче. Радуйся, Иоанна Крестителя истинный и присный подражателю; Радуйся, благовонный пустыни кедре. Радуйся, яко равноангельно служиши Богу; Радуйся, яко заступавши всех, тепле тя на помощь призывающих. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 5

Боготечную зарю увидевши тя, отче, в пустыни, великий Пафнутий тщательно последова тебе, и яко учительна светильника придержася тебе, и о пустынном любопытно испытав житии, егоже от тебе добре навык, умильно воспева Богу песнь: Аллилуиа.

Икос 5

Видя твое странное житие, Собор церковный, Онуфрие преподобне, с благоговением твою блаженную память велит почитати. Сего ради и аз, спасение хотя получити, с веселием почитаю и сице тебе

вопию: Радуйся, пресветлая красото Церкве Христовы; Радуйся, неусыпный предстателю ищущим ходатайства твоего. Радуйся, яко к Господу всегда вопиеши за ны; Радуйся, яко тобою просветишася внутренняя пустыни. Радуйся, яко просияша добрая дела твоя, аки солнце на земли и на небеси; Радуйся, яко вперил еси ум твой к Богу. Радуйся, яко обогатился еси нищетою духа; Радуйся, орле гнезда небеснаго. Радуйся, прелести бесовския, яко трость, попаляющий; Радуйся, послушателю Евангелия Христова. Радуйся, мудрование плоти крепостию Божественнаго Духа смиривый; Радуйся, земный ангеле, небесный человече. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 6

Проповеди Евангельския творца, еже не пещися о ризе или что ясти, истинна тя, Онуфрие, узре Владыка Господь и абие власы белыми, яко одеждою, одея тя чудно, и славою свыше обогатил тя есть в преставлении твоем; юже и нам от Христа получити моли, вопиющим Ему: Аллилуиа.

Икос 6

Возсиял еси от Египта, столпом Божественнаго света наставляем, преподобне Онуфрие, не терпяще же тя бесовстии полцы в пустыни, бежаша; от ихже наветов и нас избави молитвами твоими, вопиющих ти сице: Радуйся, прелести бесовския потребителю; Радуйся, бесов страшный прогонителю. Радуйся, главу змиеву уязвивый молитвами твоими; Радуйся, дарований Святаго Духа преисполненный. Радуйся, духи лукавствия смиренномудрием покоривый; Радуйся, яко крест твой на раме понесл еси. Радуйся, яко тем амалика мысленнаго силу низложил еси; Радуйся, яко бремя легкое Христово восприял еси на рамо. Радуйся, яко от юности возлюбил еси иго Христово; Радуйся, яко спасен от вражиих сетей, благодарственно Богу вопиеши. Радуйся, яко и верным на враги тощно пособствуеши; Радуйся, яко тепле к тебе притекающих треволнения страстей изменяеши. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 7

Изшедшу Пафнутию от обители во внутренняя пустыни, еже видети Господеви работающия, Божиим смотрением узре тя странным образом и ужасеся; по глаголании же твоем к нему, познав тя быти человека, верне и дивно Богу работающа, возгласи: Аллилуиа.

Икос 7

Новый воистинну победоносец на плотския страсти явился еси, преподобне, и кто доволен воспети борения твоя? Кто изочтет труды,

болезни и подвиги, в нихже течение постничества совершил еси? К сих же похвалению недовольни суще, любовию паче почитаем тя и верно тебе сицевая вопием: Радуйся, гладом и жаждею плоть твою удручивый; Радуйся, тмы предстателя всеконечно победивый. Радуйся, яко всяко сладострастие всенощными бдении увядил еси; Радуйся, яко законно в молитвах и пощениих претерпевая, в безстрастие облеклся еси. Радуйся, предивное воздержания зерцало; Радуйся, преподобных лику великая славо. Радуйся, яко мразом померзаемей плоти твоей, теплотою любве Христовы согревашеся дух твой; Радуйся, яко зноем опаляема тя роса Божественныя благодати прохлаждаше, преподобне. Радуйся, пустыни лепое украшение; Радуйся, подвигов и совершенства образе. Радуйся, яко всяку добродетель в тебе изобразил еси; Радуйся, яко вселюбимый подвигоположнику Христу угодник показался еси. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 8

Странное твое житие бысть, Онуфрие: взирая бо на возрастшаго при пещери твоей финика, воздержанием паче питался еси. Сего ради, улучив вышнюю трапезу, поеши Богу: Аллилуиа.

Икос 8

Весь был еси в вышних и горе оком твоея души взирал еси непрестанно во всем странном постничестве твоем, ныне же дерзновение стяжав к Богу, преподобне, заступаеши всех, на помощь тя призывающих и вопиющих ти сице: Радуйся, пустынножителю великий; Радуйся, аки звезда, в пустынях просиявый. Радуйся, подражавый стопам Христовым от младенства твоего; Радуйся, ангельскаго жития ревнителю. Радуйся, наветов невидимых враг прогонителю; Радуйся, воздержания чуднаго показателю. Радуйся, совершенства преизящный учителю; Радуйся, странный и дивный к небеси путь показавый. Радуйся, яко равноангельно на земли пожил еси; Радуйся, яко равноангельную славу и честь достойно получил еси. Радуйся, яко в небесных дворех ныне о всех мольбы Творцу приносиши; Радуйся, яко тебе ходатая стяжавшим великия благодати Божия испрошаеши. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 9

Всякое естество удивися тебе, Онуфрие святе: мира бо красная от сердца возненавидев и единаго Бога от души возлюбив, пустыню постил еси. Идеже в единех токмо видениих упражняяся, явился еси яко Ангел, с плотию живый, поя Богу: Аллилуиа.

Икос 9

Витийстии языцы восхвалити тя по достоянию не могут, отче богомудре Онуфрие: ты бо от утробы матерны Богу приближив твой смысл, весма прилежал еси Царю Вседержителю, плоды достойны принося Ему от твоих подвиг во всем житии, преподобне. Аз убо от Церкве Божия славима тя о тех уведев, верно тебе сицевая вопию: Радуйся, от младенства монашескому обучению вданный; Радуйся, в юности Божиим наставлением в пустынное безхрамие введенный. Радуйся, яко Христовым словесем последуя, мира, отечества же и рода отреклся еси; Радуйся, яко крест твой евангельски на раме твоем понесл еси. Радуйся, небрегий о ризе, да нетления ризу себе самому соделаеши; Радуйся, сеявый слезами, да с радостию рукояти твоя пожнеши. Радуйся, яко неядением, нуждною нищетою и всегдашним на молитве стоянием плоть изнурил еси; Радуйся, яко пути жестоки за словеса устен Господа твоего сохранил еси. Радуйся, подвиги твоими страсти телесныя до конца умертвивый; Радуйся, равноангельную чистоту сохранивый. Радуйся, яко многолетне аки безплотен пожил еси; Радуйся, яко от Венцеподателя безплотным ликом ныне счислился еси. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 10

Спастися хотяще вернии от напастей различных, отче, предстателя тя себе и поборника поставляют и не лишаются надежд своих: ты бо молитвами к Богу твоими от бед лютых и скорбей, одержащих ны, и многоразличных злых изымаеши, наставляеши же на спасения стези усердно к тебе притекающия и Богу верно вопиющия: Аллилуиа.

Икос 10

Стену тя, заступника и молитвенника тепла обрет, преподобне, из глубины сердца, яко благоуханное кадило, с воздыханием Богу возсылаю хвалу; тебе же, присному сущу молитвеннику, сицевая приношу пения: Радуйся, плодов добродетельных благопроцветшая ниво; Радуйся, благочестия преизрядное удобрение. Радуйся, земным заступниче крепкий; Радуйся, послушателю притекающим к тебе теплый. Радуйся, светильниче, демонский мрак отреваяй; Радуйся, душетленных недугов тму отгоняяй. Радуйся, яко заблуждающих преподобными нравы на путь правый руководствуеши; Радуйся, яко к исполнению Божиих хотений управляеши. Радуйся, яко многоразличная благодеяния тобою свыше подаема бывают; Радуйся, яко духов злобных наветы от призывающих тя бегают. Радуйся, яко всех моления дерзновенно Вышнему приносиши; Радуйся, яко всех в нуждах и печалех защищаеши. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 11

Дение ангельское слышашеся в божественном преставлении твоем, отче, святей бо и богоугоднейшей души твоей, в небесная селения преславно восходящей, силы небесныя дивляхуся, поюще: Аллилуиа.

Икос 11

Светло по преставлении лице твое виде, отче, Пафнутий святый удивися. Разделив же на две части рясу свою, покры мощи твоя и погребе тя со львы честно. Сия и аз духом благоговейно почитая, сице ти вопию: Радуйся, яко всего тебе Богу освятил еси; Радуйся, яко добре Божественныя законы соблюл еси. Радуйся, изшествие твое от жития пророчески предведевый; Радуйся, в теплей к Богу любви и благоговении многотрудныя твоя подвиги окончивый. Радуйся, в преставлении благоуханием чудным, аки райским, почтенный; Радуйся, молнии тогда и блистании дивно прославленный. Радуйся, егоже мощи ангельстии лицы с пением, кадилы и свещами окружиша; Радуйся, емуже горняя силы врата райския отверзоша. Радуйся, яко в томже часе сияние велие, облиставшее тя, зряшеся; Радуйся, яко сладкий глас, к восприятию вечных благ призывающ тя, слышашеся. Радуйся, яко святую твою душу венцедавец Христос славно прият в горняя селения; Радуйся, яко ныне вечнаго изобильно наслаждаешися веселия. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 12

Благодать, данную ти, и подвиги твояниктоже от земных изрещи может, отче Онуфрие: в пустыни бо нестяжателно живый, пищу имел еси хлеб ангельский, от человек бегая, с Богом и Ангелы беседовал еси. Сего ради в небесных чертозех радуешися и поеши песнь: Аллилуиа.

Икос 12

Поем доблественныя подвиги твоя, ублажаем достохвальную кончину, почитаем и священную память твою, преподобне, в нейже и яко единому тебе от двадесяти четырех старец, окружающих Престол Вышняго, председящему похвальная сице вопием: Радуйся, странно на земли поживый; Радуйся, странную и кончину наследивый. Радуйся, яко светлыми подвиги твоими к свету невечернему вшел еси; Радуйся, яко премирное наследие богатно стяжал еси. Радуйся, неизреченных благ наследниче; Радуйся, преподобных и праведных собеседниче. Радуйся, яко ныне разрешшимся зерцалом Троицу Святую зриши непосредственно; Радуйся, яко в памяти твоей Церковь Христову веселиши неизреченно. Радуйся, яко тобою постницы и пустынножители в подвиг укрепляются; Радуйся, яко вернии ходатайст-

вом твоим всех благ свыше сподобляются. Радуйся, отче Онуфрие, пресветлый светильниче всея вселенныя.

Кондак 13

О всехвальный и предивный угодниче Христов отче Онуфрие, молютися и вопию всеусердно: приими сие малое, от мене приносимое моление и потщися скоро умолити милостиваго Бога и Владыку, да избавит мя от всяких бед и будущия измет муки, вопиющаго: Аллилуиа.

Молитвы преподобному Онуфрию, Великому пустынножителю, царевичу Перскому

Молитва первая

О преизящный и превеликий пустынножителю, преподобне отче Онуфрие! Похваляю твоя неизреченная чудотворения и житие пресветло, еже еси препроводил от юности твоея, даже и до старости: никтоже бо изчести возможе терпений и подвигов твоих, пречестне. Удивися преподобный Пафнутий твоему жестокому еже в пустыни житию, вкупе же и зело возрадовася, обрет тя единаго толиких подвигов и совершенства суща образ. Сего ради и подлинно испыта о трудех твоих святых и о еже колико имел еси временнаго жития. Темже и написа, яко шестьдесят лет и три в трудолюбии пребывая, в наготе претерпевая мраз и зной, в глубокой пустыне со зверьми и птицы обитая, молитвы непрестанно творя, пожил еси. Сего ради ныне радость тебе приношу от недостойных устен моих, преподобне отче, преподобному Пафнутию радосте великая (сподобися бо при кончине с львы послужити тебе, погребсти тело твое и с тобою на небеси жити), Илии Фесвитянину ревнителю, Иоанну Крестителю наследниче, друже Христов и снаследниче истинный, Египту умная красото, Фивеом великое светило, Ливии красная доброто, финикс краснопроцветающий, орле высокопарный, летающий в поднебесная, на небесех гражданство обретый, идеже и водворися у Престола Владыки Славы, с двадесять четырми старцы жилище обретый, с ними же и пребываеши. И ныне молю тя, пречудный гражданине небесный, святых ликов Ангельских совсельниче, услыши мя, грешнаго и недостойнаго раба твоего, в час сей и приими сие малое моление мое Акафистово, великий заступниче, скорый помощниче притекающим к тебе усердно. Загладши рукописание дел моих скверных и нечистых, яже держат демонския полки. Покрый мя твоим заступлением, причти мя ко уготованному пресветлому месту молитвами твоими и сподоби мя

вышняго Иерусалима, ибо по Преблагословенной Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, тебе между теплейшими помощниками, молебниками и заступниками моими почитаю. Присещаеши бо и даеши руку помощи припадающим к тебе в храме твоем и повсюду. Темже и аз недостойный ныне тебе молюся и призываю: умоли милостиваго Бога, да отпустит ми вся прегрешения моя, вольная и невольная, сотворенная вся злая дела моя, и да избавит мя твоим предстательством от вечных мук, научит мя творити добрая дела, наставит мя на путь к спасению истинному и сподобит мя купно радости вечныя насладитися со всеми святыми, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Молитва вторая

О пречудне и преблаженне угодниче Христов и авво наш, Онуфрие Великий! Ты дивную любовь ко Господу твоему показал еси, и на дивныя подвиги благодатию Его укрепился еси, и сего ради велия дерзновения к Нему сподобился еси: многа бо чудеса и знамения силы Божия людем о тебе явишася. Воззри убо и ныне, отче предивный, благосердым оком любве твоея на ны недостойныя рабы, и даруй всем по коегождо потребе, по вере же и упованию: скорбящыя обрадуй, плачущыя утеши, недугующыя исцели, труждающымся помози, борющыяся со страстьми и прилоги вражиими укрепи и благослови, изнемогающыя поддержи, обитель твою и всех нас от враг видимых и от всякого зла сохрани. Возвеличи веру святую православную во отечествии нашем, обрати заблуждшыя, вразуми отпадшыя, утверди колеблющыяся, умягчи упорствующыя, просвети неверныя, и вся приведи в тихое пристанище Отечествия Небеснаго. О предивное слово монашествующих и всех верных утешение! славными подвиги твоими и сладким лицезрением чудотворнаго образа твоего и нас озари и на всяк подвиг, труд и терпение укрепи во славу Имени Божия, да спасеннии сподобимся с тобою и всеми святыми Вечнаго и Преблагослоненнаго Царствия славы Отца, и Сына, и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Молитва третья

О преподобне отче Онуфрие! Молим тя: услыши нас, грешных и недостойных раб Божиих (имена), в час сей. И приими сие малое моление наше: рукописание дел наших скверных и нечистых молитвою твоею изглади, твоим заступлением присно нас покрывай и ко уготованному верным пресветлому чертогу молитвами твоими приведи;

умоли убо Милостиваго Бога, да отпустит нам вся прегрешения наша вольная и невольная и вся злая дела, нами сотворенныя, и да избавит нас твоим предстательством от вечных мук и сподобит нас радости вечныя насладитися, купно со всеми святыми, во веки веков.

Тропарь преподобному Онуфрию Великому

Тропарь, глас 1

Желанием духовным пустыни достигл еси, богомудре Онуфрие, и яко безплотен в ней многолетне подвизался еси трудолюбне, соревнуя пророкам Илии и Крестителю: и от руку ангельску таин божественных насладився, ныне во свете Святыя Троицы купно с ними веселишеся. Моли спастися нам, твою память почитающим.»

Наследие XIX –го столетия

При непосредственном многолетнем знакомстве с жизнью крестьянского населения тех или иных территорий современной Белоруссии, России, Украины и Польши мы давно обратили внимание на сильное, до сих пор заметное влияние, какое оказала на этих людей система народного образования, сложившаяся в Российской империи. Влияние это было всесторонним, включая, конечно же, становление этнического самосознания. Особая роль в последнем принадлежала наряду с православной церковью и ее институтами церковно-приходской школе. Стоит ли говорить, что, в силу мер запретительного характера семи последних десятилетий XX в., важнейшая эта тема, связанная с судьбой бóльшей части населения Российской империи в XIX – начале XX в., преимущественно крестьянства, пока не получила сколь либо обобщающего научного освещения [1]. Начиная с глубокой древности, в деревенской России церковно-приходская школа, наряду с народной начальной школой вообще, оказалась центральным образовательным учреждением, вокруг которого группировались и все основные силы местной интеллигенции и где по существу шла основная многолетняя работа по формированию этнического самосознания в кругу детей и молодежи.

Насколько же значимым социальным институтом в Российской империи XIX – начала XX вв. была деревенская церковно-приходская школа? Обратимся к данным государственной статистики. Согласно всеобщей переписи 1897 г. крестьянское сословие вместе с казаками составляло 79,4 % всего населения Российской империи [2], равнявшегося 125 миллионам 640 тысячам человек. К этому времени число учащихся в начальных школах всех типов составляло примерно три миллиона человек, в церковно-

приходских школах при этом обучалось около половины всех школьников [3]. При анализе данных начального народного образования за всю двухсотлетнюю историю имперского периода России бросается в глаза колоссальный рост числа детей крестьян в школах всех типов начиная со второй половины XIX в. При этом, если в первой четверти XVIII в. во всех типах школ количество учащихся составляло несколько сот человек, то к исходу XVIII столетия один школьник приходился примерно на одну тысячу населения империи, а к концу XIX в. один школьник в среднем приходился на 40 человек населения. Естественно, концентрация обучавшихся в начальной школе была по губерниям далеко не однородной. Любопытно, что согласно официальным данным государственной статистики образовательные показатели по народной школе в великорусских губерниях европейской части империи, а также в Белоруссии и Украине были много выше, чем, например, в Царстве Польском [4].

Народная начальная школа, в том числе церковно-приходская, была обращена почти исключительно к крестьянству, составлявшему абсолютное большинство жителей Российской империи. Именно для них государством и частными лицами постепенно была создана целая индустрия «книг для народа», которая дала многие тысячи самых разнообразных изданий, лишь частично принятых самим их адресатом. До сих пор, правда, все реже и реже, в личных библиотеках жителей белорусско-русско-украинского пограничья можно встретить сильно потрепанные подобные издания, а чаще их фрагменты или же выписки из них. Книжечки эти сделали свое дело и стали ныне не менее редкими, чем издания и рукописи предшествовавших эпох. Впрочем, есть среди них и такие, что не утратили или почти не утратили свою ценность в глазах многих людей. К ним, например, относятся сочинения С.И. Миропольского и о. Хрисанфа Саковича, в иночестве иеромонаха Христофора, разошедшиеся в большом числе списков. Почти невероятно, но даже такой выдающийся светский деятель культуры, каким был С.И. Миропольский (1842 – 1907), у нас почти неизвестен. Автор десятков важнейших педагогических и исторических сочинений, большого числа произведений для детей он оказался забыт в офи-

циальном информационном пространстве и лишь совсем недавно один из его трудов был переиздан [5]. В народе произведения С.И. Миропольского продолжали свою жизнь. Его стихи, благодаря церковно-приходской школе, получили необычайно широкое распространение и продолжают бытовать во множестве списков. Можно даже сказать, что на них выросло уже не одно поколение восточных славян. Приведем в данной связи один небольшой пример, связанный с весьма популярным во всех уголках Восточной Славии, в том числе и на нашем пограничье, стихотворным текстом, уже в конце XIX в. приобретшем широкую известность благодаря деятельности церковно-приходских школ. Его автор – С.И. Миропольский. На протяжении нескольких последних десятилетий, вплоть до наших дней, это стихотворение считается народным, переписывается как анонимное, а иногда и поется, в том числе и известными исполнителями, без упоминания имени автора. Оно имеет два заглавия, что связано с особенностями его рецепции на протяжении столетия: «Добрая ночь» и «Сумрак вечерний». Приводим этот текст по рукописи конца XX – начала XXI вв., созданной на Гомельщине:

«Сумрак вечерний уж пал на поля,
В тихой прохладе заснула земля.
Добрая ночь, тихий покой,
Божий покров над уснувшей землей.
Всем, кто трудился на ниве земной,
Бог посылает в отраду покой.
Добрая ночь, тихий покой,
Божий покров над уснувшей землей.
Месяц поднялся, высоко стоит,
Блеск серебристый по речке скользит.
Добрая ночь, тихий покой,
Божий покров над заснувшей землей.
На небе звезды блестят в высоте.
Крест над деревней горит в темноте.
Добрая ночь, тихий покой,
Божий покров над заснувшей землей» [6].

В отличие от достаточно высокопоставленного столичного чиновника, каким был С.И. Миропольский, тесно, если не сказать кровно связанный с народной школой, о. Хрисанф Сакович никогда не занимал заметных должностей, а вся его жизнь прошла в глухой провинции. Тем не менее, сочинения о. Хрисанфа сразу же стали весьма популярны в народе, а нынешняя их распространенность во всем православном мире буквально поражает. Уроженец с. Святец на Волыни, где он появился на свет в 1833 г. в священнической семье, о. Хрисанф долго искал себя, несколько десятилетий служил народным учителем в родной стороне и, наконец, принял священнический сан, а затем был пострижен в монахи и окончил свою жизнь в 1897 г. в одном из самых западных православных монастырей Российской империи – Радочницком, что на востоке нынешней Польши, примерно в 30 км от г. Замостье. Часто встречаемые нами стихи о. Хрисанфа, распространяемые по сей день преимущественно в рукописях, давно стали частью анонимной народной литературы. Переписчики иногда составляют из них целые сборники [7] и, надо думать, в сборниках этих есть немало его произведений, которые никогда не появлялись в печатном виде и распространялись исключительно с помощью рукописного тиражирования. Имя автора при этом постепенно в большинстве случаев было утрачено, а сочинения его стали частью наиболее почитаемой в народе религиозной литературы, которая помогала сберечь родные традиции в период гонений на православие. Мы сделали выборку стихотворных произведений о. Хрисанфа из нескольких рукописных сборников, которые по сей день бытуют на белорусско-русско-украинском пограничье. Первое из них, весьма редкая его стихотворная автобиография, точнее, ее часть, выписанная на отдельных листочках примерно в середине – второй половине XX в.

Боже, помоги мне вспомнить
О полвеке прошлых лет,
Так как скоро я предстану
Пред Тобой давать ответ,

Много я событий помню
В жизни пройденной моей:
Мало было дней отрадных,
Много горя и скорбей.

В раннем детстве я лишился
Матери моей родной
И остался шестилетним
Одиноким сиротой.
Мой отец, священник
 вдовый,
Так ужасно тосковал,
Что о мне, сиротке бедном,
Он невольно забывал.
В сиротстве на воспитанье
Прямо в кухню я пошел
И там в обществе прислуги
Воспитателей нашел.
А прислуги было много:
Помню старых дедов двух
И убогих, бесприютных
Двух болезненных старух.
Остальные слуги были
Все из молодых крестьян,
Парней, девушек и женщин,
Нашей церкви прихожан.
Между ними был и мальчик,
Пастушок телят, ягнят,
Предо мною этот мальчик
Очень много виноват:
Он был первый мой учитель,
Он меня стал обучать
Бестолковому искусству
У отца все воровать.
Сатанинские уроки
Я успешно проходил:
Брал отца родного вещи
И учителю носил.
Он меня всегда за кражу
Похвалами награждал
И потом уж постепенно
Красть и деньги убеждал.
Но когда я научился
Деньги в шкафе воровать,
Чтоб мальчишке за науку
По секрету передать,
То чуть жизни не лишился
В этот памятный мне час.
Я за полку ухватился,
Шкафик накренил, я стал,
И чрез две иль три секунды
Он бы на меня упал.
Но Господь, Отец всех сирот,
Сам меня чудесно спас.
С той минуты я боялся
Деньги в шкафе воровать,
Но других вещей отцовских
Не страшился тайно брать.
За успехи воровские
Он желал мне угодить:
Из своей вонючей трубки
Дозволял табак курить.
И когда я отвращался
От зловония сего,
Он доказывал упорно,
Что на свете ничего
Нет приятнее и лучше
Как табак всегда курить,
Спать и ничего не делать,
Только есть, гулять и пить.
Этим пагубным урокам
Я усерднейше внимал
И весь яд их и зловонье
В сердце сиротском слагал.
И легло внутрь, в основанье,
Это зло в душе младой,
Но никто о том не ведал,

Даже сам отец родной,
Только знал об этом горе
Наш Спаситель всеблагой.
Он тогда же в детском сердце
Водрузил Свой крест Святой.
С той минуты завязалась
В сердце тайная борьба,
И концом борьбы решилась
Вечная моя судьба.
И борьба упорно длится:
Полстолетья прожил дней,
И сильнее становился
В годы старости моей.
Твердо помню: в нашей
церкви
Против клироса стоял
Крест с распятым Иисусом.
Этот крест меня спасал.
Я, взирая на распятье,
Задавал себе вопрос,
Кто Он, этот муж распятый?
Я не знал, что Он Христос.
Помню детским взором часто
Я рассматривал Его,
И на сердце мне ложилась
Скорбь лишь больше от того,
Что с главы Его склоненной
Много крови истекло
И на выю, и на рамо,
И на бледное чело.
Кровь Христова мне
казалась,
В этот час из ран текла
И невольно красным цветом
Детский взор к себе влекла.
Я всегда с участьем в сердце
На распятие смотрел
И всегда Его, Страдальца,
В глубине души жалел.
И за это то участье,
И за детскую любовь
Пожалел Христо́с сиротку:
Взял меня под свой покров.
Под Святым распятьем этим
Крест другой большой лежал,
И к кресту народ жидовский
Сына Божья пригвождал.
А внизу под сей иконой
Окровавленный Христос,
Весь измученный,
согбенный,
Тяжкий крест на раме нес.
Крестоносца окружало
Много женщин и мужей,
Пеших, конных и военных,
Тож старейшин и князей.
Я на эти три иконы
Чаще взор мой обращал
И в невинном детском сердце
Жалость к Спасу ощущал.
Это чувство одержало
Верх над насажденным злом
В детском легковерном
сердце
Хитроумным пастушком.
Приношу Тебе, Спаситель,
Благодетель всеблагой,
Благодарность с похвалами
Любящей Тебя душой.
Ты мне милости желаешь
От начала до конца
И родного заменяешь

Благодетеля отца.
Преблагословен и славен
Буди ныне и во век,
Иисус Христос, Сын Божий,
Дивный Богочеловек.
А на правой стене в церкви
Привлекал к себе взор мой
Детский образ незабвенный
Богоматери Святой.
Я смотрел всегда с любовью,
Рассуждая не шутя,
Как оно блаженно было
Это доброе дитя.
В лилии оно сидело,
Опираясь на венец,
А цветок в руках держали
Мать родная и отец.
Я не знал тогда, кто это,
Но смотреть на них желал
И особенно к младенцу
Детский взор свой обращал
А младенец этот добрый
На меня и сам смотрел
И оставленного всеми
Сироту весьма жалел.
Он с любовию святою
К людям руки простирал
И Своим всесветлым взором
Детский взор мой привлекал
Так Мария Богоматерь
Мне являла благодать,
Лишь оставили сиротку
Мой отец родной и мать.
Место мамы заступала
Наша сродница одна;
Мне казалось, что жалела
Искренно меня она.
Только мне не говорила
Никогда священных слов
И лишь внешне выражала
Материнскую любовь.
Но когда отец наш умер,
Эта сродница тотчас,
Правом пользуясь хозяйки,
Обокрала сирот нас.
Получив о том известье,
Я и плакал и рыдал
И злосчастнейшую тетку
За врага тогда считал.
Но теперь я промысл Божий
В этом деле признаю:
Бог лишил меня богатства
И тем спас всю жизнь мою.
Получивши много денег,
Я предался бы мечтам
И зловредным развлеченьям,
И погибельным делам.
Потому Христос дозволил
Наши деньги унести
Нашей сроднице воровке,
Чтоб меня от бед спасти.
Больше года после смерти
Матери моей родной
Я жил в кухне средь
прислуги
Нашей доброй и простой.
Зорким всматриваясь глазом
В поведенье сих людей,
Я невольно полюбил их,
Как родных и как друзей.
И они меня любили.
И жалели, кто как знал,

И никто из них сиротки
Никогда не обижал.
Все прихожане старались
Чем-нибудь мне угодить.
А старик Фома ходил к нам,
Чтоб мне сказки говорить.
Я Фому за эти сказки
Уважал и награждал,
И всегда его на кухне
С нетерпеньем ожидал.
Он мне приносил игрушки,
Кои сам и мастерил.
За игрушки эти крепко
Я Фому благодарил.
А с прислугой я сроднился
И всегда смотрел на них,
Как на любящих и добрых
Покровителей моих.
Помню, что в отцовском
доме
Пономарь наш проживал.
Он весной однажды в вечер
Мне таинственно сказал:
“Знаете ли вы, панычу,
Что сегодня умер Бог?”
Я задумался об этом,
Но понять сих слов не мог.
То был лишь один
священный.
Данный мне урок тогда.
Он остался незабвенным
В детском сердце навсегда.
Я теперь соображаю,
Что таинственный урок
Мне преподан был в Великий
И Святой страстной пяток.

Вот за эти-то услуги
Добрых и простых людей
Я лет 30 в разных селах
Был учителем детей,
А во Брыковском приходе
Мне в пяток умерший Бог
Научить Закону Божью
И старых людей помог.
Бог хранил меня в дни
детства
От диавольских сетей,
От увечья, ран, болезней
И от множества смертей.
Раз на груше превысокой,
Много увидав плодов,
Я взобрался на вершину
И уж рвать их был готов.
Вдруг сухая преломилась
Ветка под моей ногой,
И я с страшной быстротою.
Полетел вниз головой.
Опрокинув здесь стоявший
Улей с роем злейших пчел,
Я в бесчувствие, забытье
Совершенное пришел.
Пчелы все меня обсели,
Но, о чудо, ни одна
Из сих пчел, всех заедавших,
Не ужалила меня.
Пасечник, увидев это,
Осторожно рой собрал,
А меня водой холодной
Долго долго отливал.
Бабушка одна простая
Препростой совет дала -

Сыворотки влить мне в
глотку.
И тем жизнь мою спасла.
Признаки вдруг оказались
Жизни, и я стал дышать,
Сердце тоже биться стало,
Но еще не мог я встать.
Как внесли меня больного,
Полумертвого в наш дом,
Как в постели положили,
Я не помню уж о том.
Только помню, что я утром,
Лишь проснулся, думать
стал,
Где прекрасные те груши,
Что на дереве срывал.
Стал искать их под подушкой
Вдруг отец мой со врачом,
Нарочно ко мне прибывшим,
Подошли ко мне вдвоем
И заботливо спросили,
Не болит что у меня,
И чего ищу так рано
Под своей подушкой я.
“Ах, ищу я груш прекрасных,
Что на дереве срывал,
Я здоров, но где те груши?”
Так отцу я отвечал.
Мой отец с врачом сказали:
Если ты здоров, вставай.
Груш дадим тебе
прекрасных,
Лишь побегай, погуляй.
Я, одевшись, помолился,
Побежал гулять на двор
И не чувствую болезни
От ушиба до сих пор.
Так Спаситель наш
Распятый.
На Которого смотрел
Я во храме на иконе
И Которого жалел,
Пожалел меня взаимно.
Чудо надо мной явил,
Спас от ран от увечья
И от смерти сохранил.
На восьмом году от роду
Я оставил дом родной
И вступил в мир,
неизвестный
Мне доселе, в мир школьной.
Я пришел в оцепененье,
Как увидел близь дверей
В первом классе на коленях
Много школьников -детей.
Но когда вошел учитель
И велел их сечь лозой,
Я ужасно испугался
И хотел бежать домой.
Крик, и плачь, и вопль
умильный
С раздеванием детей,
Визг, стонанье раздавалось
Жалостно в груди моей.
Холод пробегал по телу,
Как малюток предо мной
Повергали обнаженных
И казнили их лозой.
Мне от этого сеченья
Стали страшными в тот час
И ужасное ученье,
И несчастный первый класс.

После этой детской казни
Всем учитель угрожал,
А детей, читавших плохо,
Он ослами называл.
Кто же свой урок исправно
И отчетливо учил,
То его учитель в классе,
В образец "ослам", хвалил.
Вдруг я страшно испугался
Стал ни мертвый, ни живой:
Наш учитель, подошедши,
Грозно стал передо мной.
"Ты, вот, выучишь по книжке
Азбуку", мне он сказал.
Я же так перепугался,
Что от страха трепетал.
Помню, что тогда была
суббота.
Дух мой тосковал, скорбел;
И в квартире, и во храме
Я покоя не имел.
Скорбная картина в классе
Вся стояла предо мной.
С кровию детей избитых
И с большущею лозой.
Я все думал: в понедельник
И меня начнут уж бить.
Ведь не знаю ж я, как нужно
Эту азбуку учить.
В воскресенье, пообедав,
Дети вышли поиграть.
Я же сел под стогом сена.
Стал вслух жалобно рыдать.
Вдруг ко мне подходит
школьник
Именем Иерофей,

Он меня тотчас утешил
В горести души моей.
Он мне азбуку по книжке,
"Буки – веди", показал,
И чрез пять минут ученья
Я урок на память знал,
Потому что я и дома
Также азбуку учил,
Здесь же вдруг с Иерофеем
Наизусть всю повторил.
Стал тогда я веселиться,
С детьми бегать и играть,
Убежденный, что лозами
За урок не будут драть
Рано утром в понедельник
В 1-м классе я сидел
И внимательно на дело
Всех товарищей смотрел/
Вот, читает мальчик книгу
Со слезами на глазах.
А другой следит сурово
За ошибками в словах.
Вот тот больше предлагает
Авдитору пирожок
И из кармана вынимает
Булочки ему кусок.
Вдруг авдитор улыбнулся,
Нежно мальчику кивнул,
В благодарность за подарок
Нацарапал "зна" ему.
Вот, другой читая плачет,
Что авдитор зол, сердит,
Мальчика ослом ругает,
И толкает, и кричит:
Пирожка он не имеет,
И хотя урок свой знал,

Но ему "нез" записали.
Мальчик жалостно рыдал.
Дети разбрелись по группам,
Авдиторы их кричат,
Строго слушают уроки,
Сердятся, бранят, стучат,
Вдруг свершилось разделенье
Первоклассников детей,
И полкласса опустилось
На колени близь дверей
Цензоры все любовались
Прочностью плетеных лоз,
А коленники рыдали,
Источая реки слез.
Авдиторы же гудели,
Точно рой сердитых пчел,
Кто-то крикнул: тише, тише!
И учитель в класс вошел.
И опять до крови секли
Всех коленников лозой,
И опять класс наполняли
Детский плач и стон, и вой.
И опять на них учитель
Все сердился и кричал,
И ленивыми ослами,
Дураками называл.
Я сидел, как полумертвый,
И все ждал беды большой.
Наконец, я научился
Кое-как молитвослов
Медленно читать по слогам
И псалтырь, и часослов.
А историю святую
Наизусть я изучал,
Но лишь рано завтрак
скушал,
Вдруг урок весь забывал.
Каждый день в великом горе
Утром в класс я приходил
И что с вечера знал твердо,
В классе наново учил.
От того я раздражался,
На свой разум нарекал,
Тосковал, скорбел, томился,
Часто плакал и рыдал.
Это странное забвенье
Продолжалось завсегда
Лишь в училище, где была
Мне великая беда.
В семинарии забвенье
Уменьшалось каждый раз
С переходом чрез два года
В высший и старейший
класс.
Но рассудок развиваться
В богословском классе стал,
А доселе я предметы
Машинально изучал.
Это страшное забвенье
Нервным сделало меня,
И борюсь я сам с собою
До сегодняшнего дня.
А забвения причиной
Я считаю и считал
Тот ушиб головки детской,
Как на улей я упал.
Но теперь я промысл Бога
В этом горе признаю:
Он, ослабив мой рассудок,
Мудро душу спас мою,
Потому что все вниманье
Умственных духовных сил

На развитье чувств
сердечных
Я всецело обратил.
И теперь уж не жалею,
Как в младых летах жалел,
Что способностей великих
Я к ученью не имел.
Опыт жизни полстолетней
Мой рассудок убедил,
Что не разум наш, а сердце
Выше всех духовных сил.
И за это убеждение
Бога я благодарю
И усердное моленье
Возношу Христу Царю.
В церкви мы всегда стояли
Правым боком к образам,
И полк женщин
представлялся
Нашим взорам и глазам.
Мальчики на них смотрели
Из своих во храме мест
И в час службы избирали
В их среде себе невест.
А по выводе из перкви
Мальчуганы женишки
Рассуждали о невестах
И писали им стишки.
Но об этих помышленьях
Ничего никто не знал.
Впрочем, нравственных
уроков
Нам никто не преподал.
В храме Божьем бедный
мальчик
В страхе трепете стоял:
Регент нас ругал и в злости
За уши рвал и толкал.
Раз альты в концерте сбились
И всех сбили за собой.
Страшно вспомнить, как их
регент
Стал ругать, казня лозой.
В Рождество Христово, в
Пасху,
Несколько собрав грошей,
Получили мы конфеты,
Мед и пиво для детей.
А потом, из подражанья
Старшим, научились делать
так,
Что прибавили к конфетам
И голд-вассер, и табак.
О, соблазны старших певчих
Развращали нас, детей,
И ввергали неразумных
В бездну пагубных сетей.
Часто в сад они спускались
И на общую беду
Поздней ночью рвали
фрукты
Во владыкином саду.
Были частые пирушки.
Раз один бас опьянел
И за то несчастный в полночь
Чрез окно в сад полетел.
Вообще от старших певчих
Мы терпели много зла:
Их вся жизнь соблазном
страшным
Для детей малых была.
О других дурных поступках

Вспоминать не буду я,
Правосудный, Милосердный
Бог, Господь им судия.
Все обиды и соблазны
Бог им бедным да простит,
И детей всех беззащитных
Силой крестной да хранит.
Раз владыка наш Варшавский
И святитель Никанор
Проходил в свой сад под
вечер
Осенью чрез певчих двор.
Мы его вдруг окружили,
Он же нас благословлял,
А меня благословляя,
Архипастырь так сказал:
"Твой отец уже монахом
В Лавру поступает к нам?"
Я же помню, что ответил:
"Нет, нет, он не будет там".
Тотчас за перо я взялся
И к отцу вдруг написал,
Чтобы он не шел в монахи
И нас сирот не бросал.
Я писал: "Драгой родитель!
Вам нельзя детей бросать,
Если ж бросите, то будем
Все мы плакать и рыдать,
Потому что инок должен
От всей суеты мирской
Перед Богом отрекаться,
Даже от семьи родной.
Кто ж тогда нас воспитает,
Кто заступить нам отца,
Кто в училище поможет
Оставаться до конца.
Если ж вы, живя монахом,
Станете нам помогать,
То всегда свои обеты
Нужно будет нарушать".
Мой отец, письмо читая,
Гневался, письмо бросал,
Вновь читал его со гневом
И мне часто угрожал.
Вдруг по целому приходу
Стал носиться слух такой,
Что прислал письмо отцеви
Скорбное их сын меньшой.
И когда отец мой умер,
Говорило все село,
Что мое письмо в могилу
Рано батюшку свело.
Но отец мой нагло умер
Не от этих детских слов,
А от скорби и печали,
И от тягостных трудов.
Выисповедав душ 200,
Вечером, придя домой
Весь усталый и разбитый,
Изнемогший и больной,
Он чрез несколько мгновений
В сильный обморок упал,
Помощи же медицинской
Не было, чтоб кто подал.
Этот обморок великий
Был смертельный, роковой.
Он и свел отца в могилу,
В мир загробный, на покой.

А вот оценка самим о. Хрисанфом Саковичем его жизненного пути, сделанная им в стихотворении «О минувшей жизни моей»:

И я убогий человек,
Живу в несчастьи весь мой
век.
Родился я на свет в слезах,
Не зрел добра в младых
летах.
Я много горя испытал,
Всю жизнь проплакал,
пространдал.
Друзей нигде я не нашел,
И без друзей мой век прошел.
Никто мне не сказал пути,
Которым должен я идти.
Наставников я не имел,
О чем в душе всегда скорбел.
Я много пустынь исходил,
Но для себя не находил.

Нигде духовного лица,
С любовью друга и Отца.
О круглом сиротстве таком
Я много плакал пред
Христом.
И часто в пропасть падал я,
И жизнь печальная моя
Давно бы в вечность
перешла,
Но милость Божия была
Над погибающей душой
И правила моей судьбой.
А наконец Христос благой
Умилосердился над мной:
Меня любовью осенил
И “Крестной Песнью”
наградил.

О. Хрисанф Сакович писал и для детей.

Бог Господь, Царь и Творец
Милосердный наш Отец
Для детей весну послал,
Землю травкою устлал.
Бог с небес на нас взирает
И весною рассыпает:
Славные детям цветочки
И зеленые листочки.

Бог благ, любит всех людей,
Но особенно детей
Добрых, кротких любит Он,
Знающий Его Закон.
Дети радуйтесь, играйте,
Бога все благословляйте,
Пойте песнь Ему устами
И горящими сердцами.

Дети, ликуйте.
Гостья красна
С неба сошла к нам
Божья весна.
Дети, воспойте
Песни весной,
Бога хвалите
Сердцем, душой.
Бог всем на радость
Рай – весну дал,
Травкой, цветками
Землю устлал.
Дети любите
Мира Творца
И возносите
К небу сердца.
Бог вас возлюбит,
Благословит,
И от несчастий
Вас сохранит.
Дети, пред Богом
Будьте смирны
И меж собою
Мирны, дружны.
Детки, храните
Сердце и ум
Для слова Божья
И святых дум.
Дети, молитесь
Всею душой,
И прославляйте
Бога весной.
Дети, любите
Новый Завет,
Крест Спасов чтите
Все с юных лет.

Сочинял о. Хрисанф и колядки, которые, пожалуй, быстрее всего вошли в число анонимных народных сочинений:

Христос Спаситель
В полночь родился,
В вертепе бедном
Он поселился.
Вот над вертепом
Звезда сияет,
Христос родился!
Всем возвещает.
И свод небесный
Вдруг растворился,
В вертепе темном
Свет появился.
И чины Ангел
С небес слетели,
И "Слава в вышних!"
Христу воспели.
Вдруг Ангел светлый
Летит оттоле
И пастухам весть
Несет на поле.
Они поспешно
В вертеп приходят
И здесь в яслях
Христа находят.
С великим страхом
У яслей стали,

И на колени
С молитвой пали.
Стояли долго
Христу молились
И светом веры
Тут озарились.
А над вертепом
Звезда сияла,
Христос родился!
Всем возвещала.
Волхвы с востока
В вертеп приходят
И в яслях бедных
Христа находят.
Главы склоняют
У яслей цари,
Христу приносят
Драгие дары.
Христос Спаситель
В вознагражденье,
Волхвам царям дал
Свет во спасенье.
А Ирод злобный
В лукавстве сердца
Повсюду ищет
Христа Младенца.
Детей невинных
Он убивает,
И кровь святую
Их проливает.
Святая Дева
Ночью уходит,
Христу в Египте
Приют находит.
Среди языков
В стране кумиров
Жил безопасно
Спаситель мира.
Когда же Ирод
Приял смерть злую,
Христос явился
В страну родную.
И в Галилею
Он возвратился
И в Назарете
Жить поселился.
Христе, Владыко!
В Твой день Рожденья
Подай нам, темным,
Дар просвещенья.

Ему же, о. Хрисанфу Саковичу, принадлежит «Песнь св. покровителям славян Кириллу и Мефодию», встречающуюся сейчас достаточно редко:

Кирилл и Мефодий,
Блаженные Братья,
Простерли славянам
Святые объятья:
Славян утверждали
В ученье Христовом,
И нас просвещали
Родным книжным словом.
И в Церковь Христову
Крещеньем вводили,

И школы славянским
Детям заводили.
И Азбуку дали
Народам славянским:
Российским и сербским,
Моравским, Болгарским.
И Книги Заветов
Славянские дали
И Службы святые
Славянам писали.
За подвиг славянский
Терпели гоненья,
Обиды от римлян,
Изгнанья, мученья.
Вражду и коварство
От немцев сносили:
До смерти страдали,
До смерти учили.
Кирилл и Мефодий
Велики и славны,
Трудами ученья
Апостолам равны!
Кирилла, Мефодия
Славянские народы
Пусть все ублажают
Во век, в род и роды.
Кирилле, Мефодие,
Творите моленье,
Да все-все славяне
Придут в единенье:
Любовью и верой
Сердец простотою,
Общеньем в молитве,
И жизнью святою.
Пусть все враги веры
Святой Православной
Крестом расточатся
И силой державной.

1. Лишь в самое последнее время стали появляться статьи, специально посвященные церковно-приходской школе в тех или иных частях Российской империи. См., напр.: *Митыпова Е.С.* Церковно-приходские школы Забайкалья (XIX – нач. XX вв.) // Исторический вестник. 2002. № 1. Важные констатации о роли церковно-приходских школ в жизни России содержатся в книге М.М. Громыко и А.В. Буганова «О воззрениях русского народа» (М., 2000).
2. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1-2; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905.

3. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1898; Опыт сравнительного обозрения успехов начального народного образования в разных местностях Российской империи. СПб., 1902; Начальное народное образование в России. СПб., 1900-1905. Т. 1-4; Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. СПб., 1916. Вып. 16; *Ольденбург Ф.Ф.* Народные школы Европейской России в 1892-1893 году: Статистический очерк. СПб., 1896; *Преображенский И.В.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-1841 по 1890-1891 гг. СПб., 1901. Изд. 2-е; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания [за 1892-1899]. СПб., 1892-1899
4. Подробнее см.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Современное западнобелорусское наследие давней церковно-приходской школы // Традиции и современность. № 2 (2). 2003. С. 107-127.
5. См.: *Миропольский С.И.* Очерк истории церковно-приходской школы от ее возникновения на Руси до настоящего времени. М., 2006.
6. Подробнее см.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Народная литература современного восточнославянского порубежья и* формы ее трансляции // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2007. С. 115-117.
7. Подобные сборники встречались и встречаются нам достаточно часто, причем не только на белорусско-русско-украинском пограничье, но и во многих уголках России, Украины и Белоруссии, в том числе в московском регионе. О них, бытовавших и бытующих среди московских жителей, стали появляться специальные публикации в печати. Так, московский теолог В.О. Зверев пишет, что «стихи эти были найдены мною в записях моей покойной бабушки, А.С. Зверевой, в середине 90-х годов». Она записала их «в трех школьных тетрадках от руки». В.О. Зверев предполагает: «Возможно, что автор стихов – священник Хрисанф Сакович, живший примерно в конце XIX – начале XX века на границе Молдавии и Украины». «Однако, – как пишет В.О. Зверев, – это могут быть и народные стихи... В 2005 году мне в руки попала еще одна рукописная тетрадка с этими стихами. Стало ясно, что стихи были востребованы верующими во время гонений на Церковь и переписывались от руки, подобно молитвам и акафистам» (см.: *Зверев В.О.* Евангелие страстей Христовых в стихах // Воскресная школа. 2008. № 5. С. 8).

Агиограммы любимых святых

Житийный пласт народной литературы белорусско-русско-украинского пограничья один из самых обширных и разнообразных. Сейчас он включает в основном жития, созданные в XX в., реже в более ранние времена. Несмотря на то, что в последние годы агиографические сочинения стали печататься массовыми тиражами, а адаптированные многотомные «Жития святых» свт. Димитрия Ростовского выдержали уже множество изданий, народный интерес к переписке и даже созданию отдельных житий скорее возрастает. Особенно это относится к образам новомучеников и праведников, почивших в XX – начале XXI в. Примеров можно привести множество, но, пожалуй, самый красноречивый и отчасти известный – жития св. Лаврентия Черниговского, которые распространены по всему пограничью и особенно на украинской его части. Жития св. Лаврентия имеют несколько редакций, есть более пространные и более краткие. Существуют и бытуют в рукописном и машинописном виде всевозможные рассказы-дополнения к ним – плод труда ряда лиц, преимущественно, видимо, участников тех или иных событий.

Современное народное творчество не обходит стороной и давно повсеместно распространенные житийные сюжеты и образы, например, Алексея человека Божьего. Вот не так давно написанное, притом стихотворное, его житие, которое мы публикуем по рукописи начала XXI в. с Гомельщины.

«Житие Аляксея Божаго человека.

Я у городе родился
Быстро нежно возрастал

И отец мой Евфмианий
Мине строга воспитал.

Мать меня очень любила
Не могла без мине жить
Когда я кончил ученья
Меня вздумали женить.
Мине усватали невесту
Я тоже нехател
Обвенчали мне вбраки
Сердцем сильно я болел
скорбел.
Возвратились мы из церкви
Пошли в спальню ночевать
Я нежною супругу
Стал душевно утешать.
Помолились вместе Богу
Я собрался уходить
Она плакала рыдала
Как и где мне здесь прожить.
Ей отдал кольцо венчално
Просил чтобы нетерать
Обещал скора вернутся
Ради Бога все терпеть.
Он стал на коленах
Посмотрел и мне в глаза
У самого дрожали руки
Из глаз котилася слеза.
Последний раз покланился
И вышал я и пошел
Потойным местам
В чужую страну зашел.
Свою одежду пременил
С нищим братьем настарую
Ходил странником скитался в
глазах
Много лет пройшло.
Мине дома потерали
Немогли нигде найти
Я как блудны Сын решился
К отцу странником приити.
Когда в город Рим явился
Предстал пред своим отцом
Я прасил его как странник
Пустить начевать в свой дом.
Взглянув на больного меня
И сердечно пожелел
Разрешил мне жить в
конюшни
В дом зайти мне невелел.
С тех пор стал жить в
канюшни
В родительском дому
Я его сын нищи страник
Неизвестный был ему.
Как ушел и мать решила
Из дома не выходить
Из моей супругой нежной
Заключенной в кельи жить.
Видел их я ежедневно
Как рыдали обомне
Разрывалась мое сердце
И я плакал в тишине.
Обижали мине слуги
В доме моего отца
Обливали избивали
Издевались до конца.
Терпел холод и голод
И телесно ослобел
И в своей конюшне
Я смертельно заболел.
Взял листок белой бумаги
Написал письмо отцу
Матери и супруге верной
О себе я известил.

И помолился слезна Богу
Лег я грешны божий Аляксей
Предал душу в руки Богу
Кончил путь жизни своей.
Втой день в соборной церкве
Слышал голос Архиерей
Умер в доме Евфимиана
Странник божий Аляксей.
А ты папа Инокентий
Возми его схорони
Как достойнаго странника
За упокой ты помолись.
Пришел папа Инокентий
Раба Божьего искать
Помолился о нем Богу
Прах его в землю предать.
Евфимиан удивился
Инезнает ничево
Нашли во дворе канюшни
Покойника у него.
Отец мать супруга верная
Рассуждали не дыша
Кто-же этот нищий странник
Кто безгрешная душа.
Смотрат лежит на саломе
В руках грамоту держит
Помолились письмо взяли
Пока вслух его читали.
Ты прости отец мой мне
Я сын твой Аляксей
Жил втвоем я доме долго
И терпел много скорбел.
Вот теперь я умираю
Богу душу предаю
Нерапщитя на Бога сильна
Пожалей свою душу.

А ты мать моя родная
В день кончины моей
За все слезы и страданья
Прости сына твоего
И ты верная супруга
О душе моей прости
И тебе Господь сподобит
Крест твой слезны донести
Евфимиан стоял слухав
Как папа читал письмо
Как узнал что Аляксей
Стало в глазах темно
Пошатнулся прослезился
Обнял сына своего
Ты прости милый сыночик
Прости отца своего
Я неузнал тебе милой
Всемирной жизни твоей
Ты прости мне дорогой
Любезный сын мой Аляксей
Мать стояла побледнела
И низвука недала
Возрыдала возопила
Пошатнулась изнемагла
А супруга молодая
Закрыла платком глаза
О супруга мой неизменный
В руках держала кольцо
О супруга мой неизменный
Что-ты сделал нада мной
Обещал вернутся скоро
Я ждала тибе душой
И вернулся неоткрился
Неутешил ты миня
И кольцо твое венчалное
Почернело у мине

Я вдовою молодою
И девицей осталась
Исмиренною душою
Воли Божией предалась
Изгорачими слезами
Покланилась до земли
И подружи взяли
В свою келью увели
И все люди помолились
Аляксея за упокой
Евфимиана утешили
Чтоб непадал он душой.
Добры папа Архиерей
Панихиду отслужил
И во гробе святой церкви
Аляксея – сохранил.
Богу слава».

А вот краткое житие св. Онуфрия Великого, переписанное совсем недавно. Как и все жития, бытующие на пограничье, оно анонимно, но мы можем все же указать его автора. Им был о. Константин Зноско, житийные рассказы которого проникли и на белорусско-русско-украинское пограничье и теперь известны в рукописных списках и машинописных перепечатках.

«Житие преподобного Онуфрия Великаго.

Преподобный Пафнутий, живший в одном из пустынножительных египетских монастырей, нашел в пустыне Преподобного Онуфрия Великого и других пустынников и сам написал повествование о них. В один день, безмолвствуя в монастыре своем, св. Пафнутий пожелал пойти во внутреннюю пустыню и посмотреть, есть ли там какой-либо инок больше его служивший Господу. Взяв немного хлеба и воды на дорогу св. Пафнутий вышел из своего монастыря и пошел в глубину пустыни. Он шел четыре дня и дошел до одной пещеры. Увидев перед нею следы человеческие он заключил, что кто-нибудь живет в пещере. Но войдя в пещеру, св. Пафнутий не нашел в ней никого и пошел в пустыню. Желая видеть пустынножителя, преподобный ждал его целый день. К вечеру он увидел стадо шедших буйволов и человека посреди животных. Человек был без одежды, волосы покрывали тело его. Увидев св. Пафнутия, пустынник поцеловал его, ввел в пещеру свою и рассказал св. Пафнутию, как он попал в пустыню.

Сначала он жил в одной Фиваидской киновии и трудился в ткании полотна, но потом покинул киновию и бежал тайно в пустыню. Тут нашел он эту пещеру, источник и финики и поселился здесь. Одежды его обветшали от времени, на теле выросли волосы, которые заменяли ему одежду.

Св. Пафнутий попросил св. угодника молиться за него и они расстались. Через некоторое время св. Пафнутий снова пошел в пустыню. Дойдя на 17-й день пути до одной высокой горы, св. Пафнутий сел под ней отдохнуть. Тут он увидел шедшего пустынника, обросшего густыми волосами. Волосы на голове и бороде его были длиною до земли и как одежды покрывали тело его. Св. пустынник подошел к горе и сел отдохнуть. Палимый солнцем и от старости своей он устал. Увидев св. Пафнутия, он велел ему сесть и рассказал ему о себе.

Имя мое, сказал св. пустынник, Онуфрий. Шестьдесят лет живу я в этой пустыни и не видел, кроме тебя, ни одного человека. Прежде жил я в монастыре Ерити, близ города Ермополя. Я спрашивал свв. отцов, больше ли те перед Богом, которые живут в пустыне против вас. Свв. отцы разъяснили мне, что труд пустынников несравненно больше. Проходящие пустынную жизнь более начинают работать Господу, предаются большему посту, терпят голод, жажду, полуденный зной и ночной холод. И вот во мне родилось желание пойти в пустыню. Ночью, взявши немного хлеба, пошел я в пустыню и, входя в нее, увидел перед собою луч сияющего света и убоялся, думая возвратиться в монастырь. Но луч света приближался ко мне и я услышал из него голос: "Не бойся, я ангел. С самого рождения твоего я хожу с тобою, я приставлен Богом хранить тебя и ныне получил повеление вести тебя в пустыню эту. Будь совершен и смирен сердцем пред Богом, служи ему с радостию и я не отступлю от тебя". Долго шел я и, увидев вертеп, подошел ко входу его и сказал по обычаю "Благослови". Я увидел святого старца и упал к ногам его. Он сказал мне: "Ты ли брат Онуфрий, споспешник мой о Господе, войди в мое жилище". Я вошел и был там немало дней. Я старался научиться добродетелям св. отшельника. Он научил меня уставам иноческой

пустынной жизни, отвел меня далеко к небольшой пещере и сказал мне: "Вот место, которое Господь уготовал тебе для жительства". Св. отшельник пробыл со мною тридцать дней, уча меня добродетелям, и покинул меня. Он каждый год потом посещал меня и придя ко мне последний раз, скончался. Я со слезами похоронил его близ жилища своего.

После сего св. Онуфрий рассказал св. Пафнутию как он вначале, придя в пустыню, терпел от голода и жажды, от зноя дневного и ночного холода. И как потом Господь посылал к нему ангела Своего приносить ему всякий день немного хлеба и воды на укрепление тела и так он питался от св. ангела тридцать лет. После этого Господь послал ему новую помощь. Он нашел близ своей пещеры финиковое дерево и источник воды. Ангел Господень приносил св. Онуфрию Христовы Тайны и приобщал его.

Потом св. Онуфрий повел св. Пафнутия к жилищу своему. Там вблизи пещеры росло финиковое дерево и протекал источник воды. Когда кончался день они увидели перед собою хлеб и воду и вкусили пищу. На другой день утром св. Онуфрий сказал св. Пафнутию: "Господь послал тебя ко мне, да похоронишь тело мое, ибо ныне я окончу временную жизнь свою. Когда же ты возвратишься в Египет, то поминай меня". Св. Пафнутий упал к ногам праведника и просил его благословения и молитвы. Св. Онуфрий простившись с св. Пафнутием стал молиться Господу со слезами и воздыханием и помолившись, лег на землю и скончался. Св. Пафнутий видел, как небесный свет осиял праведника и услышал голоса поющих ангелов, возносивших ко Господу св. душу его. Св. Пафнутий отодрал подшивку с одежды своей и покрыл св. тело. Потом найдя большой камень наподробие гроба, он положил в него тело угодника Божия и собрав множество малых камней, покрыл им св. тело».

В машинописных копиях и ксерокопиях с них на пограничье встречается и еще один житийный рассказ о. Константина Зноско, распространяемый, конечно, анонимно, без имени авто-

ра, – о св. Иове Почаевском, который мы воспроизводим по одной из них, бытующей на Брянщине:

«Житие Преподобного Иова, Игумена и Чудотворца Почаевского (1550–1651).

Церковная уния, заключенная в 1596-м году с Римом на Брестском Соборе некоторыми западно-русскими епископами, отступившими от Православия, еще в годы своего младенческого состояния была поручена особому попечению униатского монашеского ордена св. Василия, или базилианского, с тем, чтобы этот орден вел пропаганду ее и защищал ее интересы. Связанные непосредственными узами с Римом, сродный по духу ордену иезуитов, наделенный к тому же особыми папскими полномочиями и поддерживаемые православными вероотступниками, базилианский орден свободно и с успехом стал не только распространять среди православных унию, но и латинизировать униатов. Особое внимание базилиан было обращено на изъятие из рук православного народа монастырей, служивших главными хранителями Православия, и уже в короткое время после появления унии некоторые из православных монастырей западно-русского края очутились в руках униатов-базилиан. Такой же участи подвергалась и Почаевская обитель с ее Чудотворною Иконою Богоматери, пока твердо державшаяся древнего благочестия и являвшаяся оплотом Православия на Волыни и в Галиции. Борьба для обители предстояла тяжелая, и для удачного исхода ее нужны были ей твердые руководители. В такое тяжелое для обители время на Гору Почаевскую прибыл человек, которому перст Божьи предначертал быть не только устроителем в обители монашеского жития, но и борцом за Православие во время натиска на него латино-униатства. Это был инок Дубенской обители Честного Креста Преподобный Иов, в миру Иоанн Железо.

Иоанн Железо родился на Покутьи, в Галиции, приблизительно в 1550 году, и уже в отроческом возрасте стал проявлять подвижнические черты. На десятом году своей жизни он тайно покинул дом своих родителей и удалился в соседний Угорниц-

кий Спасо-Преображенский монастырь. Там, несмотря на свои юные годы, он обнаружил такое благочестие и такую ревность в исполнении иноческих послушаний, что жизнью своею удивлял даже старшую монашескую братию. На двенадцатому году, т. е. будучи еще отроком, он постригается в монахи с именем Иова. Посвященный впоследствии в сан иеромонаха, и приняв схиму с прежним своим именем Иоанна, Преподобный усугубляет свои иноческие подвиги и через это становится известным не только в родной ему Галиции, но и на Волыни. Когда об его подвижничестве и святой жизни узнал князь Константин Острожский, то обратился к настоятелю Угорницкого монастыря с просьбою отпустить Преподобного в устрояемую им в городе Дубно обитель Честного Креста, где „он не по многом времени был избран во игумена от братии". В этой обители Преподобный Иов прожил более двадцати лет (1581-1604), благоустрояя в ней иноческое житие и служа братии наставником и живым примером благочестия. Под его руководством монастырская братия ведет также борьбу с унией, списывая и распространяя среди народа православные книги, являвшиеся в те времена единственным источником противодействия воинствующему католицизму. Как духовный руководитель князя Константина Острожского, Преподобный, без сомнения, имел также непосредственное влияние на него по вопросу об издании известной первопечатной славянской Библии.

С каждым годом пребывания Преподобного Иова в Дубенской обители умножалась о нем и слава, как о муже святой жизни и мудром наставнике, и со всех сторон к нему сталь стекаться не только простой народ, но и вельможи, за благословением и назидательными советами. Желая, по смирению своему, устраниться от мирской славы и преклонения пред ним народа, Преподобный, улучив удобное время, тайно оставляет Дубенскую обитель и в 1604 году, под видом простого монаха, удаляется на Гору Почаевскую, чтобы там в уединении предаться непрестанным подвигам молитвы, поста и духовного совершенствования.

Но не долго и здесь суждено было угоднику Божию подвизаться в уединении. В 1597 году владелица Почаевского имения, благочестивая Анна Гойская, передала в сооруженную на Почаевской Горе церковь Успения Божьей Матери Чудотворную Икону Богоматери, находившуюся до того времени у нее в доме, и наделила обитель землею и другими угодьями с тем, чтобы последняя из пустынножительной была обращена в общежительную, в виду чего обитель Почаевская стала переустраиваться на новых началах. Надобно было избрать игумена, и Почаевские иноки упросили Преподобного Иова стать во главе монашествующей братии. Опять наступило для Преподобного время полное забот по устроению обители и тревог за ее благосостояние. Ставши во главе обители, Преподобный Иов первым делом принялся за внешнее ее благоустроение и приступил к постройке нового храма каменного во имя Св. Троицы.

Своим пастырским авторитетом и святостью жизни Преподобный, оказывавший весьма сильное влияние на соседних православных помещиков, расположил их к крупным пожертвованиям на это святое дело. Особенно много сделали добра для Почаевской обители супруги Федор и Ева Домашевские. Они не только приняли на свои средства построение храма и пожертвовали на украшение его свои фамильные сокровища, состоявшие из серебра, золота и других драгоценных предметов, но и отписали весьма крупную по тогдашнему времени сумму, 33000 злотых, на поддержание обители в будущем. Храм Св. Троицы был воздвигнут Преподобным Иовом на том месте скалы Почаевской, где в 1240 году явилась в столпе огненном Богоматерь, и притом так был расположен, что под сводами его поместилась “Цельбоносная Стопа” Богоматери, в течение четырехсот лет находившаяся под открытым небом. По освящении храма, в нем, по древлеправославному обычаю, была помещена над царскими вратами Чудотворная Икона Богоматери, – дар Анны Гойской.

С появлением Преподобного на Горе Почаевской стало увеличиваться число иноков, приходивших в обитель, чтобы стать под его духовное руководительство, и Почаевские ле-

тописи свидетельствуют, что уже в 1607 году „в монастыре том умножися большее число иноков". Сила благотворного влияния Преподобного была так велика, что под его воздействием Почаевская обитель вскоре стала процветать и духовно, и материально.

Великий аскет, любитель безмолвия и устроитель духовного вертограда, Преподобный Иов не погнушался принять на свои плечи и тяготу материального благоустроения обители. Таково было требование времени, такие предъявлялись ему задачи, и мы видим Преподобного в роли мужественного защитника прав и интересов обители. Эту тяготу, чуждую его подвижническому настроению и духовно-созерцательному складу души, он безропотно нес в продолжении всей своей жизни и своею духовною мощью побеждал лежавшие на пути препятствия. В особенности пришлось потрудиться Иову в деле защиты материальных интересов Почаевской обители после смерти Анны Гойской, когда имения ее, в том числе и Почаев, перешли в руки ее внука, лютеранина Андрея Фирлея. Еще при жизни своей бабки Фирлей с ненавистью относился к Почаевскому монастырю за те пожертвования, какие монастырь получил от нее. По вступлении же во владение наследством, он задумал совершенно выжить иноков с Горы Почаевской. С этою целью он запретил им пользоваться водою из соседнего села Старого Почаева, откуда только и можно было получать монастырю воду, и Иов вынужден был с братией копать колодезь на скалистых твердынях Горы Почаевской глубиною в 48 аршин, труд громаднейший, при тогдашних технических средствах едва выполнимый. В то же время Фирлей несколько раз грабил монастырь и отнимал у него земли, подаренные Гойскою. Так, в 1623 году он натравил на обитель буйную орду своих слуг, которые, разграбив монастырское имущество, похитили и Чудотворную Икону Богоматери. Иов по этому поводу должен был вести с Фирлеем судебный процесс и ездить много раз в Кременец и Луцк, где сосредоточивались тогда судебные учреждения на Волыни, пока после двадцатипятилетней судебной волокиты не достиг того, что Фирлей не только возвратил монастырю Чудо-

творную Икону Богоматери и часть награбленного имущества, но и должен был покончить дело по другим спорным статьям актом примирения с Почаевскими иноками, „не в унии состоящими". Подобные же процессы по защите имущества, завещанного разными благотворителями Почаевскому монастырю, приходилось вести Иову и с другими враждебно настроенными к монастырю лицами, доводя иногда иски до высшего трибунала. И не только интересы своего монастыря защищал Преподобный, но и соседних с монастырем церквей, которых он был "дозорцею", т. е. блюстителем.

Все эти столь многочисленные судебные дела требовали от Преподобного Иова крайнего напряжения сил и сопровождались постоянными тревогами за благополучный их исход, что сильно отражалось на его здоровье. Однако, Преподобный, сознавая, что всякая оплошность, хотя бы в одном каком либо деле, может тяжко отразиться на судьбе и без того стесненного врагами монастыря, редко когда, разве по великой нужде, поручал другим лицам защищать в судах монастырские интересы, а всегда защищал их самолично. Как испытанный борец, он до конца своей жизни стоял на страже своего монастыря и нес тяжелое бремя его правления, не находя ни в ком поддержки со стороны, а только надеясь на правду Божью и торжество правосудия.

Стоя во главе обители и ревностно оберегая ее интересы, Преподобный вместе с тем горячо заботился о внутреннем ее благоустроении и процветании. Он сам вникал во все, за всем имел неусыпный надзор и во всем подавал пример трудолюбия и подвига для братии. Своими руками садил он в саду деревья, копал и чистил монастырские пруды, насыпал гребли. Труды его были так велики, что, по замечанию ученика и описателя его жизни Досифея, только "самому Богу, тайная сердец человеческих проникающему, удобно их сочислити".

Около 1626 года Почаевская обитель подверглась пожару, и Преподобный Иов, не находя достаточной материальной поддержки на месте, посылает 1 мая 1626 года письмо к русскому царю Михаилу Федоровичу, в коем, описывая печальное поло-

жение Почаевского монастыря после пожара, от которого погибли “краса церковная, одежда священническая, евангелие, кресты и прочее благолепие церковное”, жалуется ему на увеличивающееся число противников древнего благочестия и просит помощи в деле благоустроения и укрепления обители. Это письмо Преподобного Иова свидетельствует не только о его неустанных заботах о благосостоянии вверенной ему обители, но и о том тяжелом положении, в каком находилось в то время Православие в юго-западной Руси, теснимое латинством и вынужденное искать помощи и поддержки у московских православных царей.

Круг деятельности преподобного Иова не ограничивался исключительно попечением о Почаевской обители. Преподобный вместе с тем вел и неустанную борьбу с врагами Православия латино-унитами, издавая в защиту Православия полемические книги, архиерейские послания и проч. Заставши на Горе Почаевской типографию, заведенную Гойскою, Преподобный первым делом отпечатал в ней в 1618 году известное „Зерцало Богословия” Кирилла Транквилиона Ставровецкого, впоследствии архимандрита Черниговского, весьма необходимую для борьбы с унией книгу, единственный в то время в русской полемической литературе труд, содержащий систематическое изложение учения Православное Церкви. В той же типографии Преподобный Иов печатал и затем рассылал разные архиерейские послания, писанные в защиту Православия и направленные против унии, а также проскомидийные и другие листы. Заслуга Иова в этом отношении должна считаться неоценимою, ибо Почаевская типография была в то время едва ли не единственною на западе православною типографией, тогда как все прочие находились в руках латино-унитов.

Печатая в своей типографии необходимые для борьбы с унией книги, Преподобный Иов вместе с тем заставлял подчиненную ему братию писать против унии и латинства и сам немало потрудился в этом деле, плодом чего явилась дошедшая до нашего времени его рукописная книга, впоследствии озаглавленная. „Книга Блаженного Иова Железа, Игумена Почаев-

ского, власною его рукою писанная". В ней, кроме выписок из святоотеческих творений, находится около десяти бесед и поучение, принадлежащих перу самого Иова и содержащих в себе наставления не только против латино-униатства, но и протестантства. Таким образом, Иов для своих современников являлся не только устроителем Почаевской обители и поборником Православия, но и просвещенным его апологетом. Его труды останавливают на себе внимание ученых славистов и в настоящее время, так как он, вопреки обычаю тогдашних православных апологетов писать на языке церковнославянском, смешанном с малороссийским и польским, писал на одном лишь церковнославянском языке.

Преподобный Иов играл также немаловажную роль и в устроении западно-русской Православной Церкви, что подтверждается его личным участием в деяниях Киевского Собора, состоявшегося в 1628 году под председательством Митрополита Иова Борецкого для устроения церковных дел и для решения вопроса об отступничестве известного Полоцкого архиепископа Мелетия Смотрицкого. На этом Соборе мы видим Преподобного Иова одним из деятельнейших его членов, клятвенно обязавшихся „никако об отпадении в иноверие не мыслити, и к сему возбуждати и весь народ православный".

При такой широкой церковно-общественной деятельности Преподобный Иов не оставлял и своих духовных подвигов. На Почаевской Горе до сих пор сохраняется каменная пещера, в которой Преподобный часто проводил целые дни, а то и недели, предаваясь неустанной молитве, и, по словам его ученика Досифея, „ничим же в то время питаемый точию слезами, от чистого сердца изливаемыми". Тот же Досифей, описывая его духовные подвиги, добавляет: „Если бы каменная пещера, в которое обитал он, имела уста, то она поведала бы нам все тайные подвиги сего многострадального Иова по слову Евангельскому "аще люди умолкнут, камение возопиют" ". Молитва Преподобного была так пламенна и так духовно возвышенна, что он во время молитвы становился как бы ангелом во плоти, а пещера его как бы преддверием чертога небесного, озаряясь во вре-

мя молитвы его небесным светом. Этот свет, исходивший из пещеры во время его молитвы, удостаивалась созерцать и монашествующая братия. Во время таких молитвенных подвигов от неустанных стояний ноги у Преподобного отекали так, что покрывались язвами, следы которых и ныне можно видеть на нетленных мощах его. С великим терпением переносил Преподобный эти страдания, никому на них не жалуясь, а всегда озаряемый радостью небесною, творил непрестанно молитву Иисусову.

Строгий по отношению к себе, Преподобный до того был кроток и милосерд к окружающим его, что никто не слышал от него ни единого тяжкого слова. В Почаевских летописях отмечен следующий случай из жизни Преподобного, свидетельствующий о его необычайной кротости и всепрощающее любви. Однажды проходя через гумно монастырское, Преподобный застал там человека, крадущего пшеницу. Зная нищету этого хищника, Преподобный не только не укорил его ни единым словом, но даже сам возложил на плечи его куль пшеницы, напомнив ему только о том ответе, который должен дать каждый на Страшном Суде.

Несмотря на свои подвижнические труды и постоянное изнурение плоти, Преподобный прожил более ста лет. 28 октября 1651 года, предсказав за неделю пред этим днем о времени своей кончины, он отслужил литургию, и, по окончании ее „воздав последнее целование братии", безболезненно и мирно в Бозе почил. Иноки со слезами погребли изнуренное великими подвигами тело своего наставника и руководителя, но оно не долго оставалось скрытым в земле. Вскоре над могилою Преподобного стал появляться какой то особый свет, а на восьмой год после своего упокоения (1659) Преподобный явился в сонном видении Киевскому Митрополиту Дионисию Балабану и открыл ему, что Господь хочет проявить нетление его мощей. Когда видение это повторилось в третий раз, митрополит тотчас же прибыл в Почаев, велел открыть гроб Преподобного и, найдя мощи его нетленными, с подобающими почестями перенес их в церковь Св. Троицы и поставил для всенародного чествования

и поклонения. Этот день, день обретения нетленных мощей Преподобного Иова 28 августа, стал великим праздником как Почаевской Лавры, так и всей Волыни и Галиции. В этот день в Лавру стекается из далеких стран множество не только православного народа, но и католиков, чтобы почтить память великого подвижника и поклониться его святым мощам.

Так прославил Господь ревнителя Православия и жития иноческого Преподобного Иова. Крепко стоя за Православие и охраняя Почаевскую обитель от совращения в латинство при своей жизни, Преподобный и после смерти присутствием в обители своих нетленных мощей обличал и обличает неправоту латинства. Вот почему самое имя Преподобного Иова было так ненавистно униатам-базилианам, что они, завладев впоследствии Почаевскою обителью, не постыдились скрыть под спудом этот светильник, так ярко обличавший их предательское отступление от Православия.

Насколько было благодетельно и неотразимо влияние Преподобного Иова на Почаевских иноков, можно судить уже по тому, что, несмотря на интриги и покушения латино-униатов ввести в Почаевской обители унию и латинизировать ее при жизни Преподобного, обитель эта по смерти его более 70 лет твердо держалась Православия. В то время как почти все западнорусские монастыри были захвачены униатами базилианами, и в 1720 году мог уже состояться латино-униатский Замойский Собор, на котором униатами официально были приняты искажения православных богослужебных книг в духе латинства, Почаевская обитель оставалась верна Православию и не принимала в этом Соборе участия. Только впоследствии хитростью, обманом и насилием стала вводиться в Почаевской обители уния и притом так осторожно и незаметно, что в Почаевских архивах даже не сохранилось ни одного официального документа, который мог бы точно засвидетельствовать о времени ее перехода в унию. Темное это дело в темноте и совершалось, да иного пути для него и не могло быть, так как народ издревле любил Почаевскую обитель, как заветную свою святыню и, в случае торжественного объявления о захвате ее

униатами, мог бы вступиться за нее силою. Вот почему и первый базилианский настоятель Почаевской обители Федор Рудницкий, чтобы ввести в заблуждение народ, старался, несмотря на постановления Замойского Собора, сохранить облик православного священника: не брил бороды, носил рясу и, вопреки обычаю базилианских настоятелей титуловаться официально „супериорам" монастыря, именовался и подписывался игуменом.

Верная заветам Преподобного Иова, Почаевская обитель оставалась светочем Православия, подготовлявшим знаменитых борцов за Православие и Церковных деятелей и после блаженной кончины Преподобного Иова. Таковым, например, был постриженик этой обители знаменитый архиепископ Феофан Прокопович, церковный витий и ученейший богослов своего времени.

Вверяя свою обитель в тяжелые для нее времена покрову Богоматери, Преподобный Иов является неусыпным стражем ее и поныне. О таковой опеке Богоматери, вкупе с Преподобным, сохранилось следующее предание, вошедшее и в народные песни. Когда в 1675 году, во время так называемой „войны Збаражской", целый отряд татар и турок, под предводительством хана Нурредина, в течение трех суток осаждал Почаевскую обитель с целью ее разграбления, обитель спасена была только благодаря заступничеству Богоматери и Преподобного Иова. Божья Матерь явилась над обителью в необычайном сиянии вместе с Преподобным Иовом и так устрашила Своим явлением нападавших на обитель врагов, что они прекратили осаду и в страхе бежали, не причинив обители никакого вреда.

Много последовало чудес при раке Преподобного после открытия его нетленных мощей, и все эти чудеса являются как бы продолжением той неземной любви, какую Преподобный еще во время своей жизни проявлял ко всем, даже к врагам своим.

Вот некоторые из этих чудес.

В год открытия мощей Преподобного, накануне праздника Воздвижения Честного Креста Господня, прибыла в обитель строительница Почаевского Св. Троицкого храма Ева Домашевская. Ночью она увидела из окна своей кельи храм ярко освещенным и услышала необычайное пение, как бы исходившее

из храма. Полагая, что в храме совершается всенощное служение, она послала одну из своих служанок осведомиться об этом. Когда служанка подошла к дверям храма, какая то невидимая рука открыла их, и внутри храма она увидела блаженного старца посреди светлых ангелов совершающего молитву. Оцепеневшая от ужаса, она не могла двинуться с места и услышала следующее приказание старца: „Не бойся, девица, иди и призови ко мне игумена Досифея". Когда же та ответила ему, что игумен лежит на смертном одре и нет надежды на его исцеление. Старец вручил ей шелковый плат, омоченный в миро, и велел отнести болящему. Она повиновалась, и как только Досифей возложил на себя принесенный ею плат, почувствовал себя настолько бодрым и здоровым, что мог подняться с постели и идти в церковь. Здесь он увидел отворявшего церковные двери экклесиарха и спросил его, что в ней дивного совершается. Изумленный экклесиарх, увидев здравым своего игумена, спросил: „Как поднялся ты, отче, со смертного одра, чтобы идти к утрени?". "Иов, отец наш, молится за нас и послал мне исцеление", ответил игумен. Тогда оба они вошли в храм и пред ракою Преподобного воздали благодарение Господу, дивно прославляющемуся во святых Своих.

Вскоре после открытия мощей Преподобного, у раки его исцелилась одна бесноватая женщина, которая посетила пред тем много святых мест, чтобы получить исцеление, но получила его только у мощей Преподобного Иова.

В 1711 году посетил Почаевскую обитель некто Каменский, бурграф Кременецкий, с двумя своими братьями из Браслава с целью поклониться Почаевским святыням. Брат Каменского Владислав, увидев раку с мощами Преподобного Иова, усомнился в нетлении их и в душе своей укорил иноков Почаевских в том, якобы они выставили мощи поддельные, ради корыстных видов. В ту же ночь, по возвращении домой, Владислав увидел в сонном видении грозящего ему старца и в ужасе стал взывать о помощи. Когда проснувшийся от этого вопля брат его спросил о причине такого испуга, тот ему ответил: „Разве не видишь разгневанного старца, грозящего мне, чтобы я не смел худить

святых Божиих? Спасите меня из рук Блаженного Иова Железа”. На другой день братья поспешили в обитель, чтобы помолиться Преподобному о прощении и клятвенно засвидетельствовали игумену о происшедшем. Спустя двадцать лет после этого, бургграф Каменский опять посетил обитель и спрашивал у иноков, записано ли в книге чудес Преподобного о том, как тот наказал его брата Владислава за неверие, чему сам бургграф был некогда свидетелем.

Не оставлял Преподобный своим заступлением прибегающих к его небесной помощи и в последующие времена, когда Почаевская обитель очутилась в руках униатов. Вот почему фундатор этой обители униат граф Николай Потоцкий возбудил в 1767 г. пред папою Римским Климентом XIV ходатайство о причислении Преподобного Иова к лику святых латино-униатской Церкви, но папа отказал в этом Потоцкому, несомненно, только по той причине, что признанием сего несокрушимого ревнителя Православия святым Католической Церкви подорвался бы в народе авторитет унии, с которою Преподобный боролся всю свою жизнь.

Почаевская обитель, обманом и насилием отторженная от Православия, пребыла в руках униатов сто лет, и в 1831 году опять была возвращена православным. 13 октября 1833 года ей было присвоено наименование Лавры. Так, по милости Пресвятой Владычицы и по молитвам Преподобного Иова, Почаевская обитель вновь стала твердынею и оплотом Православия в исконно православном Волынском крае и в Галицкой Руси, и православный народ, к глубокой своей радости, опять получил возможность беспрепятственно посещать свою древнюю святыню, чтобы там, пред чудотворною Иконою Богоматери и ракою Преподобного Иова обрести в теплой молитве душевный покой, испросить помощи в многотрудной, полной скорбей и лишений жизни и укрепить себя в борьбе с надвигающимся латинством и неверием».

Пожалуй, всего один раз среди огромного количества рукописных списков и различных копий житийных произведений нам

встретилась машинописная копия житийного рассказа с указанием имени автора. Им был известный протоиерей Иоанн Корчинский (1864-1935), потрудившийся в Белоруссии и Литве, написавший большое число сочинений по церковной истории. Вот текст этой машинописной копии, составленной в послевоенное время и сохраняющийся в одной гомельской семье.

«Житие св. преподобномученика Афанасия Филлиповича составлено по “Диариушу” св. Афанасия и по историческому повествованию о св. Афанасии епископа Иосифа, б. Брестского.

После неправедного Брестского собора 1596 г., когда польские паны и ксендзы и изуверные враги православной веры – иезуиты постановили ввести в Западной Руси унию, т. е. подчинить православную церковь римскому папе, среди православного западно-русского народа явилось много борцов за веру православную. Но из них пламеннейшим защитником веры православной был св. Афанасий Филиппович. По своей твердости в православии, ревности к защите церкви от католиков и униатов, по его стараниям охранить православных от совращения в католичество и унию св. Афанасий уподобился древнему ревнителю истинной веры пророку Илии, св. апостолу Павлу, св. Николаю, чудотворцу Мирликийскому и другим великим пастырям христианским. Об этом великом поборнике православия в то время, когда для Западной Руси, бывшей тогда под властью поляков, настала тяжкая година, когда поляки задумали обратить через унию весь православный западно-русский народ в католическую веру, должен помнить и знать каждый православный русский человек, а в особенности православные Западной Руси. Не мешает знать о нем и нашим братьям, живущим среди нас, западно-русским католикам, предки которых были также православными и чтили память св. Афанасия, а многие и страдали за веру православную и, не стерпев страданий и гонений, принуждены были оставить веру отцов своих, св. православную веру, и подчинились костелу.

Св. Афанасий родился в Бресте Гродненской губернии или же в местности, недалекой от Бреста. Время его рождения неиз-

вестно. Родился он приблизительно около 1595 года. В молодости он получил хорошее образование. Он изучал языки латинский, греческий, русский, церковнославянский и польский, а также науки богословские по учению православной церкви и некоторые другие науки, преподававшиеся в то время в православных братских школах. Надо полагать, что св. Афанасий обучался в Виленской братской школе или же во Львовской, в которых в то время преподавались всякие науки. В то время, когда православную церковь в западной Руси с ожесточением терзали многие враги, православные братские церковные школы давали прекрасное образование и твердое воспитание в вере православной. Защитники православия во главе с князем К.К. Острожским видели, что только распространение просвещения в народе могло спасти православный русский народ от ополячивания и окатоличивания.

Св. Афанасий много успел в науках и крепко утвердился в православной вере. И приобретенное им сокровище знания и православно-христианского просвещения он не утаил в себе, а все отдал, как и все свои силы и даже жизнь свою на служение церкви православной, на защиту православного западнорусского народа от тяжких притеснений и гонений от католиков и униатов. По окончании учения в школе св. Афанасий поступил на службу ко двору литовского гетмана Льва Сапеги. Здесь ему поручено было обучение одного воспитанника этого знатного вельможи. Св. Афанасий пробыл при дворе Сапеги семь лет. Но видя страдания и муки православных и притеснение православной веры, решил оставить двор вельможи и принять монашество, чтобы послужить церкви Православной и многострадальному русскому народу.

В 1627 г. он прибыл в Вильну и здесь в Свято-Духовом монастыре принял монашество. Недолго св. Афанасий пробыл в Вильне. Вскоре его отправили в Кутейнский монастырь близь Орши, подчиненный в то время монастырю Виленскому. А затем вскоре св. Афанасий перешел в Межигорский монастырь близь Киева. Пребывание в этих монастырях еще более укрепило благочестивую душу св. Афанасия. Эти монастыри славны

были трудами и подвигами иноков. Молодой инок здесь мог найти добрый пример для своих благочестивых намерений. В 1632 г. св. Афанасий, возведенный в сан иеромонаха, был назначен наместником Дубовского монастыря под Пинском.

С этого времени начинается то его славное служение церкви православной, которое неустанно вел он до конца своей жизни. На это служение и сам Господь указал ему и дал следующее занмение. Путешествуя из Межигорья через Вильну, куда он был вызван, в Дубовский монастырь, св. Афанасий в одном пустынном месте встретил человека, сильно больного, вовсе не могущего идти. По христианской доброте св. Афанасий взял больного на плечи и понес. Нес он его долго. Незнакомец, сидя на спине св. Афанасия, все время повторял имя Сладчайшего Иисуса и давал св. Афанасию добрые христианские наставления. Сладостно было св. Афанасию слушать назидания, он и усталости не чувствовал. Но внезапно незнакомец стал невидим. Тут понял св. Афанасий, что Бог удостоил его особого видения. И слова дивного незнакомца врезались в сердце св. преподобномученика на всю остальную жизнь его и дали твердое направление последующему его служению.

Три года пробыл св. Афанасий в Дубовском монастыре. Дубовский монастырь был оплотом православия не только для ближайших, но и для более отдаленных православных поселений в борьбе с католичеством. С прибытием же св. Афанасия деятельность монастыря усилилась. По его стараниям в Дубовском монастыре открыта была школа и книгопечатня, почему монастырь получил возможность распространять грамоту, а главное, книги, из которых православные черпали наставление в вере и укреплялись в силах для борьбы с врагами.

Не понравилась польским панам, ксендзам и иезуитам деятельность монастыря. После разных подходов враги-католики поступили решительно, как поступали они с православными очень часто. Они отняли у православных Дубовский монастырь и передали его злейшим врагам православия – иезуитам. Когда наступила страшная пора изгнания православных монахов из Дубовского монастыря, св. Афанасий не мог поверить, чтобы

могло статься подобное насилие. Но сила была на стороне католиков и православные иноки были изгнаны. Перед изгнанием св. Афанасий видел при отобрании монастыря, как он сам записал об этом, "барзо страшнии видоки на неби и на земли и не чрез сон, але в день и наяве, только як в захвиценю яком будучи: на небе хмары барзо гневливые с войсками выстроенными к битве, на каране готовыми и на земли седмь огнев пекельных, на седмь грехов смертельных зготованных. З тых огнев, в пятом жаристом огне трех особ выразно видел: нунциуша легата в короне папежской, Жигмунта короля и Сапегу гетмана за преследование церкви восточной барзо смутно седячих. Которое видение гдым другим указовал, видети не могли".

Подчинившись насилию человеческому, св. Афанасий излил свою сердечную скорбь в "жалостном листе", написанном от лица всех православных на притеснения от католиков и униатов и поручил этот лист Пречистой Богородице Купятицкой, положив его у Чудотворного ее образа. Он в своей несокрушимой вере, не ожидая уже правды от суда врагов – католиков, обратился к суду Божьей Матери. Оставив Дубовский монастырь, св. Афанасий в 1636 г. поселился в монастыре Купятицком, расположенном также вблизи Пинска. Вскоре св. Афанасию пришлось выполнить тяжелое послушание, возложенное на него игуменом Купятицкого монастыря Илларионом и братией. Церковь в монастыре была ветхой, необходимо было сооружать новую, а средств не было. Митрополит Киевский Петр Могила, узнав об этом, дал грамоту универсальную на сбор пожертвований для возобновления купятицкого храма. Игумен Илларион, получив грамоту, "учинил за всею о Христе братиею раду и вложил тяжар послушенства" на св. Афанасия.

Нужно помнить, каким гонениям в то время подвергались православные в Польском Королевстве, чтобы судить, какое тяжелое послушание возложено было на св. Афанасия. Отказаться от поручения он не мог, а потому предал себя воле Божьей, искал ободрения в горячей молитве к Богу. Во время пламенной молитвы он услышал голос Пресвятой Богородицы: "Царь московский устроит Мне церковь, иди до него". И он

решил идти в Москву несмотря на все трудности пути. Поляки в то время всеми мерами препятствовали сношениям западнорусских православных с Москвой, бдительно сторожили границу. Но положившись на защиту Пресвятой Богородицы и услышав в молитве Ее явственный голос: “Иду и я с тобой”, он отправился в путь. С великими опасностями он благополучно прибыл в Москву, был ласково принят набожным царем Михаилом Федоровичем. Св. Афанасий подал царю записку, из которой описал, как тяжело православным русским живется в Польше и в Литве, как “жители русские вопиют, что дети их живут без крещения, взрослые без благословения брачного, больные умирают без исповеди и св. тайн причастия, умершие хоронятся ночью скрытно и то в поле, огородах, погребах, что хуже турецкого, потому что вольности и за деньги не получают”. Подав царю записку св. Афанасий и на словах объяснил, “же церковь правдивая восточная в панстве христианском, т. е. в Польше, найдуючая, за разорением згоды святой першей и за унеею проклятою, а барзей за наступлением през утиск уставичный людей правоверных, не только фундаций але жадной помочи юж-юж не мела и мети не могла” и поднес царю образ Купятицкой Пресвятой Богородицы.

Получив щедрые дары от царя и от других благочестивых щедродателей, св. Афанасий под покровом Божьей Матери благополучно возвратился в Купятичи. Но не долго после этого св. Афанасий оставался в Купятицком монастыре. В 1640 г. православные жители г. Бреста обратились в Купятицкий монастырь с просьбой отпустить к ним в Берестейский Свято-Семеновский монастырь на оставшееся незанятым игуменское место кого-либо из выдающихся благочестием и ревностью в вере иноков. Бросили жребий. Жребий выпал на св. Афанасия.

Первым делом св. Афанасия по прибытии его в Брест, “где фундамент унии проклятой стался”, было укрепить в православной вере братию монастыря, так как католики и униаты всеми мерами старались совратить в унию монахов и захватить Семеновский монастырь. Кроме того, св. Афанасий немало не стесняясь во всеуслышание всех, и в церкви и в других местах,

начал обличать униатов, как отступников от веры православной. Он торжественно заявлял, что "унея з Римом старым, не введут порядку церкви всходней принятая, вечне проклятая", что она несет погибель церкви православной и народу русскому. Действия и речи св. Афанасия произвели большую тревогу среди униатов. И было чего тревожиться униатом. Слыша пламенные речи св. Афанасия, видя торжественные его служения и особенно торжественно-умилительное пение акафиста Божьей Матери, многие мещане Бреста, совращенные было уже в унию, возвращались опять к своей праотеческой православной вере. Зная благочестивую жизнь св. Афанасия и слыша его пламенные в защиту православия поучения, возвращались в православие недавно совращенные в унию целые приходы в окрестностях Бреста.

Не надеясь на человеческую помощь, которой православным в Польше неоткуда было ждать, св. Афанасий черпал силы и искал помощи в молитве к Божьей Матери. Однажды, когда особенно великую душевную скорбь он чувствовал, видя, как православная церковь разоряется католиками и униатами, а защиты не у кого было искать и в горячей молитве просил помощи у Божьей Матери, он явственно услышал голос, как бы идущий от св. иконы Богоматери: "о. Афанасий, супликуй теперь на сейме пред образ Мой, в кресте изображенный Купятицкий, до Короля Польского и Речи Посполитой, грозячи правдивым гневом и страшным судом Божьим ".

Повинуясь этому голосу св. Афанасий отправился в 1643 г. на сейм в Варшаву и вместо подачи прошения вошел в Сенат на заседание сейма, где был и король и, раздав королю и всем знатным особам образ Купятицкой Богоматери и описание своего путешествия в Москву, обратился к королю с следующей речью: "Наяснейший кролю Полский, пан мой милостивый, о то кривду несносную маем. Не хотят нас, людей православных, охранять согласно с правами вашими, утвержденными присягой королевской нам. Уже пятьдесят лет вера правдивая и церковь восточная грецкая под вами паны христианскими, в королевстве Польском из-за унии проклятой выше всякой меры

притеснения терпит. А то за причиною и помощью ненавистных Капланов римских и найбарзей езуитов барзо мудрых, которые сами будучи неправоверующими в огиду подают и преследуют правоверных христиан, а также овладевают сердцами молодежи при помощи развращающего научения, устраивая в школах театральные сцены, безбожно распространяя извращенные книги между неразумными людьми, выставляют православных на позор и высмеиваюи их". "Для того, наяснейший Кролю Полский, тот чуд Божий, видения образу Богородицы, прекладается, дабы уния проклятая была згублена на веки. О, беда тым, которые суть прокляты от отца духовного, в ведении которого состоят. Ваша королевская милость, вникните по врожденной Вашей доброте и присяги Вашей королевской милости. дабы вера правдивая Грецкая была успокоена, а унея проклятая вынищена. Бо если унею проклятую выкорените, а всходнюю правдивую церковь успокоите, то щастливые лета ваши поживете. А если не успокоите веры православное грецкое и не снесете унии проклятой, то дознаете гневу Божего. Ибо весы несправедливости до самого центру припали, уже злость людская и пыха вознеслись без мерыа, силы уже в людях правоверных истощились и ослабели. В такие времена помощь Божеская наступает, как видите тот образ, в кресте изображенный, Пречистыя Богородицы, трубою есть и знаком, предупреждающим страшный суд Божий, который правдивее прийти мает, согласно евангелии святой, благословенных вылучивши пошлет до царства небесного, а проклятых низвергнет до пекла на вечные муки. Выбирай же себе, что хочешь, пока час маешь". После этого поступка на сейме у короля св. Афанасия до окончания сейма держали в заключении из боязни, чтобы он не выступил снова со своими обличениями.

Горя ревностью о вере православной и видя, что не допускают его пред лицо сильных мира сего, св. Афанасий добровольно принял на себя образ во Христе юродивого. Как сам он пишет, что ревностью дому Божьего запаливши и собою пренебрегши, не будучи безумным и напротив имея имя Иисуса Христова на сердце своем запечатленное, только для того, что-

бы опомнились и стали на защиту православной церкви руководители ее, добровольно не жалея обнажил себя и в болоте себя вымазал, лишь бы церковь, облюбеница Христова, одета и очищена была, безумным притворился, из заключения сам ушел рано в праздник католического Благовещения, вышел наго, только клобук и парамант для знаку монашеского на себе имея, в болоте весь поплескавшись и палкой себе биючи, по улицах варшавских бегал и вопил великим голосом: беда проклятым и неверным! Крича так св. Афанасий бегал по улицам Варшавы, пытался и "в костелы войти и волати тые ж слова". Наконец его схватили и ввалили в глубокую грязь и продержали его там долго, пока привезли воз и увезли его снова в заключение.

После этого св. Афанасия судили и присудили лишить его не только игуменства, но и священства. Но так как св. Афанасий не признавал сего суда справедливым, то его отправили в Киев на суд в митрополиту. Митрополит Петр Могила, видя его невинность, освободил его от суда и восстановил в священстве, указав ему совершать богослужения в Киево-Печерской Лавре. Но вскоре по просьбе брестских братчиков митрополит отпустил св. Афанасия в Брест на надлежащее ему игуменство, предупредив его осторожней поступать. Но недолго оставался в покое св. Афанасий. Латинские и униатские духовные в своих гонениях против православных превосходили всякую меру. Они не только подвергали различным оскорблениям православных, в том числе и св. Афанасия, но часто врывались в церковь, останавливая в ней богослужение, ругались над православными святынями, особенно же издевались над простым народом. Нередко были и "битя, мордованя, уруганя", имущества монастырские и вообще православных подвергались самому дерзкому грабежу.

Вынужденный искать защиты св. Афанасий в 1644 г. отправился в Краков к воеводе пану Сапеге, но защиты здесь он не нашел, а получил только от Сапеги насмешливый совет – будьте униатами, то в покое будете жить, либо идите за справедливостью к старшине униатов и латынян. С горечью преподобный убеждался, что убогих несчастья – панам только шутки.

Будучи в Кракове св. Афанасий оказал большую услугу Московскому посольству, в то время прибывшему в Краков для расследований о личности Самозванца, которого поляки, желая вызвать смуту в Московском государстве, выдавали за сына Лжедмитрия и Марии Мнишек, Св. Афанасий знал этого Самозванца еще отроком и дал московскому посольству все нужные сведения, между тем как от поляков посольство не могло узнать правды. Это обстоятельство впоследствии принесло много горя св. Афанасию. Чуть только св. Афанасий возвратился из своего путешествия в Брест, как его арестовали и препроводили в Варшаву, где заключили его в оковы и был он в оковах больше года. Причиной всего этого было то обстоятельство, что св. Афанасий сообщил московскому посольству сведения о Самозванце.

Но как ни тяжело было св. Афанасию в тюрьме, он не забывал того дела, которому посвятил всю свою жизнь, дела защиты православной церкви от католиков и униатов. Еще перед заключением он во время усердной молитвы пред св. иконой Богоматери вторично слышал голос, побуждавший его на защиту православия.

И вот будучи в заключении св. Афанасий приготовляет свои прошения на защиту православия. В первой из них, изложив историю крещения Руси при св. князе Владимире, а затем отпадения от св. православной церкви униатов, которые приняв унию свергнули себя с церковного неба “як люциперове з найвышшего неба”.Далее св. Афанасий пишет, что за преследование православных Бог накажет Польшу, не помогут ей и многочисленные войска. В заключение первого прошения св. Афанасий обличает римско-католическую церковь за то, она признав вместо Иисуса Христа своею главою папу римского, оторвала себя от единства с церковью вселенской христианской и в главенстве папы указывает все непорядки, которые возникли в церкви католической.

Прошение это передано было королю Владиславу IV. Вслед за первым св. Афанасий представляет королю и другое прошение, в котором просит короля “смилуйся, найяснейший

Кролю Полский, смилуйся над несчастною церковью всходнею, правдивее кафолицкой, Грецкою, в панстве тут вашем христианском найдуючуеся".

Второе прошение прочитано была королем и многими сановниками, причем сделано было с нее много списков. Через некоторое время св. Афанасий от оков освободили, но из тюрьмы не выпускали, наконец, получен был "универсальный лист" за подписью короля Владислава IV от 3 ноября 1645 г. на свободный выезд из Варшавы. Св. Афанасия между тем препроводили из варшавской тюрьмы в краковскую темницу, подвергши его побоям, брани и голоду и только по настоянию московских послов отпустили его под охраною двух драгун, в Киев, к митрополиту, причем митрополиту сообщено было желание короля, чтобы св. Афанасий помещен был в такое место, откуда бы он не мог никаких голосов подавать.

Митрополит Петр Могила поместил преподобного Афанасия при себе, в Киево-Печерской Лавре, где и оставался преподобный до смерти митрополита, т. е. больше года. Здесь св. Афанасий списал свой "Диариуш, албо список деев правдивых в справе помножения и объяснения веры православное голошеный, волею Бозскою и молитвами Пречистой Богородицы, в недавно прошлых часах: впродь у благочестивого царя Московского Михаила, потом у его милости короля Полского Владислава четвертого, наостаток у преосвященного архиепископа, всея Руси метрополиты, Петра Могилы, и списанный през смиренного иеромонаха Афанасия Филиповича, на сей час игумена Берестя Литовского, през которого то в монастыру Печаро-Киевском и выписуется, для ведомости людям православным, ходячим о том теперь и у потомные часы ведать. Року 1646".

После погребения митрополита Петра Могилы, в котором принимал участие и Луцкий епископ Афанасий Пузына, последний, уезжая из Киева, взял с собою и преподобного Афанасия и в скором времени по просьбе берестейских иноков снова назначил св. Афанасия игуменом Симеоновского монастыря в Бресте. Православные церкви и монастыри Берестейской земли входили в то время в состав Луцкой православной епархии.

Но конец многострадальной жизни св. Афанасия был уже близок. Время тогда было весьма тревожное. Православный русский народ, живший в пределах Польского королевства, не мог уже дальше терпеть гонений за веру православную и издевательств поляков над русской народностью и поголовно восстал против польского владычества под предводительством славного казацкого гетмана Богдана Хмельницкого. В начале 1648 г. разгорелась война, в которой счастье было на стороне восставших. Тем большую ненависть проявляли поляки ко всем русским православным людям. И горе было тем, кого подозревали поляки в сношениях с восставшими казаками. У св. Афанасия среди католиков и униатов было много недоброжелателей, ему не могли простить пламенных речей против унии. И вот, хотя св. Афанасий сидел себе тихо в монастыре в тот час тревожный, его схватили, обвиняя в том, что он посылает к казакам какие-то письма и порох. По расследовании это обвинение оказалось ложным, но отпускать игумена враги его уже не желали. Во что бы то ни стало хотели его осудить. Не имея возможности доказать первое обвинение, враги начали его пытать за другое. Ты то унею святую ганил и проклинал? – спросили его. Тогда св. Афанасий положив на себя великое крестное знамение, сказал: "Я еще на сейме в Варшаве перед королем его милости паном своим найяснейшим Владиславом четвертым и сенатом пресветлым говорил и всегда везде оглашал по воле Божьей, то же и перед вами твержу: проклятая есть теперешняя уния ваша и ведайте о том наверное, если ее с панства своего не выкорените, а православной церкви всходней не успокоите, гневу Божьего над собою наживете". Слыша его такие слова, поляки закричали: "обезглавить, четвертовать, на кол посадить такого схизматика". После этого св. Афанасия заключили в тюрьму в Брестском замке. Это было 1 июля 1648 г. Через несколько дней еще и кайданы на ноги вложили и тяжелейшие цепи на выю возложили. И сидел преподобный в темнице аж до сентября. Наконец назначили окончательный суд. Привели св. Афанасия в кандалах. Луцкий бискуп Андрей Гембицкий, присутствовавший в суде, спросил преподобного, прокли-

нал ли он унию. Преподобный прямо ответил, так, ибо и есть проклятая. Тогда бискуп грозно сказал – будешь язык свой утром пред собою в катовских руках видеть. Это был окончательный приговор – осуждение св. Афанасия на смертную казнь. После этого приговора до приведения его в исполнение св. Афанасия снова отвели в тюрьму. В ту же ночь, взяв небожчика отца игумена из заключения и с кандалов расковавши в лагерь отвели. Отсюда те, которые крови его давно жаждали повели его до лесу, который недалеко был что от Бреста в четверть миль едучи до села Гершанович, в левой стороне. Там его сами сначала пекли огнем, а гайдук один стоял там поодаль и слышал голос небожчика отца игумена, он им что-то грозно одповедал на муках оных. Потом призвали и гайдука того и сказали ему мушкет набить двумя пулями. Там же перед ним и яму сказали приготовить. Наконец, в последний раз потребовали от св. Афанасия, чтобы он отказался от слов своих против унии, но он сказал, что говорил, то и говорю и с тем умираю. После этих слов мученика вбили ему еще и гвоздь в голову и сказали тому гайдуку, чтоб в лоб ему выстрелил из мушкета. Гайдук видя, что то есть духовный и знакомый ему добре, еще с тем не спешил, но сначала о прощении и благословении его просил, а потом в лоб нему выстрелил и убил. Хотя голова мученика пробита была двумя пулями навылет, но он еще, опершись о сосну, стоял какое-то время. Живого еще его столкнули в яму и засыпали землей. В час смерти св. Афанасия хотя ночь была погодная и ни одной хмары нигде не видать было, а молния страшная была и великая во всем небе. Опасаясь возмущения православных, на ту ночь паны назначили в Бресте усиленную стражу, но православные не знали о смерти почитаемого игумена, ибо враги увели его из замка тайно на Замуховча другою брамою. Только через восемь месяцев, 1 мая 1649 г., иноки получили возможность тело своего игумена, св. преподобно-мученика Афанасия перенести в Брестский храм преподобного Симеона Столпника, где тело св. преподобномученика почивает и ныне.

Так окончил свое многострадальное житие святой Афанасий, неустанный и твердый защитник св. православной церкви от преследований католиков и униатов, своею жизнью давший пример всем православным русским людям как не щадя жизни, нужно стоять за веру православную и за родной русский народ.

Священник И. Корчинский».

О языке, о Церкви, о народном единстве

Частью народной литературы православных почти сразу же после их написания стали многие сочинения В.В. Богдановича, одного из самых выдающихся белорусских деятелей XX столетия, сторонника тесного восточнославянского духовно-культурного союза, новомученика. Из написанного им на русском, белорусском и польском языках на пограничье в рукописных и машинописных списках распространен ряд его произведений в основном на русском языке, значительно реже на белорусском. Примечательно, что имя В.В. Богдановича как автора фигурирует в большинстве таких случаев, лишь некоторые из них его не содержат.

Ни в одном из специальных справочных пособий, посвященных белорусской литературе, даже в шеститомном биобиблиографическом словаре «Беларускія пісьменнікі» [1], сведений о Вячеславе Васильевиче Богдановиче нет. Выдающийся литератор и общественный деятель, оставивший очень заметный след в истории белорусского национального движения, в возрождении белорусской культуры, белорусского языка, оказался забытым.

Причин подобного, в общем-то невольного, забвения немало. Главные связаны с обстоятельствами совсем недавнего времени, когда живший в ту пору в Вильне В.В. Богданович был арестован органами НКВД (осень 1939 г.) и пропал без вести. Под запретом оказалось и все написанное им, тем более, что писал он в основном на религиозные темы. Была и еще одна весьма существенная причина. В.В. Богданович выступал против полного отделения православной церкви в Польше от Церкви Матери, против автокефалии, стал инициатором внутрицерковного сопротивления подобным устремлениям, оказался организатором приходской

церковной жизни в Польше, получившей название «старой церкви», то есть верной патриарху Тихону [2]

Сын православного священника Витебской губернии, В.В. Богданович, родившийся в 26 сентября 1878 г., получил высшее богословское образование. Уже в годы учебы в Киевской духовной академии, а особенно с началом работы в качестве инспектора Литовской духовной семинарии в Вильне, он увлекается литературной деятельностью, позднее знакомится с белорусским национальным движением и принимает в нем участие. В 1915 г. вместе с эвакуированной семинарией В.В. Богданович переезжает в Рязань, откуда возвращается в Вильно уже после революции и осенью 1919 г. на правах ректора возобновляет занятия в семинарии. В октябре 1922 г. «по просьбе митрополита Георгия с Синодом» [3] В.В. Богдановича вместе с архиепископом Елевферием арестовали и вывезли в Краков. Митрополит Георгий «захватил в свою власть и Виленскую епархию и семинарию..., епархиальный Совет был преобразован в Консисторию, а во главе семинарии был поставлен архимандрит Филипп (который после принял унию)» [3]. Тогда же, 20 октября 1922 г., В.В. Богдановичу, являющемуся ответственным редактором «Литовских епархиальных ведомостей», издававшихся по его инициативе Литовским Епархиальным Советом в 1921 - 1922 гг., из создаваемой Виленской Духовной Консистории было направлено следующее сообщение: «Гражданину В. Богдановичу. Ввиду того, что по определению Виленской Духовной Консистории издание Литовских Епархиальных Ведомостей прекращено, Консистория уведомляет Вас, что Вы освобождаетесь от занимаемой Вами должности редактора Литовских Епархиальных Ведомостей, последующий номер которых предназначен Вами к выпуску, в данное время приостановлен» [4]. В том же, 1922-м, году В.В. Богданович был избран членом Сената II Речи Посполитой, где он многое сделал «для защиты православной церкви», что способствовало его известности «среди православных не только в Польше, но и во всем мире» [5].

Одной из центральных тем в литературном творчестве В.В. Богдановича была тема судеб общеправославного духовного наследия в новой Польше, которая теснейшим образом связыва-

лась им с вопросом об автокефалии и решениями Московского Церковного Собора 1917 – 1918 гг. О Соборе им было написано несколько специальных статей, воспоминания и опубликован дневник участника Собора [6]. Собор виделся В.В. Богдановичу событием огромной важности не только в жизни Российской, но и всех православных церквей. Принципиальное значение его решения имели и для православной церковной жизни в границах новой Польши.

Непримиримость В.В. Богдановича в вопросе об автокефалии православной церкви в Польше стала причиной гонений на него и его сподвижников со стороны высшей иерархии в лице самого митрополита Дионисия. Позднее он даже был «отлучен от польской православной церкви польской иерархией» [7], хотя и не принадлежал к новой церкви, всецело оставаясь в лоне Русской Православной Церкви. «Отлучать и лишать сана, – писал В.В. Богданович, – не могли нас те, кто не имел на это право, так как мы никогда не принадлежали к "Автокефальной Польской Церкви" и не были подчинены ей, а действительное наше духовное начальство (патр. Тихон) за верность канонам прислал нам свое благословение ... мы не отлучились от "Московской" ("Всероссийской") церкви, как не отлучились православные и других стран, и безусловно мы здесь представляем эту церковь. Теперь на всей территории Польши остался наш только один такой приход» [8].

В силу сложившихся обстоятельств полемические мотивы в литературном творчестве В.В. Богдановича доминируют довольно долгое время. Полемический оттенок носит и почти все, что было напечатано им в журнале «Праваслаўная Беларусь», выходившем в 1927-1928 гг. в Вильне. Собственно журнал можно было бы с полным правом назвать печатным органом самого В.В. Богдановича, ибо именно он был главной идейной и литературной силой издания, которое оказалось преследуемым властями и было даже запрещено. Такое положение не удивительно, ибо «Праваслаўная Беларусь» поднимала широкий круг жгучих проблем белорусской национальной жизни в условиях II Речи Посполитой, боролась за общегражданские и религиозные права белорусского народа.

В своей писательской и парламентской деятельности В.В. Богданович всегда выступал как общенациональный белорусский лидер независимый от конфессиональной ориентации. В этой связи весьма показательно его отношение к белорусам католикам, которых он всячески защищал от религиозных гонений. «Я был бы односторонним, – говорил В.В. Богданович на заседании Сената, – если бы не прибавил здесь несколько слов об отношении Правительства к белорусам католикам. Вследствие совершенно иного положения р.-католического костела в государстве здесь дело идет уже не о религиозных преследованиях, но и здесь ярко выступает существо отношения правительства к религиям, от которых оно требует действий определенного политического направления. На основании этого принципа безусловно попираются всякие проявления национальной жизни в церковной жизни белорусов-католиков. Отсюда видно, что в отношении р.-католического костела правительство одинаково не хочет считаться с действительными нуждами самого народа. Только, вследствие иного строя в этом костеле и принятого конкордата с Апостольской Столицей, не имея возможности создать каноническое представительство, оно направляет свой гнет непосредственно на клир и народ, при чем считает каждого католика белоруса, будь то светский или духовный, явно симпатизирующего национальной белорусской жизни или принимающего в этой жизни деятельное участие, враждебно настроенным против государства.

Вот, например, против ксендза В. Годлевского, настоятеля костела в Жодишках Свенцянского у., говорящего по желанию народа проповеди по-белоруски, возбуждено судебное дело, причем, по имеющимся в белорусском клубе данным, судебный следователь в отношении к кс. Годлевскому применил такую форму полицейского надзора, по которой этот белорусский ксендз должен через день являться для регистрации в местную полицию. Я спрашиваю коллег ксендзов сенаторов, заставляли ли когда либо ксендзов в русские царские времена через день являться для регистрации к уряднику.

Когда Виленский р.-католический епископ выслал в Жодишки специальную комиссию, составленную только из ксендзов поляков

с целью расследования существа дела, местная полиция стерроризировала народ, принесши на костельный погост пулемет и целясь в безоружную толпу богомольцев. Не смотря на этот террор полиции белорусское население в значительном большинстве высказалось за употребление белорусского языка в костеле.

Ксендза В. Шутовича настоятеля в Бороденичах, ведущего преподавание Закона Божия в школах на белорусском языке, местные польские учителя по приказу Дисненского инспектора народных училищ безобразным образом физической силой не допускают в школу.

За употребление белорусского языка уволены с должности школьных префектов ксендзы Семашкевич, настоятель в Лаворишках и Петровский, настоятель в Долгинове.

Белорусскую католическую прессу, освещающую факты преследования в белорусско католической жизни и заступающуюся за преследуемых, беспощадно конфискуют. Из за этого в прошлом месяце конфисковали №№ 20 и 22 белорусского журнала «Криница».

Миную из за недостатка времени бесчисленные другие факты. Вспомню здесь еще только о весьма характерном в этот отношении факте, о несправедливом отказе властей в легализации общества белорусских ксендзов "Светочь", религиозно просветительного характера» [9].

Будучи одним из признанных вождей белорусского национального движения, В.В. Богданович оставался сторонником самого тесного белорусско русского сотрудничества, а в условиях политической жизни межвоенной Польши «белорусско-русского блока», действенность которого с особой силой проявлялась в период парламентских выборов. Во многом основой для такого единения служило православное культурное наследие, в сбережении и защите которого роль В.В. Богдановича была без преувеличения выдающейся. Примеров тому огромное множество, отметим лишь его призывы в Сенате к недопущению разрушения Варшавского Александро-Невского кафедрального собора. «Достаточно пойти на Саскую площадь, – говорил в отчаянии В.В. Богданович, – и посмотреть на оголенные купола наполовину разрушенного собора. Не говорите, Господа, что он должен быть разрушен, как па-

мятник неволи. Я бы сказал, что, пока он стоит, то является наилучшим памятником для будущих поколений, поучаючи их, как нужно уважать и беречь свою Родину; разобранный же будет памятником позорным памятником нетерпимости и шовинизма! Нельзя не обратить внимания на то, что в этом соборе есть выдающиеся художественные произведения, в которые вложено много духовных сил лучших сынов соседнего народа, и те, кто создавал эти произведения искусства, не думали ни о какой политике. Польский народ чувствует это, а также угрожающее значение этого поступка, и уже сочинил свою легенду относительно разрушения собора... Но наших политиканов это никак не трогает. А вот приезжают иностранцы, англичане, американцы, с удивлением взирают на это, фотографируют и фотографии распространяют по всему миру естественно вместе с мнением о польской культуре и цивилизации...»[10].

В роковом для того времени выборе «народ и интеллигенция» В.В. Богданович постоянно склонялся на сторону народа, о чем не боялся откровенно писать, объясняя, а порой и защищая свою позицию. Вообще понятие народ имеет у него поистине вселенское значение, хотя применительно к условиям конкретно историческим это у В.В. Богдановича прежде всего этническая и этнополитическая категории. Особенно сложным является у него по своему наполнению определение «православный народ», тесно связанное с такими явлениями как традиция и соборность. Идее соборности В.В. Богданович посвятил многие свои работы. Она стала одним из самых значимых элементов его собственной литературной доктрины, его отношения к миру и церкви. Можно даже сказать, что соборность, по мнению В.В. Богдановича, выступает как особая сила, определяющий вектор в судьбе всего «православного народа» и отдельных его представителей, таких, например, как патриарх Тихон. «Не только он сам, – писал о патриархе В.В. Богданович, – но и могила его служит теперь неким объединяющим стягом, возле которого группируется вся былая Святая Русь, как возле тех, кто отошел от него - группируется “Русь поганая”... И это инстинктивно чувствуют как враги Церкви, так и лю-

ди простые, но сильные своей верой, хотя подчас это еще непонятно для "премудрых и разумных» [11].

В своей оценке миссии патриарха Тихона в истории православия и России В.В. Богданович оказался близок протопресвитеру Терентию Теодоровичу, взгляды которого были весьма отличны от суждений некоторой части тогдашней русской эмиграции, вполне объясненных самим сенатором остротой политического момента, превалированием сиюминутности над вечностью. «В наши дни господства политики и политической разноголосицы еще нельзя с полной ясностью представить себе тот величественный подвиг христианской любви, который понес на своих плечах патриарх во время государственной и церковной разрухи в России. Час оценки этого подвига еще не настал. Для русских эмигрантов и до сих пор еще душу "омрачает мысль" (см. фельетон Арцыбашева в газете "За Свободу" за 10-е марта 1925 г.) о том, что патриарх признал советскую власть и отказался в тоже время послать благословение войскам генерала Деникина. Ничего удивительного, ибо изболевшимся политическим душам так хотелось бы видеть в патриархе политического борца за их идею, - видеть его на своей стороне. И патриарх знал, что своим отношением к большевистской власти он накликает на себя гнев всей русской интеллигенции, однако пошел на это, пожертвовал даже свою собственную политическую репутацию дабы только сохранить влияние и связь с массами православного народа, которые тогда или осознанно или неосознанно не шли и не хотели идти вместе с "белыми"» [11].

Ключевая проблема, о которой В.В. Богданович много писал вплоть до своего ареста в 1939 г., – «церковь и государство». Уже в самых ранних своих произведениях, посвященных ей, он очень точно нарисовал историческую картину феномена этих взаимоотношений, определил для СССР «тот крайний вид социализма (коммунизма), который сам фактически стремится стать религией» [12]. Без сомнения все, что было написано В.В. Богдановичем на эту тему не потеряло своего значения и до сего дня, а предложенная им формула сосуществования церкви и государства представляет особую ценность прежде всего для нынешнего времени, для современных условий, для новой Европы. Увы, для Польши

1920-х – 1930-х гг., а тем более СССР, предлагаемое В.В. Богдановичем было совершенно неприемлемо, а сам он попадал в разряд лиц весьма опасных для государства, которое неоднократно применяло к нему всевозможные репрессии.

В.В. Богданович был не только отвлеченным мыслителем, бумажным доктринером, но и весьма деятельным исполнителем, воплотителем своих идей в жизнь. Он показал себя и умелым политиком, сплотившим вокруг себя большое число однодумцев, организатором особой православной партии и даже объединения ряда православных групп политического характера, наиболее ярким свидетельством чего служит составленный им «Мемориал членов объединенной церковной комиссии из представителей белорусского национального комитета и русского народного объединения в Вильне» [13; 14].

Также как и теме соборности в жизни церкви, В.В. Богданович много внимания уделял вопросу взаимоотношения языков в среде православного народа Польши, прежде всего судьбам церковнославянского языка. А по поводу сосуществования русского и белорусского языков он писал: «Этими двумя языками пользуется православное население в своей домашней и церковно общественной жизни. Два этих языка понятны населению... Существование двух языков в нашем быту не поселит в народе православном распри, ибо вера православная догматы ее, соборное начало в управлении и церковно славянский богослужебный язык явятся связующим звеном всех православных в нашем крае для созидания церкви» [15].

В одной из своих ранних работ, написанных в ответ на дикие обвинения с польской стороны в связи с отстаиванием В.В. Богдановичем церковнославянского языка в богослужении, он писал: «Славянский язык... употребляется в церкви не только в России, но и у многих иных славянских православных народов. Употреблялся он некогда и поляками, которые вначале приняли Христову веру от учеников святых братьев Кирилла и Мефодия. Для нас белорусов церковно славянский язык является исторической основой нашей культуры... пристало ли нам начинать вести борьбу с этой мощной основой нашей культуры и нашего литературного языка? Борьба с ц. славянским языком как раз и является

одним из большевистских лозунгов. Большевики не только выгнали его из школ и из советской жизни, но и поддерживают борьбу с ним в церковной жизни через те церковные группы (обновленцы, живоцерковники), которые склонились к большевистской идеологии. К сожалению, оттуда эта борьба с ц. славянским языком перекинулась и в Польшу, на Западную Украину и, как можно видеть из газет, поддерживается Правительством и уже внесла в гущу украинского православного народа нежелательный для них раскол и внутреннюю борьбу. Вот тут и пошли в ход демагогические политические лозунги, которыми и стараются подогревать эту борьбу. Этого мы и не хотим для Белорусского народа. "Słowo" утверждает..., что всю белорусизацию церкви мы ограничиваем только проповедями в церкви на белорусском языке. Это не правда, ибо мы стоим за родной язык и в духовной школе и во всей административной жизни церкви. Не исключаем и так называемого "дополнительного богослужения" на белорусском языке, которое в свое время разрешил (вернее, разъяснил, так как это и ранее не запрещалось) патриарх Тихон еще в 1921 г. А когда славянский язык останется в основном богослужении белорусского народа, то это ничуть не помешает его национальному возрождению и росту его родной культуры, а даже поможет этому. Не помешала же национализму польского народа употребление латинского языка в костеле... Однако же латинский язык для Поляков, как славян, чужой, а славянский для нас - свой"» [8].

Один из ближайших сподвижников и однодумцев В.В. Богдановича протоиерей Лука Голод, автор большого числа литературных работ, о котором наши нынешние издания даже не упоминают, высказался еще более категорично о значении церковнославянского языка для белорусского национального возрождения: «славянский язык должен быть сохранен в церкви как одно из средств культурного развития белорусского языка» [16].

Являясь одним из лидеров белорусского национального движения в межвоенной Польше, В.В. Богданович установил самые дружеские отношения с русскими эмигрантскими кругами и опирался на их поддержку на выборах. «Временный Русский комитет по выборам в Вильне» распространил весной 1928 г. призывы,

фрагмент которых необходимо процитировать: «Мы призываем всех русских идти вместе с Блоком Нац. Меньшинств в Польше, с Белорусским Центральным Объединенным Выборным Комитетом Блока Нац. Меньшинств, который в лице своих представителей в прошлом Сейме и Сенате, стойко отстаивая права нац. меньшинства, тем самым отстаивал и наши права, а также общие нам, Русским, с Белорусами права славянского меньшинства, связанного общностью происхождения, общею родиною, наконец, общею матерью Русскою Православною Церковью, самоотверженно борясь за свободу и независимость последних. Пострадавшие в борьбе за общее благо, они обрели русское нац. доверие. Отдадим же решительно наши голоса на выборах Бел. Центр. Объед. Выборн. Комитету Блока Национальных Меньшинств!

Все Русские за список № 18, в числе кандидатов которого значится б[ывший] сенатор В.В. Богданович! И да не будет у нас, Русских, другого списка!

Мы ничего не обещаем, мы призываем всех Русских к исполнению гражданского долга, к труду, во имя общего нац. освобождения, ибо только таким путем наши представители смогут выполнить возложенные на них задачи.

Да здравствует Блок Нац. Меньшинств!

Да здравствует славянское единение Белорусов и Русских!

Да здравствует Русская культура!».

Вне всякого сомнения подобные слова и взгляды появились во многом и благодаря деятельности В.В. Богдановича, внутрицерковной, политической, литературной. Ему удалось сплотить различные национальные силы на основе общеправославного, общецерковного единства. Объединить мнения и чаяния «православного народа», основу которого составляло местное белорусское крестьянство, а меньшую, но наиболее образованную часть, этнические русские, в значительном числе эмигранты, и те, кто считал себя русским . Не случайно В.В. Богданович многое из написанного адресовал «живущим здесь православным русским, в уверенности, что они полюбят этот край, его язык и его национальные особенности» [15].

Это в основном для них, для русских эмигрантов на вечере по случаю 75-летия со дня смерти Н.В. Гоголя, устроенном 19 марта 1927 г. Союзом русских организаций в Варшаве, он произнес в своем докладе такие слова: «...не время теперь считаться. Ведь трагедия Гоголя не окончилась еще с его смертью. Она переживается и теперь в тысячах и миллионах русских сердец и здесь в близкой Руси в Польше и на шоссейных дорогах Балканских славянских стран, в шахтах французских заводов и на знойных полях Аргентины и Южной Африки и везде, везде, а главное там, где по прежнему "грозно объемлет нас могучее пространство, страшною силою отражаясь в глубине души", где, может быть, по прежнему еще раздается песня "что зовет и рыдает и хватает за сердце". И все эти миллионы русских людей вместе с Гоголем повторяют теперь:

–"Русь! Русь! Куда несешься ты? Дай ответ!

– Не дает ответа".

Нет! Трагедия Гоголя еще не окончилась. Она окончится тогда, когда окончится трагедия Руси».

В настоящее время мы наблюдаем возрождение интереса к писаниям В.В. Богдановича, которые уже давно вошли в корпус народной литературы, в том числе и на белорусско-русско-украинском пограничье. Среди них хочется отметить написанное В.В. Богдановичем о церковнославянском языке и его роли в жизни церкви и истории культуры славянских народов. Симптоматично, что эти тексты В.В. Богдановича не потеряли своего значения по сей день и до сих пор достаточно широко распространены. Мы воспроизводим один из них по рукописной копии, сделанной в восточнобелорусской среде в конце XX в.

«Еще при жизни св. Мефодия, как мы видели, христианство быстро распространилось среди славянских племен на Балканском полуострове. Но далеко не все славянские народы одинаково использовали то религиозно-культурное достояние, которое оставили им святые братья. Политические события тогдашнего времени в виде натиска германцев на славянские племена, жившие в западных, соседних с немцами славянских странах, заставили некоторых славянских князей принимать у себя латино-немецких миссионеров и изгонять славянских, учеников св. Мефодия и Кирилла.

Римские папы, сначала следуя папе Адриану, одобрявшему переводы и вообще миссионерские труды св. братьев, поддерживали славянских учителей. Преемник Адриана Иоанн VIII даже помог св. Мефодию освободиться из немецкого плена, в котором тот пробыл около двух лет. Но потом, по мере нарастания разногласия между восточной и западной половинами церкви, когда церковно-славянский язык, как язык вышедших из Византии миссионеров-проповедников, стал как бы знаменем византийского влияния среди славян, папы стали недоверчиво относиться к этому языку и понемногу выводить его из употребления. Так например, вскоре после смерти св. Мефодия церковно-славянский язык и славянские проповедники вытеснены были из Моравии при помощи самого же князя Святополка. То же произошло в Чехии и в Польше. Судьба церковно-славянского языка в Польше для нас, конечно, наиболее интересна. Посеянное здесь св. братьями христианство с церковно-славянским богослужебным языком и восточным обрядом вытравлено было потом латино-немецкими проповедниками далеко не сразу и не без тяжелой борьбы, которая продолжалась от девятого вплоть до тринадцатого века. Дольше всего славянский язык и восточный обряд держались в областях Познанской и Краковской. В Познанской епархии только сто лет спустя после Кирилло-Мефодиевских проповедников укрепился латино-немецкий епископ Иордан (967 г.).

Большинство историков, в том числе и многие польские, считают, что Мечислав I или Мешко был крещен по восточному обряду, и лишь перекрещен латинскими проповедниками. После него еще долго в Польше существовало разделение на латыньников и славян. В XII в. Краковский епископ Матвей и польский боярин Петр Властович пишут письмо св. Бернарду с просьбой приехать в Польшу «для искоренения обряда нечестивых русских», а еще в половине XIII в. в Краковской епархии посты соблюдались не по латинскому, а по византийскому обряду. Только с половины тринадцатого века борьба двух влияний латино-немецкого и византийско-славянского, можно считать, закончилась в пользу первого, т. е. как раз тогда, когда такая же борьба

начала загораться на Востоке Польши с присоединением к Польше литовско-русских и украино-русских земель.

Точно также и Чехия, получив христианское просвещение от св. братьев одновременно с Моравией, подверглась потом сильному политическому и культурному влиянию немцев и постепенно, как и Польша, утратила самые основы своей славянской культуры. В XI в. начинается полное преобладание там латино-немецкого влияния. Но память о прежних родных источниках своей культуры долго жила в чешском народе и в свое время ярко выразилась в гуситском движении; чувствуется же и до настоящего времени. Но зато в тех странах, где церковно-славянский язык успел привиться, укрепиться и лечь в основу национальной культуры, он дал самые блестящие и обильные плоды. На всем Балканском полуострове первенство в этом отношении среди славянских стран безусловно принадлежит Болгарии.

В Болгарию христианство начало проникать несколько раньше проповеди св. братьев, но быстро стало распространяться там лишь после того, как ученики св. Мефодия и Кирилла принесли туда книги на славянском языке. Владевший в это время Болгарией князь Богорис или сокращенно Борис (862-888) принял христианство сам и крестил свою страну. Сюда же в Болгарию потом прибыла большая часть славянских проповедников, изгнанных из Моравии, и христианское просвещение быстро распространилось по стране. Эпоха болгарского князя Симеона (888-927) является эпохой расцвета древней болгарской литературы. Болгария заняла в это время в культурном отношении первенствующее место среди всех славянских народов и для многих из них уже сама явилась источником славянской культуры, Особенно же это следует сказать о славянских народах, носивших название Руси.

Хотя среди славян русские славяне позже всех приняли христианство, но никто, как они, так широко и плодотворно не использовали церковно-славянский язык, как культивирующую силу. Долго он оставался литературным языком для всех русских племен; соединяясь и сливаясь с местными разговорными языками, из которых постепенно и выработался нынешний русский литературный язык, являющийся теперь одним из самых

распространенных разговорных и литературных языков на земном шаре. О нем, и о том значении, которое для него имел и имеет доныне церковно-славянский язык, мы поэтому и скажем прежде всего несколько слов.

“Нет более прекрасного для поэзии языка, чем язык русский. Классическая латынь может с ним равняться только в некоторых отношениях, – там где дело идет о монументальной величавости поэтического выражения, Язык же русский в поэзии...что же это за лестница несравнимых, едва заметных дыханий тончайших чувств от недостижимо нежных до самых мужественных звучаний благородного пафоса”. Можно быть уверенным, что читатель не сразу поверит, что слова эти принадлежат не какому-либо завзятому русскому словеснику, критику или писателю, а польскому публицисту, да еще послевоенного времени. Находятся они в статье-рецензии на книгу проф. Ледницкого, помещенной в виленской газете “Слово” от 25 сентября 1926 г. Статья эта подписана буквами Cz. J. (очевидно - Чеслав Янковский). Еще более читатель удивится тому, что в подтверждение “монументальности и величавости” русского языка автор статьи ссылается на известное стихотворение Пушкина “Клеветникам России”. Чуткое ухо тонкого эстета, каким, очевидно, был ныне уже покойный Cz. J., помогло ему преодолеть не только предвзятые политические настроения, но и неприятные ассоциации, связанные у поляков с этим стихотворением, чтобы по достоинству оценить язык другого народа.

Как напоминает нам этот отзыв польского публициста подобные же отзывы о русском языке старых русских писателей и ученых. Кто, например, не знает знаменитого “стихотворения в прозе” И.С. Тургенева о “великом, могучем, свободном и правдивом русском языке”. Еще раньше Тургенева такой же отзыв о русском языке дает Ломоносов и спустя 80 лет Карамзин: “Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, громкой живописной поэзии, но и для нежной простоты и чувствительности”. Все, как мы видим, а более всего польский публицист, преимущественно подчеркивают одну характерную особенность русского языка: его удивительное богатство, многогранность,

многосторонность, разнообразие, способность принимать разный характер, разные оттенки. Никто, однако, кроме Ломоносова не занялся вопросом о том, где же и в чем причина этого богатства и разнообразия, - почему именно русский язык так могуч, так богат, так правдив и так свободен?

Ломоносов, как известно, в своем рассуждении "О пользе книг церковных" ответил на этот вопрос теорией "трех стилей", которую не грех нам теперь вспомнить по поводу Ломоносовского юбилея. Вот что между прочим говорит он там. Сначала он обращает внимание именно на то счастливое обстоятельство, что перевод греческих богослужебных книг на славянский язык сделан был во времена расцвета греческой византийской образованности, что чрезвычайно способствовало обогащению духовного мира славянских народов новыми понятиями. С другой стороны то, что эти понятия даны не на чуждом для славян, а на понятном для них, хотя, быть может и рознящемся несколько от того или иного местного говора, языке, чрезвычайно способствовало и обогащению речи, увеличению количества новых слов, но слов или славянских, или ославянившихся. "Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других витийствовали великие христианские церкви учители и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу. Ясно сие видеть можно вникнувши в книги церковные на славянском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового Завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славянском языке греческого изобилия и оттуда умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славянского сродно".

Это Ломоносов доказывает на примере других языков. "Поляки, преклонясь издавна в католицкую веру, отправляют службу по своему обряду, на латинском языке, на котором их стихи и молитвы сочинены во времена варварские, по большей части от худых авторов, и потому ни из Греции, ни от Рима не могли снискать по-

добных преимуществ, каковы в нашем языке от греческого приобретены. Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в богослужении употреблялся язык латинский, Но как только немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось и явились искусные писатели. Напротив, в католицких областях Германии, где только одну латынь, и то варварскую, в служениях употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим".

Далее Ломоносов излагает свою знаменитую теорию о трех стилях. Так как материи, изображаемые человеческим словом, различны по своей важности, то и русский язык, имея в своем распоряжении, вследствие употребления церковных книг, множество общепонятных церковных слов, обладает для изображения этих предметов, тремя разными степенями или стилями: высоким, средним и низким. Различие это достигается более или менее широким употреблением церковнославянских слов. Высокий (торжественный, важный, величавый) стиль получается тогда, когда речь изобилует церковнославянскими словами в обычном разговорном языке не употребляемыми (напр. отверзаю, взываю, дщерь, насажденный). Средний – когда употребляются слова одинаково свойственные, как церковнославянскому, так и русскому языкам (Бог, слава, рука, ныне, почитаю и т.д.). К третьему роду слов относятся те, которые употребляются только в разговорной речи (например: говорю, ручей, который, пока, лишь). Высокий стиль употребляется преимущественно в торжественных речах, одах; средний – в прозаических рассказах, деловых сношениях; низкий – в комедиях, эпиграммах, веселых песнях, дружеской шутливой переписке.

Сколько раз эта теория подвергалась осмеянию со стороны противников церковно-славянского языка, не исключая и самих профессоров и учителей словесности! Но в наши дни, особенно после недавно минувших пушкинских торжеств, пора нам заново пересмотреть взгляды Ломоносова, ибо теперь уже нет сомнения, что Пушкин был первым мастером слова, который дал последующим поколениям поэтов пример, как нужно умело пользоваться элементами церковно-славянского языка в русской поэзии.

Что в основе всякой культуры лежит культ, т. е. религия, это стало общепринятою истиною, которую теперь никто не оспаривает, как никто не станет оспаривать и значение языка для национальной культуры. Счастлив тот народ, у которого для обслуживания его культа существует язык и особенный и вместе родной, близкий, как это было у многих древних народов, особенно у евреев. Такие народы создают произведения мирового и вечного значения. Русскому народу тоже посчастливилось. Вслед за принятием христианства, легшего в основу его культуры, он получил из Болгарии богослужебные книги на близком ему славянском языке, который и сделался для него надолго языком литературным, книжным и оставался таковым, пока другой литературы, кроме церковно-религиозной не существовало или почти не существовало.

По мере возникновения и развития литературы светской все больше и больше вносилось в этот язык элементов обыденной, бытовой, живой, народной речи. Этот процесс начался еще в Киевской Руси в летописях, проповедях (Феодосий Печерский, Илларион, Кирилл Туровский и др.), повестях, дружинном эпосе ("Слово о полку Игореве"), потом совершался преимущественно в западной и южной Руси под владычеством Польши (первая грамматика Мелетия Смотрицкого, Дмитрий Ростовский, Симеон Полоцкий). Потом в восточной и северной Руси, в Москве и Петербурге. Но корни, как мы видим, литературного русского языка оставались все же в языке богослужебном, и к нему неизбежно обращались поэты и писатели тогда, когда речь шла о предметах высоких, близких к идеалам народа и его религиозному миросозерцанию, - вообще к тому, где лежала народная дума. Этим путем образовалось не три, а бесконечное множество оттенков, тонов речи, которыми справедливо может гордиться "могучий, свободный, правдивый" русский язык. Обилие оттенков русского языка наиболее сказалось в лирической поэзии, где разнообразие стилей так же безгранично, как безгранично разнообразны переживания поэтических душ, ищущих выражения этих переживаний в слове. И как свободно чувствуют себя в этом море разнообразия русские поэты, начиная с Пушкина. А кто теперь станет спорить, что дивное разнообразие тонов русской речи в пушкинской по-

эзии достигалось именно умелым пользованием элементами богослужебного языка?

Чтобы еще раз понять и осмыслить это, советуем читателям прочесть и вдумчиво разобрать, напр. такие стихотворения Пушкина как “Пророк”, “Памятник”, “К гробу полководца”, “Отцы пустынники” и сравнить их с удивительною по простоте пушкинской прозой (“Повести Белкина”, “Капитанская дочка”), простыми, хотя и задушевными строфами “Евгения Онегина”, а потом с его народными сказками, балладами из народного быта (“Утопленник”, “Гусар” и др.) Все Ломоносовские “стили” пред вами встанут во всем блеске Пушкинских к ним иллюстраций.

В самом деле, вспомним хотя бы начало пушкинского “Пророка”:

“Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился ..”.

Ведь стоило сказать не “влачился”, а “волочился”, как пропала бы вся торжественность и величавость обстановки. Или:

“Перстами, легкими как сон,
Моих зениц коснулся он”.

“Персты” и “пальцы” - анатомически конечно одно и тоже, как одно и тоже и “зеницы”, и “очи”, и “глаза”, и даже, если хотите “зенки” и “буркулы”. Но в речи это не одно и тоже. Какое разнообразие оттенков заключается в употреблении этих слов да еще в соединении с разнообразием соседних: отверзлись - открылись, внял и услышал, воззвал и закричал и т. д. Все можно выразить и изобразить этим разнообразием, начиная от горнего ангельского мира до “милого” диалога горьковских босяков. Эти оттенки магически действуют на нашу душу, возбуждая в ней соответственные мысли и настроения; “опущенная голова” для нас не то, что “поникшая глава”, “голос” не то, что “глас” и “десница” не то, что “правая рука”. Все дело лишь в умелости и уместности применения того или иного выражения, а это дается лишь силою таланта, тем особым чутьем к прекрасному, которое можно иметь лишь Божиею милостию, а полученное развивать эстетическим воспитанием. Особенно ясно видно это на обратных отрицательных примерах неуместного, неудачного (еще более - намеренно неудачно-

го) употребления церковно-славянских слов, которое не только не настраивает нас на торжественный тон, но, наоборот, вызывает смех (напр. церковнославянизмы Кутейкина в “Недоросле”). Недаром эти неуместные славянизмы были всегда излюбленным стилем насмешек над духовенством.

Итак, в Пушкине мы видим торжество Ломоносова. Последнему можно поставить в упрек лишь то, почему он в русском языке усмотрел всего лишь три, а не пять, не десять, не сто стилей, но таков тогда был обычай: во всем видеть свою триаду. Ближе к истине поэтому тот, приведенный выше нами польский публицист, который русский язык называет “бесконечною лестницей (skala) оттенков”. Замечательно, что восхищаясь разнообразием оттенков русского языка, он именно и ссылается прежде всего на Пушкина: “А ведь мастером, который пользовался таким языком, был такой поэт, как Пушкин”.

Так оценивает русский язык и русскую поэзию поляк, высокая культурность которого помогла ему стать выше злободневных и исторических счетов “славян между собою”. Тем обиднее и больнее бывает, когда более близкие в племенном и культурном отношении, более “свои”, это политиканствующие из наших украинцев и даже белорусов (реже), воюют против церковно-славянского языка, да еще как “русификационного средства”, забывая, что он лег в основу их собственной также, как и культуры великорусской. Политические мотивы и предубеждения заставляют умалчивать о том, что их знаменитые родичи, эти Епифании Словинецкие, Мелетии Смотрицкие, Симеоны Полоцкие, Димитрии Ростовские, Феофаны Прокоповичи и пр. не менее потрудились над развитием даже и того же “великого, могучего, свободного и правдивого языка”, как и Ломоносовы и внесли в дело выработки его филологического содержания и форм много “русских”, т. е, украинских слов и оборотов.

Отсутствие чутья к прекрасному мешает таким людям преодолеть на пути к красоте малейшие политические воспоминания и заставляет их часто находить политику там, где ее нет и быть не должно – в сфере религиозной, Недаром такие отрицатели выходят большею частью из среды малоцерковной и малорелигиозной, да-

же часто антирелигиозной, т. е. по существу малокультурной, а следовательно и далекой от народной души. Народные массы никогда почти не обманывающиеся в своем национальном инстинкте, твердо стоят за церковнославянский язык; и слава Богу, идя за ними начинают, кажется, отказываться от гонения на родной богослужебный язык, т. е. на источник своей культуры, даже и этого рода деятели.

Мы ничуть не думаем насиловать ничьей свободной воли. Если украинцы и белорусы, хотя и сами вложили много труда и сокровищ своего языка в литературный русский язык, теперь все-таки желают создать свой отдельный, более близкий к разговорному народному языку литературный язык, – пусть создают. Это их воля, Но невольно здесь хочется им дать совет в этой их национальной работе не отрываться от культурных основ своего языка, т. е. от языка церковнославянского, чтобы тем не обобрать самих себя.

Но пусть подумают такие деятели о том, какого источника богатства лишают они украинский и белорусский язык, стараясь отдалить его от церковнославянского, т. е. от своих литературных корней, вырывая из своего языка такие, ни с чем не сравнимые по культурному значению основы, и тем обрекая его на неизбежную необходимость развиваться в узких рамках обыденщины. Не будем забывать и того, что язык почти не меньше влияет на мир идей, чем этот мир на область словесных форм языка. Прекрасное должно быть величаво, – вспомним изречение Пушкина. Пока молодые народы находятся еще в периоде своего политического рождения и поэтому живут еще этими родовыми муками, т. е. воспоминаниями о своих политических обидах или своей неволе, тогда плач для них естественен, тогда они могут обходиться без этого «величавого», оставаясь в границах старого горя и "беремения" (от слова "бередить") старых ран. Но когда они, завоевав себе независимое положение, получат тем самым право возжечь и свой светильник среди независимых народов, тогда несомненно это пренебрежение культурными основами своего языка даст себя знать; тогда почувствуется жажда этого "величавого", но тогда светильник этот – увы! может оказаться, как у известных евангельских немудрых дев – без "елея".

Начиная речь о церковно-славянском языке, как языке богослужебном, необходимо прежде всего отметить, что это вопрос отнюдь не догматический и даже не канонический (с принципиальной точки зрения), а только вопрос церковной практики. С православной точки зрения в христианстве нет особо священного языка. На такое место еще могли бы претендовать два языка: древнееврейский и греческий, как языки Священного Писания – первый Ветхого, второй – Нового Завета. Но с тех пор, как Иисусом Христом дано повеление идти учить и крестить все народы и как в день Св. Пятидесятницы "крещение Духом Святым" апостолов осуществилось при получении апостолами дара языков, для христианского мира все языки, как и все народы стали священны: "несть ни эллин, ни иудей". Преимущество языков греческого и еврейского - чисто практическое, а именно в том, что они, как языки Св. Писания являются как бы хранителями его текста и вместе истинного смысла. По ним в конце концов, должна совершаться проверка текста Слова Божия, переведенного на иные языки.

Поэтому Православие вопрос о богослужебных языках принципиально разрешило раз навсегда в том смысле, что не только не запрещает молиться и совершать богослужения на всех языках мира (о запрещении и речи быть не может), но всегда настойчиво стремится и старается по примеру и завету св. апостолов и св. равноапостольных братьев Мефодия и Кирилла переводить священные и богослужебные книги на языки тех народов, среди которых оно впервые проповедуется.

Здесь очень кстати будет вспомнить, что то русское правительство и та русская православная церковь, возглавляемая до собора 1917-18 гг. правительствующим синодом, которую так теперь часто, а иногда и справедливо, обвиняют в русификаторских намерениях, несмотря на это, переводили, когда нужно было, православное богослужение на всевозможные языки народностей, населявших быв. Российскую Империю и соседние страны (на языки: латышский, литовский, эстонский, финский, вотяцкий, корельский, татарский, алтайские наречия, китайский, японский), однако никогда не пытались переводить книги для богослужебного употребления ни на литературный русский, ни на разговор-

ный великорусский языки. Более того, частные попытки в этом направлении встречали всегда сопротивления со стороны и светской и духовной власти.

Тысячелетняя, из поколения в поколение передаваемая богослужебная практика так тесно связала наше богослужение с церковнославянским языком, что не только слова и выражения, но и даже самые "звуки" церковно-славянской речи уже создают в душе невольные ассоциации с знакомыми душе переживаниями, в них "слезы разлуки", т. е. вечная тоска по утраченном райском блаженстве, в них "трепет свиданья", т. е. торжественное и сладостное предчувствие воскресения и "возвращенного рая".

Нужно отметить и то, что в церковно-славянских словах и выражениях закрепился не только известный оттенок религиозного чувства, но и религиозной мысли: с каждым словом связано точно, раз навсегда установленное значение. Язык этот, как богослужебный, имеет для нас значение, следовательно, и хранителя содержания и точного смысла самого богослужения. Защитники латинского языка в р. католическом богослужении это отлично понимают, и в этом их единственное оправдание, ради которого они отбросили то, что мы одновременно сохранили.

Наконец, в богослужебном языке есть много таких слов, выражений и понятий, которые не только не переводимы вполне точно на обыденный язык, но которые прозвучали бы кощунственно и неприятно, будучи названы или выражены обычными словами. Поэтому перевод богослужения на "живые" языки бывает необычайно труден, и нужно быть именно конгениальным св. равноапостольным проповедником, нужно долго подготовлять себя духовными подвигами, чистою жизнью и молитвенными переживаниями, чтобы браться за это святое, но вместе трудное и ответственное дело. Там, где это необходимо, где богослужение переводится для новопросвещенных быв. язычников, магометан и т. д. говорящих на совершенно ином, неславянском языке, там это сделать нужно. Но там, где богослужение уже совершается на столь дивном, прекрасном и вместе, говоря вообще, понятном церковном языке, там посягать

на этот не веками, а уже тысячелетием, “намоленный”, а потому ставший священным язык, – прямое преступление.

Вот почему мы выступаем равно против перевода богослужения на все “живые” славянские языки и, прежде всего на языки “русские”, т. е, на великорусский, украинский, белорусский и на литературный русский. Пропагандисты и защитники перевода больше всего руководятся тут не церковными, а политическими мотивами, стараясь даже и в церковном отношении отгородиться от “русских”. Мы уже выясняли и то, какого культурного богатства такие политики лишают свои народы и то, какое антикультурное зло вносят они в среду родственных славянских и особенно славяно-русских племен. Поэтому крайне вредным здесь является не только изгнание из богослужения церковнославянского языка, но даже и введение в богослужебный церковнославянский язык пресловутой украинской вымовы, культивируемой теперь ради того же разлада (дисгармонии), т. е. ради того же трусливого трепета перед “русификацией”. Во-первых, чистым недоразумением является то утверждение, будто общепринятый в настоящее время в быв. Всероссийской Церкви выговор церковнославянских слов – “московский” выговор. Ничего подобного, Этот выговор создало и укрепило по всей Св. Руси именно украинское духовенство в эпоху своего полного и совершенного преобладания и господства в России, начиная от Петра Великого вплоть до Екатерины II.

Чтобы убедиться в этом, вспомним следующие исторические факты. Влияние на Москву духовного образования, созданного в Польше в XVI-XVII вв. трудами православных украинцев и белорусов, началось в XVII в. и с этого времени непрерывно росло и усиливалось до конца этого века. В Москве в этот период наиболее важным церковным делом было исправление священных и богослужебных книг. До этого времени, начиная с Максима Грека оно производилось по старым славянским и греческим рукописям и исключительно московскими “справщиками”. В XVII в. оно поступает в руки ученых монахов из Киева во главе с Епифанием Славинецким и производится, особенно во времена патриарха Никона, преимущественно по книгам киевских изданий. Исправлялись теперь уже не только отдельные слова, но вносились целые

молитвы и чинопоследования. Сам Никон настолько увлекся Киевской обрядностью, что даже выписал из Киева певчих, каковому примеру вскоре последовал и сам царь. Старообрядческий раскол в России и вызван был преимущественно ревностью московских справщиков, подозрительно относившихся к чистоте веры киевских "латынников и обливанцев".

Со времени Петра I преобладание украинского духовенства переходит в полное господство. Почти весь состав Св. Синода, начиная со Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и Феодосия Яновского был украинский. Должности ректоров и префектов духовных академий, виднейшие епархиальные кафедры, влиятельные места придворного духовенства, – все заполняется представителями украинской учености, преимущественно учениками Киево-Могилянской академии, которые, как более просвещенные, больше нравились Петру, не любившему Московского духовенства, а потому и не внимавшему его протестам против этого «засилья черкасов» (так звали тогда украинцев). Пользуясь покровительством тогдашней русской гражданской власти, украинское духовенство вплоть до времени императрицы Екатерины II деятельно "размоскаливало" русскую церковь, борясь с расколом старообрядчества, вводя новые книги, проповедничество нового характера, новые чинопоследования (даже в совершении таинств) и обряды, новое церковное "партесное" пение, новую манеру и способы совершения богослужения, провозглашения возгласов, даже новую парадную одежду для архиерейских певчих в виде полупольских полуукраинских кафтанов-кунтушей, которые пожилые люди хорошо помнят и доныне. Некоторые из архиереев-украинцев в своей "украинизации" были настолько энергичны, что даже возникло несколько административно-судебных дел об архиерейских жестокостях. Но в общем малороссы тогда были культурнее, а потому в культурной борьбе победили.

Несмотря на реакцию, возникшую против "засилья Черкасов" в русской церкви, при императрице Екатерине II, даже раньше, при императрице Елизавете, которая, как ни любила украинцев, все же под напором общественного мнения должна была издать особый указ в 1754 г. о том, чтобы в архиереи и архимандриты

были представляемы не одни малороссы, введенные новшества в церковной практике укрепились. И верующим, и многим владыкам из великороссов нравились и более благолепная и торжественная обстановка богослужения, и более внятное чтение и произношение, и искусные проповеди, и умилительные церковные чины, например: "пассии", "погребение Богоматери", и задушевные киевские распевы, и "партесное пение". Странно поэтому было бы от всего этого отрекаться нынешнему украинскому духовенству. Поистине – "своя своих не познаша". Как несомненно, не было бы теперь никакого смысла и великорусскому духовенству возвращаться к прежней московской "вымове", от которой все и в самой Москве отвыкли, или верующим великороссам не ходить на пассии, только потому, что они происхождения малорусского.

Да и в самом деле, разве есть что-нибудь унизительное или вредное в заимствовании культурных плодов одной нации от другой. Напротив, чем нация культурнее и чем она богаче духовно, тем смелее и свободнее она заимствует от других, ничуть не боясь от этого что либо потерять, но еще обогащаясь духовно. Великорусский народ многое перенял, принял как свое и нам родное от украинской и белорусской и даже польской народности и от этого не только ничего не потерял в своей национальной физиономии, но многое приобрел. Потерял ли что-либо Ломоносов оттого, что учился по грамматике Смотрицкого или великорусское богослужение, что приняло киевские распевы. Это в политической войне - "горе побежденным". Но в религиозно-культурной жизни, - там по Евангелию, "и сеющий и жнущий (и тот кто дал, и тот кто взял, позаимствовал), - вместе будут радоваться" (Иоанн. 4, 36), и мы призываем всех славян не отрекаться от своей величайшей культурной ценности, именно, чтобы иметь возможность "вместе радоваться" у алтаря Христова.

Вот почему даже полякам, принимающим православие, мы, хотя и не желали бы стеснять их свободу, но все же во имя чисто культурной пользы, посоветовали бы не вводить богослужение на языке польском, а оставаться при церковнославянском, на котором слышали первое евангельское благовестие их предки. Исторически совершившееся удаление поляков от первоначальных основ их

культуры и принятие в столь древнее время культуры латино-немецкой, как мы видели, очень вредно отозвалось на их языке и творчестве. Оно вытравило из жизни народа почти всю несомненно когда-то богатую народную словесность (осталась лишь "Богородица"), и ввела множество неславянских слов в польский язык, засоряющих его и уменьшающих его славянский колорит. Недаром нам приходилось слышать от некоторых польских профессоров о существующем стремлении ввести в курс польских гимназий преподавание старославянского языка. Эго показывает, что есть тяготение и у поляков к родным основам культуры. Что же сказать об украинцах и белорусах.

Ведь когда-то церковно-славянский язык был общим литературным языком для всех славяно-русских народностей, и даже для всех славян, не исключая в более древние времена и поляков. Им пользовались не только Антоний и Феодосий Печерские, не только киевские митрополиты (Илларион) и князья, но и святители новгородские и княжны полоцкие (Евфросиния), и виленские мученики, и святитель Кирилл Туровский, составлявшие на нем летописи, жития, сказания, проповеди, творившие дивные церковные песнопения и гимны. Грозные события проносились над русскими и, вообще, славянскими землями; полчища печенегов, хазар, половцев и татар, меченосцев и крестоносцев, шведов и венгерцев и, наконец, своих "кудеяров" и "Соловьев разбойников" разливались по ним. Но "Святая Русь" скрывалась в пещеры, уходила в дремучие леса и на дно своих озер вместе с своими "градами Китежами" и там хранила свои святыни, и прежде всего, основу своей духовной культуры, ставший для нас священным церковнославянский язык.

Шла и здесь в Польше и глухая внутренняя, и открытая внешняя борьба между двумя формами христианства – восточным и западным. И в этой борьбе знаменем национальной и религиозной принадлежности стал тот же церковнославянский язык. Столетиями отстаивали его здесь предки нынешних украинцев и белорусов беспримерными подвигами стойкости в вере, а подчас и кровью и, в конце концов, пронесли эту святыню чрез века. Не для того ли, чтобы их потомки оскорбляли ее своим кощунственным отношением.

Мелетий Смотрицкий, создатель первой церковнославянской грамматики, инок Виленского Св. Духовского Монастыря, а потом архиепископ Полоцкий, и наконец, настоятель Дерманьского монастыря на Волыни, измученный и сломленный в конце жизни непосильной борьбой религиозной, но не изменивший знамени своей культуры – церковнославянскому языку, – он, писавший свою грамматику и для севера, и для юга, и для православных, и для униатов, не чувствовал ли он себя духовно на родине и тогда, когда жил ребенком в Остроге на Волыни, и когда после блестящего образования в Вильне и за границей, учительствовал в Виленской братской школе, и когда архиепископствовал в Полоцке, и когда участвовал на соборе в Киеве, и когда жил на покое, уже униатом, в Дермани. И везде живою связью со всеми православными и со своим народом был для него тот же единый богослужебный язык.

Это религиозно-культурное значение церковнославянского языка отлично сознают и большинство украинцев, как православных, так и униатов и крепко держатся за это культурно-религиозное знамя. В этом уважении и преданности к основам своей культуры и заключается, прежде всего, истинная культурность, как и наоборот, некультурность – в неуважении к ним. В наше время распространения антидуховных и антихристианских стихий, окутывающих и опутывающих современный мир, надо особенно ценить и особенно ревностно защищать свои культурные ценности. Никто их теперь не защитит в этой борьбе добра и зла, только одна Церковь. Но Церковь состоит из пастырей и пасомых и, если “вечно повторяющаяся” история снова поставила православную иерархию в Польше в положение бессильной в борьбе за свои святыни, тем с большим рвением должна отстаивать их другая половина церкви - миряне. Не об организованном каком-либо “народовластии” в церкви мы говорим, и тем менее о каком-либо “противлении злу насилием” но исключительно о приверженности и любви к своим родным святыням. Нужно нам как-то духовно “опоясаться” перед стихиями мира и спасать единый духовный оплот – Церковь. В этом и да помогут наши просветители, “словенских стран учителие”, святые братья Мефодий и Кирилл».

1. Беларускія пісьменнікі: Біябібліяграфічны слоўнік. Мінск, 1992-1995. Т. 1-6.
2. События 1917 – 1918 гг., имевшие определяющее значение для последующей истории Европы, стали судьбоносными для народов населяющих восток континента, особенно территорию огромной Российской империи. Образование новых независимых государств и восстановление ранее существовавших, прежде всего Польши, не означало одномоментную ликвидацию всех существовавших до той поры на их территории инокультурных начал, к чему руководство этих государств в той или иной мере тогда стремилось. Восстановленная в 1918 г. Польша, именовавшаяся II Речью Посполитой, являлась многонациональным государством, в состав которого оказались включенными обширные «восточные земли»: около половины современной Белоруссии, значительная часть Литвы и Украины. Это были преимущественно восточнославянские этнические территории, заселенные в основном православным населением, составлявшим по данным государственной переписи 1931 г. около 12 % всех жителей Польши. При этом доля православных в восточных воеводствах II Речи Посполитой измерялась многими десятками процентов и доходила, например, в Полесском воеводстве до 80 %. Заметной она была и в центральной части тогдашней Польши, в Люблинском воеводстве - около 9 % (см.: *Papierzyńska-Turek M.* Między tradycją a rzeczywiśtoscią: Państwo wobec prawosławia: 1918-1939. Warszawa, 1989. С. 6 и др.).

   В 1939 г., согласно официальной церковной статистике, православная церковь в Польше имела пять епархий с более чем 4 миллионами верующих (см.: *Kosonocki W.* Liczba i rozmieszczenie ludności prawosławnej w Polsce // Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce. 1939. № 3. С. 6–7), 2500 церквей и часовен, около 3000 духовных лиц (См.: *Wyszomirski T.* Polskie prawosławie // Materiały problemowe. 1988. № 6. S. 55–56), 17 монастырей и скитов, в том числе Почаевскую Свято-Успенскую лавру (см.: Церковный календарь на 1939 год. Варшава, [1938]. С. 55–58), Православный Богословский лицей в Варшаве, духовные семинарии в Вильне и Кременце, Православный Богословский Отдел при Вар-

шавском университете им. Иосифа Пилсудского, Митрополитальный Семинарий Иконографии, Псаломщицкую школу, Синодальную типографию, различные периодические издания, архив.

13 ноября 1924 г. константинопольский патриарх Григорий VII подписал томос о даровании православной церкви в Польше формальной автокефалии, фактическое принятие которой наступило только после II мировой войны, хотя в межвоенный период, начиная с 1925 г., Церковь уже считалась автокефальной, что в значительной степени объяснялось стремлением государственных властей Польши во что бы то ни стало исключить малейшую зависимость православных граждан страны от Церкви-Матери - Русской Православной церкви и ее центра в Москве.

Основу православного населения межвоенной Польши составляло крестьянство, искони населявшее земли восточных воеводств Польши - около 93 % всех православных (см.: Powszechny Spis Ludności z dnia 9.XII.1931 // Statystyka Polski. Ser. D. Warszawa, 1939. Tabl. 4). Процесс национального самоопределения в ту пору еще не только не завершился, но кое-где даже и не начинался, особенно в Полесье и самом центре польско-восточнославянского пограничья. Православные люди говорили о себе, что они «тутейшие» – тутошние, здешние, а язык их «тутейший», «простый» или «русский». В официальных документах той поры было узаконено определение «тутейший», которых по различным данным насчитывалось около 1 миллиона человек. Согласно переписи 1931 г. более 1 миллиона православных считали родным языком украинский, почти 1 миллион - белорусский, полмиллиона – польский, сто тысяч – русский, почти 22 тысячи – чешский.

Таким образом, по национальному составу православные делились на несколько далеко не равных по числу групп, среди них доминировало украинское и белорусское коренное население, преимущественно крестьянство; русские, а число их значительно менялось в различные периоды истории межвоенной Польши (от нескольких сот тысяч до ста тысяч человек), были представлены не столько старожильческим населением городов, городков и местечек, сколько эмигрантами, покинувшими Россию в результате революции и гражданской войны. Впрочем, нередко русскими называли себя и представители местной православной интеллигенции, в том числе и священники.

По данным английского статистика Д.Х. Симпсона, пожалуй как никто серьезно разрабатывавшего проблему учета русских

эмигрантов, межвоенная Польша занимала лидирующее положение по их числу во все времена, начиная с первых послереволюционных лет вплоть до конца 1930-х гг. (см.: *Simpson J.H.* The Refugee Problem // Report of a Survey. London – New-York - Toronto. 1939. С. 78-80 и др.). Общее количество русских эмигрантов во II Речи Посполитой может быть сравнимо лишь с числом русских беженцев во Франции в 1930-е гг. Это, в частности, объясняется тем, что в состав межвоенной Польши вошли огромные восточнославянские этнические территории, заселенные в основном православным населением, и «восточные земли» II Речи Посполитой продолжали сохранять свой «русский» характер. Вместе с тем на всех сторонах местной жизни здесь сильно ощущалось влияние политической, правовой, экономической и церковной культуры бывшей Российской империи. Многие русские эмигранты имели родственников на территории II Речи Посполитой, среди которых были представители всех без исключения слоев общества, включая и довольно состоятельных местных помещиков, владевших значительными земельными угодьями. Во II Речи Посполитой сложилась уникальная этноконфессиональная и культурная ситуация.

3. *Васілевіч В.* Віленская праваслаўная сэмінарыя // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 4. С. 9–10.
4. Lietuvos centrinis valstybinis istorijos archyvas. F. 605. № 1433. Л. 1.
5. Сябра. Беларуская выбарная справа // Праваслаўная Беларусь. 1928. № 6. С. 10.
6. *Багдановіч В.* 10 гадоў таму назад: З успамінаў аб працы Маскоўскага Сабору ў часе бальшавіцкага перевароту // Праваслаўная Беларусь. 1927. №№ 5, 6; 1928. №№ 1–7.
7. Słowo. 1927. № 279. С. 1.
8. Праваслаўная Беларусь. 1927. № 6. С. 9–10.
9. Речь сенатора В.В. Богдановича, произнесенная 23 июня 1925 г. на заседании Сената Польской Республики при обсуждении бюджета министерства исповеданий и просвещения. Вильно, 1925. С. 10–11.
10. Сын Беларуса. 1924. № 22. Оттиск: Прамова сэнатара В. Багдановіча у Сэнаце 23. VII. 24. [Вильна, 1924].
11. *Багдановіч В.* Патрыярх Ціхан // Праваслаўная Беларусь. 1928. № 9. С. 3.
12. *Багдановіч В.* Царква і Дзяржава // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 1. С. 3.

13. Праваслаўная Беларусь. 1927. № 1. С. 9–10.
14. Праваслаўная Беларусь. 1927. № 2. С. 5–6.
15. Виленский православный календарь на 1927 год. Вильна, 1927. С. 3.
16. *Прат. Л. Голад.* Нацыянальная мова ў праваслаўнай царкве // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 1. С. 8.

Турковицкие стихи

Литературное общение в православном мире XX столетия – сложнейший процесс, постигать который мы начинаем только сейчас, особенно, если вести речь о десятилетиях жесточайших гонений на православие и православных. Несмотря на постоянные преследования народная православная литература продолжала свое развитие. Создавались новые ее произведения, которые вместе с сочинениями прежних времен широко распространялись. Все это происходило в подполье, скрыто от посторонних глаз, но массово и порой совершенно необъяснимо. На белорусско-русско-украинском пограничье нами зафиксирован целый ряд произведений, написанных вдали от этих мест, относительно распространения которых здесь можно строить лишь догадки. К ним относятся несколько стихотворных сочинений с Холмщины, которые могли, скорее всего, попасть на пограничье с кем-то из выселенных поляками в ходе операции «Висла» в первые послевоенные годы. Не исключен и иной путь – распространение этих стихов здесь в период немецкой оккупации, когда на восток попало огромное число православных сочинений из межвоенной Польши, в состав которой входили западноукраинские и западнобелорусские земли.

Часть таких поэтических произведений, бытующих на белорусско-русско-украинском пограничье, точнее его черниговской стороне, мы выделяем в особую подборку «Турковицкие стихи», тем более, что нам удалось установить и имя их автора. Стихи эти встречаются на Черниговщине довольно редко, самый распространенный среди них – «Пiсня Турковицькiй Божiи Матерi», созданная на манер народных песнопений:

В Турковицях ся явила, О
Маріє,
Місце святе полюбила,
алілуя.
Над рікою церква мала, о
Маріє,
Ти тут для нас щитом стала,
алілуя.
На білім чистому пісочку, о
Маріє,
Пречиста Світлая Зірнице,
алілуя.
Прославлялась чудесами, о
Маріє,
Наче місяць між зорями,
алілуя.
Споминают турковяне, о
Маріє,
Правовірні Християне,
алілуя.
Що Твоя свята ікона
Була для нас оборона, алілуя.
Бо Сам Господь Сотворитель,
о Маріє,
Оснував святу обитель,
алілуя.
Ти нам в злі дні помагала, о
Маріє,
Хай Ті буде честь і хвала,
алілуя.
Аж прийшли німці й мадяре,
о Маріє,
Монастир Твій зруйнували,
алілуя.
Однак віри, що в народі, о
Маріє,
Зруйнувати то їм годі, алілуя.
Доки світ існіти буде, о
Маріє,
Прославлять Тя будуть люди,
алілуя.
Твій образ, Твого Сина, о
Маріє,
Бо Ти поміч всім єдина,
алілуя.
Духовенство із народом, о
Маріє,
З хоругвами, з хресним
ходом, алілуя.
Юнаки, також дівиці, о
Маріє,
Поспішають в Турковиці,
алілуя.
Співають всі одним хором, о
Маріє,
"Покривай нас омофором,
алілуя,
Сохраняй нас від пожару, о
Маріє,
Відганяй шкідливу хмару,
алілуя.
В час потрібний дай погоду,
о Маріє,
Теплу росу для нарду, алілуя.
Ублагай Свойого Сина, о
Маріє,
Бо Ти поміч всім єдина,
алілуя.

Щоб і знов, як во дні они, о
Маріє,
Люди в Твоєї ікони, алілуя.
Душу, серце, совість щиро, о
Маріє,
Клали Тобі на офіру, алілуя".
Слався, слався в віки вічні, о
Маріє,
Пречиста вонная лілея,
алілуя.
Бо Ти зоря над зорями, о
Маріє,
І Цариця над царями, алілуя.
Ти бо рука Аронова, о Маріє,
Вежа красна Давидова,
алілуя.
Біле руно Гедеона, о Маріє,
Храм із злата Соломона,
алілуя.
Ти родила Сина Того, о
Маріє,
Хто владіе небесами, алілуя.
Ти явила нам Свій образ, о
Маріє,
Що ся славить чудесами,
алілуя.
Ти в різдві прибула діва, о
Маріє,
І по смерти єси жива, алілуя.
Во вік віків неустанно, о
Маріє,
Славте, дюди Святу Панну,
алілуя.
Бо вона всіх вірних кличе. о
Маріє.
На молитву в Турко виці,
алілуя.
Кладіть низкії поклони, о
Маріє,
І святій Її іконі, алілуя.
Бо вона всіх оборона, о
Маріє,
Відважна як Юдифа, алілуя.
Що лютого Олоферна, о
Маріє,
Побідила, главу стерла,
алілуя.
Бо Їй ангельскії лики, о
Маріє,
Служать і будуть служить в
віки, алілуя.
Після кожного двовірша
приспів:
Поспішайте в Турковиці
На поклон Царице..

Все стихи из турковицкой подборки бытуют на Черниговщине во всевозможных, преимущественно рукописных, копиях анонимно. Иногда они встречаются в виде какого-то более или менее целого цикла, а часто совершенно разрозненно. Помимо приведенной уже «Пісні», которая чаще переписывается отдельно, вслед за ней копируются еще два турковицких стиха, составляя

вместе небольшой цикл: «Заклик до Туркович» и «Турковицький манастирь».

Чудний голос по Холмщині
Ходить, людей кличе:
- Ой, збірайтесь, Християне,
Спішить в Туркович
Матір Божу ублагати
В чудесній іконі,
Щоб Сина упросила
На горнім Сіоні
Аби Духа Всесвятого
Низпослав Спаситель
Відновити в Турковичах
Святую обитель.
Народ хрещений здригнувся
Мов із вулля бджоли
З хоругвами та хрестами
Радісний, веселий.
Прославляє Святу Діву
Всенародним хором:
- Покривай нас Матір Божа
Чесним омофором.
Як видно, Мати Божа
Сина ублагала,
Бо погода дуже гарна
У ті дні стояла.
Святий відпуст в Турковичах
Трудно описати,
І не в стані богомольців
Ніхто зрахувати.
Зблизька мало було видно
Зате видно здаля,
Що той нарід колихався,
Мов по морі хвиля,
Спів лунав по всім просторі
З вечора до світа,
Чекав нарід з нетерпінням
На Митрополита.
Його хворість підкосила,
Яко чоловіка,
Він сам не міг прибути,
А післав Владику.
Туковяни на могилках
Зробили каплицю,
Щоб в день свята прославляти
Небесну Царицю.
На жаль великий, служба Божа
Не була в каплиці,
Ми під небом молилися
Небесній Цариці.
Бо печатку на каплицю
Злая доля наложила,
Але тисяч тим народу
Вона не смутила.

Тече річка близько ліса,
Де широкий є простор,
А на цьому то просторі
Стоїть монастирь.

Місце низьке, ліс, болота,
Тільки видно небеса.
Ту міститься святий образ,
Де ся творять чудеса.
Мати Божа простирає
Найсвятіший Свій покров.
Покриває ним просящих
Всіх за віру і любов.
З давен давна люд побожний
З далеких геть сторін
До ікони Турковицькой
Поспішає на поклон.
Несуть жінки діток малих,
На возах везуть калік
Бо люд любить святе місце,
Де з маленька він привик.
Люд привик і переконався,
Що Цариця із небес
Помагає всім просячим
Творить много ім чудес.

Нам удалось установить автора этих и других турковицких стихов. Им был народный учитель с Холмщины Михаил Андреевич Кумецкий (1867 – 1943), писавший под псевдонимом «Андрей Кумецький», отец которого умер в ходе беженства 1915 г. в северной части белорусско-русско-украинского пограничья и там похоронен сыном, позднее возвратившимся из эвакуации на Холмщину. Стихи эти написаны М.А. Кумецким в 1920-е – 1930-е гг. Часть из них была напечатана в виде народной книжечки Синодальной типографией в Варшаве [1]. Думается, именно она и явилась в последующем основным источником для массовой переписки этих стихов холмщаками, благодаря которым стихи эти позднее стали распространяться далее, но уже анонимно, без упоминания имени их автора.

Приведем еще два стихотворения М.А. Кумецкого по рукописной копии в сборнике, составленном во второй половине XX в. и ныне бытующем на Черниговщине:

Промова в свято Успіння
    Пресвятої Діви Марії
Радуйся, Обрадована,
Во успенії Твоїм нас не
    оставляюча.
Сію пісню пре хвалебну
Ще Апостоли співали,
Коли Матір Христа Бога
В Святім гробі провожали.
– Пречистая Діво Мати,
Коли будеш в небі
Не остав же Тя просячих

Во всякій потребі.
Коли приймеш Ти від Сина
Царськую корону
Помагай нам християнам
З небесного Трону.
І Небесная Цариця
Свій обіт їм дала,
Доки світ істніти буде,
Буде помагати.
З Своїм Сином возлюбленим,
З небесного трону
Всім з вірою просячим
Стане в оборону.
Аж настав для нас злий час,
Час жалю та горя,
То війна погнала нас
З батьківського поля.
Люде падали як мухи,
Не було способу,
Де хто впав, там поховали,
В болоті без гробу.
Разом з нами духовенство
Багато страждало,
Під дощем, під голим небом,
Службу відправляло.
Пройшло горе, як на морі,
Буря мінувала,
Бо Небесная Цариця
Війну розігнула.
Ми вернулись, слава Богу,
До рідної хати,
В свому рідному куточку
Вік свій доживати.
Заспіваймо ж в день Успіня,
– Радуйся, Ізбрана!
І небесним Отцем Богом
Матерю названа.
Пошли спокій на всю землю
На всі християне,
Щоби жили у спокою
Разом всі холмщане.
Щоби честно святкували,
Святеє Успіння,
Щоб прийшли і секти
До образуміння.
Ми, браття, тую пісню
В час війни співали,
Коли кулі і гранати
Над нами ся рвали.
Від пожару потемніли
Сонце, місяць, зорі,
Скрізь над нами колисалось
Огненеє море.
Як ми з рідним своїм домом
Слізно ся прощали,
Хліб незжатий ще на полі
Німцям оставляли.
Сами з голими руками
Розбіглись по світі,
Страшний голод ми терпіли
В Пінському повіті.
Була для нас, браття,
Хрестная дорога,
Та не падали ми духом
В надії на Бога.
Він кормив люд Ізраїльський
В пустині Арабській,
Він захистив і нас біженців
Од навал австрійських.
Видно, сила тільки Божа
Була з нами,
Як ми з дітьми не погибли

Поміж болотами.
Тії Пінскії болота
Трудно описати,
Поки житимуть холмщане,
Будут споминати.

А Ти ж будеш завжди з нами,
Пречистая Діва,
В різдві Твоїм Пренепорочна
І по смерті жива.

На чужині й дома

Кажуть, добра на чужині,
Не знаю, як кому.
Хай хто каже, як сам знає,
Мені гарно дома.
Чи ми думали, холмщане,
Будучи в Росії,
Що вернемся в край
рідненький,
Чи там смерть наспіє.
Чи ми будем свою нивку
Рідную орати,
В своїх храмах, в своїх хатах
Праздники справляти.
Думки були неустанно,
Не було надії.
Туга з серця не спадала,
Бо воєнні дії
Заслоняли нам дорогу
До рідної хати.
Нам здавалось, що до смерти
Будем бідувати.
Правда, що тамтейші люде
Нас не угнітали,
В своїх хатах приютили,
В нужді рятували.
Та була для нас то, браття,
Золотая клітка,

Свій храм рідний, своя хата,
Що красная квітка.
Бо на квітці, як то кажуть,
Пташечка співає,
А як в клітку попадеться,
Зараз затихає.
Бо немає в клітці волі,
Свобідного льоту,
І от туги вона тратить
До співу охоту.
Ми і сами колись пташці
Віри не давали,
З квітки в клітку до неволі
Не раз замикали.
Аж на собі то дізнались,
Будучи в Росії,
Де нам часто говорили,
Робити не вміє.
І не тільки прості люді
Не вміли робити,
Навіть наше духовенство
Не вміло служити.
Ми терпіли з жалем серця,
Зневагу зносили.
Все о Холмщині думали
І Бога просили.

Щоб вернув нас в край
рідненький
І в рідную хату.
Ми б одежі наробили
І хліба багато.
Бо чужая нам робота
Не була до ладу.
Ми спішили в край
рідненький
Навіть з Петрограду.
Слава Богу, ми вернулись
До рідної хати.
Все зруйноване війною,
Час відбудовати.
Бо той камінь тяжкий з шиї
Туга з серця впала,
Ясна зоря над Холмщиною
Знову засіяла.
Погостімся в рідній хаті,
В рідному куточку,
Закуй же нам, зозуленько,
У вишневим садочку.
І ти співай, соловейко,
З вечора до світа,
Нехай жиють усі холмщане
Многі, многі літа.
А за тих, що не звернулись
До рідної хати,
По них браття вічну память
Треба заспівати.
Вони з вами враз страждали
В хрестовий дорозі,
Нехай там у чужому краю
Спочивають в Бозі.
З Богом Отцем, з Богом
Сином
І зі Святим Духом.
Нехай для них на чужині
Земля буде пухом.

«На чужині й дома» отображает чувства беженца-холмщака, выехавшего в период Первой мировой войны вглубь Российской империи и мечтавшего вернуться на свою малую родину. Констатация поэта, что «ясна зоря над Холмщиною знову засіяла» в связи с возвращением в родной край может быть отнесена лишь к разряду несбывшихся надежд. В 1938 г. на Холщине и южном Подляшье польскими государственными властями были разрушены сотни православных церквей, в период Второй мировой войны и позднее наблюдается острейшее вооруженное противоборство здешних поляков и украинцев, массовые убийства мирного населения с обеих сторон, а затем следует знаменитая операция «Висла», когда местное украинское население было целиком изгнано с родной земли, на которой веками жили их предки, в

УССР и на отданные после войны Польше нынешние ее западные и северные территории.

Несколько лет назад на юге Украины была найдена Турковицкая икона Богоматери, которая, как полагают, принесена сюда выселенными из Польши после войны холмщаками. Ныне икона эта находится в Спасо-Преображенском кафедральном соборе Кривого Рога и считается покровительницей города.

Акафист Турковицкой иконе в самое последнее время стал все шире распространяться не только в Украине, но и в Белоруссии и России. На белорусско-русско-украинском пограничье мы все чаще встречаем различные его списки, а также электронные распечатки [2].

1. См.: *Кумецький А.* Заклик до Туркович: Вірші. Упорядкував і зредагував Л. К. Варшава, 1931.
2. Вот один из текстов, скопированных нами из рукописного сборника-тетрадки, составленного пару лет назад:

«Акафист Пресвятей Владычице нашей Богородице, явления ради чудныя Ея иконы в веси Турковицкей

Тропарь, глас 1:

О Вселюбящая Мати наша! Ты Икону Твою в сиянии чудном православным предкам нашим, в веси Турковицстей явила еси, и слезы над нами грешными, из Пречистаго лика Твоего горце источила еси. Озари ожесточенная сердца наша сиянием любве, да, проливая слезы покаяния, достойни будем Царствия Небеснаго.

Кондак, глас 3:

Под покровом Богоматере Церковь Православная празднует Ризы Богородичныя Положение, и пречуднаго Ея образа явление, и радостно вопиет: Се бо Мати наша с нами есть!

Величание

Величаем Тя, Пресвятая Дево, и чтим образ Твой святый, его же в сиянии чудном православным предкам нашим на утешение даровала еси.

Кондак 1

Избранней от всех родов Заступнице рода христианскаго, покровом Своея благости покрывающей православных страны нашея, благодарственная пения приносим Ти, Владычице, о явлении нам чудныя Иконы Твоея в веси Турковицстей. Ты же яко Всемилостивая Заступнице всех с верою к Тебе притекающих, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Икос 1

Ангел предстатель с небесе послан бысть на место чуднаго сияния, идеже стояше Икона Твоя, яже в Ченстохове граде, рещи о милосердии Пречистыя к избранному Твоему народу русскому. Собраннии же людие ужасахуся и воспеша к Богородице таковая:

Радуйся, Ею же радость возсияет: радуйся, Ею же клятва исчезнет.

Радуйся, падшаго Адама воззвание: радуйся, слез Евиных избавление.

Радуйся, высото, неудобовосходимая человеческими помыслы: радуйся, глубино, неудобозримая и ангельскима очима.

Радуйся, яко еси Царево седалище: радуйся, яко носиши Носящаго вся.

Радуйся, звездо, являющая солнце: радуйся, утробо Божественнаго воплощения.

Радуйся, Ею же обновляется тварь: радуйся, Ею же покланяемся Творцу. Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 2

Видеша людие божественное сияние являемое, начаша прославляти Бога и Пречистую Матерь Его, в день и нощь немолчными усты, и вопияху: Аллилуиа!

Икос 2

Разум недоразумевает, зря величие Твое, Богородице, како проявляеши велию силу и любовь Твою к нам грешным. Мы же, прославляя велия знамения Твоя, зовем сице:

Радуйся, совета неизреченнаго таиннице: радуйся, молчания просящих веро.

Радуйся, чудес Христовых начало: радуйся, велений Его главизно.

Радуйся, лествице небесная, Ею же сниде Бог: радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо.

Радуйся, Ангелов многословущее чудо: радуйся, бесов многоплачевное поражение.

Радуйся, свет неизреченно родившая: радуйся, еже како ни единаго же научившая.

Радуйся, премудрых превосходящая разум: радуйся, верных озаряющая смыслы.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 3

Сила Вышняго и благодать Преблагословенныя осени место, Тобою избранное, идеже людие восхотеша соорудити церковь. Тамо же бысть непрестанное сияние, нощию же появишася цветы белыя, указующия величину храма Божия. Заутра же собраннии воспеша: Аллилуиа!

Икос 3

Имущи помощь Преблагословенныя, благовернии людие, сопровождаемии силою свыше, неутомимо сооружаша храм Пресвятыя Богородицы. Егда вся совершиша, явися пречудная Икона Твоя, Владычице. Тогда вси людие возрадовахуся и немолчными песньми вопияше к Богородице таковая:

Радуйся, отрасли неувядаемыя розго: радуйся, плода безсмертнаго стяжание.

Радуйся, делателя делающая человеколюбца: радуйся, садителя жизни нашея рождшая.

Радуйся, ниво, растящая гобзование щедрот: радуйся, трапезо, носящая обилие очищений.

Радуйся, яко рай пищный процветаеши: радуйся, яко пристанище душам готовиши.

Радуйся, приятное молитвы кадило: радуйся, всего мира очищение.

Радуйся, Божие к смертным благоволение: радуйся, смертных к Богу дерзновение.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 4

Бурю разгоняя неверия многими чудесы Твоими, Пречистая, яко по молитве пред Иконою Твоею и причащении воды от источника старие и младии, богатии и убозии, православнии и иновернии здравие получаша, хромии же, яко юноши скачуще, вопияху: Аллилуиа!

Икос 4

Слышаша от людей, воспевающих предивная, боголюбивыя матери моляху Тебе о спасении чад своих. Ты же, приклоняясь к мольбам их, подаеши просимое, да зовут Ти сице:

Радуйся, Агнца и Пастыря Мати: радуйся, дворе словесных овец.

Радуйся, невидимых врагов мучение: радуйся, райских дверей отверзение.

Радуйся, яко небесная срадуются земным: радуйся, яко земная сликовствуют небесным.

Радуйся, Апостолов немолчная уста: радуйся, страстотерпцев непобедимая дерзосте.

Радуйся, твердое веры утверждение: радуйся, светлое благодати познание.

Радуйся, Еюже обнажися ад: радуйся, Ею же облекохомся славою.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 5

Боготечную реку исцелений, неисчерпаемый источник и море благодати видящи, вопием ти, Богородице, яко всякому просящему подаеши исцеление и посылаеши благодать Свою, мы же, достигше просимаго, вопием: Аллилуиа!

Икос 5

Видеша иноцы и инокини предивная, у Иконы Твоея бываемая, собрашася и создаху обитель, идеже усты своими и сердцем послужиша Богу и вопияху Благословенней:

Радуйся, звезды незаходимыя Мати: радуйся, заре таинственнаго дне.

Радуйся, прелести пещь угасившая: радуйся, Троицы таинники просвещающая.

Радуйся, мучителя безчеловечнаго изметающая от начальства: радуйся, Господа человеколюбца показавшая Христа.

Радуйся, варварскаго избавляющая служения: радуйся, тимения изымающая дел.

Радуйся, огня поклонение угасившая: радуйся, пламене страстей изменяющая.

Радуйся, верных наставнице целомудрия: радуйся, всех родов веселие.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 6

Проповедницы богоноснии бывше Земли Холмския простии людие, егда стекахуся на праздник Положения Честныя Ризы Богородицы во Влахерне и в день Твоего Покрова, тогда своими усты и чистым сердцем воспеваху Богу: Аллилуиа!

Икос 6

Возсия свет божественнаго сияния на месте, в древния лета прославленнаго и при рассвете нашего века, егда народ Земли Холмския устами, исполненными благодати, взывал из глубины простаго сердца: нам в Турковичах, яко на небесе бысть. Земных же пристрастий избавльшеся, вопияху к Богородице таковая:

Радуйся, исправление человеков: радуйся, низпадение бесов.

Радуйся, прелести державу поправшая: радуйся, идольскую лесть обличившая.

Радуйся, море, потопившее фараона мысленнаго: радуйся, камению, напоивший жаждущия жизни.

Радуйся, огненный столпе, наставляяй сущия во тьме: радуйся, покрове миру, ширший облака.

Радуйся, пище, манны преемнице: радуйся, сладости святыя служительнице.

Радуйся, земле обетования: радуйся, из неяже течет мед и млеко.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 7

Хотящии узрети лице Твое, Богомати, прибегаху к Иконе Твоей, Пречистая. Ты же, Милостивая, простираеши руку помощи и покров Свой всем к Тебе притекающим и благословляеши всех, с радостию вопиющих Ти: Аллилуиа.

Икос 7

Новое и дивное лице Твое показуеши нам, Богородице, с любовию взирая на нас, грешных, десница же Твоя показующи Сына Твоего, Господа и Бога нашего, побуждает нас прославляти Бога и, лобызая десницу Твою, взывати:

Радуйся, цвете нетления: радуйся, венче воздержания.

Радуйся, воскресения образ облистающая: радуйся, ангельское житие являющая.

Радуйся, древо светлоплодовитое, от негоже питаются вернии: радуйся, древо благосеннолиственное, имже покрываются мнози.

Радуйся, во чреве носящая Избавителя плененным: радуйся, рождшая Наставника заблуждшим.

Радуйся, Судии праведнаго умоление: радуйся, многих согрешений прощение.

Радуйся, одеждо нагих дерзновения: радуйся, любы, всякое желание побеждающая.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 8

Странное и дивное чудо видим, Богородице, егда иноверниии христиане начаша оскверняти место сие святое: храм Твой разориша, источник целебный гноем засыпаху, а веру нашу святую православную своими грешными устами хулиша. Мы же со скорбию велиею вопием Богу: Аллилуиа!

Икос 8

Богохульство страшное претерпеша отцы наши, егда нечестивии людие не токмо храм Твой, Владычице, в день Праздника Твоего разориша, но и многия храмы древния земли нашея оскверниша, а гробы предков наших раскопаша и народ православный Руси Холмския хитростию и силою в латинство влекоша, да страданьми многими и слезами безмерными очистившеся, взываше к Богородице:

Радуйся, Бога невместимаго вместилище: радуйся, честнаго таинства двери.

Радуйся, неверных сумнительное слышание: радуйся, верных известная похвало.

Радуйся, колеснице пресвятая Сущаго на херувимех: радуйся, селение преславное Сущаго на серафимех.

Радуйся, противная в тожде собравшая: радуйся, девство и рождество сочетавшая.

Радуйся, Еюже разрешися преступление: радуйся, Ею же отверзеся рай.

Радуйся, ключу царствия Христова: радуйся, надеждо благ вечных.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 9

Витийствовати всякая уста не могут, созерцая неисповедимая судьбы Божия; недоумеваем бо, како, Владычице, милостию Своею посещаеши нас грешных и единым путем покаяния ведеши избранныя Своя в царство небесное, мы же, таинству дивлящеся, верно вопием: Аллилуиа!

Икос 9

Всякое естество ангельское удивися, взирая на нас земных, лишенных за грехи храмов Божиих и обителей святых, не имущих убежища для утешения молитвеннаго. Бысть время, егда земля наша - Червенная Русь, омывшись кровию и слезами верующих, бысть Престолом Божиим, а небеса - покровом. Вси же оставшиися, якоже анге-

ли земнии, прославляху Всемилостиваго Бога и Его Матерь, устами своими взывая:

Радуйся, премудрости Божия приятелище: радуйся, промышления Его сокровище.

Радуйся, любомудрыя немудрыя являющая: радуйся, хитрословесныя безсловесныя обличающая.

Радуйся, яко обуяша лютии взыскателие: радуйся, яко увядоша баснотворцы.

Радуйся, афинейская плетения растерзающая: радуйся, рыбарския мрежи исполняющая.

Радуйся, из глубины неведения извлачающая: радуйся, многи в разуме просвещающая.

Радуйся, кораблю хотящих спастися: радуйся, пристанище житейских плаваний.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 10

Спасти хотя мир и всем в разум истины прийти, яко Добрый Пастырь показуеши скорбный путь Святаго Православия, да отпадшии сродницы и знаемии наши, оставльше заблуждения, неверие и безбожие взывают: Аллилуиа.

Икос 10

Стена еси всем с верою к Тебе притекающим, Богородице Дево, ибо по многих летех нечестия услышан бысть вопль и стенание людей Твоих и тогда архиереи и пастыри Церкви нашея обретоша Икону Твою святую, ибо Господь и Пречистая Матерь Его поруганы не бывают, а вси приходящии, лобызающе честную Икону, взывают:

Радуйся, столпе девства: радуйся, дверь спасения.

Радуйся, начальнице мысленнаго наздания: радуйся, подательнице божественныя благости.

Радуйся, Ты бо обновила еси зачатыя студно: радуйся, Ты бо наказала еси окраденныя умом.

Радуйся, тлителя смыслов упраждняющая: радуйся, Сеятеля чистоты рождшая.

Радуйся, чертоже безсеменнаго уневещения: радуйся, верных Господеви сочетавшая.

Радуйся, добрая младопитательнице девам: радуйся, невестокрасительнице душ святых.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 11

Пение всякое уст наших побеждается, тщащееся прославить обновленный лик Твой, Богомати; равночисленная бо песка морскаго песни, аще приносим Ти, ничтоже совершаем достойно. Сего ради со смирением зовем: Аллилуиа.

Икос 11

Светоприемную свещу, сущим во тьме явльшуюся, зрим принесенную Икону Твою во Обители Яблочинстей, древней. Ты, о Богомати, вжигаеши невещественный огнь, наставляеши к разуму божественному вся, зарею ум просвещающая, званиями же почитаемая сими:

Радуйся, луче умнаго солнца: радуйся, светило незаходимаго света.

Радуйся, молние, души просвещающая: радуйся, яко гром, враги устрашающая.

Радуйся, яко многосветлое возсияваеши просвещение: радуйся, яко многотекущую источаеши реку.

Радуйся, купели живописующая образ: радуйся, греховную отъемлющая скверну.

Радуйся, бане, омывающая совесть: радуйся, чаше, черплющая радость.

Радуйся, обоняние Христова благоухания: радуйся, животе тайнаго веселия.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 12

Благодать дати восхотела еси, Богородице, изливая из Пречистаго Твоего лика горце слезы над нами грешными. Озаряеши бо ожесточенная сердца наша сиянием любве и, раздрав рукописание грех наших, слышиши от всех: Аллилуиа!

Икос 12

Поюще покров Твой, Владычице, и хваляще посещение милостию Твоею церкви преподобнаго Онуфрия Великаго, якоже древнии отцы наша, радостно вопием: се бо Мати наша с нами есть! Имамы бо Тя Заступницу необоримую, освящающую нас и научающую, темже благодарно воспеваем Ти сице:

Радуйся, селение Бога и Слова: радуйся, святая святых большая.

Радуйся, ковчеже, позлащенный духом: радуйся, сокровище живота неистощимое.

Радуйся, честный венче царей благочестивых: радуйся, честная похвало иереев благоговейных.

Радуйся, Церкве непоколебимый столпе: радуйся, царствия нерушимая стено.

Радуйся, Еюже воздвижутся победы: радуйся, Еюже низпадают врази.

Радуйся, тела моего врачевание: радуйся, души моея спасение.

Радуйся, Мати Божия, православных страны нашея Похвало, Покрове и Утверждение.

Кондак 13

О Вселюбящая Мати наша, рождшая всех святых Святейшее Слово! Приими скорбное моление сие наше, возносимое ныне пред преславным образом Твоим. Икона бо Твоя поруганная, яко корабль, носимый бурею треволнений житейских, притекла к тихому пристанищу древния, Богом избранныя обители преподобнаго Аввы Онуфрия. От сего часа на месте сем сугубо прославляется предстательство Твое, о Богомати! Сего ради вопием Ти: обитель сию древнюю, насельников ея и всех людей Твоих от всякия избави напасти и будущия изми муки, со слезами Тебе вопиющих: Аллилуиа.

Молитва

О Вселюбящая Мати наша! К Тебе, пред чудным Твоим образом, приносят умиленный глас сердец пастырие и вси людие: старии и младии, вдовы и сироты, богатии и убозии, здравии и болящии, радующиися и печальнии, православнии и иновернии, от всех стран земли нашея собравшеся: Простри, о Крепкая Заступнице мира всего, Твои пречистии руце к Сыну Твоему и Богу, и умоли Его о нас, страдающих за грехи наша. Страждем, о Утешительнице наша: не имамы бо утешения в чадех наших: оскорбляеми и угнетаеми есмы от сынов и дщерей наших, соблазны мира сего возлюбивших и веру во Христа Бога оставивших. Страждем, о Наставнице заблуждших, понеже сродницы и знаемии наши, оставивше веру православную, истинную и спасительную, во ереси многоразличныя и иноверие уклонишася, и враждою ко Святому Православию преисполнени суть. Страждем, о Умягчительнице злых сердец, ибо несть мира во градех и весях наших, и умножися в них ложь, зависть и злоба ко ближнему своему. Страждем, о Подательнице благ земных, ибо тяжци повседневнии труды наши, и не довольни суть к пропитанию нашему. Страждем, о Пристанище наше, ибо лишени есмы за грехи храмов Божиих и обителей святых, и не имамы убежища для утешения молитвеннаго.

Страждем, о Покровительнице наша, ибо умножишася враги Господа, хулящии Его в ожесточении нераскаянных сердец, и проклинающии, и гонящии верных Христу Богу. Люте страждем, о Мати Божественныя Любве, и молим Тя: по данной Тебе от Сына Твоего и Бога нашего благодати мир Церкви Православной испроси, посли чадом Ея единомыслие и любовь, умудри пастырей, вразуми и уцеломудри сынов и дщерей наших, настави на путь Святаго Православия отпадших сродников и знаемых наших, взыщи погибающих во тьме неверия, безбожия и богохульства, и умири ожесточение их нераскаянных сердец. Сущим в темницах и изгнании братиям нашим даруй небесную отраду. О усопших, иже не имут сродников, еже молитися о них, Сама буди Молитвенница и Предстательница. В час же грозный смерти, егда душа от тела разлучается, защити от нападения духов злобы, и Святых Тайн причаститися сподоби. На страшном суде Сына Твоего не престай умоляти Его о помиловании нас, и введи нас в Небесныя Обители, идеже радость и блаженство неизреченное и жизнь безконечная. Аминь.

История чудотворной Турковицкой Иконы Божией Матери

На протяжении многих столетий на землях нынешней восточной Польши устами наших предков прославлялось имя Господне и Его Пресвятой Матери, покровительство которой особо ощущает православный народ Холмщины и Подлясья.

Божия Матерь, желая укрепить веру своего народа, в истории прославилась многими чудесами. Особая же любовь Ее к нам проявилась в чудотворных иконах. Всем нам и доныне известна святыня наша – Холмская Чудотворная Икона Божией Матери, Люблинская, Лесненская и другие.

Царица Небесная, предвидя грядущие испытания, накануне тяжелых дней всегда проявляла великое свое попечение. Так было перед татарскими набегами, в период лихолетья Брестской Унии и в нашем столетии накануне Октябрьской революции. Безконечная любовь Божией Матери “к нам грешным” проявилась также и в Ее Чудотворной Иконе, именуемой Турковицкая. Совершившихся чудес перед этой Иконой на протяжении истории перечислить невозможно. Как звезды ночью украшают небо, так и Божия Матерь украсила свою Икону многими чудесами. И как утренняя заря наполняет душу человека радостью и веселием, так и все прибегающие с верою и молитвою

и припадающие к Иконе Ея, ощущают тишину, мир и радость духовную, укрепляющую нашу веру в этой и открывающую дверь для будущей жизни.

В XIV веке польский князь Владислав Опольский, увозя из города Белза все драгоценности, увез с собой также величайшую святыню этого города – Икону Божией Матери, по преданию, написанную самим св. Евангелистом Лукою. По пути остановились для отдыха на развалинах старого города Червеня, вблизи которого теперь находится город Томашув Люблинский и неподалеку – деревня Турковичи. После остановки шесть пар коней не могло сдвинуть карету с Иконою, из которой стало происходить сияние. Князь Владислав, несмотря на явное чудо Божией Матери к этому месту, еще более захотел поскорее увезти эту Икону в Ченстохову, где и поныне она почитается польским народом. Сразу после отъезда на месте, где стояла Икона, появилось великое сияние. Местные жители, видя великое чудо, стали возносить свои молитвы и захотели построить здесь церковь. На следующий день утром место это поросло ромашкой, указывая, таким образом, величину дома Божия, а строительство церкви сопровождалось чудесным сиянием, в котором наконец появилась икона Божией Матери, написанная на холсте.

Вначале на этом месте основали мужской монастырь. В 1789 году монастырь закрыл униатский епископ Максимильян Рылло. 5/18 декабря 1902 года был основан женский монастырь, а в 1906 году 2/15 июля на праздник Положения Честныя Ризы Божией Матери во Влахерне – прибыл епископ Люблинский и Холмский Евлогий.

Достойного гостя игумения Афанасия встречала копией чудотворной Иконы, обложенной серебряной, позолоченной ризой – тоже особо почитаемой верующим народом. В начале I Мировой войны весь монастырь с чудотворной Иконой эвакуировали в Москву. В 1919 году монастырские постройки были переданы властями католическим монахиням. Десять лет спустя одну из церквей разобрали. С этого времени усилилось притеснение православных жителей. 2/15 июля 1937 года, сразу после праздника, с помощью полиции наемники разобрали главную церковь. Весной же 1945 года всех православных жителей вывезли на Украину.

На этом святом месте в 1950 году основали сельскохозяйственную школу. В начале восьмидесятых годов оставшаяся, обезчещенная молодежью часовня, руками Блаженнейшего Предстоятеля нашей Церкви, Митрополита Василия, обрела чудесным образом сохранившуюся копию чудотворной Иконы Божией Матери.

После реставрации икона вернулась в день Праздника 2/15 июля 1982 года в приходскую церковь в Томашове Люблинском, а в 1990 г., по благословению Преосвященнейшего Епископа Люблинского и Холмского Авеля, Икону перевезли в Яблочинскую Свято-Онуфриевскую Обитель, где в первое воскресенье после 2/15 июля вновь прославляется эта Икона.

Турковичи, как живое место, перестали существовать. Но у верующего православного народа память об этом месте и вера сохранились. Они живут в народе и жить будут во веки веков».

У Жировицкого образа

В течение целого тысячелетия после разделения церквей у православных и католиков сохраняются и преумножаются общие духовные святыни, среди которых есть множество икон. Одна из них – образ Жировицкой Богоматери, по преданию обретенный неподалеку от города Слонима в XV в. Культ этой иконы из глубинных белорусских земель ныне весьма распространен во всей Восточной Европе и даже за ее пределами, в том числе на других континентах. Центр почитания Жировицкого образа и православными и католиками, конечно же, Белоруссия [1], а также многие места Украины, России и Польши.

Общим святыням православных и католиков посвящено огромное множество всевозможных произведений, в том числе народных. Народные списки икон из этого ряда уже давно кажутся самым тщательным и заинтересованным исследователям необозримым океаном, изучить который они по сути просто не в состоянии [2]. Еще в большей степени это можно сказать о народной литературе, посвященной этим святыням.

На белорусско-русско-украинском пограничье превалирует, конечно же, православная народная литература об образе Жировицкой Богоматери. В основном это печатные, рукописные и машинописные акафисты и молитвы. Число их, виденных нами, исчисляется сотнями. Заметно меньше различных православных сказаний и заметок о святыне, стихов, ей посвященных.

В Гомеле, в кругу немногочисленных белорусоязычных католиков, мы записали тексты трех молитв «да Маці Божай Жыравіцкай»:

«О Маці Божая Жыровіцкая, Суцяшальніца ўсіх засмучаных, што яснееш ласкамі ў гэтым цудоўным абразе, поўная дабрыні, слодычы, надзеі і любові. Да Цябе прыходзім з нашымі просьбамі, дай здароўе хворым, ласку навяртання грэшнікам, умацаванне веры слабым, любоў у сем'ях, еднасць і згоду хрысціянам і дабрабыт нашаму краю. Благаславі і апякуйся перад Сынам Тваім Езусам Хрыстусам. Амэн».

«Найсвяцейшая Дева Марыя, нашая найлепшая Маці і Уладарка, выслухай нашую просьбу. Бо Ты адзіна чыстая звыш даброслаўленая, Богародзіца, Дзева Марыя, Уладарка Беларусі, што свеціш у Жыровічах цяпер і на вякі вечныя. Амінь».

«О Маці, што закрасавала
Свайму народу не ў цвярдыні,
Акрытай славаю нязвялай,
А на грушцы ў пушчы сіняй.
Ты, што ўспыхнула зарніцай
Не ўладаром зямным узвышшаў,
А пастушком малым і ніцым,
Будзь апякункай ўсяможнай
І тых, што гінуць на Радзіме,
І тых, што торбы падарожнай
Жабрачай з плеч ніяк не здымуць.
Дай, каб нам гарт у ўсіх дастоіў,
Дай, каб мы верылі, як дзеці,
Дай, каб імя Тваё святое
Пранеслі з вераю па свеце.
Дай, каб злоба, мана, зацятасьць
Нам не былі ў жыцці спакусай.
Вярні нам нівы нашы і хаты,
О, Матка Божа Беларусі».

Интересно сравнить тексты, почти одинаковых белорусоязычных народных песнопений в честь Жировицкого образа, которые мы записали у православных и католиков Гомельщины.

У Жыровіцах нам зьявілась,
О Марыя!
Бо нас грэшных палюбіла.
Алілуя!
Прыпеў:
Радасць вам, херувімы,
Спявайце, серафімы.
Радуйся, радуйся,
О Марыя.
На грушковым стаяў дрэве,
О Марыя.
Вобраз Пресвятой Дзевы.
Алілуя.
Прыпеў.
І апорай хрысціянам,
О Марыя.
Стаў Твой Вобраз, Богам даны.
Алілуя.
Прыпеў.
У Жыровіцы людзі ходзяць,
О Марыя.
Там свае малітвы ўзносяць.
Алілуя.
Прыпеў.
Каб жыла наша краіна,
О Марыя.
Адганяй ворагі злыя.
Алілуя.
Прыпеў.

(записано в православной среде)

У Жыровіцах нам зьявілась,
О Марые!
Бо нас грэшных палюбіла.
Алілуя!
Прыпеў:
Радасць вам, херувімы,
Сьпявайце, серафімы.
Радуйся, радуйся,
О Марые.
Туды дзеці скот ганялі,
Дзе цяпер святыню славім.
Прыпеў.
На грушковым стаяў дрэве,
Абраз Прэсвятоя Дзевы.
Прыпеў.
І апорах хрысціянаў
Стаў Абраз Твой Богам даны.
Прыпеў.
Няхай будзе Табе слава,
Што да нас ты завітала.
Прыпеў.
У Жыровіцы людзі ходзяць,
Там свае малітвы ўзносяць.
Прыпеў.
Мы Цябе ўсе ўзвелічаем,
Свае слезы праліваем.
Прыпеў.
Ты нябесная нам Маці,
Да цябе мы будзем зваці.
Прыпеў.
Няхай будзе Табе слава,
Што для нас апорай стала.
Прыпеў.
Нашых ворагаў прагнала,
Беззаконых пакарала.

Прыпеў.
Каб жыла наша краіна,
Адганяй ворагі злыя.
Прыпеў.
(записано у католиков)

Все эти белорусоязычные песнопения появились у католиков сравнительно недавно, ранее широко были распространены польскоязычные, иногда идущие из веков. Так, например, на Гомельщине нами была записана старинная кантычка «O Najświętszej Pannie Żyrowieckiej», сохранившаяся в составе рукописного сборника, составленного не ранее середины XX в.

Zyrowice łask krynice na cały świat wylały,
Gdy Maryą jak lilią na gruszce ukazały.
Prostaczkowie pastuszkowie pasąc srzode w czas ranny,
Widząć krasny Obraz jasny w gruszce Nayświętszej Panny.
Poklękają, pokłon daią, biorą, niosą, cieszą się,
Za skarb znaią, Panu daią, spolnie tam weselą się.
Ta schowana u Sołtana w skrzyni drożej złoto,
Lecz zniknela, i słaneła w gruszce znowu z ochotą.
Tam drewniana zbudowana Cerkiew na jej mieszkanie,
Gdzie idący i jadący czynią grzechow wyznanie.
Nocney pory cerkiew gory, Obraz cały zostaie,
W swym promieniu na kameniu wiernym się widzieć daie.
Obaczył lud tak wielki cud, kamień naturę zmienił,
Wszyscy czuią, gdy probuią, chorych w zdrowych przemienił.
Zakładano, murowano Cerkiew dla niey na górze,
Lecz ządała, aby stała gruszka w cerkiewnym murze.
Y oraz w punkt Mieleszki grunt funduszem się dostaie,
Tu Pan trzy cuda wyzna, Byteń na Zakon daie,
Wiek szedziwy i szczęsliwy był na ten czas Pocieja,
Y czas złoty pełen cnoty unii dobrodzieja.
Rucki dziwnie i przychylnie do Zakonu wstępuie,
W pobożności, gorliwości Pocieja nasladuie.
W ten czas swięci dwa są wzięci jak rodzony mbrat z bratem,

Na starszenstwo przełożenstwo
Symeon z Iosafatem.
Obraz słynie, lud tam plynie, czyni częste ofiary,
Srebrem, złotem i kleynotem zdobi Obraz bez miary.
Wkrótce ali Moskwa pali, cerkwi splendor zabiera,
Lecz jey siła przymusiła, że Sojusze zawiera,
Gdy tam w porcze woyny wzorze wtąż pod Lachowiczami,
Bitwę tocząc, we krwi brocząc Polska nasza z synami,
Y w polące tam walczące woysko Moskwy przegrało,
Choć się bitwą z naszą Litwą kawalersko ścieralo.
Połubińscy i Ogińscy i zacni Sapiehowie,
Y Koreccy, i Czarneccy, i bitni Chodkiewiczowie.
Tu przyznali, że doznali Zyrowickiey pomocy,
Woyska mało rozprasząło nieprzyiacielskie mocy.
Tu Renaty skarb bogaty, który swą ręką dała,
Tu od króla Kazimierza wieś się buła dostała,
Jan Sobiesky, król nasz Lechski wotum swoie oddaie,
Ze to nowa Częstochowa Obrazowi przyznaie.
August wtóry, widzieć mury z Sasami tu przychodzi,
Skłania głowę weysko zdrowie wnet z Zyrowic wychodzi.
Tu panowie, monarchowie, Senat; szlachta, xiążęta,
Y sielanie, i mieszczanie, panie, panny, panienta,
Odpust maią, gdy bywaią, czyniąc żal ża swe grzechi,
Dobre dziatki u swej Matki nie są bez swey pociechy,
Nie dość chwaly cuda miały, w Słonimskich Zyrowicach,
Lecz są jawne wielce sławna i po włoskich granicach.
Dość plezyru, ż od żyru Rzym Maryą nazywa.
Tam są starci na łeb czarci, Liwie chwały przybywa.
Ktoż nieprzyzna, ktoż niewyzna, iż to dała Marya,
Ze się szerzy, jadno wierzy z Rzymem Ruska unia.
Na choroby są sposoby u tey lekarki swięte,
Zalecone, doświadzone, z samego nieba wzięte.
Slepi baczą, chromi scaczą, słuch głusi odbieraią,
Nawiedzeni uwolnieni, umarli życie maią.
Na frasunek tu ratunek, ciężarna lekko rodzi,
W bladey minie febra ginie, zdrowo chory odchodzi,

O zbawienna nieodmienna Apteko rayskiey chwaly,
W ktorey rady węża zdrady nigdy mieysca niemiały.
Tyś oliwna rószczko dziwna, gołębicy Noego.
Z ciebie ciało bóstwo miało, Tyś to sama sprawiła,
Dwie natury bez scysurz wiecynie w Synie zjawiła.
W tysiąc siedmset dwódziesto lat za xiędza Trulewicza,
Cudow wiele w Rzymie smiele Klement Papież wylicza.
Innocenty na tron wzięty mało co panuiący,
Zasnoł Panie, koron danie następey zlecaiący.
Ten obranz i naywany Benedykt, daie wszakże
Moc sprawować, koronować, Benedyktowi także.
Lecz kto może o moy Boże koronować na ziemi,
Gdy darami i łaskami uwieńczona Boskiemi.
W tysiąc siedm set trzy dzieści lat Arcybiskup Kijowski,
Koronował, wenerował sprawuiąc urząd Boski.
Królom, panom, i hetmanom ta się trudna rzecz staie,
Alić droga Matka Boga w żyru się widzieć daie.
Miał trudności i zazdrości gdy się tam cud stał sławny,
Tynk w zasłonie, w murow łonie Obraz widzieć dał dawny.
Gdy mówili, czy bluźniłi, ze rektor w Beelzebuba
Imie cudu, czy obłudu czyni w tym jego chluba.
W hańbę dani pokarani tacy wszyscy ogulnie,
Wspaniałego wysokiego urzędu w Rzymie spolnie.
W tym korony w swoie strony przywiozł z sobą litewskie,
W żyru sława jużci stawa, są i gory niebieskie.
Doszła walna, tryumfalna wielce koronacya,
Dostatecznie w wieku wiecznie, Wiwat, Ruska nacya,
Tyś to stale poufale to tak wszystko zrządziła,
O Panienko Twoią ręka nas przyozdobiła.
Tyś Władarka i Szafarka zasług Twoiego Syna,
Bo przy Męce Twoie serce przeszła włocznia longina.
Ztąd dla Ciebie Syn Twóy w niebie puścił tronu prawicę,
A na ziemi nad grzesznemi dał sądu połowicę.
Zdobże skronie i w koronie, która Papiez przysyła,
Byś Wielkiemu Litewskiemu Xięstwu Królową była.
Któż to lekce ważyć zechce Matkę Bogą Czlowieka,

O Kalwinie zguby synie, slepa w tym twa powieka.
Gdy zwieastuje, weneruje Anioł zacność Panienki,
O Elżbieta Pani Swięta wielkie jey czyni dzięki.
Owo zgoła Rzesza wola, Błogosławiony żywot,
O Kalwinie zguby synie, na co się zda twóy wywot.
Cóż ci winne grono winne, co się Panną karmiło.
Ze z cierpkością i krewkością równać ci się godzilo.
Niech ci świeci, promień wznieci świetło Ewangelii
Ze chwalebna i potrzebna wzywać Panny Maryi.
Paiąka sam starszy balsam, a smierć chczą zowi róża,
Ma szafrany i dyptany na ten jad Matka Boża.
Czyńmyż dzięki jey na wieki w tey malutkiey figurze,
Niech to stara wspiera wiara, co jest cudem w naturze.
Ty Słonimie i ty Rzymie Pieśń Maryi śpiewaycie,
Jey stolicę Zyrowice serdecznie wychwalaycie. Amen».

Этот польскоязычный текст несомненно был первоначально скопирован с одного из многочисленных печатных сборников кантычек – самых массовых и любимых простым людом польскоязычных народных книжек, широко распространенных когда-то не только среди поляков, но и части белорусов, литовцев, украинцев, даже некоторого числа русских. Новые времена, новые невиданные ранее технологии способствуют формированию совершенно иных по форме, качеству и скорости средств тиражирования текстов, каналов коммуникации. Один из них – электронный файл, электронная копия и всевозможные виды ее распространения. Именно таким образом у католиков Гомельщины был записан текст «Акафіста Прысвятой Багародзіцы прад яе іконай, што завецца “Жыровіцкай”», написанного в самое последнее время и распространяемого в основном среди белорусских греко-католиков.

«Абраз Боскай Маці Жыровіцкай зьявіўся ў 1470 году ў мястэчку Жыровічы Гарадзенскага краю. У леску, які належыў праваслаўнаму беларускаму шляхцічу Аляксандру Солтану, пастухі убачылі незвычайна яркае святло, прасочваючаяся

скрозь галіны грушавага дрэва. Пастухі падышлі бліжэй і убачылі на дрэве невялікі абраз Боскай Маці у прамяністым зьзяньні. Пастухі з глыбокай павагай узялі абраз і аднесьлі да Аляксандра Солтана. Аляксандар Солтан не надаў адмысловага значэньня паведамленьню пастухоў, але абраз усётакі узяў і замкнуў у куфар. На наступныт дзень да Солтану прыйшлі госьці, і гаспадар захацеў паказаць ім знаходку. Да свайго здзіўленьня, ён не выявіў образа ў куфары, хоць незадоўга да гэтага бачыў яго. Праз некаторы час пастухі зноў здабылі абраз на тым жа месцы і зноў аднеслі яго Аляксандру Солтану. Гэты раз ён паставіўся да абраза з вялікай глыбокай павагай і даў зарок збудаваць на месцы зьявы царкву ў гонар Найсвяцейшай Богародзіцы. Каля драўлянага храма неўзабаве зьявілася паселішча і утварыўся прыход. Каля 1520 года храм цалкам згарэў, нягледзячы на высілкі жыхароў патушыць пажар і выратаваць абраз. Усе думалі, што ён загінуў. Але аднойчы сялянскія дзеці, вяртаючыся з школы, убачылі цудоўнае бачанне: Панна незвычайнай прыгажосьці ў прамяністым ззяньні сядзела на камені ў згарэлага храма, а ў руках у Яе быў абраз, які усе лічылі згарэўшым. Дзеці не адважыліся падыйсьці да Яе, але пасьпяшаліся распавесьці аб убачаннам родным і знаёмым. Усе прынялі аповяд аб бачаньні за Боскае адкрыцьцё і разам са святаром адправіліся да гары. На камэні, каля запаленай свечкі, стаяў Жыровіцкі абраз Божай Маці, нікольні не пацярпеўшы ад агню. Часова абраз паставілі ў хаце святара, а камень быў абгароджаны. Калі пабудавалі каменны храм, туды паставілі цудатворны абраз. Пасля каля храма паўстаў мужчынскі манастыр. У1609 году манастыр стаў уніяцкім і быў такім да 1839 года. Ва увесь гэты час Жыровіцкі абраз Божай Маці карыстаўся шанаваньнем і праваслаўных, і уніятаў, і каталікоў. Падчас Першай сусветнай вайны Жыровіцкі абраз Божай Маці вывезлі ў Маскву, а ў пачатку 20-х гадоў ён была павернуты ў храм Жыровіцкага манастыру. Цяпер ён знаходзіцца ў саборы ў гонар Успеньня Найсвяцейшай Богародзіцы Жыровіцкага манастыра і глыбока пачытаецца за яго дабрадатную дапамогу. Абраз выразаны на камені номерам 43х56 мм.

Кандак 1

Абранай ад усіх радоў Царыце і Уладарцы спеў хваленьня прынясём, як Малельніцы і Абаронцы роду хрысьціянскага. Ты ж, як добрая, Прадстаяльніца прад Госпадам малі Сына Твайго і Бога нашага, падаць нам спадчыну дабротаў вечных, ды радасна да Цябе клічам: Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Ікас 1

Архангел Гаўрыіл, з нябёсаў пасланы да цябе, Дзева чыстая, вымавіў Цябе: Радуйся, Дабрадатная, Госпад з Табой! Мы ж дабрынёй Божаю праз Цябе асьвячоныя, праслаўім Цябе спевамі:

Радуйся, абраная напярод стагодздзяў Воляй Божай;

Радуйся, Ягніца, нарадзіўшая Ягня Божае, выкупіўшае грахі сусвету.

Радуйся, скарб выратаваньня нашага, прывышэйшая сілаў Анёльскіх

Радуйся, Юначка прыцнатлівая і Маці Свету. Радуйся, крыніца вады жывой невычарпальная. Радуйся, Рай кветкадаўчы, Божаае Дрэва жыцця ўзрасьціўшая.

Радуйся, Богаабдарованая Маці, Радасць нябёсаў і зямлі нарадзіўшая.

Радуйся, моцью Усявышняга асененая, Божы колас, Выратавальніка сусвету падараваўшая.

Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 2

Бачачы верных дзяцей тваіх у бедах жыцьцёвых пакутваючых і дапамогі нябеснай ад Цябе патрабуючых, Ты, Богамаці, надзея хрысьціянаў, дзівосным яўленьням на дрэве святой Тваёй іконы насельнікам вёскі Жыровічы, напоўніла іх радасцю і вясёласцю скарботныя сэрцы іх, таму ўсі удзячна сьпяваюць у Цябе Богу: Алілуя.

Ікас 2

Розумам няразумеўшы таямніцы дзівоснага зьяўленьня на дрэве іконы Тваёй, Прычыстая Уладарка, схаваў у куфар шляхціц Солтан яўлены Табой прычысты абраз Твой. Ты ж, Богародзіца Дзева, новай выявай на том жа дрэве абраза гэтага ж навучыла розуму Солтана, і ўсі пазналі дар міласэрднасьці Тваёй да людзей Тваіх, і з радасьці заспявалі:

Радуйся, калодзезь радасьці невычарпальны.

Радуйся, кветка добрапахучая невымоўнай асалоды.

Радуйся, як дрэвам жыцьця, верных духоўна насалоджывая.

Радуйся, багацьця нябеснага ўсім шануючым Цябе дарыцельніца.

Радуйся, не лішаючая дабрыні Сваей і міласьцяў усіх заблытаўшыхся.

Радуйся, пакровам Тваім усіх прыходзячых да абраза Твайго натхняючая.

Радуйся, чувальная да голасу маленьня ўсіх патрабуючых.

Радуйся, Маці міласэрднасьці вечнай.

Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 3

Моцам выявы дзівоснай аб яўленні цудатворнага абраза Твайго асвячоны, зразумеў спадар Солтан, як абраз гэты дзеля суцяшэньня пакутваючых Табой з нябёсаў дасланы быў, і, слёзна каючысь аб неразумнасці сваёй, пабудаваў храм на месцы яўлення абраза прыдзівоснага, і ўсі людзі, малітвы ў ім да Бога ўзносячы, няспынную славу Цябе спяваюць: Алілуя.

Ікас 3

Маючая багацьця міласэрднасці невымоўнае, не адкінула ты думкамі абраных Табой, у скарбоце вялікай перабываючых. Калі храм, дзе знаходзілася ікона Твая прачыстая, вагонь знішчыў, Ты, Усядобрая Суцяшальніца захавала абраз ад вагню непашкоджаным, зноў явіўшы яго на камені каля храму, вагнём спалёнага. Людзі ж, пабачыўшы цуд гэты, адразу спеў славы Цябе засьпявалі:

Радуйся, Купель неапалімая, някранутым прычысты Твой абраз у вагні захаваўшая.

Радуйся, скарботных людзей Тваіх цудатворнай іконы не пазбавіўшая.

Радуйся, абароны пакровам Тваім хрысціянаў накрываючая.

Радуйся, прадстаяльніцтвам Тваім святыні Твае захоўваюцца.

Радуйся, на камне прычысты абраз Твой зноў явіўшая. Радуйся, цудам Тваім на камне веры стаўпы нашыя ўмацаваўшая.

Радуйся, бо як цвярдыню непераможную абароны нашай Цябе атрымалі.

Радуйся, як добрамоцную Апякунку Цябе вызнаем.

Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 4

Бурай запалаў і спакусаў атакаваны верныя Твае, малячысь прад цудатворным абразом Тваім, спакой і душэўную радасьць атрымліваюць. Бо Ты, Дзева чыстая, хрысціянаў Шляхакіроўца, на праўдзівы шлях іх скіроўваеш і сэнсу пазнаньня жыцьця зямнога дапамагаеш, ды ўсе богапрыгожым сьпевам славяць Бога, сьпяваючы Яму: Алілуя.

Ікас 4

Чулі людзі, як яўлёны Табой абраз дарам цудаў напоўнены, з верай і надзеяй на міласэрднасць Тваю да яго прыходзяць і багацця шчадротаў Тваіх атрымаўшы, так спяваюць славу Цябе:

Радуйся, Маці міласэрднасьці, мора шчадротаў на хрысціянаў ізліваючая.

Радуйся, усяму сусвету радасць прыносячая.

Радуйся, святы прытулак верных. Радуйся, Падаўца дабротаў вечных. Радуйся, Суцяшальніца скарботаў нашых. Радуйся, моцнае ўздыманьня ўсіх падшых. Радуйся, зьнямоглых Абаронца. Радуйся, у пакутах нашых сапраўднае суцяшэння. Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 5

Богацечнай зорцы, на ўсходзе зазьзяўшай, падобна была ты, Прысвятая Дзева, калі ў прамянёвам ззяньні ў вобразе жан-

чыны прыгажосьці невымоўнай явілась Ты дзецям, указвая месца зьяўлення прысвятой іконы Тваёй, дзівосна Табой ад вагню захаванай. Не залішай і дзяцей гэтых Тваёй дабрыні, навучай іх аб вялікай міласэрднасці Тваёй, ды, пераймаючы дзецям ізраілевым, клікаючым Хрысту: Асана, заспяваюць яны аб Цябе славу Богу: Алілуя.

Ікас 5

Ведаючы дзівосны і прыслаўны цуд прад іконай Тваёй, Прычыстая, калі дзяўчына на імя Ірына, у хваробе перабываючая, вырушыўшы на пакланення святыні Тваёй, на шляху памёрла, і, калі манахі пачалі служыць чын пахавання яе перад абразом Тваім, уваскросла, усе людзі з трымценням спяваюць:

Радуйся Слова жыцця ў плоці нарадзіўшая.

Радуйся, малітвамі памёршую слугу Тваю ўваскрасіўшая.

Радуйся, каўчэг жыцця нашага, ад патопу смяротнага нас ахоўваючы.

Радуйся, розум прысветлы, асалоды пазнання жыцця вечнага нам дарыцельніца.

Радуйся, абразом Тваім крыніца цудаў вялікіх нам явілася.

Радуйся, цемру абставін злых ад шануючых Цябе адганяючая.

Радуйся, выявамі нявымоўнымі молячых Цябе падбадзёрваючая

Радуйся, матчынымі шчадротамі ўсіх прыходзячых да Цябе абдароўніца

Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 6

Дабравеснікамі дабрыні Тваёй зьяўляюцца ўсе прыходзячыя да іконы Тваёй, Уладарка. Бо не адкінула нікога з тых, хто ў цёплай малітве рукі свае да яе працягваў, і спазнаўшы моц дару дзівоснага Табой у іконе яўляемы, заспяваюць Богу песню ўдзячнасьці: Алілуя.

Ікас 6

Зазьзяўшымі праменнямі светаносны шлях жыцьця набожнага асвячаючы, зьявіўся святы манастыр Жыровіцкі, пад ахо-

вай святыні Тваёй, Богамаці, пабудаваны. Ён ёсць домам подвігаў манаскіх, і вучэльня божага разумення юнакам, асвячае зямлю Беларускую праменьнямі праўдзівых богаведаў, і ўсі Цябе, розуму Божага Насаджальніцу, так заспяваюць у спевах прыслаўных:

Радуйся, Богамаці святла нядасягальнага.

Радуйся, світанак Сонца незаходзячага.

Радуйся, прыступкі, да нябёсаў вядучыя.

Радуйся, нямудрых розумам Боскім асвячаючая.

Радуйся, вучэльняў набожнасьці ў краіне нашай Засноўніца.

Радуйся, у разуменні вучэння Хрыстовага прымудрая Настаўніца.

Радуйся, душы верных дабрадзейна сілкуючая. Радуйся, верных малаком прымудрасьці напойваючая. Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 7

Жадаючыя ўшанаваць пакланеньням абраз Твой, шматлікімі цудамі праслаўлены, спяшаліся да манастыра Жыровіцкага ня толькі людзі простыя, але і каралі зямныя, прыпадаючыя да прыслаўнай Тваёй іконы, Уладарка, і, чакаючы ад Цябе вялікіх і багатых міласьцяў, прыносілі Цябе спеў славы і Богу спявалі: Алілуя.

Ікас 7

Дзівосны цуд явіла Ты, Уладарка, верным слугам Тваім, калі манастыр Жыровіцкі ад праваслаўя ў вунію адышоў. Ня пакінула Ты праваслаўных дзяцей сваіх, але і іншаслаўных прыняла з міласэрднасьцю. Усе ўкленчылі прад цудамі ад іконы Тваёй пададзеных. Таму ўсе хрысціяне паспяшаліся да прачыстага Вобразу Твайго з радасьцю спяваючы:

Радуйся, у скарботных абставінах надзейны прытулак наш.

Радуйся, шукаючым ратаваньня ціхі прыстанак.

Радуйся, з апосталамі веры Хрыстовай Насаджальніца.

Радуйся, глыбіні слова Божага прымудрая Настаўніца.

Радуйся, светач Трысонечнага Святла, праўдай нас асвячаючы.

Радуйся, столп вогнены, шлях праўдзівай веры нам паказваючы.

Радуйся, ад згубных вучэнняў наша ахова.

Радуйся, душашкодных навукаў пасаромленьня.

Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 8

Таямнічыя і прыслаўныя цуды пабачылі праз Цябе, Богамаці, верныя Твае, бо ня толькі абразам Тваім дабрадатныя дарункі ім яўляеш, але і водамі крыніцы, на месцы яўленьня Тваёй іконы цякучай, дарунак вылекаваньня падаеш, і ўсе, вялікую і багатую міласьць ад Цябе прыняўшыя, заспяваюць песню славы Богу: Алілуя.

Ікас 8

Усе да Цябе клікаючыя і да цябе прыпадаючыя, не сыходзяць ад Цябе скарботныя і непачутыя. Ты, Богамаці, скарботы маці пры крыжы Сына Твайго вызнаўшая, адчуваеш цяжар скарботаў нашых. Таму да Цябе, Маці, у скарботах спакусы, як супрычаснай скарбоце і пакутам Сына Твайго, так спяваем:

Радуйся, безнадзейных надзея.

Радуйся, скарботных суцяшэньня.

Радуйся, смуткі нашыя адкідаючая.

Радуйся, усяму сусвету радасьць прыносячая.

Радуйся, у бядзе перабываючым руку дапамогі хутка падаючая.

Радуйся, маці любоў і міласэрднасьць нам яўляючая. Радуйся, малітвамі Сваімі прад Богам наша Заступніца. Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 9

Усё анёльскае воінства Цябе, Богамаці, як вышейшую нябёсаў і чыстейшую святла санечнага вызнае: Бога зачала плоццю і Свет сусвету нарадзіла Ты. Таму і мы, зямнанароджаныя, як прычаснейшую за Херувімаў і без параўнаньня

слаўнейшую за Сэрафімаў, вызнаем Цябе, спявая аб Цябе Богу: Алілуя.

Ікас 9

Мудрагелістасьць на зямлі народжаных не прывядзе да прыславы абраза Табой яўленага, ад яго ж, як ад спрадвечнай крыніцы, прыходзячыя шмат дабротаў атрымліваюць. Таму, няздольныя годна славіць Цябе, як першакрыніцу дабротаў гэтых, з замілаваннім сэрца спяваем проста:

Радуйся, Будаўніца нашага ратавання, жыццё наша зямное добра ўпарадкоўваючая.

Радуйся, Шляхакіроўца, да нябёснай айчыны нас уздымаючая.

Радуйся, Дабрадзейная, бо нават вечных грэшнікаў міласці не пазбаўляеш.

Радуйся, Прадстаяцелька наша прад Богам, праўдзівы гнеў Боскі на міласць ператворваючая.

Радуйся, мітусьнёй сусвету гэтага грэбаваць нас навучыўшая.

Радуйся, асветай розуму нашага да любові божай нас прыводзячая.

Радуйся, ад усіх бедаў хуткае пазбаўлення.

Радуйся, у роспачы перабываючых надзейнае выратавання

Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 10

Нам, ратавання жадаючым, і пад ахову Тваю прыходзячым, будзь, Прысвятая Дзева, Дапаможніцай няспыннай. Захавай нас ад бедаў, найперш ад падзеньня грахоўнага, ды перабываючы ў дабрадзеях Хрыстовых, з радасьцю аб прыдзівоснай Тваёй абароне ўдзячна засьпяваем Богу: Алілуя.

Ікас 10

Сцяной моцнаю Беларускай Царквы Праваслаўнай зьяўлялася Ты, Прысвятая Дзева, у гадзіны цяжкіх выпрабаваньняў яе, таму молім Цябе: абарані, захавай і ўмацуй яе і ў нашыя гадзіны ад ворагаў злых, паўстаўшых на яе, і ўсі радасна аб Цябе заспяваем:

Радуйся, Беларускай Царквы Хрыстовай абарона і праваслаўя Беларускага ахоўніца.

Радуйся, аховай Тваёй Царква Беларуская ўпрыгожваецца.

Радуйся, бо адступіўшыя ад веры прабацькоўскай Табой настаўляюцца.

Радуйся, бо Табой падкопы ворагаў беларускага праваслаўя пасаромлены.

Радуйся, бо асветай Тваёй праўдзівая вера на Беларусі насаджаецца.

Радуйся, бо вогнядыхаючая злоба варожая, на нас скіраваная, перамагаецца.

Радуйся, цвёрдае праваслаўя замацавання. Радуйся, ерэцікаў пасаромлення

Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 11

Аніякі спеў ня здолее праўдзіва прыславіць шчадроты Твае, Прычыстая, людзям Табой падараваныя. Няма розуму, што здольны пазнаць глыбіні міласэрднасьці Тваёй, няма словаў годных аспяваць Цябе. Таму, молім ад сэрца, прымі і нашы нягодныя хвалення, і мы, веліч Тваю прыслаўячы, заспяваем аб Цябе песню Богу: Алілуя

Ікас 11

Светладатным праменням дапамогі дабрадатнай, належным прычыстаму абразу Твайму асвяці, Уладарка, шлях жыцця нашага, ды ад усялякіх бедаў, скарботаў і злых запалаў, Табой пазбаўленыя, атрымаем права стаяць у законе Госпада, дзякуючы Цябе і спяваючы:

Радуйся, цудамі, іконай Тваёй зьяўляемымі, як амафорам нас пакрываеш.

Радуйся, нязлічоныя шчадроты ўсім падаюшчая.

Радуйся, запалы нашы і думкі плоцкія суцяшаючая.

Радуйся, усялякія хваробы нашыя душэўныя і цялесныя вылекоўваючая.

Радуйся, Тваім хадатайніцтвам ад усіх бедаў пазбаўляючая.

Радуйся, у скарботах хуткая суцяшальніца.

Радуйся, удоваў абаронца і сіротаў дапамога.

Радуйся, маладых выпраўлення і старых суцяшэння.

Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 12

Дабрыню з нябёсаў ад Бога вымалі нам, Уладарка, да прычыстага абраза Твайго прыходзячым, і Цябе, Маці Святла, у спевах славячых, ды, асвячаныя пакровам Тваім, ў добрай набожнасьці і чысьціні пражывём і Прыстолу Уладара Славы няасуджанымі прадстаць здолеем, спяваючы аб Цябе спеў славы: Алілуя.

Ікас 12

Спяваючы велічнасьці Тваёй, Прысвятая Дзева, праславім Цябе ўсе, і, як цвёрдую Прадстаяцельку выратаваньня нашага, старанна молім: будзь нам ва ўсялякай дабрыні дапамогай і пачуй нас, замілавана спяваючых Цябе:

Радуйся, праўдзівага шляху да Хрыста прымудрая Паказальніца.

Радуйся, чысціні і цноты прыдзівосная Ахоўніца.

Радуйся, жадаючых праўды Сілкавальніца.

Радуйся, шукаючых прадстаяльніцтва Твайго няспынная Абаронца.

Радуйся, знямоглых дапамога.

Радуйся, усяго сусвету абарона.

Радуйся, Шляхакіроўца наша, на ўсіх шляхах жыцьця нам дапамагаючая.

Радуйся, і пасля смерці ў паветраных блуканнях ад духаў злабы нас ахоўваючая.

Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 13

О, Прысвятая Уладарка, Богародзіца Дзева, анёльскімі чынамі на нябёсах спеваславімая, прымі і ад нас, нягодных слугаў Тваіх, гэтае маленьня, у славу Цябе прынясённае, і ад падзенняў грахоўных нас пазбаў, спадкаемцамі Уладарства

Нябёснага нас зрабі, ды разам з Табой у вякі вякоў сьпяваем Богу: Алілуя.

Ікас 1

Архангэл Гаўрыіл, з нябёсаў пасланы да цябе, Дзева чыстая, вымавіў Цябе: Радуйся, Дабрадатная, Госпад з Табой! Мы ж дабрынёй Божаю праз Цябе асвячоныя, прыславім Цябе спевамі:

Радуйся, абраная напярод стагодзьдзяў Воляй Божай;

Радуйся, Ягніца, нарадзіўшая Ягня Божае, выкупіўшае грахі сусвету.

Радуйся, скарб выратаваньня нашага, прывышэйшая сілаў Анёльскіх

Радуйся, Юначка прыцнатлівая і Маці Свету.

Радуйся, крыніца вады жывой невычарпальная.

Радуйся, Рай кветкадаўчы, Божае Дрэва жыцця ўзрасціўшая.

Радуйся, Богаабдарованая Маці, Радасць нябёсаў і зямлі нарадзіўшая

Радуйся, моцам Усявышняга асененая, Божы колас, Выратавальніка сусвету падараваўшая.

Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Кандак 1

Абранай ад усіх радоў Царыце і Уладарцы спеў хвалення прынясём, як Малельніцы і Абаронцы роду хрысціянскага. Ты ж, як добрая, Прадстаяльніца перад Госпадам малі Сына Твайго і Бога нашага, падаць нам спадчыну дабротаў вечных, ды радасна аб Цябе клічам: Радуйся, прыміласэрдная Уладарка, прадстаяцелька наша і ўсярадасная абарона.

Малітва на чужыне да Жыровіцкай Маці Боскай

Найсвяцейшая Дзева Марыя, нашая добрая Маці і Уладарка, выслухай нашую просьбу, скараці дні нашае няволі й здзеку.

Нашыя цярпенне, боль душы і бяду прыймі. Памажы нам перанесьці гэты жыццёвы крыж выгнаньня.

Прасі Сына Свайго, Госпада нашага Ісуса Хрыста, каб паслаў нам радасьць аглядаць сваймі вачыма вольную бацькаўшчыну нашу Беларусь, жыць у ёй і працаваць Богу на славу.

Бо Ты адзіна чыстая і ўседабраслаўлёная Богародзіца, Дзева Марыя, Уладарка Беларусі, што свеціш у Жыровічах цяпер і на вякі вякоў. Амін».

1. См., напр.:*Reif A.* Obraz Marki Boskiej Żyrowieckiej w świadomości katolików i prawosławnych rejonu Słonimskiego // Etnografia Polska. 2002. № 1–2. S. 207–226.
2. См., напр.: *Wacław z Sulgostowa, ks.* O cudownych obrazach w Polsce Przenajświętszej Matki Bożej: Wiadomości historycznie, bibliograficznie i ikonograficznie. Kraków, 1902. S. 4 и др.

И старообрядческая и новообрядческая

Еще и теперь в старообрядческом мире Гомельщина слывет как одна из былых его столиц. Ныне на самой Гомельщине старообрядчество, оставившее очень глубокий трехвековой след, воспринимается белорусским населением как явление органичное и исконное, сродненное, хотя и почти не слившееся, с местным социально-культурным ландшафтом, вписанное в него на правах особо важного слагаемого, к тому же как бы коренного. Здешние старообрядцы оказали заметное влияние на многие стороны культурной жизни белорусов Гомельщины, отдельные представители которых даже принимали «старую веру».

Первые старообрядческие поселения на Гомельщине, входившей тогда в состав II Речи Посполитой, возникли уже в конце XVII в. Особенно известными среди них стали расположенные в непосредственной близости от ее административного центра ветковские слободы, именуемые собирательно Веткой. Часто Ветку, куда бежали преследуемые старообрядцы со сей России, называют и первым старообрядческим поселением в Польше. Ветка, по словам старообрядческих историков, «долгое время служила руководящим центром духовной жизни старообрядчества» [1]. Русские правительственные команды не раз ходили за польский или литовский рубеж разорять Ветку и угонять ее жителей в Россию. Первый раз это случилось в 1735 г. Давний тезис одного из крупнейших современных исследователей старообрядческой культуры, главы археографической школы МГУ И.В. Поздеевой о том, «что письменных источников по Ветке сохранилось мало» [2] верен лишь отчасти, так как масштабных поисков документов, касающихся ветковских слобод, в архивах до сих пор не проводилось.

В памяти старообрядцев всех согласий и прежде всего старообрядцев-поповцев Ветка – крупнейший «духовный центр», где примерно в 1695 г. была построена первая в истории старообрядчества церковь и стала регулярно совершаться литургия. Ветковские старообрядцы выработали свой собственный церковный устав, оказавший большое влияние на развитие старообрядческой церковной практики; создали собственную школу иконного письма, рукописного дела, значительно способствовали появлению и развитию старообрядческого книгописания, изученного пока недостаточно [3].

От нынешних северо-восточных границ Гомеля до Ветки, расположенной на левом берегу Сожа, едва ли более 10 км. В черте же самого Гомеля ныне есть несколько старообрядческих поселений, самое значительное из низ слобода Новая Мильча (по старинному Миличи), основанная в начале XVIII в. К юго-западу от Новой Мильчи на р. Узе в огромном бору (ныне это зона отдыха гомельчан) располагался знаменитый Лаврентьев монастырь, созданный выходцем с Ветки иноком Лаврентием. Собственно начало истории монастыря совпадает с моментом «первой ветковской выгонки» в 1735 г. инок Лаврентий бежал тогда от царских воинских команд в леса на р. Узу, построил здесь келью и маленькую часовню. Постепенно, как свидетельствуют старообрядческие сказания и устные предания, тут образовался людный монастырь, прославившийся святостью жизни своих иноков. Помимо выходца из Калуги инока Лаврентия, особо почитаем старообрядцами инок-схимник Лаврентьева монастыря Викентий, московский уроженец, прославленный у старообрядцев в качестве преподобного [4]. Созданные позднее, в 1750-1760-х гг., вокруг Лаврентьева старообрядческие монастыри основывались преимущественно пришельцами из Московского края. Макарьев монастырь – иноком Макарием, уроженцем Вереи; Асахов скит или Чонский монастырь в известном ныне курортном месте – Чонки – старцем Иосафом, выходцем из Гжатска.

Летом 1775 г., почти сразу же после I раздела Речи Посполитой в 1772 г. и присоединения восточных земель Белоруссии с Гомельщиной к Российской империи, императрица Екатерина II под-

писала указ, согласно которому герою Турецкой войны фельдмаршалу П.А. Румянцеву-Задунайцеву жаловалась «для увеселения его деревня в 5000 душ в Белоруссии» [5]. С этого времени владельцами Гомеля являются Румянцевы, преобразуют его в частнособственническое местечко, каковым он становится с 1777 г., а уездный центр переводят за р. Сож за три версты от графской резиденции, где на месте старообрядческого поселка строится будущий город Беличи. Тогда же, в 1775 г., П.А. Румянцев-Задунайский предоставляет гомельским старообрядцам возможность построить в его имении новые монастыри, самый значительный из них в предместье Гомеля в Спасовой слободе. Особое внимание фельдмаршал обращает на Лаврентьев монастырь, игумен которого Феофилакт, сменивший умершего в 1778 г. Лаврентия даже ведет с П.А. Румянцевым-Задунайским долгие беседы на богословские темы. Пророчество игумена Лаврентия, якобы сделанное им в 1778 г., о том, что «великий боярин, владетель мест сих... соделает спасение... святой обители сей» [6], оправдалось. Владелец Гомеля взял своих подданных-старообрядцев под надежную защиту и даже покровительствовал им, наделяя сельскохозяйственными угодьями и лесом.

Еще большее внимание своим подданным-старообрядцам стал уделять сын П.А. Румянцева-Задунайского государственный канцлер Н.П. Румянцев, к которому гомельское имение отошло в 1796 г. Именно это обстоятельство впоследствии побудило известного публициста и писателя, действительного статского советника по ведомству Министерства внутренних дел П.И. Мельникова, специально заметить, что «в известных нам правительственных архивах сохранились следы о странном покровительстве» Н.П. Румянцева «старообрядческим монастырям, которое до некоторой степени не может не казаться загадочным» [7].

Увы, нерешенных проблем, связанных с историей старообрядчества на Гомельщине и на всем белорусско-русско-украинском пограничье, остается очень много. Одна из самых главных – трехвековое взаимодействие местного коренного населения и переселившихся сюда русских старообрядцев, которые, как показывают наши наблюдения, оказали большое влияние на все стороны жизни

здешних белорусов и украинцев. Сказалось это и на народной литературе, тем более что некоторые белорусы и украинцы даже принимали и принимают «старую веру» [8]. В наши дни старообрядчество на пограничье в огромной степени смешалось с коренным местным населением, причём даже крещение детей в новообрядческих церквах во многих местах стало делом обычным. Близость догматической и обрядовой сторон жизни поповцев и Русской Православной Церкви, о чем даже Св. Синод и сам его обер-прокурор К.П. Победоносцев неоднократно писали в своих секретных записках [9], способствовали тому, что в общие трагические годы массовых репрессий XX в., гонений на священство и рядовых прихожан, более подготовленные к подобным событиям старообрядцы стали для некоторой части белорусов-новообрядцев, лишённых духовного руководства, своего рода наставниками в ряде вероисповедческих вопросов, а также в богослужебной практике. И всё же встреча с именем протопопа Аввакума в типичной народной среде коренных жителей белорусско-русско-украинского пограничья, прихожан Русской Православной Церкви, храмы которой, правда, ныне значительно удалены от этих мест, стала полной неожиданностью. Собственно мы и ранее встречались со стихами ему посвящёнными, практически даже совсем недавно переписанными в тетрадки новообрядцев:

«Он погиб за великое дело,
За преданье родной старины,
Защищая свободу и смело
Веру праотцев русской страны…».

А вот его жизнеописание, заинтересовавшее, судя по фрагментам двух списков, новообрядцев где-то во второй половине – конце XX столетия, явилось чем-то совершенно новым и неожиданным. Мы довольно долго искали непосредственный источник этих списков и теперь можем сказать, что им была глава «О протопопе Аввакуме», помещённая в «Винограде Российском» Симеона Денисова. Правда, и тут не всё так просто. Один список, возможно, был копией, взятой непосредственно именно из «Винограда Рос-

сийского», неоднократно издававшегося, в том числе и с помощью гектографа. А вот второй, несколько отличающийся от первого, совершенно определённо, как мы теперь установили, копия «Повести о протопопе Аввакуме» – «О великоревностном и многотерпеливом протопопе Аввакуме», печатавшейся Московской старообрядческой книгопечатней в предреволюционные годы. Издания этой типографии, в 1914 г. переиздавшей знаменитую Острожскую библию [10], до сих пор встречаются у старообрядцев Гомельщины, Черниговщины и Брянщины. По устным рассказам новообрядцев, довольно уже давно, у кого-то из их одноверцев был и какой-то настенный лист с изображением Аввакума, возможно похожий на тот, которым владел знаменитый коллекционер А.Е. Бурцев и о чём писал известный санкт-петербургский учёный, филолог В.И. Малышев [11].

Сюжеты, связанные с фигурой протопопа Аввакума в новообрядческой среде скорее исключение, правда, весьма ярко иллюстрирующее глубину процесса духовно-культурного взаимодействия и сближения восточнославянских народов пограничья. Практически массовым стало влияние старообрядцев на отдельные стороны религиозной практики новообрядцев в период гонений на православие в XX в. В частности, это можно видеть на примере распространения в новообрядческой среде большого числа сочинений старообрядцев, посвященных различным сторонам каждодневной жизни христианина, например, постам. Наряду с различными старообрядческими записками и толкованиями о постах у новообрядцев белорусско-русско-украинского пограничья встречаются множество выписок, касающихся постов, из различных уставов, а иногда и целые подборки «о постах», в которых воспроизведены и различные старообрядческие тексты. Вот один из многочисленных примеров, взятый из рукописной тетрадки, записанной во второй половине XX в. и ныне бытующей на Брянщине:

«О постах и о разрешении всего лета.

О Великом посте.

В первую неделю глаголемую Федорову, поститься все дни. В понедельник и во вторник ни хлеба есть, ни воды пить,

но на молитвы и на поклоны подвизатися. А в среду по отпущении вечерни в 4-й час дня сухоядение, и сурово зелие и пьем увроп с медом. И поститься до пятка. В пяток же есть хлеб и сурово зелие и варение без подсластия.

О слабом.

А кто слаб или не может поститься двух дней, то во второк есть хлеб с водою, также и в четверг.

О старом.

А кто престарел, или от недуга изнемог, или млад зело, таковой в понедельник, во вторник, в среду, в четверг и в пятницу ест хлеб с водою.

О субботе и неделе.

В субботу же и в неделю едим варения с маслом. А в прочие дни святого поста в понедельник, среду и пятницу не есть варения. А во вторник и четверг есть варение.

По уставу святыя горы в первый день отнюдь не подобает есть. Во вторник же и среду и четверг есть подобает, по единой литре хлеба и воду, иногда ничтоже раз в соль. Иже бо на всяк день есть во уреченный час, похваляет святой Феодор Студит во оглашении пятка первой недели.

Номоканон, правило, во святую и великую 40-цу есть един на день, сухоядение, сочиво без масла. Вина же и масла в субботу и в неделю вкушаем. Также и от черепокожных. Рыбу же есть точию на Благовещение и в неделю цветоносную.

В Соловецком уставе. На 1-й неделе в понедельник, в среду, и пятницу трапезы не поставляют, во вторник и четверг на братию хлебы белые, взвар с медом, ягоды морошка или капуста соленая, да толокно мешеное. В субботу щи белые, лапша гороховая, каша соковая все с маслом. В неделю ко щам пласти да каша. На прочих же неделях в понедельник, в среду и в пяток ко щам две яствы студеные. Во вторник же и четверг щи борщовыя с соком, да сухари, да яство студеное, другое горячее. В субботу и неделю ко щам пласти или сущи вялые да каша.

В среду 4-й недели на трапезе братии 3 яства горячих без масла.

В четверток 5-й недели на трапезе с маслом и вино пьем труда ради бденного.

В субботу Прпнаго Лазаря на трапезе варение с маслом и икру есть и вино пьем.

В Неделю Цветную на трапезе братии утешение, едим рыбу и вино пьем, благодаряще Бога.

О Страстной седмице.

В Страстную седмицу от понедельника даже до субботнего вечера, дней шесть хлеб с водою только есть и зелие невареное и се с воздержанием. А если можно и не на всяк день приймати, но как же речено быть от первой седмицы во святой же великий пяток ничтоже есть, также и в великую субботу повелено нам постити до 3-го часа ночи. И тогда по совершении божественной Литургии вкусить мало хлеба с водою и по единой чаше вина испити. Псалтырь следованная. Во святой великий четверток едим варения без масла, пьем же и вино и сухоядение. Ибо иже в лаодикий собор в велицем четверг в пресиле глаголет: яко недостоить в месяце последней недели четверток разрешать и всю 40-цу бесчестити.

Тоя же Псалтырь толковая.

В великий пяток если возможно, не подобает есть, яко же Отцы повелевают. Ибо не по правилу имамы сие, еже не есть тогда совершенно, но против силы кому положено быть от Отец. И сего ради еще держать два сия дни пост, пяток и суббота, добро есть и благоприятно. Аще ли ни, поне в субботу. В пяток же хлеб и сурово зелие есть и воду пить. Обаче как каждый хочет и может. Соловецкий устав, глава 29. На страстной неделе в понедельник и в среду на произволящих трапезу поставляют. Едят три яствы студеные, во вторник капуста, да ягоды и толокно. В четверг щи да лапша гороховая, да каша соковая. все без масла. В великий пяток братия и миряне не едят.

О Пасхе. Устав. Повелеваем всякому христианину по святой пасхе в ту всю седмицу от недели светлой до недели Фоминой есть сыр и яйца и молоко и масло и пьем питье и воздержание.

О пятидесятнице. А от Фоминой недели до Сошествия Святого Духа ни посту ни поклонов нет. А кто хочет сохранитися от питья и рыбы на твоей воле стало есть.

От жития христианского. От Фоминой же недели до Сошествия Святого Духа нет поста и коленопреклонения. В среду же и пяток кто хочет хранитися от рыбы и вина то на воле каждого есть.

Номоканон. Разрешаются во всей пятидесятнице среды и пятки на рыбу, и масло, и вино. Сухоядение сицевых дней разрешаются, но в 9 час будь же на каждого изволении.

Устав. От понедельника новой недели во всю 50-цу в понедельник в среду и пяток по еже петь 3-й и 6-й час, к сим же и обедницу. Дается благословение братии, две чисты проскомидии, и то едино подобает снедать в притворе 50-цы ради яко да не наречется пост и по еже отпеть 9-й час во время его, тогда есть совершенно по Святых Отцов преданию.

Соловецкий устав. От недели Фоминой во всю 50-цу и субботу и неделю, вторник и четверг стол с рыбою. В понедельник стол с рыбою. В среду и пяток едим сущи, то есть сушеную рыбу. В среду преполовение и на отдание пасхи. О сошествии Святого духа. Устав. В неделю же Сошествия Святого Духа бывает коленопреклонение на вечерне. И так седмица та разрешена в среду и в пяток есть сыр и яйца, и молоко и мясо и питье с воздержанием, до недели всех святых.

Соловецкий. Во всю седмицу едят сыр и яйца и рыбу, а миряне мясо. Ужин во все дни.

О посте святых апостол.

Устав. Подобает едать как в пост святых апостолов и Рождества Христова и Успения Пресвятой Богородицы, во вторник и четверг рыбы не есть, но масло и вино. В понедельник, в среду и в пяток ни масла ни вина не вкушаем, постимся до 9-го часа и едим одним в те дни сухоядением.

Того же устава. В пост перед Рождеством Христовым и святых апостолов не есть рыбы монахам велено, разве субботы и недели. А мирянам во вторник, и в четверг, и в субботу, и в неделю есть рыбу днем.

Номоканон. В пост святых апостолов, и Христова Рождества, и Богородицы сухоядение три дня, то есть понедельник, среду и пяток храним от рыбы и масла и вина, кроме немощи едим же сочиво без масла, как и в великую 40-цу. Хотящие же угодить Богу в субботу и в неделю токмо вкушают от рыб и масла.

Соловецкий устав. В пост святых апостолов, и в пост Рождества Христова, до дня святого Николы, в субботу и в неделю, во вторник, и четверг едят с рыбою. В субботу и неделю 2-х днем. Во вторник, и четверг 1 днем. В понедельник яства горячие, а 3-е студеное, в среду и пятницу яства студеные, а 3-е горячее.

Матфей правильник и устав от Никифора патриарха правило. В святых апостол пост и святого Филиппа подобает, иже в обители сидящим инокам в среду и пяток единою в вечеру есть, делающим же во шестом часу вкушать и вечером вечеряти.

О прочих днях всего лета и о посте среды и пятка. Никон черногорский. От поста же святых апостолов до памяти святого апостола Филиппа и во все лето, кроме уставленных постов или разрешенных дней мирским человекам два дня в каждую седмицу соблюдать пост, среду и пяток. Эти два дня так как во святую 40-цу великого поста рыбы, масла и вина не вкушать. А кто имеет произволение и понедельник хранить от мяса, добро творить. Среду и пяток всяк христианин должен поститись, как божественные апостолы узаконили в правиле, глаголящим: а который епископ или пресвитер или дьякон или поддьякон или чтец или певец в 40 дней, т.е. в великий пост не постится и во все лето, во все среды и пятки, да извержен будет. Также если не пакостит ему телесная болезнь, немощному ибо прощено по силе вкушать масло и вина. А если мирской человек не постится, да отлучится. И это божественные апостолы управили и узаконили. По сих же и в гангрии святые отцы божественным духом собраны, от всех купно, иже святых апостолов уставленных постах и потом узаконенных, со областью всякою в правиле страшно отвечают глаголюще сице: а кто от воздержащихся, кроме телесной нужды, разгордится и преданные посты в общине и хранимые Церковью разрешает, как же се твердую сущу в нем и совершену помыслу, да будет проклят. Яко соборные

посты не возможно разрешать кроме всякой нужды, в среду ибо Христос предан был, в пяток распят был иже кто это разрешай, сей предает Спасителя и распинает. Также и великий Афанасий глаголет: разрешающий среду и пятницу распинает Господа, ибо в среду совет был на него, а в пяток распят он. Разве только в Богоявленский и в пентикостии и в седмицы, от церкви разрешенные, также в праздники разрешай не повинен есть. Цареградский же патриарх Никифор в пятом правиле глаголет: как отсщенника не постящегося среду и пяток не достоит причаститься. Если когда и где разрешается пост среды и пятницы. Номоканон. Ведомо же будет и это, яко разрешится пост среды и пятки на рыбу, всего лета в господские праздники и Богородицы, если случится навечерие этим праздником в среду или в пяток, не разрешается пост в вечер утреннего ради праздника. Разрешаются же во всей 50-це среды и пятки на рыбу, масло и вино. Сухоядение сицевых дней разрешается, но в 9 час. В праздник же святых апостолов и святых мученик и святителей не разрешаем на рыбу, а если случится в среду и пяток, только масло и вино, больше ничто же что по рассуждению настоятеля невозбранно. Рыбу же едим на Рождество Предтечево, а в другие же его праздники никогда же, только масло и вино. Также и в день верховных апостолов Петра и Павла разрешаем рыбу.

Изряднее же всяк спастись хочет, всякую среду и пяток всего лета по правилу святых апостолов сухоядением и водопитием должен совершать. А если кто не может за немощью телесною да разрешает на вино только и то с сокрушением сердца, удаляясь всячески рыбы и масла хранитеся и вина как заповеди исполнитель мзду обрящет.

Номоканон. О посте Пресвятой Богородицы. В посте Пресвятой Владычицы нашей Богородицы Успения 15 дней кроме Преображения Христова постимся до 9-го часа дня, в понедельник, в среду и в пяток сухо есть, и творим коленопреклонение даже до причащения. Во вторник и четверг варево без масла, а в субботу и неделю варение с маслом и вино пьем. В христианском же житии пост Пречистой Владычицы нашей Богородицы сухоядением, как предписано, во вторник и в чет-

верг., в субботу и в неделю масло и питье, рыбу же никак, кроме Преображения Господня. Прочие же дни сухоядением и коленопреклонением, даже до причащения, как сказано быть в пост святых апостолов.

Соловецкий устав. В пост Пресвятой Богородицы в 1-й день происхождения Креста щи да лапша гороховая с маслом, да каша соковая. На Преображение Господне и на память Соловецких чуд едят рыбу. В прочие же дни в седмицах как в пост Рождества Христова, по Николины дни. А в субботу и неделю пласти. Соловецкий устав. О посте Рождества Христова. От дня святого апостола Филиппа до дня святого отца нашего Николы в понедельник и в среду и в пяток сухоядерние, во вторник и четверг и субботу и в неделю едим рыбу. От дня же святого отца Николы до Рождества Христова в субботу и неделю едим рыбу, а во вторник и четверг варение с маслом и пьем вино.

Номоканон. И в христианском житии прежде Рождества Христова во святой пост в субботу и в неделю разрешаем рыбу, а во вторник и четверг масло и вино. В понедельник, в среду и в пятницу пост до 9-го часа. А если не может кто воду пить в понедельник, да разрешить масло и вино, среду же и пяток хранить по силе, кроме великого и тяжкого недуга.

Соловецкий устав. В пост Рождества Христова до дня святого Николы Чудотворца в субботу и в неделю, во вторник и четверг едят с рыбой. В субботу и в неделю, во вторник и четверг днем. В понедельник ко щам одно яство студеное, а другое горячее. В среду и пятницу ко щам два яства студеные. А от дня святого Николы до пред празднества Рождества Христова в субботу и неделю пласти. В понедельник, среду и пяток ко щам 2 яства студеные. Во вторник и четверг ко щам едино яство студеное, а другое горячее. В предпразднество Рождества Христова, в субботу и в неделю есть с маслом, в прочие же дни как в великий пост. А от Рождества Христова до дня святого Богоявления есть сыр и яйца, и молоко и мясо в среду и пяток. А от Крещения Господня до мытаря и фарисея в среду и в пяток есть рыбу. В христианском же житии от Крещения Господня до седмицы мытаря и фарисея постится среду и пяток. Неделя о

мытаре и фарисее в ней же постятся проклятие армене. Нам же христианам разрешено есть от правил святых отцов, едим в среду и в пяток сыр и яйца, и молоко и масло, и мясо, да проклинаем ересь арменскую.

Древний Кириллов устав. Во всю неделю фарисея ужин есть во все дни. В неделю о блудном сыне. Сергиев, Кириллов и Типики. В понедельник, в среду и пяток сухоядение. О сырной седмице. Устав. Также и от сырной неделе повелел святой собор есть сыр и яйца и рыбу в среду и в пяток во время 9-го часа, по отпетии часов с вечернею, единою днем, еретик ради андонских и савелианских и иных многих их же проклинаем. Соловецкий, Сергиев и Кирилл. В понедельник сырной недели едим днем, а в среду и в пяток ужина нет».

1. История старообрядческой церкви: Краткий очерк. М., 1991. С. 22.
2. *Поздеева И.В.* Территориальная книжная коллекция и задачи комплексных археографических исследований // Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. М., 1978. С. 113.
3. С культурой старообрядцев Ветки можно познакомиться в Ветковском музее народного творчества, созданного краеведом Ф.Г. Шкляровым. Наиболее полное представление о рукописном и старопечатном книжном фонде этого музея дает статья его главного хранителя С.И. Леонтьевой «Книжная культура Ветки» в сборнике «Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці» (Гомель, 2004. С. 28–46). Во всех отношениях первостепенным по значимости является обширное собрание ветковской старообрядческой книжности, собранное комплекстынми экспедициями МГУ во главе с И.В. Поздеевой. О составе этого собрания и исследованиях, выполненных на основе его материалов, см.: Научные публикации археографов МГУ им. М.В. Ломоносова и участников комплексных полевых исследований 1968–2007 гг. // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Труды Всероссийской научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, 27-28 октября 2006 г.). Ярославль, 2008. Ч. 2. С. 321–368.

4. Старообрядцами было написано особое «Сказание о житии и отчасти чудес преподобного отца нашего Викентия иже на Новом Крупце».
5. Цит. по: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Гомельские старообрядцы и Н.П. Румянцев // Старообрядчество как историко-культурный феномен: Материалы Международной научно-практической конференции 28-28 февраля 2003 г. Гомель, 2003. С. 144.
6. Цит. по: Там же. С. 144.
7. *Мельников П.И.* Полн. собр. соч. Изд. 2-е. СПб., 1909. Т. 7. С. 316.
8. Несмотря на краткость пребывания в начале 1980-х гг. «в старообрядческих селах Ветки-Стародуба и... в пос. Добрянка и Радуль Черниговской области» известный знаток русского духовного стиха С.Е. Никитина отметила некоторую схожесть репертуарной части духовных стихов и псальм местных старообрядцев и новообрядцев. См.: *Никитина С.Е.* Старообрядчество Восточного Полесья: некоторые проблемы сопоставительного описания устной культуры // Старообрядчество как историко-культурный феномен: Материалы Международной научно-практической конференции 27-28 февраля 2003 г. Гомель, 2003. С. 215-222.
9. Так, например, в одной из них писалось: «О признании старообрядческой австрийской секты вредною ввиду того, что по догматам и обрядам эта секта сходственна с господствующею Православною Церковью» (Цит. по: В. Б-Б. Старообрядчество и самодержавие // Жизнь. 1902. № 3. С. 298-299).
10. Подробнее см.: *Лабынцев Ю.А.* Острожская библия в перепечатке 1914 г. // Фёдоровские чтения. 1981. М., 1985. С. 197-203.
11. Подробнее см.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Повествование о протопопе Аввакуме в современной народной книжности российско-белорусского пограничья // Книга в России. Сб. 1. М., 2006. С. 98-103.

От запада к востоку

«Незабаром перестану бути Іваном Огієнком, а стану смиренним ченцем, горливим богомольцем за кращу долю українського народу...»

И. Огиенко, 6 октября 1940 г.

Среди огромного литературного наследия профессора Ивана Огиенко, постриженного в октябре 1940 г. в монашеский чин и сразу же возведенного в епископское достоинство [1], написанное в межвоенной Польше составляет, пожалуй, едва ли не главную часть. Именно тогда были задуманы и во многом осуществлены его основные литературные труды, в том числе и перевод Библии на украинский язык, к которому он приступил в 1921 г., находясь в г. Тарнове на юге Польши, а закончил в 1940 г. уже в Варшаве.

И. Огиенко, один из зачинателей православной литературы во II Речи Посполитой, признанный знаток славянской книжной культуры, ученый палеограф, археограф, текстолог, известный специалист в области украинской филологии [2].

Девизом жизни этого человека стала фраза, раскрывающая его многолетние духовные и социально-политические искания, подводящая и сам ее итог: «Служити народові – то служити Богові» [3].

Родился И. Огиенко в 70 верстах к западу от Киева в местечке Брусилове в семье потомка древнего козацкого рода с Левобережной Украины в 1882 г. Учеба в киевской военно-фельдшерской школе, куда только и мог поступить сын бедных крестьян, дала возможность И. Огиенко постепенно реализовать и литературный талант. Он много сочиняет, увлеченно пишет стихи, вместе со своим приятелем Е. Придворовым [4] выпускает рукописный журнал

«Моя библиотека», в 15 лет в Санкт Петербурге печатает свое первое произведение [5]. Успешно сданные экзамены за курс классической гимназии позволили И. Огиенко поступить в 1903 г. в Киевский университет, где он очень быстро становится одним из деятельных участников и организаторов украинского движения. Занятия в знаменитом филологическом семинаре В. Перетца [6] способствовали становлению И. Огиенко как ученого-слависта, начавшего в 1915 г. чтение лекций в качестве приват-доцента кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета университета св. Владимира в Киеве.

В 1918 г. профессор И. Огиенко становится министром просвещения в правительстве Украинской Народной Республики, в 1919-1921 гг. – министром вероисповеданий. В 1919 г. он организует Украинский государственный университет в Каменец-Подольске, откуда эмигрирует в Польшу, оказывается в г. Тарнове, основывает здесь издательство «Українська Автокефальна Церква», где издает десятки своих брошюр и небольших по объему книг [7]. В те же годы он устанавливает тесную связь со Львовом, куда мечтает переехать и где в 1922 г. печатает свой первый значительный переводческий труд – Литургию св. Иоанна Златоуста на украинском языке в переводе с греческого, изданную «з благословения Епископа Крем'янецького Діонисія» (Валединского). Митрополит Евлогий (Георгиевский), находившийся в заточении в Бучачском базилианском монастыре в 1918-1919 гг., куда он был отправлен из Киева вместе с рядом православных иерархов во главе с митрополитом Антонием по приказанию С. Петлюры, вспоминал в своих записках об И. Огиенко и его деятельности в те годы [8]. В начале 1920-х гг. И. Огиенко начинает регулярно печататься в крупнейшей украинской базилианской (василианской) типографии в Жовкве, там же в 1923 г. выходит в свет еще один очень значительный его перевод, подготавливающий возможность перехода к православному богослужению на украинском языке [9].

В 1926 г. И. Огиенко становится профессором Studjum Teologji Prawosławnej Варшавского университета, где читает лекции по церковнославянскому языку и палеографии, а в 1932 г.

польские власти увольняют его по сути за весьма активную деятельность по украинизации православной церкви в Польше, что, естественно, не могло найти одобрения во II Речи Посполитой [10]. В 1933 г. в Жовкве у базилиан, при их материальной поддержке [11], И. Огиенко печатает первый номер своего ежемесячного журнала "Рідна мова", регулярно выходившего вплоть до начала Второй мировой войны. В 1935 г. он основывает еще один журнал, «Наша культура», призванный «академично спокойно и объективно и глубоко научно» рассматривать проблемы украинской культурной жизни. В 1936 г. И. Огиенко, много печатавший в качестве приложений к двум своим украиноведческим журналам, выдвигает идею подготовки тридцатитомной «Библиотеки украиноведения». В 1937 г. во Львове выходит в свет его перевод Евангелия на украинский язык, тогда же, в мае, умирает жена, Доминика Огиенко, похороненная на Вольском православном кладбище в Варшаве. Накануне захвата немцами Польши в Варшаве издается Новый Завет и Псалтырь в переводе И. Огиенко, а летом 1940 г. он завершает работу над переводом на украинский язык и Ветхого Завета. Осенью того же года в Яблочинском Свято-Онуфриевском монастыре, всю свою полутысячелетнюю историю остававшемся православной обителью, митрополит Дионисий (Валединский) совершает постриг И. Огиенко. Всего через несколько дней новопостриженный монах Илларион становится епископом и сразу же архиепископом Холмским и Подляшским, в марте 1944 г. – митрополитом. Летом того же года вместе с немецкими войсками он покидает г. Холм, где на Свято-Даниловой горе находилась его митрополичья резиденция [12]. Через Словакию и Австрию он попадает в Швейцарию, где живет два года, а в 1947 г. оказывается в Канаде, в 1951 г. становится первоиерархом канадской Украинской греко-православной церкви, в марте 1972 г. умирает в Виннипеге.

Писания митрополита Иллариона для народа и ставшие народными почти не изучены [13]. О многих мы не знаем вовсе. Это, в частности, касается такого важного во всех отношениях культа как почитание древней Холмской иконы Богоматери, многоязыкая культурная традиция которой насчитывает несколько веков [14].

Важно отметить наличие по крайне мере двух течений этой традиции, зародившихся, видимо, уже достаточно давно, но ставших наиболее заметными только в XIX в. – народного, представленного ранее почти исключительно устными формами, и так сказать церковно-причтового, изначально книжно-литературного, письменного. Ныне взаимосвязь этих двух течений абсолютна, как впрочем и взаимовлияние. Собственно, их уже почти невозможно разделять или точнее выделять, так как существование одного без другого просто невозможно.

Классификация произведений данной литературной традиции, которую в известной мере и в основном для краткости можно было бы назвать «холмским циклом», представляет определенную трудность. К числу литургических и отчасти паралитургических принадлежат «Акафисты Пресвятой Богородице пред Её Чудотворною Иконою Холмскою» на церковнославянском и украинском языках, тропари, кондаки, величания и молитвы на церковнославянском, украинском и русском языках. К паралитургическим произведениям - в основном различные весьма многочисленные песнопения на местных украинских и белорусских диалектах, на местных вариантах русского языка и украинском языке, входящие в состав различных сборников, прежде всего «Богогласников» или бытующие самостоятельно. К произведениям четьего характера могут быть отнесены весьма популярные и поныне всевозможные сказания об иконе Богоматери Холмской, среди которых преобладают сочинения на русском языке, появившиеся в XX столетии, написанные под влиянием древних образцов с использованием старинных летописаний. Конечно же, чаще всего на белорусско-русско-украинском пограничье встречаются рукописные тексты «Акафиста Пресвятей Богородице пред Ея Чудотворною Иконою Холмскою», автором которого был о. Константин Зноско [15]. Церковнославянский текст о. Константина, появившийся в 1920-е гг., послужил основой для появления украиноязычного «Акафіста Пресвятій Богородиці перед Її чудотворним образом Холмським», написанного митрополитом Илларионом. В последние годы украиноязычный акафист митрополита стал распространяться и на Черниговщине в рукописных и ксерокопиях.

Приведем текст молитв из рукописной копии этого акафиста, бытующей на Черниговщине:

«До кого я кликати буду, Владичице, до кого я в горі своїм прибіжу коли не до Тебе, Царице Небесна. Хто прийме мій плач та зідхання моє, як не Ти, Найчистійша, надіє міцна християн й пристановище грішним. Хто більш від Тебе в нещасці мене порятуе. Почуй Ти мій стогн і ухо Своє прихили до моління мойго, Владичице, Мати Бога мойго.

Не знехтуй мене, що потребує Твоєї допомоги і не видкінь мене, грішного, надоуми та навчи Ти мене, Царіца Небесна, не відступися від мене, свойго слуги, Владичице, за моє нарікання, будь Мати й Заступниця. Доручаю себе під Твою милостиву покрову, й коли тільки схочеш узяти в опіку мені, допровадь мене, гриішного, до покаяння, щоб я за провини свої гірко плакав.

Горе мені. До кого я, винний, удамся, коли не до Тебе, сподівання та захисте грішних, в надії на невимовную милість Твою й милосердя. Яке слово оправдання за тяжкий свій переступ я зможу сказать перед величчю Твоєї. О Владичице, Царице Небесна! Ти моя мати і надия моя, Ти моє сподівання й пристанок, покрова, затупниця й поміч. Царице моя найдобрейша та скора заступнице, покрий мій переступ заступством Твоїм, оборони мене від ворогів видимих і невидимих, злагодь серця тих людей, що стають проти мене. О Мати Господа мойго, Творця, Ти коріне невинности і невянуща квітка чистоти, подай поміч мені, чрез страждання зболілому і хворому серцем своїм, щоб я був оправданий славним заступством Твоїм і щоб я молитвами Твоїми всесильними, Найчистіша і Преславна Божая Мати Маріє, був визволений від усякага горя і напасці, Тебе прославляючи в віки віків. Амінь».

Среди самых интересных «народных» писаний митрополита Иллариона, встреченных нами на Черниговщине, следует упомянуть его объемный «Плач Пресвятої Богородиці», известный нам в нескольких списках середины – второй половины XX в. Текст этот, также как и акафист митрополита, распространяется на по-

граничье анонимно, без имени автора, хотя на многих виденных нами списках тех же произведений этого же времени из других регионов Украины оно присутствует. Вот начало «Плача» по рукописи второй половины XX в.:

«Пісня перша.

Як повішеного на хресті Сина й Господа Діва Пречиста бачила, то гірко в роспуці Вона голосила із іншими жонами і промовляла зо стогоном: – Бачу Тебе, о Дитино кохана моя та улюблена, повішеного на хресті, і гірко вкривається ранами серце моє, – мовила Чистая, – але Добрий, дай слово рабині Своїй.

Слава Отцю, і Сину, і Святому Духу!

Добровільно Мій Сину та Творче Ти терпиш на дереві лютую смерть, – Діва казала, стоявши з улюбленим учнем поблізу хреста.

Тепер і завжди і на віки вічні, амінь.

Тепер я свого сподівання та радости й втіху позбавлена – Свого Сина та Господа. Горе мені, вболіваю я серцем, – мовила Чистая, плачучи.

Пісня третя.

Страха ради юдеїв Петро заховався, а всі вернії порозбігалися, Христа позоставивши. Діва ж ридала й казала: Страшним й предивним Твоїм породінням, мій Сину, було. Я звеличена більш від усіх матерів. Але горе мені: Тепер я на дереві бачу Тебе, і распалюсь серцем.

Слава Отцю, і Сину, і Святому Духу.

Я хотіла нутро Своє з дерева взяти на руки, якими держала, як Ти був Дитятком, – казала Пречистая, – але горе мені, ніхто цього не дав.

І тепер і завжди, і на віки вічні, амінь.

Ось світло солодке мое, сподівання й життя моє добреє, Бог Мій погас на хресті і розпалююсь серцем, – зо стогоном мовила Діва.

Пісня четверта.

О Сонце Мое незахідне, о Боже Предвічний і Творче всього, що е створене, Господи, як же Ти терпиш цю страсть на хрести, – мовила Чистая плачучи. З плачем говорила Она, що не відала мужа до Благообразного: Поспішися, о Иосипе, щоб приступить до Пілата і випроси з дерева зняти свойго Учителя.

Слава Отцю, і Сину, і Святому Духу.

Побачивши Йосип, як гірко Пречиста ллє сльозі, стривожився і плачучи, приступив до Пілата: Дай мені, – голосив він з плачем, – тіло Бога мого.

І нині і завжди, і на віки вічні, амінь.

Бачучи Тебе раненого й обезславленого, нагого на дереві, Дитино Моя, я розпалююсь серцем і як мати ридаю, – Діва взивала.

Пісня пята.

Сумуючи тяжко й ридаючи і дивуючися разом з Николимом зняв Йосип пречистеє Тіло і обцілував і ридав, і стогнав, виспіваючи, яко Бога, Його. Узявши з плачем Його, Мати, що мужа не відала, на коліна поклала й молила Його зо слізьми, й обціловувала, і гірко ридала й кричала.

Слава Отцю, і Сину, і Святому Духу.

Едину надію й життя, Владико Мій, Сину та Боже, Рабиня Твоя мала світло в очах., тепер же Тебе я позбавлена, Дитино солодка моя та кохана.

І нині і завжди, і на віки вічні, амінь.

Боління й скорботи, й зідхання напали на мене, о горе мені, – Чистая гірко ридала і проказувала, – коли бачу Тебе, о Дитино кохана моя, нагім та самітнім і мертвим намащеним пахощами.

Пісня шоста.

Мертвим бачу Тебе, Человеколюбче, Тебе, що оживлює мертвих і держить усе, і люто вкриваеться ранами серце мое. Я хотіла померти з Тобою, – казала Пречистая, – бо не можу Тебе бездиханного метвого бачити. Зачудована я коли бачу Тебе, найдобріший Мій Боже, й прещедрий Мій Господи, обезславленого й бездиханного, й обезображеного, і плачу й держу Тебе, горе мне. Як я не сподівалася бачить Тебе, о Мій Сину та Боже.

Слава Отцю, і Сину, і Святому Духу.

Чи рабині Своїй не промовиш Ти й слова, о Божее Слово, чи ж, Владико, не змилуешся над Своею Родителькою, – промовляла Пречиста, й ридала і плакала і обціловувала Свойго Господа тіло.

І нині і завжди, і на віки вічні, амінь.

Розмишляю, Владико, що більш не почую солодкого гласу Твого, ані не побачу краси Твого лику, як давніше рабиня Твоя. Бо зайшов Ти, Мій Сину, від очей від моіх.

Пісня сьома.

Де, мій Сину та Боже, старе благовіщення, що мені Гавриїл був прорік, Царем и Сином небесного Бога Тебе називаючи. Тепер же я бачу Тебе, мое Світло солодке, та поранеим мертвим. Визволителю з болів, візьми мене, Сину мій й Боже, з Собою тепер, щоб зішла в ад з Тобою, Владико, і я. Не кідай мене самітною, бо вже жити не зможу, як бачить не буду Тебе, свого Світла солодкого.

Слава Отцю, і Сину, і Святому Духу.

Непорочная з іншими жонами мироносицями гірко ридала, і бачивши, як Христа несли, казала: Горе мені, що я бачу. Куди Сину мій идеш Ті тепер. а мене одинокою кидаеш.

І нині і завжди, і на віки вічні, амінь.

Непорочная тратила сили й ридала і до мироносиц казала: Ридайте та плачте зі мною прегірко, бо Світло солодке мое, ваш учитель, передеться до гробу.

Пісня восьма.

Як Иосип побачив ридаючу Діву. увесь засмутився та гірко проказував: Як Тебе я Твій раб, поховаю тепер, о Мій Боже. Якими плащаницями тіло Твое обівью. Понад розум пішло Твоє дівне побачення Господа, що носить все створене. Тому Йосип Тебе на руках своіх з Никодимом як мертвого носить і ховае.

Слава Отцю, і Сину, і Святому Духу.

Бачу дивну і преславную тайну, – Діва казала до Сина та Господа, – як кладешся до гробу порожнього Ти, що мертвих з гробів підіймав був наказом Своїм.

І нині і завжди, і на віки вічні, амінь.

Я не встану від гробу Твойого, Дитино моя, ані не перестану лить сльози, рабиня Твоя, аж поки до аду і я не зійду. Бо не можу я знести розлуки з Тобою, мій Сину.

Пісня девята.

Радість до мене ніколи вже не доторкнеться, – Непорочна казала, ридаючи, – мое Світло та радість моя в гроб зайшло. Але не оставлю Його одиноким, отут я помру й поховають мене разом з Ним. Зціли мою рану душевну тепер, о Дитино Моя, – голосила Пречиста, сльози лила, – воскресни й заспокій молю болізнь та сум, бо Ти можеш, Владико, усе, що захочеш, й чинити, хоч Ти і похований з волі Своєї.

Слава Отцю, і Сину, і Святому Духу.

О, як же бездоня щедрот затаїлась від Тебе. Господь Матері тайно прорік: «Із бажання спасти Своє твориво зволив Я вмерти, але Я й воскресну, й Тебе возвеличу, як Бог неба і землі.

І нині і завжди, і на віки вічні, амінь.

Виспівую ласку Твою, Человеколюбче, й вклоняюсь богатству Твого милосерця, Владико. Бо з бажання спасти Своє твориво смерть Ти прийняв. – казала Пречиста, – Але Спасе, воскресіннем Своім помилуй всіх нас».

1. Монашеское имя И. Огиенко – Илларион, в честь митрополита Киевского Иллариона (XI в.), выдающегося книжника.
2. Часто забывают, что он был еще и, без преувеличения, выдающимся русистом и даже пропагандистом русского языка, автором таких значительных работ, как «Орфографический словарь: Справочная книжка по русскому языку» (Киев, 1914); нескольких методических пособий по изучению и преподаванию русского языка, выдержавших целый ряд изданий (до 5 и более); словарей трудностей русского языка, также неоднократно издававшихся (4 и более раз); «Словаря ударений в русском языке» (2-е изд. Киев, 1914); «Словаря военно-исторических терминов» (Киев, 1914), наконец, книги «Иноземные элементы в рус-

ском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык» (Киев, 1915).

3. В обоснование этого И. Огиенко (митрополитом Илларионом) было даже написано особое исследование «Служити народові – то служити Богові: Богословська студія» (Вінніпег, 1965).
4. Е. Придворов позднее возьмет себе псевдоним Демьян Бедный (1883-1945) и прославится как пролетарский поэт.
5. В эти годы и позднее, вплоть до поступления в Киевский университет И. Огиенко пишет исключительно на русском языке.
6. «Високоповажному і дорогому учителеві свойому академікові Володимирові Перетцю в день шестидесятиліття життя його на знак глибокої пошани та щирої вдячності ...автор», И. Огиенко посвятит свой двухтомный труд «Українська літературна мова XVI-го ст. і Крехівський Апостол 1560-х р.» (Warszawa, 1930), за который в 1931 г. университетом г. Брно ему была присуждена ученая степень доктора философии.

   Соучеником И. Огиенко по семинару В. Перетца в Киеве был Н. Гудзий - будущий известный филолог.
7. Назовем лишь некоторые из них: «Як Москва взяла під свою владу вільну Церкву Українську», «Як Москва знищила волю друку Київо Печерскої Лаври», «Як цариця Катерина обмосковлювала Церкву Українську», «Українська вимова церковно слов'янського тексту», «Українська мова як мова богослужбова: Право живої мови бути мовою Церкви», «Український православний молитовник», «Україньска Житомирська Євангелія 1571 року: Опис пам'ятки, аналіз мови і словник . Нарис з історії культурного життя старої Волині», «Головніші правила українського правопису».
8. См.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 298.

   Сложилось так, что И. Огиенко (митрополит Илларион) стал в 1940-1944 гг. преемником по епископской православной кафедре на Холмщине митрополита Евлогия, который возродил в начале XX в. древнюю Холмскую епархию.
9. См.: Свята Відправа Вечірня й Рання: З грецкої мови на українську переклав Проф. Іван Огієнко. З благословення Високопреосвященного Діонисія з Божої ласки Архиєпископа Крем'янецького. Жовква, 1923.
10. См.: *Нестеренко А.* Митрополит Іларіон - служитель Богові й народові // Юбілейна книга на пошану Митрополита Іларіона. Вінніпег, 1958. С. 154.
11. Сам И. Огиенко, уже будучи православным митрополитом, не раз подчеркивал это. В 1949 г. уже в Канаде, Виннипеге, одном из самых

значительных мировых центров украинских трудовых переселенцев и эмигрантов, он писал: «Мушу тут прилюдно згадати, що "Рідній мові" й її віданням завжди щиро допомогала друкарня оо.василиан у Жовкві і матеріально постійно йшла їй на руку» (См.: Иларіон, митр. Історія української літературної мови. Київ, 1995. С. 270).

12. Находясь в Холме все эти годы, митрополит Илларион пишет множество стихотворных и прозаических произведений, в основном духовно-назидательных, произносит сотни проповедей, многие из которых были изданы или же разошлись в рукописных списках. Здесь он создает типографию и издательство, большую епархиальную библиотеку, насчитывающую десятки тысяч томов.
13. См., напр.: *Ляхоцький В.* Просвітитель: Видавничо-редакційна діяльність Івана Огієнка (митрополита Іларіона). Київ, 2000; Ляхоцький В. Тільки книжка принесе волю українському народові...: Книга, бібліотека, архів у житті та діяльності Івана Огієнка (митрополита Іларіона). Київ, 2000.
14. См., напр.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Живая древность: литературная традиция культа иконы Богородицы Холмской наших дней // Древняя Русь. № 2 (8). С. 14–25.
15. Приводим один из совсем недавних списков этого акафиста, помещенный в сборнике-тетрадке, бытующей на Черниговщине:

«Кондак 1.

Избранной от всех родов Владычице мира, превыше сил небесных превознесенней,

Хвалебныя песни приносим раби Твои, Богородице,

Ты же, яко имущая милосердие неизреченное, во святей иконе Твоей являемое,

От всех нас бед свободи, да с радостию зовем Ти.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Икос 1.

Ангелов чиноначалия на небеси величают Тя, Пресвятую Деву,

Радость Пресветлую всему миру родившую,

Мы же песни ангельстей подражая, зде, на земли, воспоем Ти сицевая:

Радуйся, Богоизбранная Отроковице,

Радуйся, от дней ветхих Богу предобрученная.

Радуйся, от пророк миру предуказанная:

Радуйся, Архангелом Гавриилом о зачатии Сына от Духа Свята предвозвещенная.

Радуйся, во смирении благовестие Архангелово восприявшая:

Радуйся, Наставнице, смиренномудрию нас научающая.

Радуйся, богодухновенно от праведныя Елисаветы Материею Божиею нареченная:

Радуйся о рождении от Тебе Спасителя мира в веселии духовнем Господа возвеличившая.

Радуйся, лики ангельскими песнословимая:

Радуйся от всех родов присно ублажаемая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 2.

Видя заступление Твое, Всеблагая Владычице, роду христианскому являемое,

Зане в бедах крепкая еси нам помощнице,
Обидимым заступнице, скорбным утешение, больным исцеление
И всем труждающимся скорая помоще,
Вси благодарственно о Тебе Богу вопием:
Аллилуия.

Икос 2.

Разум подаждь нам Всеблагая Владычице,
Како достойно воспети промышление Твое,
Стране Холмстей явленное,
Внегда просветитель Руси князь Владимир, изволением Твоим,
В покров и охранение страны сея,
Светом учения евангелскаго просвещаемыя,
Граду Холму в дар принесе икону Твою, Пречистая.
Мы же, дивящеся Твоему о нас предстательству,
Со умилением зовем Ти сице:
Радуйся, усердная Заступнице роду христианскаго:
Радуйся, насадителю Веры Христовы князю Владимиру
Во апостольстве вспомоществовавшая.
Радуйся, иконою Твоею чудотворною страну Холмскую,
Аки драгоценным даром обогатившая:
Радуйся, веру православную в земле сей укрепившая.
Радуйся, Твоею неисчетною благостию христиан ущедряющая:
Радуйся, милосердие неизреченное душам нашим источающая.
Радуйся, молитвами Твоими о нас неоскудевающая:

Радуйся, матерним заступлением чтущих Тя от всяких бед избавляющая.

Радуйся, пречестною иконою Твоею врачество телесное и духовное христианом являющая:

Радуйся, высоко непостижимая, ко пристанищу вышнему нас возводящая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 3.

Силу благодатную явила еси во святей иконе Твоей, Пресвятая Владычице,

Сокровище бо многоценное в ней нам открываеши

И безчисленныя щедроты притекающим к ней подаеши,

Да вси, щедротами Твоими обогатившеся,

Со умилением Богу воззовем:

Аллилуия.

Икос 3.

Имеющи о новопросвещенных людей земли Холмския попечение неоскудное,

От пречистыя иконы Твоея токи чудес источила еси, Владычице,

Да вси познают, яко любовь Твоя и попечение присно на людех православных пребывают.

Сего ради благодарственно Тебе воспоем:

Радуйся, благодати источник неистощимый дарующая:

Радуйся лучами чудес всех притекающих к иконе Твоей озаряющая.

Радуйся, помоще всем верно чтущим Сына Твоего преславная:

Радуйся, веры православныя в земле нашей крепосте твердая.

Радуйся, попечением Твоим присным о людех православных

Истину православия утверждающая:

Радуйся иконою Твоею радость духовную нам соделывающая.

Радуйся, милости сокровище многоценное нам открывающая:

Радуйся, море щедрот просящим у Тебе изливающая.

Радуйся, заблудшим путь истины указующая;

Радуйся, призывающим Тя на помощь скоро поспешествующая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 4.

Буря напастьтей и бед, не единожды воздвизаемая противо веры православныя в земле нашей,

Не возможе поколебати твердости в вере всех притекающих к Тебе, Владычице,

И цельбосней иконе Твоей поклоняющихся,

Зане икона сия в щит и победное знамение православным христианом Тобою дадеся,

И мы, грешныи, твердо уповаем, яко и во дни наших напастей скоро послушаеши всех нас,

С верою ко Твоему пречистому образу притекающих и Сыну Твоему поющих:

Аллилуия.

Икос 4.

Слышавше людии православныи, яко икона Твоя пречистая во дни тыя,

Егда град Холм от агарян нечестивых огню и мечу предадеся,

Под пеплом храма бысть сокровенна и с тех летех паки невредима обретеся,

Радостию велиею возрадовавшеся, хвалу Ти, Пресвятая Дево и Мати, воспеша таковую:

Радуйся, земли Холмская покрове:

Радуйся, православия в ней насаждение и утверждение.

Радуйся, во огни икону Твою пречестную чудесно невреждённою сохранившая,

Радуйся, росою чудоточною огнь угасившая.

Радуйся, радость нам велию, яко отроком халдейским в пещи огненней подавшая:

Радуйся, сильну в чудотворении познати Тя научившая.

Радуйся, яко икону Твою невреждённую зряще, святыне сей поклонятися научаемся:

Радуйся, яко от иконы Твоея даров чудесных сподобляемся.

Радуйся, броне наша неуязвимая:

Радуйся, стено наша несокрушимая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 5.

Боготечная звезда явися нам, Богомати, пречестная икона Твоя,

Лучами бо чудес от иконы исходящих всех верных Ти осияваеши,

Мрак греховный и мглу скорбей наших прогоняеши

И всех ищущих спасения наставляеши с верою воспевати Богу:

Аллилуия.

Икос 5.

Видев князь Владимир, яко насельницы земли Холмския

Во тьме язычества и сени смерней пребывают,

Разори на горе града Холма капище идольское и созда на ней храм Богу живу,

В нем же и утверди пречестный Образ Твой, Богомати,

Да вси взирающи нань и чтущии Тя, дары от Тебе восприемлют,

Яже к животу и благочестию

Мы же, чтуще святыню Твою, со умилением глаголем:

Радуйся, палато Сына Божия, в храме земнем обитати благоизволившая:

Радуйся, вместилище славы Господней, притекающих к тебе славою и честию венчания.

Радуйся, горо несекомая, источник воды живы жаждущим источившая:

Радуйся, заре блистающая во тьме, мрак языческий в земле нашей разорившая.

Радуйся, стамно златая, мир весь глада духовнаго избавляющая:

Радуйся, столпе огненный, к Солнцу Правды всех ищущих спасения приводящая.

Радуйся, иконою Твоею источники чудес нам источающая.

Радуйся, двери райския всем верно чтущим Тя отверзающая.

Радуйся, христианом радосте и утешение:

Радуйся, уз греховных падшим разрешение.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 6.

Проповедницы чудес велиих, иконою Твоею источаемых,

Явишася не токмо православнии, но и иновернии людие:

Не отринула бо еси милосердием Твоим и сих к Тебе притекающих

И цельбоносней иконе Твоей поклоняющихся,

Да вси, сильну помощницу Тя уразумевше и поклонятися православней святыне научившеся,

Со умилением воззовут Богу:

Аллилуия.

Икос 6.

Возсиявши от пречесныя иконы Твоей благодать светозарную,

Светиши светом чудес и милостей стране нашей, Пречистая,

И вси, с верою к Твоей иконе цельбоносней притекающии

И чающии от Тебе великия и богатыя милости, едиными устами и единым сердцем

Велегласно Тебе возопиют:

Радуйся, дерзновенная к Богу ходатаице:

Радуйся, за мир христианский теплая молитвеннице.

Радуйся, неистощимый источник святыни;

Радуйся, многотекущая реко благ вечных.

Радуйся, сиянием славы твоея нас облистающая:

Радуйся, мрак греховный душ наших упраздняющая.

Радуйся, яко Твоею иконою источники чудес являеши:

Радуйся, яко прибегающим к ней вся полезная даруеши.

Радуйся, сердец наших умиление:

Радуйся, от бед и напастей наше спасение.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 7.

Хотящи граду Холму, от агарян нечестивых разоряему, милосердие явити,

Не отринула еси, Скоропослушнице, дву дев Холмских,

Пред иконою Твоею о спасении града сего молящихся

И чин иноческий прияти обещавших,

Но притекла еси на помощь граду сему

И обратила в бегство полки вражии,

Да вси спасеннии Тобою от бед воспоют:

Аллилуия.

Икос 7.

Дивное попечение о доме Господнем, в нем же пребываше

Твоя цельбоносная икона, показала еси, Пресвятая Владычице.

Како бо не дивимся Твоей чудесней помощи,

Собирателю лепты на расширение храма сего иноку Иоасафу явленней,

Егда инок сей от Тебе, во образе лепообразней жены явльшейся,

Прият в дар свиток с лептою на сие дело довлеющею

И, дивяся свыше ниспосланней помощи, воспе Ти сице:

Радуйся, преславная в бедах заступнице:

Радуйся, милости превеликия подательнице.

Радуйся, многажды прошения наша предваряющая:

Радуйся, светозарное сияние, скорбный мрак души нашея разгоняющая.

Радуйся, ненадежных непостыдное надеяние:

Радуйся, всем верно чтущим Тя радосте и утешение.

Радуйся, любве неистощимый источниче:

Радуйся, твердое наше упование.

Радуйся, всех притекающих к Тебе Твоею милостию покрывающая:

Радуйся, вечныя радости нас сподобляющая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 8.

Странники и пришельцы на земли суще, новаго града Иерусалима небеснаго, взыскаем.

Ты же, Пресвятая Владычице, яко предстательница о людех к Сыну Твоему,

Моли прощение прегрешений нам прежде конца даровати,

Да тихаго пристанища на небеси достигнем и Богови возопием:

Аллилуия.

Икос 8.

Вся небесныя силы Тебе, яко Богоматерь величают.

Ты же, Дево Богородице, честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим,

Не возгнушалася еси за род человеческий, грехами оскверненный, предстояти,

Того ради и вси земнороднии благодарственная Тебе приносят, воспевая сице:

Радуйся, невместимаго вместилище:

Радуйся, чистоты божественныя хранилище.

Радуйся, рождением Твоим Бога и человека соединившая;

Радуйся, спасение человеком устроившая.

Радуйся, Путеводительнице, к небеси нас возводящая:

Радуйся, Царице небесе и земли, врата райския нам отверзающая.

Радуйся, с Сыном Твоим и Богом социарствующая:

Радуйся, и посреде нас грешных пребывати не возгнушавшаяся.

Радуйся, ко благосердию Владыки молитвы в вере благочестивых приносящая:

Радуйся, молений и нас грешных не отвергающая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 9.

Все естество ангельское и человеческое,

Дивяся Твоему неизреченному милосердию к роду христианскому,

Похвальныя песни Тебе приносит,

Зане сильным предстательством Твоим мир весь от бед избавляеши, больных врачуеши,

Грешных заступаеши и молишися о всех с верою к Богу притекающих и вопиющих Ему:

Аллилуия.

Икос 9.

Ветия многовещанныя недоумеют, коими словесы восхвалити славный,

Владычице, Праздник Холмския иконы Твоея

К ней же в день сей святый во множестве превеликом не токмо православним,

Но и иноверении притекают, чающе от Тебе скорбей избавления, недугов исцеления,

Радостей исполнения и благ вечных сподобления.

Ты же, Щедродательнице, неисчетныя благодеяния иконою Твоею в сей день являеши,

Да вси, радующиеся о Тебе, возглаголют сице:

Радуйся, мир от скорбей избавляющая:

Радуйся, в напастех нас защищающая.

Радуйся, слепых прозрение, глухих слышание:

Радуйся, хромых хождение, немых глаголание.

Радуйся, болезней наших врачевание:

Радуйся, чаяний наших исполнение.

Радуйся, умерщвленных грехи благодатию твоею оживляющая:

Радуйся, подаяние благ вечных нам являющая.

Радуйся, тихое пристанище ищущим спасения:

Радуйся, почитающим икону Твою несомненное защищение.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 10.

Спасти хотящи некоего мужа Холмска Иакова,

В реце утопающа и ко твоей помощи взывающа,

Ты, Богомати отчаявшихся спасение, подобне Христу,

Извлекшему Петра из пучины морския,

Простерла еси руку помощи сему погибающему,

Да вси сущии в бедах, ведящи чудо сие,

Воспоют о Тебе хвалебную песнь Богови:

Аллилуия.

Икос 10.

Стено еси нерушимая граду Холму, Пресвятая Богородице и Дево.

Егда бо во дни древния агаряне нечестивии,

Огню и мечу землю Холмскую предающе,

Ко граду Холму приближахуся,

Насельницы же града подавши икону Твою пречестную

Вокруг храма ю осношаху и о спасении града слезно моляхуся,

Ты, внимая мольбам людей во спасении отчаявшихся,

Устрашила еси враги видением чудным и отгнала их от града ими осажденнаго,

Да вси, спасении Тобою от находящихся на ня бед, воспоют Ти таковая:

Радуйся, страну нашу от нашествия агарянскаго свободившая:

Радуйся, чудесным видением стены неприступныя враги устранившая.

Радуйся, сильным заступлением Твоим от всяких бед нас свобождающая:

Радуйся, от огня, меча и нашествия иноплеменников нас избавляющая.

Радуйся, во бранех крепкая помощнице:

Радуйся, отчаявшихся нечаянная радосте.

Радуйся, от смертнаго губительства наше спасение:

Радуйся, врагов наших явное посрамление.

Радуйся, во бедах изнемогающим незыблемое укрепление:

Радуйся, во страданиях наших благомощное утешение.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 11.

Пение всеумиленное приносят Ти вси труждающиися и обремененнии,

Зане Сыну Твоему непрестанно предстоя, молишися, да слово Им реченное:

Аз упокою вы, соблюдет, и вся в лишении сущия к небеснаму веселию приведет;

Вси же, дар сей небесный восприявшии, воспоют Ему хвалебную песнь:

Аллилуия.

Икос 11.

Светозарным лучем благодатнаго упования явися православным христианом

Пречестная икона Твоя, Владычице, во дни скорби их.

Егда бо страна Холмская от православия лестию отторжена бысть,

Людие православнии в напасти сей сущии, молящеся пред иконою Твоею,

Велие утешение и светлую радость обретаху,

В надежде утверждаяся, яко привремении суть дии син лукави

Егда же чаяние сие исполнися, людие с веселием воспеша Ти хвалу таковую:

Радуйся, душевредных учений обличение:

Радуйся, душеполезных знаний дарование.

Радуйся, священное прибежище наше и верных ограждение:

Радуйся, погибших взыскание и заблудших исправление.

Радуйся, домостроительнице нашего спасения, житие наше добре устрояющая:

Радуйся, во страданиях утешение и в житии благодатнем укрепление нам подавающая.

Радуйся, яко Тебе ради православнии люди прельщения еретическия отметают:

Радуйся, яко Тобою и от еретик совращеннии паки православную веру обретают.

Радуйся, церкве Христовы пресветлое украшение:

Радуйся, православия в стране нашей незыблемое утверждение.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 12.

Благодати Твоея не лиши нас, Пренепорочная, люте бо страждем от беззаконий наших,

И не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды оправдатися, разве Тебе, Владычице.

Ты нам помози, да не погибнем люте, и приими нас в небесныя кровы,

Да радующеся о Тебе, возопием Богу:

Аллилуия.

Икос 12.

Поюще Тя, яко неоскудевающую милосердием предстательницу нашу пред Господем,

Веруем и исповедуем, яко испросиши нам благая не токмо в житии сем привременнем,

Но и по смерти нашей, да, небесных благ не лишившеся, воспоем Ти сицевую:

Радуйся, в бездне греховней пребывающим очищение:

Радуйся, грешником с Богом примирение.

Радуйся, молитвами Твоими матерними милость

И всепрощение грешником у Сына Твоего испрошающая:

Радуйся, молитвами Твоими праведно движимый на нас гнев Божий отвращающая.

Радуйся, отрадо наша и утешение в день смерти:

Радуйся, надеждо наша и по смерти.

Радуйся, уповающим на Тя непостыдную кончину живота дарующая:

Радуйся, в день судный десное стояние нам устрояющая.

Радуйся, ключу царствия Христова, врата небесныя нам отверзающая;

Радуйся, двере, двере райская, в чертог небесный нас возводящая.

Радуйся, земли Холмския отрадо и всему миру прибежище и заступление.

Кондак 13.

О Всепетая Мати, Царице неба и земли,

Ко Твоему пречистому образу прибегаем и, поклоняющеся Ему, умильно глаголем:

Покрый нас ковром милосердия Твоего,

Избави нас от всяких бед, скорбей и напастей,

И умоли Сына Твоего, в день праведнаго суда Божия

Сподобити нас деснаго стояния со всеми святыми, да непрестанно поем Ему:

Аллилуия, аллилуия, аллилуия».

Память о гонениях на православие

Народные писания о гонениях на православие в советское время принадлежат к числу самых потаенных. Очевидцы событий тех уже далеких лет прекрасно помнили и помнят все усиливавшуюся тогда волну преследований церковнослужителей и мирян, разрушения храмов и, наконец, практически полную ликвидацию государственными властями официальной церковной жизни. Особое место в этих воспоминаниях всегда принадлежало памяти о самых стойких в вере православных людях, как правило, членах причта местного храма и наиболее близких к нему прихожанах. О многих из них говорилось, что за свое стояние в православной вере «попал в Соловки» или «на Соловки». Часто туда, в ссылку, по рассказам, вывозили целыми семьями, но иногда «забирали и увозили» лишь самого батюшку и тогда семья «бедовала». Некоторые помнят циркулировавшие в ту пору слухи о подпольных (тайных) церквах и даже монастырях, о служении, чаще тайном, гонимых священников и монахов, а также о постепенной внутренней самоорганизации в среде мирских членов бывшего церковного прихода, выделении среди них лидеров, которые сыграли выдающуюся роль в сохранении православной жизни и по сути стали духовным ядром продолжавшей фактически существовать местной церковной общины, лишенной опеки священника. Очевидцы со многими подробностями передавали и передают все эти сведения более молодому поколению, причем не только околоцерковному, и, таким образом, в народном сознании сейчас как бы сложился своеобразный календарь этих гонений и массового православного исповедничества, где наряду с огромным количеством безымянных героев, есть и немало лиц известных ныне всему православному миру, например, прп. Лаврентий Черниговский.

В рукописных сборниках-тетрадках до сих пор встречаются описания ликвидации наиболее почитаемых в народе монастырей, в том числе и Саровского. Вот одно из таких описаний, составленных, вероятно, по воспоминаниям очевидцев:

«Еще 19 июля 1926 года Саров видел в себе столько богомольцев, сколько не видел со времени открытия мощей преподобного Серафима, а уже в сентябре начались напасти. Накануне Рождества арестовано было пять видных иеромонахов, потом еще трое из братии. Сожжено много книг из монастырской библиотеки – более 30 пудов. Разгромлена посуда на Серафимовском источнике, увезены все ковры, взято столько то старых монет, накопившихся за время революции от богомольцев. Игумену поставлено в вину, что он самодержавно управлял монастырем. В феврале же 1927 года началась демобилизация монахов. Один по одному 25 наиболее молодых монахов получили приглашение в местную милицию, где каждый из них дал подписку:

– Я, нижеподписавшийся, оставляю Саров и туда более не возвращусь.

Некоторые ушли. Некоторые пытались вернуться, но были арестованы. На первой неделе Великого поста изгнаны из монастыря казначей и благочинный, на второй неделе еще партия монахов "выразила желание" оставить Саров. 30 марта 1927 года были закрыты все храмы , кроме одного, самого маленького. В первых числах апреля подъехали к собору сани под прикрытием 30 человек конной вооруженной стражи. Святые мощи Преподобного были бесцеремонно положены в простой ящик и увезены, предполагают, что в Москву, в музей. Деревянная рака Преподобного была распилена и сожжена среди монастыря. Там же была сожжена одна чтимая икона. Храмы все до единого запечатаны и самый монастырь тоже, и мерзость запустения водворилась на месте святее. Монахи разбрелись куда глаза глядят. Многие проживают около Дивеева. Говорят, однако, что и этому монастырю угрожает такое же горе…» [1].

Особо хочется отметить наличие большого числа народных стихотворных сочинений, посвященных всем этим событиям. Среди них выделяются те, что, например, связаны с темой Креста, столь распространенной именно в период тяжелейших гонений на православие и его исповедников. Вот несколько примеров подобных писаний, по сей день весьма популярных в народе и часто копируемых как деревенскими жителями, так и горожанами.

На Воздвижение Креста Господня

Днесь Креста Воздвиженье
святое
Поклоненьем верные почтим,
И усердным стройным
песнопеньем
Спасов крестный подвиг
ублажим.
Крест Христов Святой
животворящий
Враги скрыли внутр земли,
Так глубоко чтобы христиане
Никогда его уж не нашли.
Больше двух веков лежал
сокрытый
Крест Господен в глубине
земной,
И из христиан никто не ведал
О святыне крестной –
дорогой!
Константин великий
император
Внутр земли Крест Спасов
откопал
И сие сокровище спасенья
Христианам верным даровал.

Пред войной он на небе
увидел
Светозарный звездный Крест
Христов,
И в Христа уверовал всем
сердцем,
Вдруг Крестом всех победил
врагов.
В благодарность Богу за
победу
Константин-царь честь
Кресту воздал,
Он отверг языческую веру
И крещенья таинство принял.
Дав свободу церкви
христианской,
Приказал гоненье прекратить
И велел все идольские храмы
Тот час в церкви Божьи
обратить.
Константин великий самый
первый
Был из всех языческих царей,
Что в Христа уверовав
крестился,

И велел крестить своих людей.
За великия благодеянья
И за Божию к нему любовь,
Возжелал найти он непременно
Обагренный кровью Крест Христов.
Он послал родную мать Елену
С верой и надеждою за ним,
В ту страну где распят был Спаситель
Во святой град Иерусалим.
Очень долго матерь Константина
Крест искала с скорбною душой,
Но из христиан никто не ведал,
Где враги сокрыли Крест Святой.
Со слезами верные молились
И просили Самого Христа,
Чтоб сподобил их найти Святыню, –
Сокрытого в земли Креста.
Волей Божией пришел к Елене
Многолетний старец и открыл,
Что Израиль близь горы Голгофы
В глубочайшей яме Крест зарыл.
В тот же день усердно раскопали
У Голгофы многие места
И о, радость, близь горы открыли
В яме три деревянные креста.
И гвоздей четыре здесь железных,
Окровавленных в близи креста,
Обрели тех самых что пронзили
Две руки и две стопы Христа.
Крест Христов в собрании народа
Чудо дивное тут совершил:
Мертвеца он силой благодатной
Воскресил и к жизни возвратил.
Все тогда познали – убедились,
Что из трех обретенных крестов
Сей воистину есть благодатный,
И Животворящий Крест Христов.
На Голгофу множество народа
Притекло из многих дальних мест,
Все желали целовати и видеть
Искупительный Господен Крест.

Патриарх для верного народа
Крест тяжелый в верх приподнимал
А народ увидев Крест Господень,
“Господи помилуй нас” взывал.
Долго патриарх Крест тяжкий Спасов
Воздвигал и опускал на час:
А народ крестился и молился:
“Господи, – взывал – помилуй нас”.
Те больные что с живою верой
Целовали Крест Святой Христов,
Исцелялись от болезней тяжких
И спасались от сетей врагов.
В честь обретенья святого Древа
И воздвиженья в сей день Креста,
Установлен церковью днесь праздник
В память смерти и Страстей Христа.
Придите ныне, христиане,
Поклонимся с верою Христу
И открытому в земле глубокой
Преблаженному Его Кресту.
Все целуйте сердцем и устами
Древо вечного спасения,
И получим за любовь и веру
От Христа дар просвещения,
Се пред нами часть лежит от древа
Преблаженнаго того Креста,
На котором некогда
Умертвили нашего Христа.
Весь облит был Пречестнейшей кровью
Деревянный Крест святой Христов.
И в святой частице крестной нашей,
Верте есть Божественная кровь.
С этой верой сердцем лобызайте
Древо вечного спасения,
И за то получите награду
От Христа дар исцеления.
С верой и любовию целуйте
Благодатный славный Крест Христов
И получите от Бога милость
И прощение своих грехов.
С разуменьем и благоговеньем
Все креститесь правильно рукой
Всякий раз когда благословляет
Вас Животворящий Крест Христов.
Всякий раз, когда вас осеняют

Сим Божественным святым
Крестом
Покланяйтесь до земли с
любовью
Пред умершим на Кресте
Христом.
За усердный подвиг
поклоненья
Древу Треблаженного
Креста,
Всякий раз мы в церкви
получаем
Новый дар духовный от
Христа.
Все чего у Бога попросим,
Он подаст чрез Крест
священный нам:
Он сказал "просите
неотступно,
И по просьбе вашей будет
вам".
Покланяемся Тебе
Спаситель,
Богу правды мира и любви,
Ты же нас Крестом
Животворящим
В день Воздвиженья
благослови.

Величаем мы Тебя усердно,
Живодавче всецарю Христе
И поем Твою любовь святую
Воссиявшую в твоем Кресте,
Почитаем Крест Твой,
Иисусе!
На котором Ты пролил всю
кровь,
Пострадал за грешников и
умер
Свобождая нас от всех
врагов.
Просим искренно и молим
Спасе
Мы Тебя от полноты души
Крест любви Твоей святой
великой
Ты в сердцах усердных
напиши.
За Твою великую к нам
милость,
Всеблагий наш Богочеловек
Мы любить Тебя и славить
будем
И превозносить во век – во
век.

Страдания Иисуса Христа

Господь моей Ты жизни свет
Моей Ты смерти воскресенье.
За грех мой Ты пришел
терпеть
Креста кровавое мученье,
За долг мой Бог порукой стал
И кров Свою в уплату дал.
Дай на Голгофу за Тобой

Взойти с сердечным
умиленьем
И сокрушенною душой
Следить за всем Твоим
мученьем.
При мысли о любви Твоей
Струятся слезы из очей.
Вот в Гефсимании в мольбе,
В слезах и поте и в боренье –
Со смертью Ты, Твоей
борьбе
Моей виною прегрешенье:
За грех людей кровавый пот
Господь в тоске на землю
льет,
Тебе предатель изменил,
Ты в суд язычников
ведешься;
Я суд и казнь ту заслужил
А Ты на жертву предаешься.
А я во всем виновен был
А Ты Господь мой, заплатил!
Се человек! Безмолвен Он
Как Агнец! Царь нам в
поруганье
Венцом терновым изъязвлен.
Трость – скипетр Его. Свое
страданье
За гордость Он мою вкусил.
Он за меня посмеян был.
И верный ученик Его,
Господней скорби в
довершенье,
Отвергся Бога своего.
И вот идет Он на мученье,
Терпя под бременем Креста:
Осмеян, мучим, осужден
Исполнен зол и оскорбленья,
К кресту проклятья
пригвожден,
Ты терпишь муки мне в
спасенье.
Из язв Твоих течет струей
Кров примиренья над землей.
Ты помнишь в муке о врагах,
И я Господь был Твой
гонитель:
Ты вспоминаешь о друзьях:
Ах, вспомни и меня
Спаситель!
Там где разбойнику дан рай
И мне с Собой там место дай.
"Мой Боже, Боже мой, почто
Меня оставил Ты" с тоскою
Взываешь громко Ты: никто
Не тронут скорбию такою.
За что Отец Тебя забыл
Ах, я тому виною был.
Вотще Ты жаждешь, Ты
испил
Лишь чашу зла и
оскорбленья:
"Свершилось!" рек главу
склонил
Окончил подвиг примиренья
И предал дух Свой в длань
Отца.
Твой труд свершился до
конца:
Я зрел сей чудный Бога труд
С любовию и с сокрушеньем:
Он за меня предстал на суд

И умер мне во искупленье.
Жив грешник, Агнец
умерщвлен:
И Божий гнев им примирен.
Господь предмет любви моей
Распятый мне во оправданье.
Я жив заслугою Твоей,
Одна она мне упованье,
Я веру всей в Тебя душой,
И буду вечно жить с Тобой,
Доколь я странник на земли,
Твоею смертью наслажденье
И мир душевный мне пошли!
Настанет час душа хваленье
Тебе там в горних будет петь
И там Тебя любить уметь.

Святому Кресту Господню

Придите, Христиане,
Поклонимся днесь Христу,
И Его страданьям крестным
И блаженному Кресту.
Все Господень Крест
прославим,
Ублажим превознесем,
Крест хвалами возвеличим
Крест любовью воспоем.
В глубине душ благодарных
Крест Христов изобразим,
И в сердцах смиренных
наших
Крест Владычний водрузим.
Утвердим Крест силой веры
В мыслях нашего ума
И Крестом Христовым
светлым
Просветится наша тьма.
Утвердим Крест
размышленьем
В глубине душ и сердец,
И за подвиг сей получим
В небе царственный венец.

Что такое Крест?

Крест есть тяжесть труд
томленье
Сердца скорбь, страдание,
Крест есть горе и мученье,
Плач души рыдание.
Крест терпение лишений,
Бедности и нищета,
Злобы гнева и коварства,
И вражда и клевета.
Крест есть вольное смиренье,
Крест – терпенье бед,
скорбей,
Осужденья, оплеванья,
И изгнанья от людей.

Крест есть до конца терпенье
Для избранных христиан:
Мук смертельных смерти
тяжкой
И тяжелых смертных ран.

Сей великий совершенный
Крест за всех людей понес
Наш возлюбленный
Спаситель
Бог Сын Иисус Христос.

Крест от Рождества до Крещения

В самый первый день
Рожденья
Он в вертепе крест подъял,
Как младенцем безприютным
В скотских яслях возлежал.
Здесь подъял и крест
смиренья,
Вписан был в число рабов,
Здесь терпел и крест гоненья

И изгнанья от врагов.
На пути в Египет дальний
Крест лишений испытал,
А в Египте претяжелый
Крест убожества подъял.
Возвратясь в страну родную
В нищете глубокой жил,
И крест горестей сердечных
Тридцать лет в душе носил.

Крест Христов от крещения до Гевсимании

В день Крещенья Царь
небесный
Крест подъял смиренья,
Преклонив главу под руку
Своего творения.
Сорок дней Христос в
пустыне
Крест поста претерпевал
И крест злобы сатанинской
С искушеньем испытал.
А потом явившись в мире
Просветителем людей,
Он терпел от злобы вражьей
Крест печали и скорбей.

Тяжкий крест пренебреженья
Он от книжников терпел,
О лукавстве лицемеров
И о злобе их скорбел.
Трудный крест лжи
противленья,
Зависти, вражды слепой,
Он терпел от фарисеев
За дела любви святой.
Этот крест был самый
тяжкий
Для святой души Христа,
И найбольше наш Спаситель
Плакал от сего креста

Плакал о жестокосердьи
Всех израильских вождей,
И начальников народных,
И старейшин и судей,
Плакал об окамененьи
И о смерти их сердец,
Как о чадах умерщвленных
Плачет любящий отец.

И в среде друзей Спаситель
Крест измены претерпел
От Иудина коварства
И от сатанинских стрел.
Крест сей тяжестью ужасной
Иисуса удручал,
И в час вечери всю душу
Возмущал и огорчал.

Крест от Гевсимании до суда у Каиафы

В Гевсиманьи в час молитвы
Много тягостных крестов
Удручали нестерпимой
Смертной скорбью дух
Христов.
Те кресты грехи мирские,
Беззаконья всех людей,
Все пороки всех злодеев,
Злейших змей и всех зверей.
Тут под тяжестию крестной
Плотью изнемог Христос,
И молил Отца, чтоб мимо
Чашу горести пронес.
Новый крест для сердца
тяжкий
Душу Спаса удручал,
Как лице Его коварный
Ученик облобызал.
Тяжек крест был для
Владыки
В час связанья от врагов
И введенья с досажденьем
На безбожный суд врагов.
Вновь подъял крест
претяжелый
Божий Сын, Творец и Царь,
Претерпев в лице святое
Страшный от раба удар.

Крест Христов от Каиафы до бичевания

Но ужасно крест был тяжек,
Как Каиафа судил
На злодейскую смерть Бога
И Царя небесных Сил.
Вновь ужасный претяжелый
Крест Христос за мир подъял
Как сброд грубых слуг
жидовских
Лик Его весь оплевал.
Оплеванья крест тягчее

Чем крест заушения,
Крест терзанья осмеянья
И крест досаждения.
Самый тягостный –
    духовный
Спасов крест мучения,
Был в час грешных клятв
    Петровых
И в час отречения.
Внов крест претерпел
    духовной
В тот час Богочеловек,
Как отчаялся Иуда
И погиб на век на век.
Тяжкий крест терпел
    Спаситель
От израильских судей
Говоривших пред народом
"Се преступник и злодей".
И опять для Спаса тяжкий
Крест соделали они
Научив народ избранный,
Чтоб кричал: "Христа
    распни!"

Крест Христов от бичевания до распятия

Тяжек крест был для
    Владыки
И Царя небесных Сил,
Как Его Пилат Игемон
К бичеванью присудил.
Крест сей Спас подъял
    безмолвно
За спасенье всех людей,
Претерпев болезни – раны
И мученье от бичей.
И опять крест претяжелый
Претерпел Христос – Творец,
Как возложен был терновый
На главу Его венец.
Внов ужаснейший претяжкий
Крест Спаситель наш подъял
Как полк воинов жестоких
Лик Его весь оплевал.
Но тягчайший крест
    духовный
Был в час отречения,
Иудеев от Мессии
И Его спасения!!
Внов Спас претерпел крест
    тяжелый
От неправидных судей,
Как Ему был пред всем
    миром,
Явно предпочтен злодей.
Но ужаснейший – духовный
Крест за нас Христос подъял,
Как Игемон приговор свой,
Смертный, крестный
    подписал.
Весь в крови весь в ранах –
    язвах
Обезсиленный Христос,
Крест деревянный –
    претяжелый
На гору Голгофу нес.

Под крестом страдая
страшно,
Он молился воздыхал,
Наконец остановился
Плотью изнемог упал.
В сих страданиях Спаситель
Нам любовь свою явил,
Мы узрели что нас ради
Он плотских лишился сил.
Симон облегчил в то время
Тяготу Его креста,
И несказанно утешил
Душу скорбную Христа.

Крест Христов от распятия до смерти

На Голгофе наш Спаситель
После обнажения,
Претерпел крест претяжелый
К древу пригвождения,
С сим крестом соединился
И духовный крест Христов,
От насмешек и ругательств
Злых безчувственных врагов.
Вновь болезненный
сердечный
Новый крест Он претерпел
Как стоявшую с друзьями
Матерь скорбную узрел.
Но ужаснейший, тягчайший
Спас подъял крест наконец,
Как Его в огне мук крестных
Сам оставил Бог Отец.
Сей великий крест Господень
Был тягчее всех крестов
Поразив болезнью страшной
Тело и весь дух Христов.
На Кресте в болезнях лютых
Он молился и страдал,
Так ужасно что на помощь
Бога с неба призывал.
Бог Отец еще усилии
Тяготу креста Его, -
Не утешив ни единым
Словом Сына Своего.
В сем ужаснейшем томленьи,
В пламени смертельных мук
Воспалились и горели
Раны ног Его и рук.
И вся плоть Его горела
Нестерпимейшим огнем,
Поражавшим убивавшим
Тяжким огненным крестом.
“Жажду!” возгласил
Спаситель,
“Люди сжальтесь надо мной:
Прохладите огнь мук
крестных
Хладной каплею водной”.
Тут языческое сердце
Отозвалось тот час,
На болезненный
предсмертный
И молебный Спасов глас.
Пожалел Христа язычник,
Оцтом жажду прохладил

И крест огненных страдальца
Хоть пред смертью облегчил.
Иудеи ж насмехались
И злорадствовали вновь,
Отягчая самый тяжкий
И предсмертный крест
Христов.
Наконец достиг Спаситель
Совершения Креста,
И в последний раз к народу
Он отверз свои уста.
Возгласив пред всей
вселенной:
Страсти совершашася.
На Кресте грехи людские
Мною искупишася.
Отче во Твои я руки
Ныне предаю дух Мой,
Искупив весь мир греховный,
Обольщенный сатаной.
После слов к Отцу Спаситель
Преклонил главу потом
Испустил Свой дух и умерь
Тихо на Кресте Святом.
Так окончился великий
Благодатный Крест Христов:
И в Кресте нам воссияла
Явно Божья вся любовь.

Величание поклонение молитва

Величаем Крест Господень
Песни веры и любви
Ты же Спасе, силой крестной
Нашу жизнь благослови.
Помоги нам в нашем сердце
Славный Крест Твой
водрузить
И в душе Твои страданья
Крестные изобразить.
О, тогда и наш крест скорби
Мы с любовью претерпим,
Укрепляя наши души
Велиим Крестом Твоим.
Покланяемся Владыко!
Мы благословенному
Твоему Кресту честному,
Древу треблаженному.
Покланяемся Владыко,
Мы твоим страданиям,
И слезам твоим, и воплям
И всем воздыханиям.
Покланяемся кровавым
Ризам нам оставленным,
И столбу бичам и камням
Всюду окровавленным.
Покланяемся Спаситель!
Молоту тяжелому,
Копию гвоздям и трости
И венцу терновому.
Покланяемся Владыко,
Ароматам и Губе,
Плащанице и убрусу
Принесенным в дар Тебе.
Покланяемся любовью
Гробу Живоносному,
И воскресшему из мертвых

Спасу Светоносному.
Помоги нам Спасе Сыне
Божий!
Крестный подвиг возлюбить
И в кресте Твоем в дни
скорби,
Утешенье находить.
Утверди нас силой Крестной
В покаянии святом,
Чтоб явились мы по смерти
В вечный мир к Тебе с
Крестом.

Помоги нам Спасе вечно
Созерцать Твой Крест
Святой,
И хвалить Тебя всем
сердцем,
Всем умом и всей душой!
Мы Тебя за милосердье,
Добрый Богочеловек,
Все возлюбим и прославим
Искренно во век, во век.

А вот пример несколько иного рода: моление «О гонимых и страждущих в Советских республиках», сочиненное православными в межвоенной Польше и, видимо, достаточно широко распространившееся далее на востоке в период Великой Отечественной войны, когда на здешних территориях немецкие оккупационные власти разрешили открывать церкви, а «состав духовенства пополнялся в основном за счет священников, приехавших из Польши» [2].

«О гонимых и страждущих за веру в Советских республиках

О еже услышити вопль и воздыхание братий наших, порабощенных врагами Господа Вседержителя, и в страдании вопиющих к Нему о заступлении и помощи, и даровати им терпение и силу даже до последняго издыхания сохранити и небоязненно исповедати Святую Православную веру, Господу помолимся.

О еже вскоре услышити глас моления нашего, исповедников же имени Великаго Бога нашего, за веру и правду Божию в темницах, и заточении страждущих, свободити от уз, прещения и всякого лишения, Господу помолимся.

О еже низложити богохульное безбожие и отступничество от правыя веры, и обратити всех отступльших к познанию Бо-

жественнаго учения, и соединити их Святей Своей Церкви, Господу помолимся.

О еже упокоити души братий наших, за веру и правду Божии живот свой положивших, зле умученных, потопленных, сожженных, избиенных, удушенных, наипаче же за Церковь Христову венец мученический приявших, Господу помолимся.

Призри милостивно, Человеколюбче, на рабов Твоих, от человек безбожных и лукавых лютее страждущих, низпосли им руку помощи, яви им свет лица Твоего, утеши и возвесели их благодатию Святаго Духа, Всеблагий Господи, услыши и помилуй.

Возвеличи, утверди и прослави Церковь Святую твою, и соблюди сердца верных чад Ея, вразуми свящкнноначалие, да верномудренно управляют пути Ея, Предивный Господи, услыши и помилуй.

Долготерпеливый и Всещедрый Господи Иисусе Христе, заблудших и во тьме безбожия сущих братий наших светом Евангелия Твоего просвети, любовь, иже к Богу, в сердцах их воспламени, и соедини их Святей Твоей Церкви, Всесильный Господи, услыши и помилуй.

Искорени и угаси все богохульное безбожное нечестие, владычество же их скоро разруши и правоверным предаждь, молимтися, Всесильный Господи, услыши и помилуй.

Милостию Своею умягчи жестокость сердец владык самозваных, безбожных же и зверонравных, терпящим же от них глад и всякое оскудение милостиво низпосли Свою помощь и заступление, и вскоре страдания их утоли, молимтися, Всесильный господи, услыши и помилуй.

Упокой, Господи, души раб Твоих, за веру и правду Божию убиенных и умученных, наипаче же за Церковь Христову венец мученический приявших, молимтися, Милосердный господи, услыши и помилуй.

Молитва по сугубой ектении

Милосердный Господи, Боже сил! Из глубины душевныя в скорби и печали нашей смиренно вопием Ти: силою Креста

твоего смири дерзость ненавидящих и разрушающих святыню храмов Твоих, и лютее гонящих верных чад Святыя Церкви Твоея. Всем страждущим и изнемогающим за исповедание веры во Имя Твое посли Ангелов Твоих Святых, да укрепляются верныя люди Твои в несении благаго ига твоего ангельским покровом и предстательством Святых Твоих. Многомилостиве Господи! Болезненным сердцем, со слезами молимся Тебе, призри на вопль, стенание и умиленныя молитвы всех верных людей, от нападения врагов Твоих, Господи, страждущих, Святыни храмов Твоих и благодати святых таинств Твоих лишенных. Умилостивися Господи, над младенцы, светом Святаго Крещения неозаренныя и печатию дара Духа Святаго не запечатленныя. Пощади, Господи, отроки, юноши и девы, соблазняемыя ненавистникам и Имене твоего на всякое неверие, нечестие, богохульство, распутное житие, зависть и злобу ко ближнему своему. Умилосердися, Господи, на старцы и болящия, лишенныя в предсмертный час благодатного утешения в Елеопомазании и Причастии Святых Таин Твоих, и нечающия христианскаго погребения. Огради, Господи, монашествующих лик, из святых обителей изгнанных и поношения терпящих. Наипаче же утверди, Господи, крепостию Духа Твоего Святаго, священники Твоя, дабы небоязненно, даже до смерти, во единении стояли на страже стада Твоего. Всех же, Тебе ради, приявших мученическую кончину, сподоби со Святыми Твоими в вечной славе твоей царствовати. На кресте моливыйся за распинат елей твоих, и приемый в последний час разбойниче покаяние, не погуби, о, Господи, отступников, хулителей и гонителей Святыя Веры, но, аще возможно сие, даруй и им радость познати Тя, Божественную Любовь и Премудрость, и дни свои в истинном покаянии скончити. На Тя, Господи, уповаем и не постыдимся во век. Ты бое си Заступление наше, Помощь и Победа, победившая мир. Свет паче всякаго света, Радость паче всякия радости, Упование паче всякаго упования, Жизнь истинная и Спасение вечное, и Тебе, в Троице покланяемому Богу, славу вси возсылаем, ныне и присно, и во веки веков. Аминь» [3].

Отзвуком гонений на православие в довоенное и послевоенное время звучит «Песнь Богородице», очень любимая среди населения белорусско-русско-украинского пограничья, распространенная во множестве рукописных списков:

О небесная царица, защити
нас как сирот
А мы грешные ужасно
Все крещеный твой народ.
Пред твоим пречистым
ликом
Мы стоим в сей скорбный
час
От всех бед кровавых войнов
Ты спаси благая нас.
Многа ты чудес явила
В эту странною войну
Омофором ты покрыла
Православную страну.
Ты и в воздухе явилась
Верных воинов спасать
Маловерных боязливых
Дух геройство поддержать.
Ты и ныне Матер Бога
К нам исходиш как в алтар
От кровавых нас спасаеш
Что-б спокоен наш был
Храм.
О спаси всех Преблагая
Кто к тебе со страхом льнет
Иль поклон земной положит
Когда в Божий Храм придет.
Всюды кров и слезы льются
Страшны жатвы час настал
Всё за то что люд неверны
Чтити Бога перестал.
По местам твои иконы
Он выбрасывал и жег
И всемирною войною
Наказал за то нас Бог.
Божий все закон порвали
Говорили Бога нет
И от всей и всей силенной
Вся дрожит земля и свет.
Но спаси нас матер света
От сплатившихся злых сил
И молись, чтоб Бог
предвечный
Гнев свой отвратил от нас.
Хот не ради нас нечестивых
Ради сирот бедных вдов
И в голоде живущих
Без приютных стариков.
Ради тех кто зло оставил
И прибег к тебе с мольбой
И молитвы совершают
Пред иконою светой.
Ради слез пролитых тайно
Божих верных сыновей
В бой с молитвою ходивши
За честь родины своей.
О Владычица Пресвятая
Мы спешим к тебе с мольбой
Ты спаси людей крещеных
Он все жребий твой.

Русь избав о Бога Матер
От духовных дикарей
От безбожников великих
Каких нет под солнцем злей.
А тепер вздохнувши к Богу
Станем ближних утешать
К жизни с сердцами
снобдивши
И тогда решим сказать
Не печальтесь не скорбите
Воскреснет сестра и брат
Скорбь без рапортно терпите
Скорби сей земли не ад.
Пусть он взор свой
поднимает
К небу небу поскорей
И оттуда сам создатель
Жизнь пошлет тем благодать
Коли в горостях стремятся
Бога чувствуват искать
Сохронит от бед избавить
Души тоже их спасет.
Кто и деве непорочной
Будет с чувством прибегать
И все горе и печали
Будет с нею разделять.
Иль пред ликом ее слезы
Станет теплые ронять
Тех сама Царица неба
Будет всюды охранять.
Сохранит от бед избавит
Души тоже их спасет
И в небесную обитель
Всех нас по смерти
приведет [4].

Резкое крушение многовековых традиционных духовных устоев, жестокое преследование верующих, уголовное и политическое, а вместе с тем неугасимая надежда на торжество правды и защиту небесных покровителей – тема множества произведений гонимых православных в советское время. Эти сочинения по сей день весьма популярны и охотно переписываются. Вот один из весьма распространенных на белорусско-русско-украинском пограничье стихотворных текстов, озаглавленный «Двадцатый век».

Жизнь унылa наступила
Лучше братья умереть
Что вокруг нас происходит
Тяжело на то смотреть.
Храмы Божии закрыты
Их лишили красоты
В них все окна перебиты
С глав изброшоны кресты.
Служба Божия забыта
Лик священны заключон
Детски ум груба воспитан
Богохульством научон.
Нет крещенья погребенья
Что же ждать нам впереди

Нет домашняго маленья
Крест не носят на груди.
Уж Творца не призывают
Не в досуге не в делах
Его имя вспоминают
Лиш в ругательных словах.
Уж постов не соблюдают
Божих праздников не чтут
В дамах шапки не снимают
Часто в них едят и пьют.
Как враги креста стыдятся
Осеняют себя и других
Над иконами смеются
И не молятся на них.
В полноч Тройцы Святыя
Тихой ночи скорбный час
Благодасть Святаго Духа
Посетила сестри нас.
Когда люди крепко спали
Мирным тихим сладким сном
Злые люди нас искали
Всех повсюду Божьих пчол.
И везде везде повсюду,
Нас старались отыскать,
Да зачем людей невинных
Нас старались забирать.
Точно калакол средь ночи,
Тишину вдруг нарушил
Среди мира людей невинных
Мирно спящих захватить.
А мы в страхе все
проснулись,
Боже мой творится что
Чтож тревожно так стучится
В мое малое окно.
Дверь в испуге открываем
Вот безбожники идут,
И приступников невинных
Ористованных ведут.
Мы их с трепетом спросили
Разрешите нам что взять
А они нам отвечают
Вас отпустят всех назад.
А мы верили как дети
И спокойно все идем,
Мы наделись вернутся
Ни чего мы не берем.
Утром рано все проснулись
Нас уж нету никого,
А родные со слезами
Каждый ищет своего.
Где ж родные братье сестри,
Дорогие наши где,
А мы уже заключоны,
За решоткою в тюрме.
Тихо Бога прославляем
И з горячею душой,
И друг друга утешаем,
Мы беседушкай такой.
Вы не бойтесь братья сестры
Вы не бойтесь вы тюрмы
В ней уж много пострадали
В ней не первые и мы.
В ней Апостолы Святыя
В ней пророк Предтеча
Иован,
В ней Иисус Христос
Спаситель
Заключен в тюрме был сам.
Чтоже нам тюрмы боятся
Когда был в темнице Бог
А нам нужно лиш молится

Чтобы Он грешным нам
помог.
Пусть нас гонят в край
далеки
Отривают от родных
Мы надеемся на Бога
И на помощь всех святых.
Нам Сибир страна родная
С Богом нам везде свой край
Вспомним мы святых
страдальцев
И нам будет везде рай.
Подвигайтесь братья сестры
Подвизайтесь до конца,
Кто достоин пострадает
Не лишится он венца [5].

1. Рукописный сборник – тетрадка из восточной Гомельщины. Запись сделана, вероятно, в середине XX в.
2. *Силова С.В.* Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) Гродно, 2003. С. 31.
3. Помимо рукописных списков этот текст, также его фрагменты, встречались нам на белорусско-русско-украинском пограничье и в машинописном виде.
4. Публикуем этот текст по списку начала XXI в., сделанному на Брянщине.
5. Публикуем этот текст по списку, сделанному в самое последнее время на Черниговщине.

Народная литература католиков Гомельщины

Мы уже не раз цитировали произведения католической народной литературы, распространенные на белорусско-русско-украинском пограничье. Вместе с тем, есть отдельная его часть, о которой необходимо сказать особо – Гомельщина, входившая почти до конца XVIII в. в состав Речи Посполитой и сохранявшая долгие годы следы польского культурного влияния. По сей день на ее территории есть ряд сельских поселений, где доминирует польское население, имеются достаточно крупные католические общины, состоящие преимущественно из лиц польской национальности, в том числе и городские, например, в Мозыре. История католичества в этих краях только начинает изучаться [1], и, как ни странно, даже о минувшем веке нет ни одной обстоятельной работы [2]. К концу XIX столетия в Гомельском католическом деканате (благочинии) было пять приходов, два десятка часовен и около шести тысяч прихожан [3]. Их составляли две основные группы местного населения: крестьяне и мелкая шляхта, имевшие свои особые конфессиональные судьбы, в самом беглом взгляде на которые сейчас столько путаницы и неясностей. В начале XX в. в Гомеле появляется довольно большое число приезжих поляков, профессионально связанных, в частности, с железнодорожным транспортом и различными производствами. С возникновением беженства в период Первой мировой войны через город проходят многие тысячи лиц польской национальности, а отдельные из них поселяются здесь навсегда. В настоящий момент одновременно с возрождением католичества на Гомельщине наблюдается и восстановление польской культурной жизни, но в самом костеле уже нет такого неукоснительного следования незыблемой когда-то формуле – «поляк-католик». В костеле все чаще звучит белорусский язык,

хотя сама белорусизация тут пока не столь действенна и даже проповеди говорятся ксендзами на русском языке. Проблема языка в костеле по-прежнему стоит довольно остро, особенно, если речь вести о польском, который знает весьма незначительный процент даже в сельской местности. Определенное колоритное дополнение при этом вносят немногочисленные здешние белорусоязычные греко-католики, тяготеющие в силу отсутствия собственного храма к гомельскому костелу.

В самой северной стороне белорусско-русско-украинского пограничья в сельской местности, а отчасти и в городах, живут литовцы-католики. Их осталось очень немного, но они сохраняют родной литовский язык и католическую веру [4]. Есть у них и свои народные писатели, своеобразные хранители обрядов и местной литовской истории и традиций. Все еще сберегаются памятники литовской печатной книжности XIX – начала XX вв., а также списки различных литовоязычных сочинений, в том числе весьма популярных когда-то в народе, а отчасти и сейчас, кантычек.

Именно кантычки, но не литовско, а польскоязычные составляют сейчас, пожалуй, наиболее значительную старинную часть католической народной литературы на белорусско-русско-украинском пограничье. Широчайшее распространение здесь этих текстов еще в XIX в. отмечал Е.Р. Романов [5], а затем многочисленные комиссии и различные наблюдатели 1920-х – 1930-х гг., боровшиеся с проявлениями религиозной жизни в народной среде, включая и школу. Кантычковая польскоязычная католическая литература Белоруссии, явление сколь значительное и масштабное, столь и малоизученное [6], сохранила свой живой первоначальный характер и функционально практически не изменилась невзирая на солидный, в некоторых случаях двух-трехвековой и более возраст произведений её составляющих. Собранные нами материалы позволяют говорить о необычайной их вариативности, когда одно и то же сочинение, распространяемое в рукописных списках или же/и бытующее в устной форме известно во множестве вариантов, точное число которых установить практически невозможно. Наблюдения над этой литературой позволяют выделить несколько её особых пластов, среди которых одним из самых интересных, на

наш взгляд, являются кантычки и различного рода духовные и исторические песни, написанные восточнославянскими жителями Великого княжества Литовского в XVIII столетии.

До сих пор вся кантычковая литература относится к своего рода литературоведческой и вообще исследовательской terra incognita. Крупнейший польский литературовед и фольклорист XX в. Ю. Крыжановский откровенно признавался: «Установление очередности их появления весьма затруднительно, так как кантычки пользовались особой популярностью, были зачитываемы и экземпляры их являются ныне величайшей редкостью» [7]. Появившиеся во второй половине прошлого века несколько весьма важных работ, посвященных данному вопросу, мало что меняют в целом, так как все они касаются какой-либо узкой темы [8]. Едва ли верно и утверждение Ю. Крыжановского для XIX столетия о том, что «тип кантычки установился от момента появления сборника ксендза М.М. Мёдушевского» [9]. Все было гораздо сложнее. Подобные выводы Ю. Крыжановского базировались на не слишком значительном материале, бывшем в его распоряжении.

Польскоязычные кантычки восточнославянского происхождения появляются довольно рано, первые возможно уже в XVII в. Среди их сочинителей выделяются авторы из числа образованных базилиан, отдельные произведения которых в конце концов стали достоянием и римско-католиков. Для белорусов одним из крупнейших литературных и издательских центров, формировавших данную традицию, всегда был Супрасль, Супрасльский Благовещенский монастырь с его многовековой литературной школой [10]. Супрасль, дав наиболее ранние примеры белорусского польскоязычного кантычкового творчества, способствовал распространению подобных произведений в XVIII - начале XIX вв. в огромных по тем временам количествах [11].

Адам Мицкевич в самом раннем детстве познакомился с кантычками, полюбил их, что ярко отразилось в его теоретических писаниях, университетских лекциях, а главное – в его поэзии. Вероятно, его же следует считать первым светским ученым – исследователем кантычек [12]. О том, как высоко ценил А. Мицкевич это творчество, свидетельствует множество примеров. Совершен-

но непонятна ирония по данному поводу Ю. Крыжановского, которому как знатоку фольклора и литературы должна была быть ясна важнейшая роль этих произведений в становлении хотя бы польской романтической поэзии [13]. Выполняя своего рода завет отца, сын Адама Мицкевича Владислав, его верный духовный наследник, биограф, издатель и популяризатор, выпускает в 1868 г. в своей знаменитой серии «Biblioteka Ludowa Polska» четыре изящных томика собрания кантычек с предисловием великого поэта.

В процессе экспедиционных исследований у католиков Белоруссии и польско-белорусского пограничья [14] нам неоднократно удавалось видеть и записывать кантычки, которые слушал и знал еще маленький Адам Мицкевич [15]. Среди них оказались и те, которые по сей день известны и на белорусско-русско-украинском пограничье, например, кантычка «O najświętszej Maryi Pannie Ostrobramskiej»:

Marya Wilna Obrono,
Tyś bramy Ostrej korono,
Oddajemyć grzeszni Tobie
Dusze, także serca w sobie.
Marya błogosławiona,
Cudami w bramie wsławiona,
Uciekamy się do ciebie,
Ofiarując samych siebie.
W powinność naszej wdzięczności,
Marye dziwnej litości,
Którzy Cię tu pozdrawiamy,
Wstaw się do Syna błagamy,
Amen [16].

Белорусскоязычные кантычки встречаются редко, хотя в последние годы в связи с активизацией издания белорусоязычной католической литературы они появляются в домах католиков Белоруссии все чаще, особенно у городской и сельской интеллигенции. Очень показательна в этой связи популярность среди «новых» католиков Белоруссии и не только их старинного белорусского

униатского гимна «О moy Boża, wieru Tabie», который не без влияния новых католических изданий все чаще переписывается кирилловским (гражданским) письмом, а не латиницей, как это было до сей поры. Необходимо отметить также, что в последние годы был издан целый ряд своего рода базовых белорусоязычных сборников, содержащих и паралитургические произведения [17], что влияет на этот процесс белорусизации.

У католиков Белоруссии и польско-белорусского пограничья можно видеть различные печатные фрагменты или же чаще латинографичные списки белорусоязычных кантычек, сочиненных в основном в XX-м, реже XIX-м и, видимо, как исключение, в XVIII-м вв. В абсолютном большинстве случаев об оригинале или протографе этих произведений сказать ничего нельзя. Более или менее точно мы можем указать лишь отдельные ранние издания, представляющие данную традицию. Скорее всего именно из такого издания когда-то был скопирован текст белорусоязычной кантычки «Wiačornaja pieśnia» и других, списки которых мы не раз видели на Новогрудчине [18] и в других местах Белоруссии, в том числе и на Гомельщине.

Одним из таких сборников белорусскоязычных кантычек был «Kantyczka, abo sabranie nabožnych piesień dla užytku katalikou białarusou», выпущенный в 1914 г. в Вильне типографией Марцина Кухты. Не исключено, что его выход в свет был в определенной степени подготовлен деятельностью уроженца северной части белорусско-русско-украинского пограничья католического епископа Стефана Денисевича (1836-1913), инициатора издания белорусскоязычной литературы католиков. «Kantyczka» 1914 г. издана была «Беларускім Выдавецкім Таварыствам» в Вильне, секретарем которого был Янка Купала. Этот белорусоязычный сборник, на непосредственное участие в создании которого Янки Купалы указывает Адольф Климович, что пока может считаться лишь предположением, является своеобразным синтезом польскоязычной кантычковой традиции и сугубо белорусских ее дополнений. Собственно этот сборник – избранная сокращенная кантычка, в составе которой самые популярные в белорусском народе того времени песнопения, преимущественно переведенные с польского

языка на белорусский. Судьба белорусскоязычной «Kantyczki» 1914 г. оказывается похожей и имманентно связанной с также пока мало изученной судьбой литовскоязычных кантычек, одним из создателей которых был замечательный поэт, епископ и ученый Антанас Баранаускас (1835–1902), испытавший с раннего детства влияние польскоязычной кантычковой культуры. «Kantyczka» 1914 г., служившая источником переписки в течение последующих десятилетий, представляет первостепенный интерес для белорусской филологии, культурологии и теологии. Небольшая книжечка эта, сыгравшая в истории народной литературы белорусов-католиков очень значительную роль, пока практически не изучалась [19].

1. См., напр.: *Васькоў У.* Каталіцтва ва ўсходняй Гомельшчыне // Arche. 2007. № 12. S. 127-143.
2. См., напр.: *Адзіночанка В.А.* Каталыцкая царква ў Гомелі ў XX стагоддзі // Десять веков христианства на Руси: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной тысячелетию Туровской епархии. Гомель, 2006. С. 31-36.
3. См.: Słownik Geograficzny Królewstwa Polskiego. T. 3. S. 117.
4. О них см., напр.: Malkavos beržyno šviesa istorija. Vilnius, 2004.
5. См., напр.: *Романов Е.Р.* Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («Любецкий лемент») // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 119.
6. Сравн: *Костюковец Л.Ф.* Кантовая культура в Белоруссии. Минск, 1975.

   Важно подчеркнуть, что процесс перехода из разряда литургических в паралитургические произведения и наоборот, вообще практически неизучен. Особенно это заметно на примере восточных славян. См.: Stern D. Відносини набожних пісень до літургії у східних слов'ян в XVII-XVIII ст.ст. // Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzt'ahy od obrodenia po súčasnost'. Bratislava, 2000. S.321-330.
7. Słownik folkloru polskiego. Warszawa, 1965. S. 160.

8. См., напр.: Kantyczki karmelitańskie: Rękopis z XVIII wieku / Przygot. do wydania B Krzyżaniak. Kraków, 1980; Verkündigung durch Volksgesang: Studien zur Liedpropaganda und- katechese der Gegenreformation. Berlin, 1981 и др.
9. Słownik folkloru polskiego. S.161.
10. Подробнее см.: *Щавинская Л.Л.* Литературная культура белорусов Подляшья XV-XIX вв. Минск, 1998.
11. См.: Lietuvos Mokslų Akademijos Biblioteka. F. 18. № 160.
Лучший экземпляр из числа сохранившихся супрасльских кантычек, датированный 1799 г., ныне сберегается в Библиотеке Варшавского университета (сигнатура 4. 19. 3. 70).
12. См. напр.: *Mickiewicz A.* Dzieła. Warszawa, 1955. T. 9. S. 59-63.
13. См.: *Krzyżanowski J.* Szkice folklorystyczne. Kraków, 1980. T. 1. S. 181-182.
14. Подробнее об этих экспедициях см.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши. Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999; *Они же.* Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000; *Они же.* Православная литература Польши (1918-1939 гг.) Минск, 2001; *Они же.* Литература белорусов Польши (XV-XIX вв.). Минск, 2003; *Они же.* Западнобелорусское письменное наследие XVII-XX в. Минск, 2004; *Они же.* На крайнем западе Востока. Многовековая судьба белорусской духовной культуры Подляшья. Минск, 2004; *Они же.* Беларуская царкоўная спадчына ў лёсе Адама Міцкевіча // Голас Радзімы. № 5-7 (2979-2981). 2006. С. 9; *Они же.* Белорусское униатство и православие в судьбе Адама Мицкевича // Традиции и современность. № 6. 2007. С. 61-69 и др.
15. См., напр.: *Лабынцев Ю.* Поэтические опыты предтеч Адама Мицкевича из околиц Новогрудка // Studia Polonica: К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002. С. 198-213.
16. Текст воспроизводится по списку второй половины XX в., бытующему на Гомельщине.
17. См., напр.: Касьцельныя песні. Менск, 1992; Прыйдзі, Езусе. Варшава, 1992; З надзеяй Ойча, да Цябе. Гродна, 1999 и др.
18. О наших исследованиях кантычковой культуры на Новогрудчине см., напр.: *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Народная книжность родины Винцеся Коротынского // Вінцэсь Каратынскі ў беларуска-славянскім літаратурным узаемадзеянні. Мінск, 2006. С. 35-42.
19. Одной из причин неизученности текстов «Kantyczki» 1914 г. и даже ее неизвестности в кругу исследователей является необычайная

редкость этого издания, сохранившегося всего лишь в нескольких, в том числе сильно дефектных, экземплярах, сберегающихся в разных странах. Лучший из них экземпляр «Kantyczki» 1914 г. за № 217299 из собрания редких книг Библиотеки Литовской академии наук (Lietuvos mokslų akademijos biblioteka), поступивший сюда из «Беларускага Інстытуту гаспадарства і права» (Варшава и Вильно, 1926-1936).

«В глубине народной религиозности
нет провинциализма, там – вселенскость»

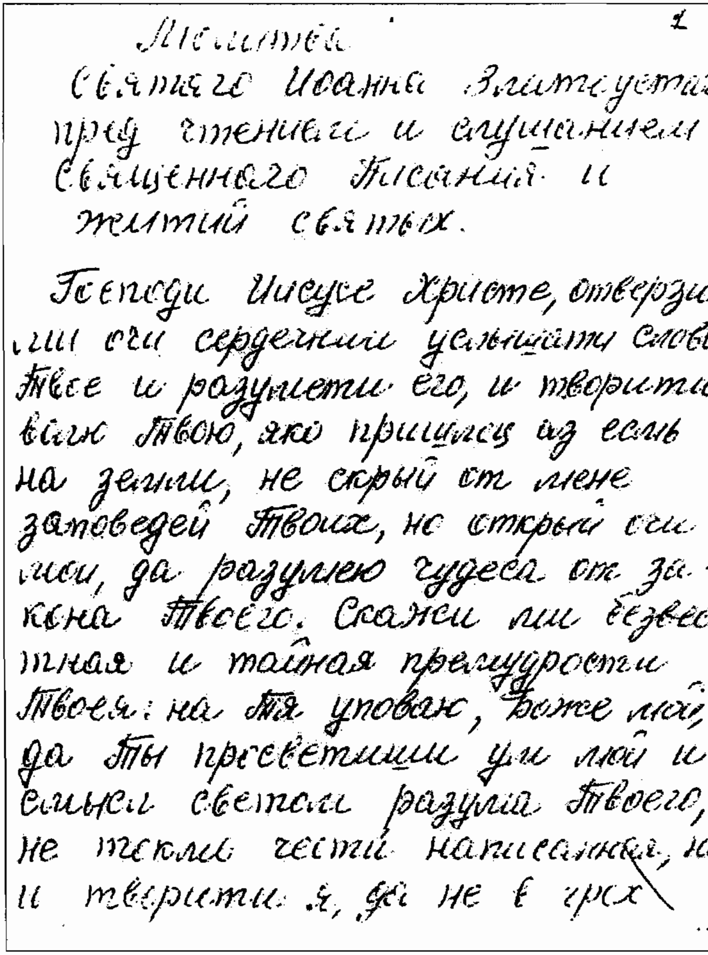
Станислав Григель

Слова известного философа и культурного антрополога С. Григеля, крестьянского сына из Подкарпатья, едва ли не лучшая из формул, описывающих суть народной религиозности, столь последовательно отображенной в современных народных литературах. Особенно в этом схожи славянские народы: и восточные, и западные, и южные. По сей день в восточнославянских народных литературах живы произведения времен Киевской Руси, что не только подтверждает их несомненную ценность в глазах множества поколений, но и существование в народном сознании белорусов, русских и украинцев почти тысячелетнего непреходящего чувства глубинной духовной общности. Вместе с тем новозаветная основа большинства произведений этих литератур роднит их с аналогичными народными литературами не только западных и южных славян, но христианских народов в целом. Связи эти простираются далеко за пределы европейского континента и охватывают весь мир.

Схожесть духовных постулатов различных религий, прежде всего вселенских, – главных вдохновителей народных литератур, в значительной мере определяет их внутреннее аксиологическое родство. В конце концов, исторически каждая из таких литератур становится неотъемлемой частью одной или даже нескольких религиозных систем. Это означает, в частности, и то, что народные литературы могут выступать в качестве масштабных цивилизационных ориентиров, помогающих нам понять многие процессы происходившие и происходящие в обществе. Они – отображение

людских надежд и устремлений наиболее многочисленной части населения, совсем еще недавно абсолютно превалировавшей в мире, а во многих из стран по сей день не утратившей этот свой статус. Таким образом, например, Европа de iure отказавшаяся от своих христианских корней, de facto существует, живет благодаря им, что неоспоримо подтверждается и совокупностью произведений европейских народных литератур, неуклонно осуществляющих свою миссию de fide. Последнее особенно характерно для пространства европейской и мировой Славии, народное сознание которой, христианское в своей основе, становится своеобразным творцом истории, исповедующим и проповедующим как новозаветные, так и ветхозаветные библейские истины.

Современная народная литература белорусско-русско-украинского пограничья – совокупная частица белорусской, русской и украинской народных литератур, практически в равной мере принадлежащая каждой из них. Одновременно она – единое целое, своеобразная региональная народная литература, воплотившая в себе произведения трех восточнославянских народов. Эта литература рубежа нескольких европейских традиций, литература многовекового схождения, взаимодействия Славии восточной, западной и южной, Slavia Byzantina и Slavia Latina, Slavia Orthodoxa и Slavia Romana.

1

Молитва
Святаго Иоанна Златоуста
пред чтением и слушанием
Священнаго Писания и
житий святых.

Господи Иисусе Христе, отверзи
ми очи сердечнии услышати слово
Твое и разумети его, и творити
волю Твою, яко пришлец аз есмь
на земли, не скрый от мене
заповедей Твоих, но открый очи
мои, да разумею чудеса от за-
кона Твоего. Скажи ми безвес
тная и тайная премудрости
Твоея: на Тя уповаю, Боже мой,
да Ты просветиши ум мой и
смысл светом разума Твоего,
не токмо чести написанная, но
и творити я, да не в грех

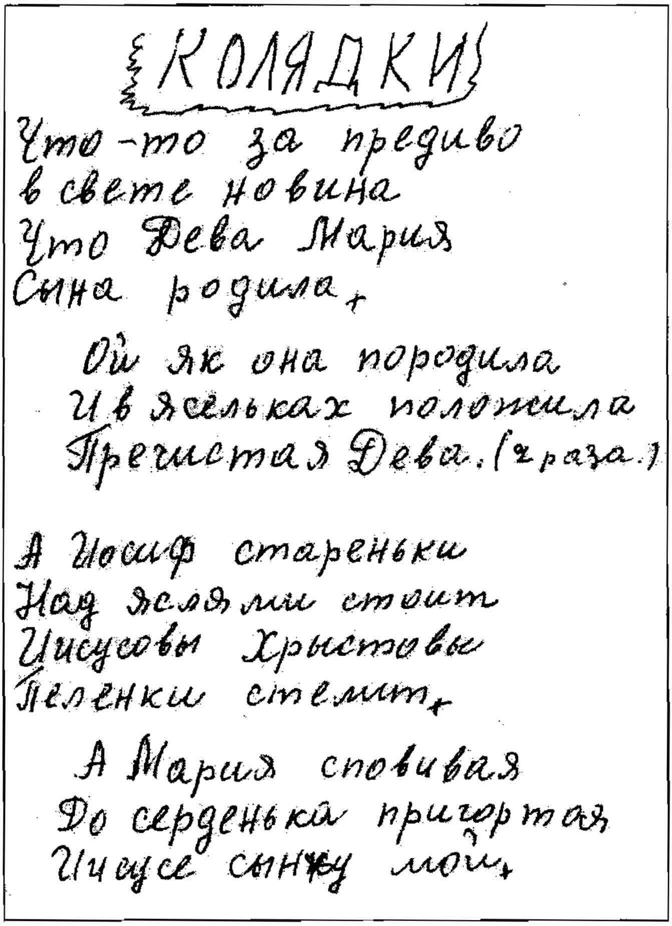
Начало рукописного сборника рубежа XX–XXI вв., открывающегося молитвой св. Иоанна Златоуста «Пред чтением»

мое.

Псалом 54

Внуши, Боже, молитву мою, и не
презри моления моего: вонми ми и
услыши мя: возскорбех печалию моею,
и смятохся от гласа вражия и
от стужения грешнича; яко уклони-
ша на мя беззаконие, и во гневе
враждоваху ми. Сердце мое смя-
теся во мне и боязнь смерти на-
паде на мя: страх и трепет прииде
на мя, и покры мя тма. И рех: кто
даст ми криле яко голубине; и
полещу, и почию. Се удалихся бегая
и водворихся в пустыни. Чаях Бога
спасающаго мя от малодушия и
от бури. Потопи, Господи, и раздели
языки их: яко видех беззаконие и
пререкание во граде. Днем и нощию
обыдет и по стенам его: беззакони

Страницы рукописной псалтыри на церковнославянском языке,
переписанной в учебных целях в 1990-е гг.

КОЛЯДКИ

Что-то за предиво
в свете новина
Что Дева Мария
Сына родила +

Ой як она породила
И в яселках положила
Пречистая Дева. (2 раза.)

А Иосиф старенки
Над яслями стоит
Иисусовы Хрыстовы
Пеленки стелит +

А Мария сповивая
До серденька пригортая
Иисусе сынку мой +

Страница сборника колядок
(рукопись начала XXI в.)

Благословеніе Почаевскія Свято-Успенскія Лавры.

Летитъ время во дни и нощи, яко крылами.

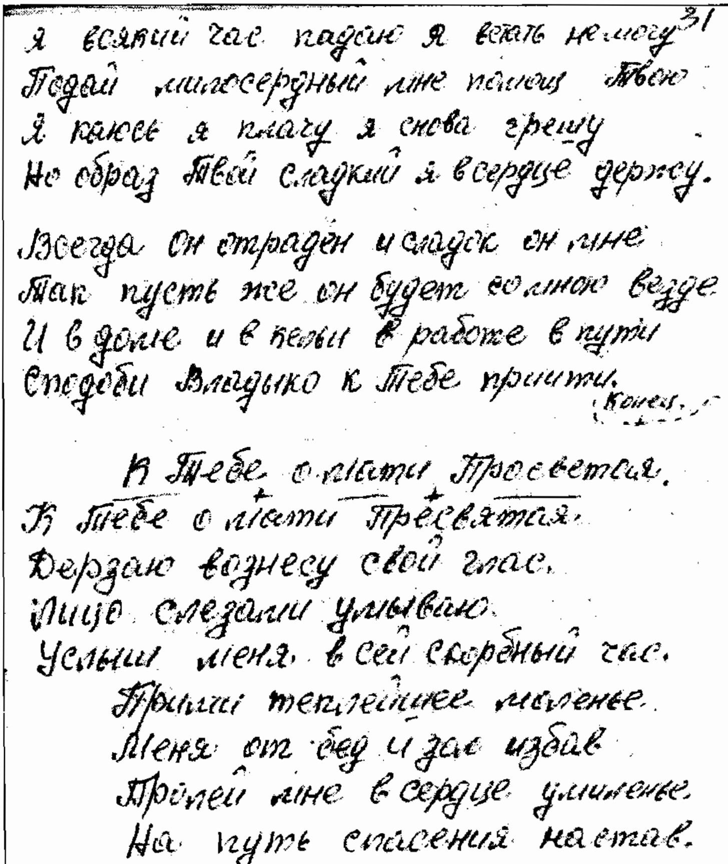
Смерть всегда бдитъ съ косою, да посѣчетъ яко траву съ росою.

(Святаго Димитрія, Митрополита Ростовскаго).

Охъ, три вещи содержатъ мя печали вѣка сего, первая, яко имамъ умрети, вторая, яко не вѣмъ когда, третья, не вѣмъ, гдѣ тамо обрящуся.

Вѣмъ восхожденіе мое на нисхожденіе, житіе на сокращеніе, младости на состарѣніе: живу убо, яко имамъ умрети, по смерти не вѣмъ гдѣ обрящуся, процвѣтаю въ юности, изсыхаю въ старости, согниваю по смерти. Аще-же смертенъ, по что тако живу, аки-бы никогда не имѣлъ умерети; аще-же умру, по что грѣхопаденіе и злоба во мнѣ не умираетъ. Въ прахъ и червіе, во смрадъ и зловоніе обратитися имамъ, по что убо на лучшая не обращаюся. Прилежно имамъ истязанъ быти, и отвѣтъ жестокій слышати, по что удовъ моихъ всѣхъ въ слезы не обращаю, и всѣмъ тѣломъ не трепещу. Пойду убо ко гробу моему со многою печалію и болѣзнію сердца моего, и узрю тамо мое естество измѣнено, тѣло мое окаянное отъ истлѣнія смердяще червми снѣдено, кости въ прахъ обращены. Вопрошу-же гроба моего и поищу прилежно, гдѣ есть благолѣпіе лица моего, гдѣ свѣтлость очей моихъ, гдѣ сладкорѣчія витійство, гдѣ дѣянія преславныя, гдѣ пресладкая и превеселая со други моя бесѣда, гдѣ всякое суетное міра сего наслажденіе и украшеніе? Слышу-же отъ гроба моего: здѣ, въ семъ гробѣ вся доброта твоя—прахъ и пепелъ, червь и зловоніе. Зри, зри, рече, доброту твою, зри, внемли прилежно и цѣлуй мя твой гробъ съ объятіемъ любезно, яко имаши во мнѣ до дне суднаго обитати, и праведнаго суда ожидати; егда-же возстану на судъ предъ нелицемѣрнаго Судію и Бога моего, что бѣдный тогда реку? и къ кому притеку, и что въ оправданіе себѣ возглаголю? Охъ, охъ! горе, горе! увы! тамо бо аще праведный едва спасается, азъ-же многогрѣшный и всескврьнѣйшій, аки песъ смердящій, како явлюся и спасуся, не имый одѣянія брачна? Се вникнувъ прочту, и слезами лице орошу, и всеусердно попрошу Премилостиваго Бога Создателя моего: подаждь мнѣ премногогрѣшному и всесквернѣйшему, аки псу смердящему, отпущеніе грѣховъ моихъ и по кончинѣ неизреченною благостію Твоею

Листок с поучениями свт. Димитрия Ростовского – «Благословение Почаевской Лавры», отпечатанный в 1937 г.

Я всякий час падаю я встать не могу 31
Подай милосердный мне помощь Твою
Я каюсь я плачу я снова грешу
Но образ Твой сладкий я в сердце держу.

Всегда Он отраден и сладок он мне
Так пусть же он будет солнцем везде
И в доме и в келии в работе в пути
Сподоби Владыко к Тебе притти. (Конец.)

К Тебе о Мати Пресвятся.
К Тебе о Мати Пресвятая.
Дерзаю вознесу свой глас.
Лицо слезами умываю.
Услыши меня в сей скорбный час.
Прими теплейшее моленье.
Меня от бед и зол избав
Пролей мне в сердце умиленье.
На путь спасения наставь.

Молитва к Богоматери, приписываемая Н.В. Гоголю,
из рукописного сборника конца XX в.

- 8 -

ЛЮБОВЬ ХРИСТОВА /V

Вспомним как спаситель
Нас любви учил,
О любви наибольше
К ближним говорил.

Дети все имейте
К ближнему любовь,
И друзей любите,
И своих врагов.

Заповедь всем людям
Новую даю,
Возлюбите ближних
Крест и жизнь мою.

Скорби все терпите
В жизни сей земной
Под крестом с молитвой
Следуя за мной.

Слава Иисусу за ученье,
О любви терпенья, но спасенье.

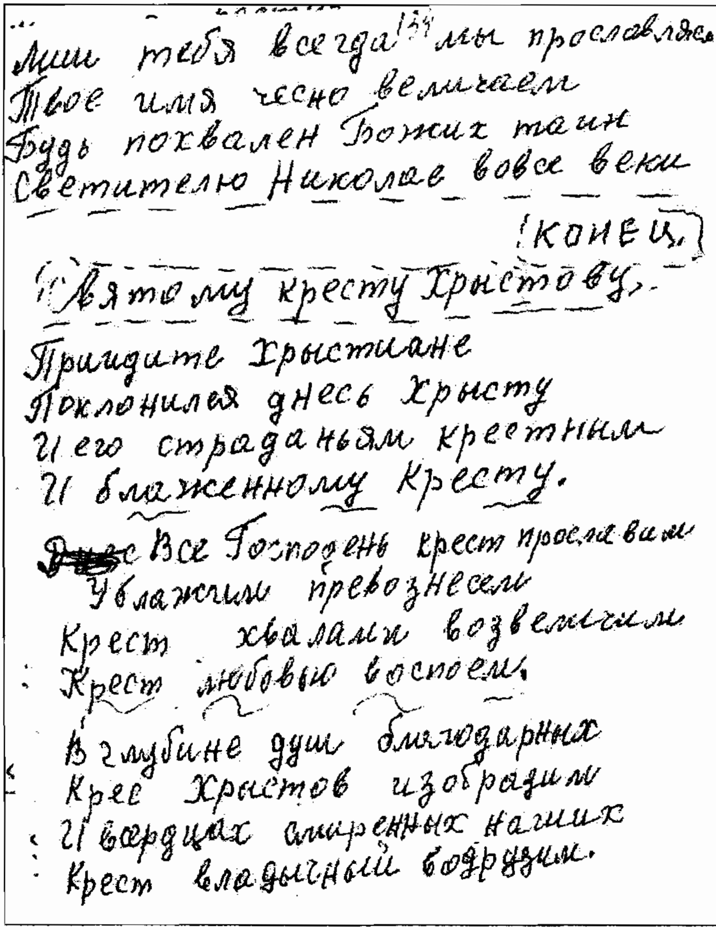
Всех Христос друзьями
Обещал назвать,
Кто его законы
Будет исполнять.

Любящим всем Бога
Обещал тот час
Лично сам явиться
В скорбный нужный час.

Со отцом к тем людям
Обещал прийти,
Кто с любовью будет
Крест его нести.

С Богом единенью Верных по учил
Дар святаго духа в помощь обещал.

Машинописная копия середины XX в. стихотворного сборника «Крестная песнь» о. Хрисанфа Саковича (автор не упомянут)

Мш тебя всегда мы прославляе
Твое имя чесно величаем
Будь похвален Божих таин
Светителю Николае вовсе веки

(конец)

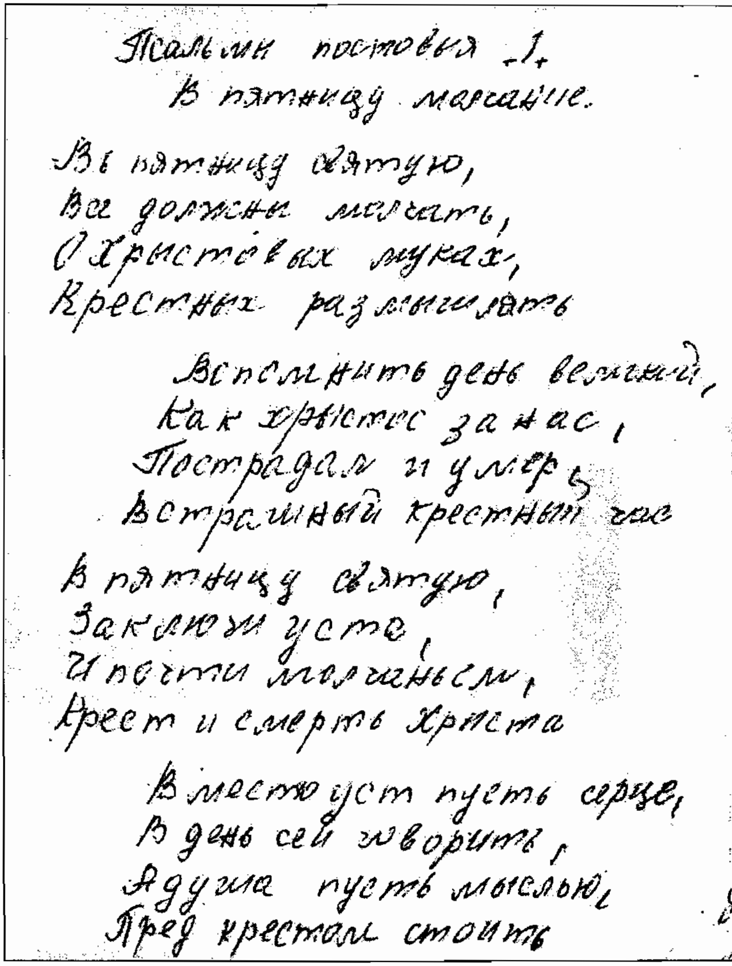
Святому кресту Христову.

Приидите Хрыстиане
Поклонился днесь Христу
И его страданьям крестным
И блаженному Кресту.

Все Господень крест прославим
Ублажим превознесем
Крест хвалами возвеличим
Крест любовью воспоем.

В глубине душ благодарных
Крес Христов изобразим
И в сердцах смиренных наших
Крест владычный водрузим.

Фрагмент стихотворного крестного цикла
(рукописный сборник конца XX в.)

Псалмы постовыя 1.
В пятницу молчание.

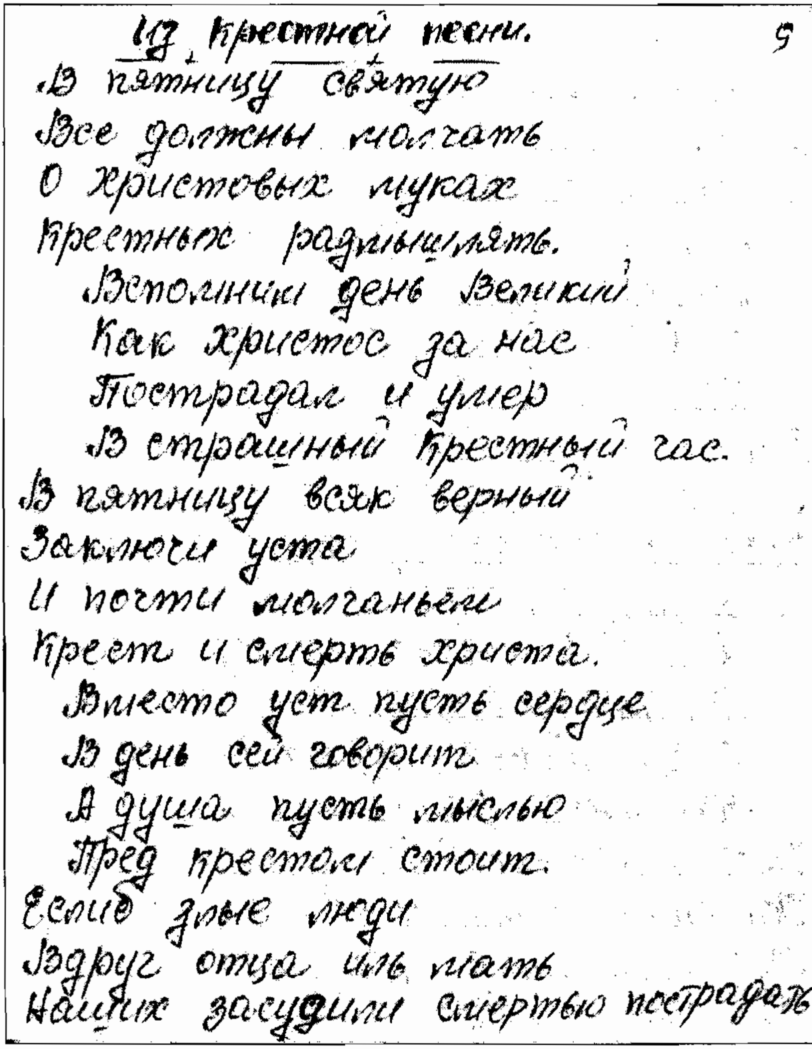
Въ пятницу святую,
Все должны молчать,
О Христовых муках,
Крестных размышлять

Вспомнить день великий,
Как Христос за нас,
Пострадал и умер,
В страшный крестный час

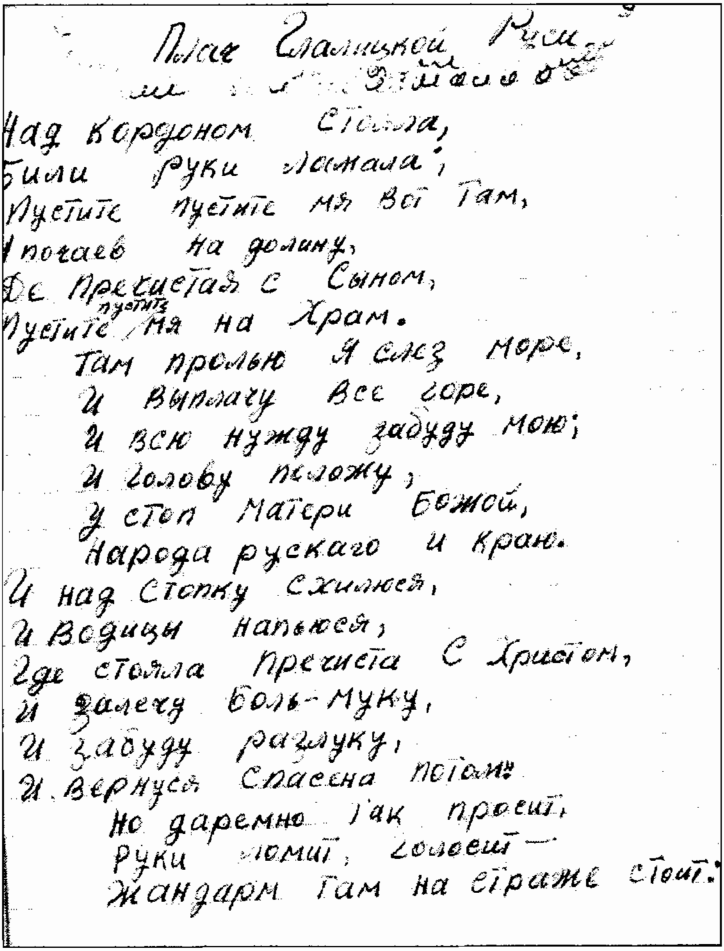
В пятницу святую,
Заключи уста,
И почти молчаньем,
Крест и смерть Христа

В место уст пусть сердце,
В день сей говорит,
А душа пусть мыслью,
Пред крестом стоит

Рукописная копия конца XX в. стихотворного сборника «Крестная песнь» о. Хрисанфа Саковича (автор не упомянут)

Из крестной песни. 9
В пятницу святую
Все должны молчать
О христовых муках
Крестных размышлять.
Вспомним день Великий
Как христос за нас
Пострадал и умер
В страшный крестный час.
В пятницу всяк верный
Заключи уста
И почти молчаньем
Крест и смерть христа.
Вместо уст пусть сердце
В день сей говорит
А душа пусть мыслью
Пред крестом стоит.
Если б злые люди
Вдруг отца иль мать
Наших засудили смертью пострадать

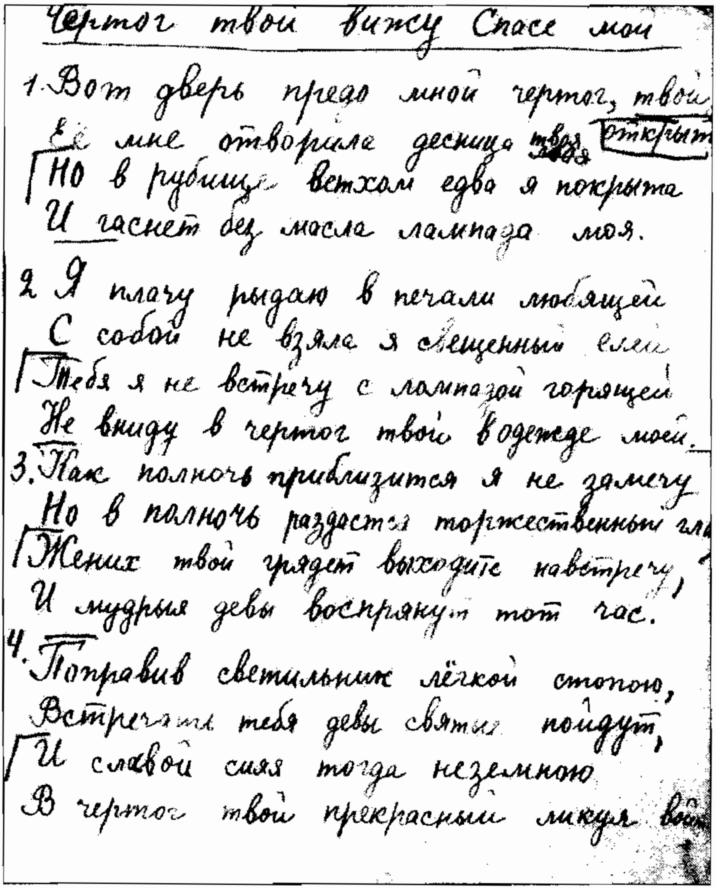
Отдельный стих из «Крестной песни» о. Хрисанфа Саковича
в рукописном сборнике конца XX в. (автор не упомянут)

Плач Галицкой Руси
[illegible]

Над кордоном стояла,
Били руки ломала,
Пустите пустите мя вот там,
У почаев на долину,
Де Пречистая с Сыном,
Пустите пустите мя на Храм.
Там пролью я слез море,
И выплачу все горе,
И всю нужду забуду мою;
И голову положу,
У стоп Матери Божой,
Народа руского и краю.
И над стопку схилюся,
И водицы напьюся,
Где стояла Пречиста с Христом,
И залечу боль-муку,
И забуду разлуку,
И вернуся спасена потом.
Но даремно так просит,
Руки ломит, голосит —
Жандарм там на страже стоит.

«Плач Галицкой Руси»
(рукописный сборник последней трети XX в.)

Чертог твой вижу Спасе мой

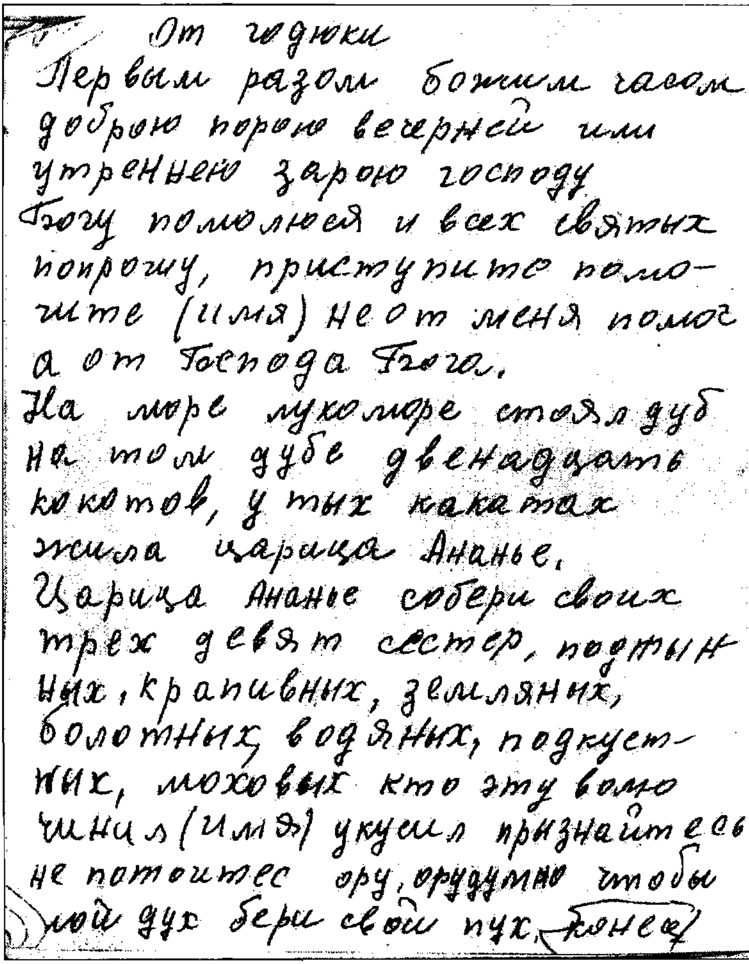
1. Вот дверь предо мной чертог твой
Её мне отворила десница твоя открыт
Но в рубище ветхом едва я покрыта
И гаснет без масла лампада моя.

2. Я плачу рыдаю в печали любящей
С собой не взяла я священный елей
Тебя я не встречу с лампадой горящей
Не выйду в чертог твой в одежде моей.

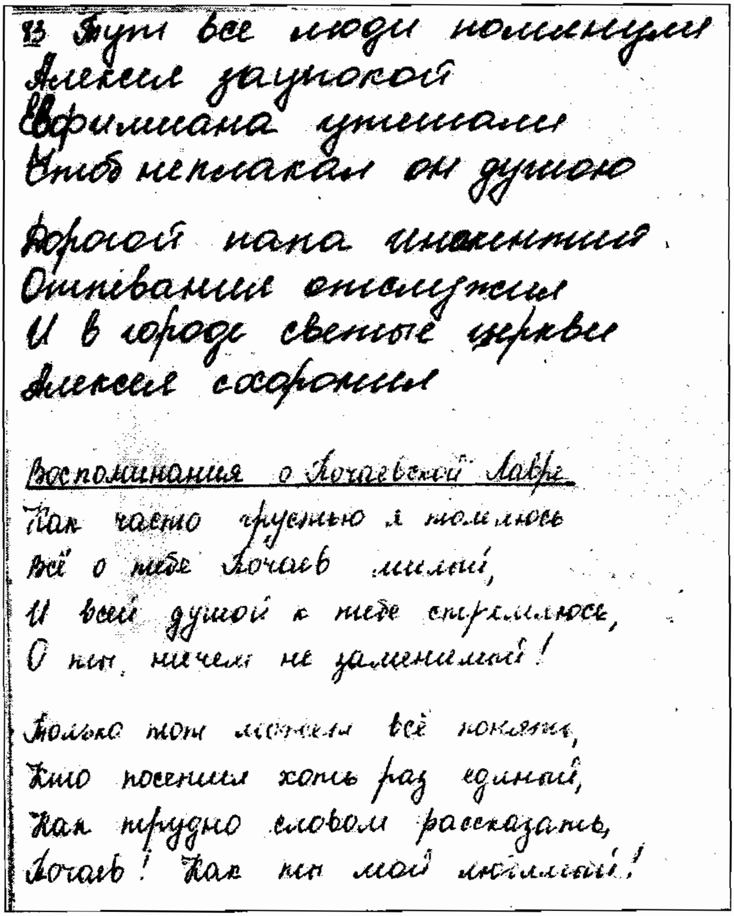
3. Как полночь приблизится я не замечу
Но в полночь раздастся торжественный гл
Жених твой грядет выходите навстречу,
И мудрыя девы воспрянут тот час.

4. Поправив светильник лёгкой стопою,
Встречать тебя девы святыя пойдут,
И славой сияя тогда неземною
В чертог твой прекрасный ликуя вой

Стих «Чертог твой вижу Спасе мой»
(рукописный сборник 1960-х гг.)

Народная молитва-заговор «От годюки»
из сборника молитв (рукопись конца XX в.)

13 Тут все люди помянули
Алексия за упокой
Евфимиана утешали
Чтоб не плакал он душою

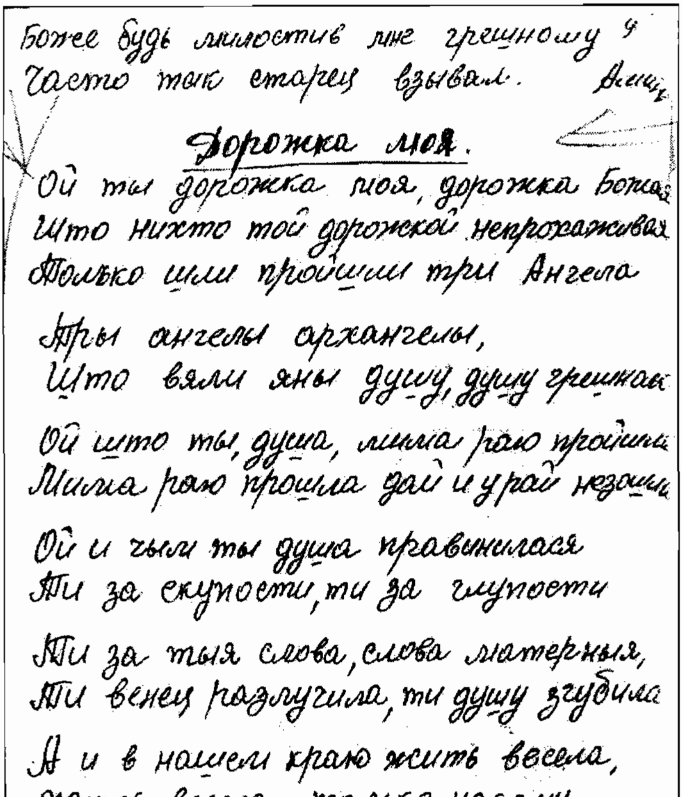
Дорогой папа Иннокентий
Отпевание отслужили
И в городе святые церкви
Алексия схоронили

Воспоминания о Почаевской Лавре

Как часто грустью я томлюсь
Всё о тебе Почаев милый,
И всей душой к тебе стремлюсь,
О ты, ничем не заменимый!

Только тот может всё понять,
Кто посетил хоть раз единый,
Как трудно словом рассказать,
Почаев! Как ты мой любимый!

«Воспоминания о Почаевской Лавре»
(из рукописного сборника конца XX в.)

Боже будь милостив мне грешному
Часто так старец взывал. Аминь

Дорожка моя.

Ой ты дорожка моя, дорожка Божая
Што никто той дорожкой непрохаживал
Только шли прошли три Ангела

Тры ангелы архангелы,
Што вяли яны душу, душу грешная

Ой што ты, душа, мима раю прошла
Мима раю прошла дай и у рай незашла

Ой и чым ты душа правинилася
Ти за скупости, ти за глупости

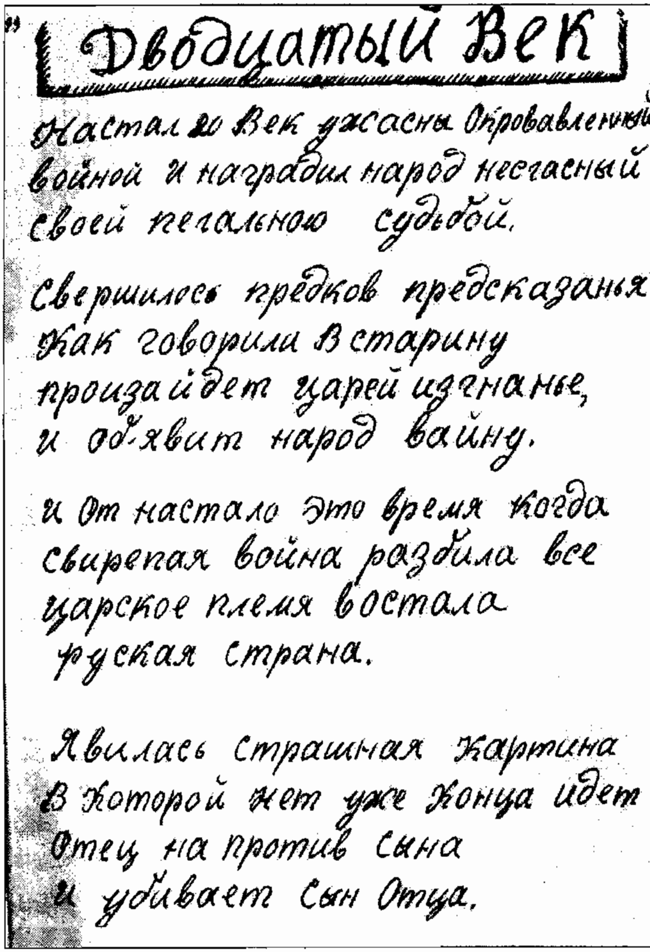
Ти за тыя слова, слова матерныя,
Ти венец разлучила, ти душу згубила

А и в нашем краю жить весела,
жить весела только некому

Стих «Дорожка моя»
(из рукописного сборника конца XX в.)

В Белорусии не должно от гор.
Шишанкова было в храме Бого
служеніе Явилась кисть руки и
писала Небеса все кто были
видели и читали было на писано
12 пунктов. 1 побеждай зло
2 оставте чрезвычайную суету
и не нарушайте Праздников
3 одинь день покоянія. Явилась
4 зима в моем народе
5 Внимайте словам моим
6 Не останется не одного праведніка
среди нечестивых
7 и нечестивых среди правеоніх
8 Явилось решеніе народу судить
судом
9 Дьявол стоит во многих а не
Христос. Творите достойные
10 плоды покойниц.
11 божціе скорою
12 мужайтесь сих слова
принимайте к сердцу и сострахом выполняйте все постановленіе Аминь

Сказание о чудесном явлении в храме,
составленное в период гонений в СССР на православие
(рукописный сборник середины XX в.)

Дводцатый Век

Настал 20 Век ужасны Окровавленный
войной и наградил народ несчасный
своей печальною судьбой.

Свершилось предков предсказанья
Как говорили в старину
произайдет царей изгнанье,
и объявит народ вайну.

и От настало это время когда
свирепая война разбила все
царское племя востала
руская страна.

Явилась страшная картина
В которой нет уже конца идет
Отец на против сына
и убивает Сын Отца.

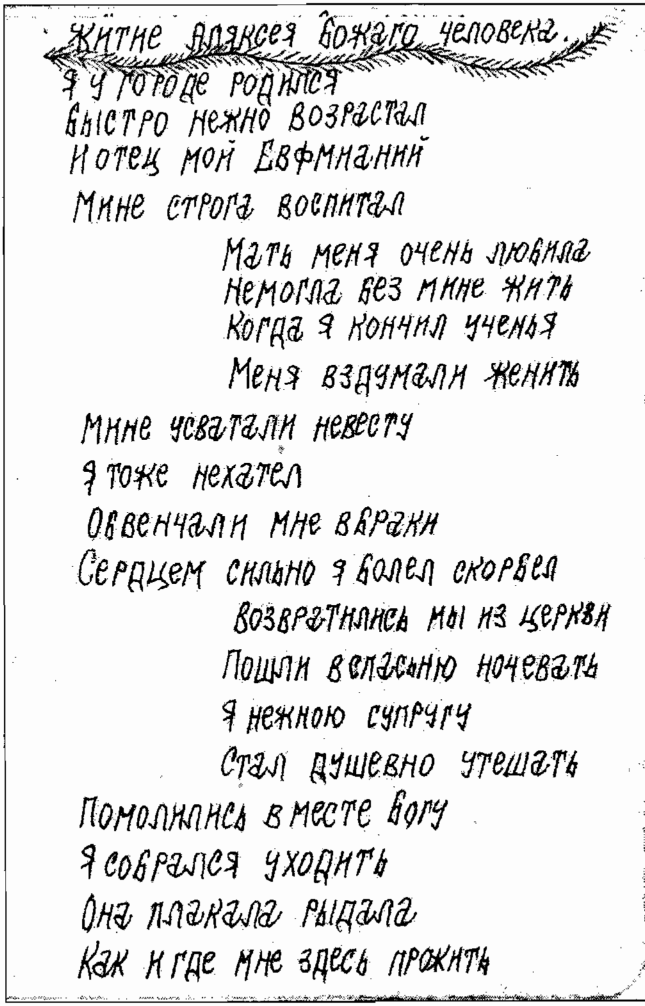
Одна из любимейших тем стихотворной народной литературы – «Дводцатый Век» (рукописный сборник конца XX в.)

себе святых жития и словеса
прочитаем, но во обновление и
просвещение, и в святыню, и во
спасение души, и в наследие
жизни вечныя. Яко Ты еси
просвещаяй лежащих во тьме,
и от Тебе есть всякое даяние
благо, и всяк дар совершен.
Аминь.

Акафист.
Святому и праведному
Иоанну Кормянскому.
Кондак 1.

Избранный Угодниче Христов,
святче праведне Иоанне, от чрева
матере на служение Богу избранный и юродивым старцем
служителем Церкви Господней
предреченный, житием твоим

Рукописный акафистник рубежа XX – XXI вв.

Житие Аляксея Божаго человека.

Я у городе родился
Быстро нежно возрастал
И отец мой Евфмнаний
Мине строга воспитал

Мать меня очень любила
Немогла без мине жить
Когда я кончил ученья
Меня вздумали женить

Мине усватали невесту
Я тоже нехател
Овенчали мне вбраки
Сердцем сильно я болел скорбел

Возвратились мы из церкви
Пошли вспасьню ночевать
Я нежною супругу
Стал душевно утешать

Помолились вместе богу
Я собрался уходить
Она плакала рыдала
Как и где мне здесь прожить

Стихотворное «Житие Аляксея Божаго человека»
(рукопись начала XXI в.)

Научное издание

Юрий Андреевич Лабынцев
Лариса Леонидовна Щавинская

Народная литература белорусско-русско-украинского пограничья

Ответственный редактор:
доктор филологических наук Н.М. Куренная

ISBN 978-5-7576-0228-8

9 785757 602288

Подписано в печать 14.04.2009 г.
Гарнитура Times Печ. л. 20,0
Тираж 300 экз. Цена договорная